

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я ЭТНОГРАФИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

6

Ноябрь — Декабрь

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногорова** (зам. главн. редактора),
Д. А. Ольдерогге, **А. И. Першиц**, **Л. П. Поталов**, **В. К. Соколова**,
С. А. Токарев, **Д. Д. Тумаркин** (зам. главн. редактора)

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

«ЮЖНАЯ СТРАТЕГИЯ» ВАШИНГТОНА

В последние десятилетия каждый американский президент старался выдвинуть броский девиз, который, по мнению очередного хозяина Белого дома, наиболее кратко и выразительно характеризовал бы цели и задачи подчиненной ему администрации. Под лозунгом «нового курса» пришел к власти Франклин Рузвельт. Гарри Трумэн обещал проводить «справедливый курс». Громкую огласку получили «новые рубежи» Джона Кеннеди и «великое общество» Линдона Джонсона.

Президент Ричард Никсон и его советники настойчиво пытались навязать республиканской партии и общественности США девиз «нового федерализма». Однако эти энергичные попытки оказались безуспешными — девиз Никсона не приобрел какой-либо популярности даже внутри республиканской партии.

По иронии судьбы, самым ходовым девизом в годы правления республиканцев стало выражение «южная стратегия», от которого сам Никсон публично отмежевался. Однако, по убеждению многих американских исследователей и обозревателей, «южная стратегия» была и продолжает оставаться важной составной частью внутренней политики правящей партии республиканцев.

Заметим, что выражение «южная стратегия» родилось задолго до прихода Никсона в Белый дом. Я нередко слышал его во время избирательной кампании 1964 г. от сторонников Барри Голдуотера, кандидата в президенты от республиканской партии. Оно тогда обозначало блокирование правого крыла республиканцев с откровенными расистами южных штатов, которые по традиции принадлежали к партии демократов.

В предвыборных баталиях 1968 г. приверженцы Никсона не отказались от «южной стратегии», но внесли в нее существенные коррективы, в результате чего само это понятие значительно видоизменилось. Главная ставка была не на открытый союз с мракобесами Юга и Юго-Запада, а на завоевание миллионов голосов обывателей, прежде всего из числа так называемого «среднего класса». Приверженцы Никсона всемерно использовали растущий в этих кругах страх перед набиравшими силу антивоенными, демократическими движениями и «негритянской революцией». Журнал «Форчун» писал в 1969 г., что одним из основных «козырей» республиканского руководства стала спекуляция на «страхе перед черными жителями городов»¹.

Еще до одобрения его кандидатуры на пост президента на съезде республиканцев в Майами, Никсон заручился закулисной поддержкой виднейших лидеров южных реакционеров. Весной 1968 г. он встретился в Атланте с такими откровенными негроненавистниками, как сенаторы-республиканцы Стром Термонд и Джон Тауэр². В ответ на их обещание поддержать его кандидатуру на съезде республиканцев Никсон обещал за-

¹ «New Republic», 20.XII. 1969, p. 4.

² Theodore H. White, The making of the president, 1968, New York, 1969, p. 137.

медлить темпы десегрегации государственных школ на Юге, препятствовать перевозке учеников на автобусах в школы, где совместно учатся белые и негры, постараться заменить «друзьями Юга» либеральных членов Верховного суда США, которым расисты не могли простить решения в пользу отмены расовой сегрегации в южных школах. Вожаки южан получили также заверения, что при назначении министров и других высших должностных лиц Никсон будет «консультироваться» с ними. Таким образом Никсон подготовил одобрение своей кандидатуры на съезде республиканской партии. Поддержка расистов Юга обеспечила Никсон перевес на голосовании в ноябре 1968 г., правда сравнительно небольшой.

Оказав столь ценную услугу руководству республиканцев, южан стали настойчиво требовать вознаграждения — прежде всего предоставления им ответственных постов в новой администрации. Уже избрание вице-президентом бывшего губернатора штата Мэриленд Спиро Агню было, по общему мнению политических комментаторов, крупным даром южанам. Агню стал «главным южным голосом» в кабинете Никсона. Пост министра почт получил алабамский миллионер Блант, не скрывающий своих антинегритянских позиций. Важный пост политического координатора Белого дома, ведающего связями между президентом США и аппаратом республиканской партии, достался Гарри Денту — бывшему помощнику расиста С. Термонда и экс-председателю организации республиканской партии в штате Южная Каролина. Заняв важные посты на высших ступенях вашингтонской иерархии, южане обрели себе близких союзников среди других министров и советников президента.

Сплоченный клан южан и их союзников в правительственном аппарате наладил тесные связи с расистской группировкой, окопавшейся на Капитолийском холме. Законодатели-южане, сидящие в председательских креслах ключевых комиссий и подкомиссий обеих палат конгресса, обладают огромными полномочиями при разработке законопроектов.

Сторонники «южной стратегии» повели также напряженную борьбу за завоевание большинства в Верховном суде. Напомним, что созданное еще во времена президентства Франклина Рузвельта либерально-настроенное большинство Верховных судей было издавна как бы бельмом на глазу мракобесов из обеих буржуазных партий. Южные расисты особенно не могли простить решения, принятые этим большинством в пользу отмены наиболее возмутительных юридических форм расовой дискриминации, в частности, известное решение 1954 г. о десегрегации государственных школ в южных штатах. Вот почему южане придавали столь важное значение обещанию Никсона (данному на атлантской встрече 1968 г.) заменить судей-либералов «друзьями Юга». Руководитель фракции республиканцев в Палате представителей возглавил шумную кампанию за изгнание из Верховного суда либерала, сторонника гражданских прав негров Уильяма Дугласа, назначенного еще президентом Ф. Рузвельтом (к моменту публикации этих строк кампания не увенчалась успехом). Со своей стороны Белый дом приложил энергичные старания к тому, чтобы посадить в вакантное кресло Верховного судьи реакционного южанина. На утверждение сената были поочередно предложены кандидатуры двух юристов с Юга — Клементы Хейнсуорта и Джорджа Харролда Карсуэлла. Расистские взгляды и практическая деятельность обоих кандидатов были настолько очевидны, что в сенате вспыхнула жаркая полемика, в ходе которой получили огласку откровенно черносотенные высказывания Хейнсуорта и Карсуэлла. Карсуэлл, например, говорил: «Я убежден, что сегрегация рас правильна»³. Словом, предложенные республиканской администрацией кандидатуры были настолько одиозны, что большинство сенаторов не решилось их утвердить.

³ «Time», 2.II.1970, p. 10.

Скандал вокруг кандидатур Хейнсуорта и Карсуэлла показал, насколько могущественны и влиятельны приверженцы «южной стратегии» в официальном Вашингтоне и как далеко они намерены идти в поощрении сил расизма.

«Антинегритянский климат» в правительственном Вашингтоне стал притчей во языцах в общественных кругах США, и весной 1970 г., когда начала разворачиваться промежуточная избирательная кампания, республиканцы предприняли отвлекающий пропагандистский маневр, опубликовав брошюру «Черное руководство в администрации Никсона» с портретами 157 негров, якобы занимающих «ключевые» правительственные посты⁴. Пропагандистская затея была тотчас же разоблачена представителями Национальной ассоциации содействия развитию цветного населения. Директор вашингтонского бюро ассоциации Кларенс Митчелл доказал, что многие негры-чиновники, перечисленные в брошюре, служили в федеральных ведомствах еще при Джонсоне, Кеннеди и... даже при Рузвельте. Но главная фальсификация заключалась, по словам Митчелла, в том, что «большая часть постов, перечисленных в брошюре, не являются важными постами, влияющими на формирование политики»⁵. Газета «Вашингтон пост», оценивая вес и влияние негров в правительственном аппарате, образно назвала их даже не чиновниками, а «подчиновниками»⁶. Позднее, осенью 1970 г., специальный помощник Председателя Национального комитета республиканской партии Кларенс Таунес сказал в порыве откровенности: «Конечно, есть некоторое число черных с маленькими званиями, работающих на правительство. Но у них нет никакой власти. В политическом отношении они ничего не добиваются»⁷.

К такому же выводу пришел на основании своего горького опыта Джеймс Фармер — единственный известный негритянский деятель (бывший Национальный директор организации Конгресса расового равенства), вошедший в состав администрации республиканцев. Он рассчитывал, что даже в окружении сторонников «южной стратегии» ему удастся добиться от правительства хоть каких-нибудь уступок бедствующим неграм. Надежды оказались тщетными. 26 июня 1970 г. обозреватель Джэк Андерсон сообщил в «Вашингтон пост», что вышестоящие чины вытесняют Фармера с поста Помощника министра здравоохранения, просвещения и социального обеспечения. Андерсон приводит горькие высказывания негритянского деятеля о том, что «между Белым домом и черной общиной существует бездна»⁸. Наконец, 7 декабря того же года Фармер, окончательно разочарованный политикой правительства по негритянской проблеме, подал в отставку.

Можно ли в свете приведенных фактов говорить о каком-то балансе между противниками и сторонниками расовой дискриминации в официальном Вашингтоне? Командные позиции как в правительственном аппарате, так и в двухпартийном механизме конгресса прочно занимают реакционные деятели, которые, по выражению одного советника Белого дома, «милостиво», а чаще всего отнюдь не милостиво пренебрегают коренными интересами негритянского народа.

* * *

Ознакомившись с вашингтонскими коридорами власти, рассмотрим теперь практические акции администрации республиканцев по негритянской проблеме. Вспомним, что сам Ричард Никсон, вступая на пост

⁴ «Black Leadership in the Nixon Administration. By National Republican Congressional Committee», Washington, D. C.

⁵ «New York Times», 12.IV.1970.

⁶ «Washington Post», 20.III.1970.

⁷ «New York Times Magazine», 29.XI.1970, p. 90, 92.

⁸ «Washington Post», 26.VI.1970.

президента, призывал судить о его позиции в негритянском вопросе не по словам, а по делам. Он провозглашал: «Мне хотелось бы, чтобы меня оценивали скорее по моим делам, нежели по всем цветистым речам, которые я могу произнести. Думаю, что тогда черные люди смогут одобрить сделанное нами»⁹.

Оглянемся на 1968 год, когда партия республиканцев одержала победу на президентских выборах. В стране уже несколько лет подряд назревал «американский кризис» — социально-экономический, политический и моральный, знаменовавший обострение общего кризиса капитализма в условиях США. Стремительно развивалась поляризация общественных сил. С одной стороны, переходили в наступление силы империалистической реакции, старавшиеся военно-полицейскими карательными мерами пресечь развитие в США прогрессивных тенденций. С другой стороны, переживали необычайный подъем антивоенные, массово-демократические, прогрессивные движения, усиливался накал классовой борьбы между трудом и капиталом. В этих напряженных условиях борьба негров за равноправие стала одним из важнейших факторов американской жизни.

В самоотверженной борьбе неграм удалось ценой огромных усилий и жертв, при помощи прогрессивных сил добиться определенных уступок от властвующей элиты. Эти завоевания, однако, не означали коренного изменения правового и социально-экономического положения 25 миллионов негров, не знаменовали ликвидации позорной системы расовой дискриминации и эксплуатации.

Коммунистическая партия США в своей программе следующим образом характеризует главные итоги освободительной борьбы негров в 1960-е годы: «Нельзя отрицать, что в последнее десятилетие борьба привела к принятию некоторых новых законодательных мер и определенным экономическим завоеваниям, которые достигнуты небольшим меньшинством. Произошло увеличение числа избирателей-черных. Обострилась борьба за завоевание подлинной политической власти и более широкое представительство.

Но пока реальное содержание этих завоеваний сводится на нет существующей структурой власти. Хотя некоторые представители черного населения в законодательных органах получили возможность говорить там о потребностях движения чернокожих американцев, им не дают использовать свое положение для достижения реальных перемен.

Наиболее откровенные символы апартеида в стиле Соединенных Штатов уничтожены. Но вышеназванные завоевания — это прежде всего «правовые гарантии», которые не претворяются в жизнь или не имеют реального веса в повседневной жизни. В области коммунального обслуживания и социального обеспечения, иными словами, в деле строительства жилищ, школ, в области медицинского обслуживания и т. д. и т. п., эти завоевания к тому же оказываются в основном мнимыми. Ликвидация узаконенной дискриминации все еще не сказалась на жизненных условиях черных»¹⁰.

Приведенная нами марксистская оценка полностью подтверждается официальной вашингтонской статистикой и правительственными признаниями.

В ноябре 1968 г., уже после победы Никсона на президентских выборах, глава правительства демократов Линдон Джонсон так резюмировал плачевные результаты, которые принесла неграм так называемая «война с бедностью»: «смертность среди негритянских детей в три раза выше, чем среди белых; каждый четвертый молодой негр не в состоянии найти себе работу; миллионы черных вынуждены заниматься низкоопла-

⁹ «New York Times Magazine», 29.XI.1970, p. 67.

¹⁰ «Соединенные штаты Америки», 1970, № 12, стр. 79.

чиваемым, неквалифицированным трудом; каждая третья негритянская семья живет ниже официальной «черты бедности». «Повсеместно,— признал Джонсон,— мы далеки от перспектив, которых должны достигнуть»¹¹.

В январе 1969 г. Комиссия по гражданским правам подвела красноречивый итог осуществления закона 1964 г., запрещающего дискриминацию в учебных заведениях. За четыре с половиной года число негритянских детей, обучавшихся совместно с белыми школьниками, возросло всего лишь на 6,4%. Около 80% чернокожих школьников в 11 южных штатах по-прежнему подвергались сегрегации.

Даже далеко не прогрессивные деятели США неоднократно и усиленно подчеркивали опасные «взрывчатые» последствия, которыми чреваты продолжение практики расовой дискриминации, игнорирование бедственного положения негритянских масс. В марте 1968 г. назначенная президентом США «Национальная консультативная комиссия по расследованию гражданских беспорядков» опубликовала доклад, потрясший буржуазное общество (хотя, если вдуматься, ничего сенсационного в докладе не было). «Наша нация,— констатировали умеренно-консервативные составители доклада,— движется в направлении двух обществ, черного и белого,— разделенных и неравных»¹².

Такие тревожные сигналы буржуазных экспертов подкреплялись гораздо более драматическими сигналами из негритянских гетто, которые на протяжении всего «долгого жаркого лета» 1968 г., как и в предшествующие годы, были охвачены массовыми стихийными волнениями.

* * *

Однако уже первые месяцы деятельности администрации республиканцев показали, что она не намерена прислушиваться к сигналам о бедствиях и отчаянии негритянских масс. Это воочию проявилось в подходе к вопросу о десегрегации государственных, так называемых «публичных» школ в южных штатах.

Казалось бы пришедшей к власти республиканской партии никуда не уйти от решения этого вопроса — завершения десегрегации южных школ требовали и решения Верховного суда и постановления правительства Л. Джонсона, обещавшего завершить процесс введения совместного обучения негров и белых на Юге в 1969 г. Но, как вскоре выяснилось, республиканские руководители помышляли лишь об одном — как бы замедлить и без того черепаший темпы, которыми ранее проводилась десегрегация демократами.

Хотя публично вашингтонские лидеры не отказывались проводить десегрегацию школ, втихомолку они усердно выполняли свои обещания, данные южным расистам на атлантской встрече 1968 г.

Итак, шел беззастенчивый закулисный торг: расисты выкладывали деньги на бочку, а в ответ ожидали от правительственного Вашингтона одобрения расистской практики плюс получения средств из федерального бюджета. Политический координатор Белого дома, Гарри Дент, не только одобрял заявки южных расистов, но и разрабатывал тактические приемы тайной помощи своим южным клиентам. На бланке Белого дома с пометкой «конфиденциально» Дент писал Финчу 1 мая 1969 г. о необходимости прекращения процедуры школьной десегрегации в некоторых графствах штата Южная Каролина, иначе, дескать, тамошние боссы станут «высмеивать администрацию Никсона и укорять ее»¹³.

Тактика проволочек и «тихого саботажа», взятая на вооружение администрацией Никсона, не прекратилась даже после того, как 29

¹¹ «New York Times», 20.XI.1968.

¹² «Известия», 9 марта 1968 г.

¹³ «Washington Post», 15.III.1970.

октября 1969 г. Верховный суд США вынес категорическое постановление о немедленной отмене сегрегации в государственных школах.

Администрация не постеснялась публично выразить неодобрение этого постановления, но тут же присовокупила: увы, она вынуждена подчиняться «приказу» высшей судебной власти. Оставалось только изобрести практические уловки с тем, чтобы при видимости проведения десегрегации на деле — где возможно — саботировать преобразование школ и ущемлять интересы негров.

24 марта 1970 г. Белый дом обнародовал пространное заявление о десегрегации школ¹⁴, которое — если отбросить бюрократическую риторику — детально указывало пути и методы саботирования десегрегации. Бегло декларируя согласие на отмену сегрегации де-юре, правительство весь пафос заявления посвятило обоснованию нежелательности и невозможности ликвидации сегрегации де-факто, на том основании, что она, «по общему мнению, не нарушает конституцию». Авторы заявления ратовали за обучение негритянских детей в «школах по-соседству», т. е. в школах негритянских гетто. Поскольку растущее число американских городов имеет четко очерченные «зональным районированием» белые и негритянские общины (прямое последствие расовой дискриминации в жилищном строительстве) целые городские метрополии выпадают из-под сферы действия закона о десегрегации школ. Правительство энергично подчеркнуло, что категорически возражает против того, чтобы школьников из «несоседних» общин возили вместе на автобусах в учебные заведения, где они могли бы учиться вместе.

Дискриминацию де-юре Вашингтон соглашался видеть (да и то неохотно) только в сравнительно небольших городках и сельских общинах, где белые и негры живут неподалеку.

Правительственная позиция была подвергнута уничтожающей аргументированной критике со стороны противников расовой дискриминации. Комиссия по гражданским правам в апрельском докладе 1970 г. доказала, что как на Юге, так и на Севере сегрегация де-факто практикуется в нарушение закона, в обход судебных постановлений.

Комиссия убедительно разоблачила также «лицемерие принципа школ по-соседству», напомнив, что во многих случаях расисты, когда им это выгодно, беззастенчиво нарушают этот принцип и вспоминают о нем только тогда, когда не желают пускать в школы негритянских детей. Внушительный аргумент привели авторы доклада, разоблачая «антиавтобусную» уловку: 40 процентов учащихся государственных школ США доставляются на учебные заведения на автобусах, вне зависимости от расовой принадлежности детей, и никто против этого не протестует. Ополчаются на автобусные перевозки школьников расистски настроенные элементы лишь тогда, когда такая транспортировка облегчает введение совместного обучения негров и белых.

В целом, резюмировала Комиссия по гражданским правам, позиция правительства «сигнализирует крупный отход от политики продвижения к интеграции школ».

Осенью 1970 г. республиканская администрация в патетических выражениях оповестила, что «сотни общин совершили переход от двойственной системы к унитарной гладко, мирно и успешно»¹⁵. К началу следующего года правительственные деятели утверждали, что свыше 90 процентов негритянских школьников посещают «десегрегированные» школы и, стало быть, «миссия десегрегации» завершается¹⁶.

За этими заверениями скрывалась грубая фальсификация фактов и цифр. Эксперты по гражданским правам, политические деятели и жур-

¹⁴ «Washington Post», 25.III.1970.

¹⁵ Там же, 3.IX.1970.

¹⁶ Там же, 28.VIII.1970.

налисты доказали, что во многих штатах сплошь и рядом объявлялись десегрегированными «школьные системы», где махровым цветом процветает расовая дискриминация. В число десегрегированных записывался любой школьник учебного округа, формально провозглашенного «системой совместного обучения», хотя внутри таких «систем», как правило, практикуется расовая дискриминация.

Власти штата Миссисипи заверяли, например, о десегрегации 34 школ, но недоверчивый сенатор Уолтер Мондейл поинтересовался, сколько негров и белых учится там совместно. Выяснилось: 16 тыс. черных и всего лишь 116 белых¹⁷. Можно ли называть эти школы десегрегированными? Нет, они по-прежнему предназначены «только для негров».

Министерство юстиции США, обычно пытающееся выгородить расистов, вынуждено было признать, что к середине ноября 1970 г. оно получило документированные жалобы на дискриминацию из половины школьных округов Юга, объявленных десегрегированными¹⁸. В беседе с корреспондентом «Вашингтон пост» Кеном Клоунсом представитель министерства констатировал «значительную внутришкольную дискриминацию» в школах Юга. Он назвал типичными жалобы на сегрегацию учащихся в классах и других школьных помещениях, школьных автобусах, на увольнение из «совместных» школ преподавателей-негров¹⁹.

Опубликованный в конце 1970 г. доклад шести общественных организаций, объединяющих защитников гражданских прав, «Статус школьной десегрегации на Юге, 1970»²⁰, и специальный доклад «Южного регионального совета» под заголовком «Голоса с Юга»²¹, приоткрывают трагическую картину страданий и унижений негритянских детей в «совместных» школах. В первом из названных докладов подчеркивается: «Поистине направленная против черных детей неприкрытая дискриминация, очевидно, приносит более прямой и долгосрочный вред, чем старые системы изолирования и разделения»²².

На каждом шагу темнокожим детям дают понять, что они «нежелательные пришельцы», «существа низшего сорта», «не достойны» ни заниматься, ни играть с белыми сверстниками. Педагоги-расисты не задумываются, насколько губительно сказывается их изуверская практика на формировании детской психики и мировоззрения. Они бесстыдно изощряются в изобретении новейших форм издевательств над человеческим достоинством.

Некоторые конкретные примеры, имеющиеся в двух названных выше докладах, касаются школы Диколб в графстве Кемпер, штат Миссисипи,²³ школы «совместного обучения» в графстве Андерсон, штат Южная Каролина²⁴, школы в Карттидже, штат Техас²⁵.

Американская пресса сообщает, что «десегрегация» на расистский лад в ряде районов страны приводит к безобразным антинегритянским погромам и военно-полицейским репрессиям. Еженедельник «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» 7 декабря 1970 г. так описывал положение в школах города Гринвилла (штат Южная Каролина), который несколько ранее был провозглашен «моделью интеграции на Юге»: «Расовая борьба и насилия нарушили жизнь восьми школ, полиция патрулирует несколько школ, а неподалеку наготове стоят национальные

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Washington Post», 18.XI.1970.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Time», 4.I.1971, p. 21.

²¹ «Daily World», 21.XI.1970.

²² «Time», 4.I.1971, p. 21.

²³ «Daily World», 21.XI.1970.

²⁴ «Time», 4.I.1971, p. 21.

²⁵ Там же.

гвардейцы. Примерно 300 учеников — большинство из них негры — изгнаны из классов. Гремят выстрелы»²⁶.

Дело доходит до того, что вооруженные белые расисты среди белых совершают террористические налеты на негритянских детей. В Гринвилле они обстреляли школу Каролина, атаковали автобус, везший черных школьников. В Ламаре, расположенном в том же штате, толпа расистов набросилась на автобусы, в которых негритянские дети ехали в школу. В машинах были выбиты стекла, автобусы были перевернуты и повреждены. Все это происходило на виду у «блюстителей порядка»²⁷.

Сенатор Уолтер Мондейл обратил внимание на то, что президент США «не посчитал возможным подвергнуть критике ситуацию в Ламаре, штат Южная Каролина». «Перед нами, — отметил сенатор, — четкий почерк беззакония со стороны этой администрации, когда дело доходит до проведения законов о гражданских правах»²⁸.

По многочисленным свидетельствам, правительственный Вашингтон фактически поощряет еще одну форму дискриминации — создание так называемых «белых академий», т. е. частных школ исключительно для белых детей. Уже в середине июля 1970 г., согласно подсчетам «Южного регионального совета», в 11 южных штатах не менее 400 тыс. белых детей учились в таких «академиях»²⁹. Расистская подоплека создания «академий» очевидна. Сенатор Термонд откровенно заявил 17 июля 1970 г. в конгрессе: «Главная причина возникновения феномена частных школ по всему Югу заключается в том, что многие, если не большинство, белых людей желают иметь свободу выбора направлять своих детей в школу, где обучается группа лиц, наделенная их собственной культурой»³⁰. Столичные обозреватели Р. Эванс и Р. Новак прямо называют «академии» «обороной против расовой интеграции»³¹.

Насаждение во многих школьных округах частных школ для белых означает, что покинутые белыми государственные школы становятся целиком негритянскими, т. е. сегрегированными. Они к тому же подвергаются произволу и ограблению со стороны местных расистских властей. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Леонард Коппетт, ссылаясь на данные сената США, сообщает, что эти власти беззастенчиво производят «перемещение ресурсов», т. е. передачу учебных пособий, парт, спортивного инвентаря и даже школьных зданий из государственных школ в «белые академии»³². Это произошло, например, в одной государственной школе в штате Луизиана.

Вашингтонские руководители фактически одобрили этот новейший вид расовой дискриминации тем, что обещали не взимать налоги с финансовых даров большого бизнеса «белым академиям».

По сведениям «Вашингтон пост», республиканские лидеры Юга получили заверения Белого дома в том, что не будет никаких правительственных нападков на частные школы для белых³³. Такие гарантии официального Вашингтона, конечно же, открыли зеленый свет перед создателями «частных академий».

Итак, за фасадом «гладкой, мирной и успешной десегрегации» с Белого дома и поощрения правительственных ведомств Вашингтона и при благословении реакционных членов конгресса США, республиканцев и демократов, расцветают новые формы расовой дискриминации и угнетения.

²⁶ «U. S. News and World Report», 7.XII.1970, p. 26.

²⁷ «Washington Post», 20.IV.1970.

²⁸ Там же.

²⁹ «Washington Post», 11.VII.1970.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² «New York Times», 28.VI.1970.

³³ «Washington Post», 6.VII.1970.

Стремление администрации республиканцев урезать завоеванные неграми права отчетливо проявилось при обсуждении в конгрессе поправок к закону 1965 г. о праве на голосование. Принятый под напором негритянского движения, этот закон помог существенно расширить регистрацию черных избирателей на Юге: с 877 тыс. человек в 1964 г. до 1,6 млн. в 1968 г. Раздраженные этим конгрессмены-расисты — представители обеих буржуазных партий — предприняли энергичную попытку воспользоваться тем, что срок действий двух важных разделов закона истекал к 1970 г., и коренным образом их изменить в интересах антинегритянских сил.

Правительство активно включилось в эту кампанию. Республиканские стратеги не забыли, что на президентских выборах 1968 г. от 90 до 95% негров, приняв участие в голосовании, выступило против кандидатуры Ричарда Никсона. В пересмотре закона 1965 г. республиканские боссы увидели благоприятную для себя возможность.

Министерство юстиции предлагало всемерно ослабить федеральный контроль над проведением выборов — тем самым контроль за избирательным процессом автоматически переходил бы в руки местных властей, зачастую расистски настроенных. Как сразу же отметили негритянские деятели, многочисленные группы негров могли бы быть вычеркнуты из избирательных списков. Как выразительно заметил член палаты представителей Райан в июне 1970 г., администрация пыталась «проглотить закон и лишить его эффективности»³⁴. Умеренный во взглядах исполнительный директор Национальной ассоциации содействия развитию цветного населения Рой Уилкинс уличил правительство в «очевидной попытке нейтрализовать рост числа голосов негров»³⁵. Даже весьма реакционный обозреватель Джозеф Олсон увидел во всем этом «окончательную демонстрацию твердой приверженности администрации так называемой южной стратегии»³⁶.

К нескрываемой радости расистов-конгрессменов палата представителей приняла в конце 1969 г. правительственный план. Однако его антинегритянский характер настолько бил в глаза, что значительная часть сенаторов не отважилась последовать примеру большинства членов палаты представителей. В июне следующего года законопроект был отвергнут сенатом.

Тем не менее история борьбы вокруг «пересмотра» закона о праве на голосование остается неопровержимым свидетельством преднамеренного наступления властвующей элиты Вашингтона на гражданские права негров.

Добиваясь своего избрания на пост президента в 1968 г., Ричард Никсон усиленно подчеркивал очевидное банкротство джонсоновских программ «великого общества», во всячески избегал давать гражданам-неграм какие-либо определенные обещания социально-экономического характера. В апрельской речи 1968 г. Никсон призывал только к «расширению собственности черных, развитию черного капитализма». «Нам нужно, — говорил он, — больше черных предпринимателей, больше черного бизнеса»³⁷. Республиканские пропагандисты, подхватив этот лозунг, уверяли, что расширение в городских гетто числа предприятий,

³⁴ «Congressional Record», 22.VI.1970, p. H5892.

³⁵ «New York Times», 6.VII.1970.

³⁶ «Washington Post», 15.XII.1969.

³⁷ Там же, 31.VIII.1969.

принадлежащих неграм, поможет радикально улучшить социально-экономическое положение жителей трущобных районов.

Но можно ли излечить пороки капитализма (негритянские трущобы — порождение этих пороков) с помощью капитализма, будь то «черного» или «белого»? В программе Компартии США подчеркивается: «...Мы должны отвергнуть нынешние идеи «черного капитализма», в которых кто-то усматривает ответ на экономические проблемы черного народа. Это фетишизм чистой воды, от которого может выиграть лишь самое незначительное меньшинство. Цель этой затеи — создание ограниченной группы мелких предпринимателей под пятой крупных монополистических корпораций. В дальнейшем она приняла бы на себя роль орудия на службе сохранения статус кво в населенных неграми районах и городах и порождения иллюзий возможности использования капитализма для выхода из сложившегося положения»³⁸. Затея республиканцев относительно «черного капитализма» подтвердила правильность этой марксистской оценки.

Став президентом, Никсон предписал федеральным ведомствам оказывать содействие предприятиям, которыми владеют представители национальных меньшинств. Но это постановление в значительной мере так и осталось на бумаге. Только летом 1970 г. вашингтонское правительство Управление экономических возможностей утвердило ассигнования для разработки «экспериментов» по развитию негритянского бизнеса³⁹. Вскоре даже столичные эксперты из «Объединенной организации планирования» резко раскритиковали план таких экспериментов, как «непригодный» и «требующий слишком много денег»⁴⁰. Почти одновременно в прессе США были разоблачены пропагандистские обещания Министерства торговли о выделении 301 миллиона долларов в 1970 г. неграм — кандидатам в бизнесмены. Журналист Джек Андерсон с фактами в руках обвинил администрацию в том, что она «применяет рекламный обман, дабы усилить надежды черных»⁴¹.

В ноябре 1970 г. еженедельник «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд репорт» привел красноречивый подсчет руководителя Управления по делам мелкого бизнеса Хилэри Сэндовала-младшего: национальным меньшинствам удастся контролировать только пол-процента всех активов частных капиталов в США⁴². При этом, подавляющее большинство предприятий негров сосредоточено в сфере мелкой розничной торговли, обслуживания и питания.

Эндрю Бриммер, единственный негр в руководстве Федерального резервного управления, напоминает, что «попытка развивать небольшой по размерам бизнес, принадлежащий неграм, предпринимается наперекор господствующей тенденции»⁴³. Под этой тенденцией Бриммер имеет в виду усиливающуюся концентрацию капитала, которая неуклонно ускоряет процесс банкротства средних и мелких предприятий. «Вашингтонская программа, — саркастически замечает обозреватель «Вашингтон пост» Роберт Сэмюэлсон, — обладает «большим потенциалом для провала»⁴⁴.

По мере того, как иллюзорный призрак «черного капитализма» рассеивается, правительственный Вашингтон изобретает новые формы фиктивной поддержки бедствующего негритянского населения. В последнее время афишируется так называемый план оказания помощи неимущим семьям, который, как утверждал 11 июня 1970 г. в послании конгрессу президент Никсон, представляет собой «самую широкую и самую дале

³⁸ «Соединенные Штаты Америки», 1970, № 12, стр. 81.

³⁹ «Washington Post», 18.VIII.1970.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Washington Post», 13.II.1970.

⁴² «U. S. News and World Report», 23.XI.1970, p. 40.

⁴³ Там же, 12.I.1970, p. 9.

⁴⁴ «Washington Post», 31.VIII.1969.

ко идущую за последние почти 40 лет попытку перестроить систему социального обеспечения»⁴⁵.

По сути дела устанавливается федеральный минимум пособий (1600 долларов в год) для бедной семьи из 4-х человек, составляющей, по мнению сенатора Юджина Маккарти, половину того, что считается необходимым для существования. Напомним: по подсчетам Управления социального обеспечения, семье из четырех человек необходимо иметь в год 3800 долларов для того, чтобы просуществовать на уровне бедности. «Достаточным» же минимумом дохода для аналогичной семьи считается 5500 долларов. Именно этого минимума справедливо требуют организации американских бедняков.

Одобрение конгрессом правительственного минимума в 1600 долларов ухудшило бы материальное положение 90% лиц, получающих социальное пособие, поскольку во многих штатах соответствующий минимум социальных пособий несколько выше. Только в двух штатах — Нью-Йорк и Нью-Джерси были бы сокращены пособия 1450 тысячам бедных⁴⁶.

Более того. Американские эксперты доказали, что план помощи неимущим семьям резко усилил бы классовую эксплуатацию многомиллионных групп бедствующих. Правительство поставило условие, чтобы получающие пособие взрослые трудоспособные члены семей соглашались на любую низкооплачиваемую неквалифицированную работу. Такое требование относится даже к многодетным матерям-одиночкам, младший ребенок которых старше шести лет. Представительница Национального комитета по занятости домашних работниц Эдит Слоун показала в одной из сенатских комиссий, что план правительства вынудил бы еще два-три миллиона женщин стать домработницами, получающими «зарплату для существования на грани голодной смерти»⁴⁷. Изучив вашингтонский план помощи неимущим семьям, Национальная организация борьбы за право на социальное обеспечение пришла к обоснованному выводу: «Правительство Никсона занимает антибедняцкую позицию»⁴⁸. Однако, несмотря на то, что упомянутый план развенчан общественностью и многими членами конгресса, правительство по-прежнему настаивает на одобрении его Капитолием.

Как видим, «помощь» Вашингтона негритянскому населению оборачивается дальнейшим наступлением на социально-экономические интересы многих миллионов черных граждан США. Это наступление развешивается в условиях нарастающих экономических неурядиц — роста инфляции, спада производства, резкого увеличения безработицы. По признанию «Нью-Йорк таймс», нарастание неустойчивости в экономике США нанесет новые удары по черному трудящемуся. В возрастающих массовых масштабах претворяется в жизнь правило американского капитализма: «негры последними нанимаются на работу и первыми увольняются». Если к началу 1971 г. общее число безработных составило 6% занятого населения, т. е. примерно пять миллионов человек, то безработица среди черных взрослых трудящихся достигла 9%. Больше всего страдает от безработицы негритянская молодежь. За 1970 год число безработных среди молодых негров возросло с 27,9% до 42,2%⁴⁹.

На национальной конференции профсоюзного действия в июне 1970 г. приводились документальные материалы, показывающие, что средняя по числу членов негритянская семья с 2—4-мя работающими имеет меньший доход, чем такая же семья белых с одним кормильцем.

⁴⁵ «New York Times», 12.VI.1970.

⁴⁶ «Congressional Record», 2.XII.1970, p. S19173.

⁴⁷ Там же, p. S19174.

⁴⁸ «Daily World», 11.VII.1970.

⁴⁹ Там же, 30.I.1971.

В 1969 г. свыше 9 миллионов черных рабочих получали в среднем на 3 тыс. долларов в год меньше, чем то же число белых рабочих⁵⁰. Это означает, что монополистический капитал наживает на дополнительной эксплуатации черных рабочих по меньшей мере 15—16 миллиардов долларов ежегодно. Создание резерва дешевой рабочей силы в случае принятия конгрессом правительственного плана помощи неимущим семьям несомненно умножило бы эти миллиарды, нажитые на расовой дискриминации.

По данным Эндрю Бриммера из Федеральной резервной системы в последние годы усиливается процесс классового расслоения негритянского населения в США, несущий резкое ухудшение материального положения наиболее бедствующих негритянских социальных групп. В частности, Бриммер констатирует «драматическое ухудшение положения негритянских семейств, возглавляемых женщинами»⁵¹. При этом число таких семей растет, потому что жесткие условия предоставления социальной помощи бедным в США способствуют разрушению многих семейств. Мать-одиночка, свидетельствует Бриммер, «не в состоянии иметь достаточный заработок, чтобы избежать бедности».

Таковы горькие результаты «милостивого игнорирования» жизненных нужд негритянского населения. Без тени смущения приверженцы «южной стратегии» программируют дальнейшее ухудшение социального и экономического статуса негров. Анализируя демографические и социальные факторы, пропагандист этой стратегии Кэвин Филлипс невозмутимо предсказывает, что «разрыв между расами, очевидно, будет расширяться»⁵². В целом, подчеркивал умеренный во взглядах исполнительный директор Национальной городской лиги Уитни Янг, черные американцы попали в экономическую ситуацию, «трагическую по своим последствиям для миллионов людей и более отчаянную, чем когда-либо с времени 1930-х годов»⁵³.

* * *

Предыдущие вашингтонские администрации в шестидесятых годах текущего века старались ослабить остроту негритянской проблемы с помощью традиционного метода «стик энд кэррот» («дубинки и морковки»), т. е. сочетали репрессивные меры с юридическими и социальными уступками трудящимся. С 1969 г. правительство США противопоставил освободительному движению черных американцев преимущественно грубую военно-полицейскую силу. Следует заметить, что упор на репрессии отнюдь не является «изобретением» республиканцев. Во время избирательных кампаний 1968 и 1970 гг. видные лидеры демократов не менее настойчиво призывали к жестокому подавлению общественных движений протеста, в частности негритянского. Журнал американских коммунистов «Политикл афферс» подчеркивал в сентябре 1970 г.: «Государственный механизм в возрастающей степени открыто выступает, как террористическая сила. Это террор государственно-монополистического капитала... Основными жертвами открытого государственного террора становятся черные гетто»⁵⁴.

Под предлогом борьбы с преступностью и «терроризмом» вашингтонские власти резко увеличивают и совершенствуют федеральный репрессивный аппарат. Разрабатываются детальные инструкции по «контролю над толпой», растет арсенал новейших видов оружия, специально предназначенного для подавления «уличных бунтов». К разработке карательных мер привлечены военные ведомства, которые готовят специал-

⁵⁰ «Daily World», I.VIII, 1970.

⁵¹ «International Herald Tribune», 23.III.1970.

⁵² «Washington Post», 17.X.1970.

⁵³ «Daily World», 31.X.1970.

⁵⁴ «Political Affairs», X.1970, p. 28.

ные силы и средства на случай «чрезвычайных» ситуаций в негритянских гетто. Части регулярной армии и подконтрольной Пентагону национальной гвардии проходят тренировку для антинегритянских операций. Агенты военной разведки установили тайную слежку за Ральфом Абернети, Кореттой Кинг и другими негритянскими активистами.

Неуклонно возрастает материальная и техническая помощь Вашингтона местным полицейским управлениям, формально находящимся под контролем властей городов и штатов. Местные органы полиции наделяются к тому же все большими полномочиями. По настоянию правительства конгрессмены приняли билль о борьбе с преступностью в федеральном округе Колумбия. Билль специально предусматривает право полиции производить «превентивные» аресты, врывать без стука в дома жителей и т. п. Негритянские деятели сразу же обратили внимание общественности на то, что такое «право на произвол» нацелено прежде всего против населения черных гетто (подавляющее большинство жителей столичного округа Колумбия — негры).

Местные полицейские управления во многих штатах Юга и Севера укомплектованы лицами, сильно зараженными расистскими настроениями, поэтому нетрудно предвидеть трагические последствия поощрения «инициативы» полисменов. «Полис брутэлити» («Полицейские зверства») стало крылатым выражением в черных кварталах. Реакционный еженедельник «Тайм» писал 14 сентября 1970 г.: «Полиция часто жестоко обращается с черными»⁵⁵.

Регулярные вооруженные налеты полиции на штаб-квартиры негритянской организации «Черная пантера», расстрелы черной молодежи в Огае (Джорджия) и Джэксоне (Миссисипи), беспощадные расправы над неграми в Эсбери-парк (Нью-Джерси), Хьюстоне (Техас), Уэст-Честере (Пенсильвания), Нью-Бэдфорде (штат Массачусетс), Майами (Флорида), Чикаго и Пеории (Иллинойс) — таков далеко не полный перечень зверских «подвигов блюстителей порядка» в 1970 г. Неоправданность полицейских зверств зарегистрирована даже президентской комиссией по расследованию волнений в университетах⁵⁶. И что же? Хотя Вашингтон во всеуслышание объявил о проведении федерального расследования, ни один участник кровавых преступлений не был посажен на скамью подсудимых.

Многочисленные общественные деятели США обвиняют правительственный Вашингтон не только в попустительстве расистским насилиям, но и в прямом подстрекательстве к ним.

В стране существует «климат страха и репрессий, созданный национальной администрацией при проведении расистской политической южной стратегии и милитаристской внешней политики» — таков вывод видного негритянского лидера Ральфа Абернети, соратника погибшего Мартина Лютера Кинга⁵⁷.

Осенью 1970 г. в Организацию Объединенных Наций была передана петиция, обвинявшая Вашингтон в геноциде. Под петицией стоял миллион подписей граждан США. «Дикая активность полиции, основанная на политике федерального правительства, властей штатов и местных органов власти, привела к бесчисленным избиениям, подстроенным судебным обвинениям, арестам и убийствам черных американцев», — подчеркивалось в петиции⁵⁸.

Сфабрикованное расистами из государственного аппарата «судебное дело» Анджелы Дэвис — мужественной коммунистки-негритянки — расценивается прогрессивной общественностью США как признак дальнейших массированных преследований борцов за равноправие и свободу.

⁵⁵ «Time», 14.IX.1970, p. 15.

⁵⁶ «International Herald Tribune», 3—4.X.1970.

⁵⁷ Там же, 19.V.1970.

⁵⁸ «Daily World», 17.X.1970.

Политика Вашингтона по отношению к неграм вызывает нарастающие массовое возмущение и гнев черных американцев. Опрос негров, проведенный институтом Гэллопа летом 1970 г., показал: подавляющее большинство черных граждан осуждают деятельность республиканской администрации⁵⁹. Примечательно, что со все более резкой критикой в адрес правительства выступают даже умеренные негритянские деятели, которые в прошлом старались наладить сотрудничество с официальными властями. Председатель правления директоров Национальной ассоциации содействия развитию цветного населения епископ Стефан Споттсвуд в июле 1970 г. обвинил администрацию Никсона в антинегритянском курсе. Правительство, сказал он, ведет «преднамеренную политику направленную против нужд и чаяний своих граждан, относящихся к крупнейшему национальному меньшинству»⁶⁰.

В начале 1971 г. американская столица была потрясена демонстративным коллективным отказом всех двенадцати негров — членов палаты представителей США — присутствовать на выступлении президента Никсона в Капитолии с посланием о положении страны. «Ваш постоянный отказ выслушивать озабоченные призывы черных американцев диктует наше решение не присутствовать. Два года назад в своем послании при вступлении в должность, вы обещали «объединить нас вместе». Однако ваша политика разъединила страну больше чем когда бы то ни было»⁶¹, — писали конгрессмены в своем письме президенту.

Как видно, никакими репрессиями и притеснениями властвующей элите США не удастся — и не удастся — справиться с национальным движением 25 миллионов негров. В ответ на правительственную «южную стратегию» нарастает массовый протест черных американцев, усиливается процесс радикализации негритянского населения. Негритянская проблема остается одной из самых «взрывчатых проблем» капиталистической Америки.

WASHINGTON'S «SOUTHERN STRATEGY»

The author analyzes various aspects of the Nixon Administration's policy towards the Negro problem. The hidden motives behind the «Southern Strategy» of Republican politicians are laid bare: it is aimed at collusion with the racist forces of America. Washington's anti-Negro course is illustrated by a detailed examination of the Government's approach to the desegregation of state schools. The all-out offensive of America's governing circles against the legal, social and political rights of the Negro population is shown. The author analyzes the newest forms of racial discrimination of black Americans and the growing repressive measures against the Negro national movement.

⁵⁹ «New York Times», 12.VIII.1970.

⁶⁰ «New York Times», 5.VII.1970.

⁶¹ «International Herald Tribune», 22.I.1971.

А. М. Хазанов

ПЕРВОБЫТНАЯ ПЕРИФЕРИЯ АНТИЧНОГО МИРА

(НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЫ)

Последние 5000 лет первобытные общества на земном шаре существовали бок о бок с классовыми. Следовательно, их функционирование и развитие было осложнено новым фактором, роль и значение которого еще далеко не выяснены. В сущности, от той или иной его оценки во многом зависит решение проблемы репрезентативности изучаемых этнографией отсталых племен и народов, едва ли не важнейшей для источниковедения истории первобытного общества.

Нет недостатка в общих суждениях по этому поводу, к тому же весьма разнящихся между собой. Конкретных же исследований предпринималось значительно меньше, и это не случайно. Наличие или отсутствие первобытной периферии вокруг тех или иных классовых обществ в подавляющем большинстве случаев является очевидным фактом; как правило, сравнительно легко установить и наличие определенного воздействия со стороны этих классовых обществ на своих более отсталых соседей. Однако степень такого воздействия и тем более его результаты зачастую остаются более или менее гадательными. Фактического материала обычно не хватает для окончательных выводов, а его возможные интерпретации не однозначны.

Между тем проблема взаимоотношений классовых обществ с первобытной периферией должна рассматриваться конкретно, и не только применительно к первобытным обществам, но и к самим классовым, потому что их структура, специфика и достигнутый уровень развития, очевидно, были для таких взаимоотношений отнюдь не нейтральными факторами. К тому же любое взаимодействие — процесс обоюдный, и его результаты не могли не сказываться на обеих сторонах.

Вряд ли надо напоминать о том, какие трудности стоят перед исследователями контактов первобытных обществ с классовыми в эпоху великих географических открытий и последующее время. Значительное расхождение мнений относительно их последствий для социальной организации австралийцев, североамериканских индейцев и других говорит здесь само за себя. Но исследователи таких контактов в докапиталистические эпохи сталкиваются с еще большими трудностями, вытекающими из меньшего объема и специфики имеющихся источников. По мере углубления в прошлое подробное свидетельство очевидца сменяется сообщением письменного источника, часто слишком лаконичным, или же данными археологии, несущими еще меньшую информацию.

И все же такие исследования необходимы, даже в том случае, если они не приведут к окончательному решению проблемы, даже если выяснится, что имеющихся источников недостаточно, чтобы установить, насколько было искажено развитие тех или иных первобытных обществ под воздействием классовых и было ли оно искажено вообще. Негативный ответ — это тоже ответ. Во всяком случае он лучше гадательных и спекулятивных рассуждений.

Наша статья является попыткой выявить некоторые закономерности во взаимоотношениях средиземноморской рабовладельческой цивилизации и ее первобытной периферии. Избрание для исследования конкретного региона диктовалось сравнительной полнотой источников и кругом интересов автора.

Спонтанное развитие европейского континента было нарушено не позднее III—II тысячелетия до н. э. (если не считать происходившей ранее неолитической революции, совершившейся здесь под очевидным влиянием передневносточного очага земледелия)¹, когда он начал испытывать постоянное воздействие передневносточных цивилизаций, будь то прямое на юге или опосредствованное в более отдаленных районах². Важнейшими результатами такого воздействия были распространение металлургии и других технологических навыков (например, колесного транспорта), значительный рост обмена и торговли, ускорение темпов общественного развития, некоторые изменения в сфере идеологии. Там где внешние стимулы сочетались с интенсивным внутренним развитием отмечается быстрое разложение первобытнообщинного строя.

Первая европейская государственность возникает на Крите и в материковой Греции, испытавших наиболее сильное влияние Переднего Востока, во II тысячелетии до н. э. А в конце II — начале I тысячелетия до н. э. местные очаги цивилизации (Этрурия, Лаций, Тартесс) возникают и в Западном Средиземноморье отчасти в результате спонтанного развития, ускоренного контактами с классовыми обществами, прежде всего эгейскими, отчасти под влиянием финикийской и греческой колонизации.

К началу I тысячелетия до н. э. по уровню социально-экономического развития всю Европу можно разделить на три части: юг (Средиземноморье), вступивший или вступавший в эпоху цивилизации и государственной жизни, среднюю полосу, занятую земледельческо-скотоводческими племенами, которые в той или иной мере уже подверглись южным влияниям и находились на различных стадиях разложения первобытнообщинных отношений, и север, где в различных пропорциях сочетались производящее и присваивающее хозяйство, а южные импульсы, очевидно, не сказались существенным образом на традиционных социальных отношениях и институтах.

Три события были важнейшими для взаимоотношений классовых обществ и первобытной периферии в Европе в I тысячелетии до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.: греческая и в меньшей степени финикийско-карфагенская колонизация, экспансия Рима и Великое переселение народов.

В первой половине I тысячелетия до н. э. в Южной и Средней Европе наблюдается мощный подъем производительных сил: распространение железа, плужного земледелия, кочевых форм скотоводства. Все это позволяло племенам средней полосы Европы производить достаточно большой прибавочный продукт. В конкретных исторических условиях Европы I тысячелетия до н. э. его реализация оказалась в довольно сильной зависимости от колонизационной деятельности греков.

Хотя причины греческой колонизации, а также отчасти предшествовавшей, отчасти сопутствовавшей ей финикийской были в основном внутренние³, в ней была заинтересована и родо-племенная верхушка

¹ В. С. Титов, Древнейшие земледельцы в Европе, сб. «Археология Старого и Нового Света», М., 1966.

² См., например, Г. Кларк, Донисторическая Европа, М., 1953, стр. 28 и др. С. В. Киселев, Бронзовый век СССР, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 130, 1965, стр. 19 и сл.; V. G. Childe. The prehistory of European society. Harmondsworth, 1958.

³ О греческой колонизации и ее причинах см.: T. Y. Dunbabin, The Western Greeks, Oxford, 1948; C. Roebuck. Ionian trade and colonization, N. Y., 1959; J. Berard, l'Expansion et la colonisation grecques jusqu'aux guerres médiques. Paris, 1960;

варварских обществ. Непосредственное соседство с форпостами цивилизации в лице новых колоний открывало для нее важные источники обогащения и влияния в обществе. Любопытно, что позднейшая традиция сохранила представление об основании многих колоний мирным путем без сопротивления племен, на территорию которых они выводились⁴.

Можно сравнительно четко выделить основные последствия греческой колонизации для судеб первобытной периферии Европы.

1. Периферия в целом заметно приблизилась к очагам цивилизации, и значительное число первобытных обществ стало непосредственными соседями классовых. Скифы, меоты и другие племена Северного Причерноморья и Кавказа, фракийцы на Балканах, племена Италии, кельты и иберы на территории современных Франции и Испании вступают теперь в постоянные контакты с античной цивилизацией.

2. Технические и культурные достижения греческого мира, а также его социальные отношения оказывают глубокое и всестороннее воздействие на ближнюю варварскую периферию.

Так, в конце V—IV в. до н. э. под влиянием античного мира у кельтов появляется целый ряд технических новшеств, в их числе гончарный круг, вращающийся токарный станок, кирпичные сооружения, ручная мельница и т. д.⁵ По словам Помпея Трога (Just., XLIII, 4, 1—2), от массалиотов «галлы переняли более культурный образ жизни, частью возсе покинули, частью смягчили свои варварские обычаи, научились обработке полей и возведению стен вокруг городов. Тогда же они стали жить, (руководствуясь) законами, а не правом оружия, научились возделывать виноградники и сажать оливы. Одним словом, и жители и условия жизни стали столь прекрасны, что казалось, будто не греки переселились в Галлию, а будто вся Галлия переселилась в Грецию».

Страбон (VII, 3, 7) в отношении скифов рисует не столь идиллическую картину, но также отмечает глубокие изменения, произошедшие в их обществе под греческим влиянием: «Надо сказать, что наш образ жизни почти у всех произвел перемену к худшему, внося роскошь, страсть к удовольствиям и для удовлетворения этих страстей множество безнравственных средств к обогащению. Такая испорченность нравов в значительной степени проникла и к варварам, между прочим, и кномадам. Последние со времени знакомства с морем сразу сделались хуже: стали разбойничать, убивать иностранцев и, вступая в сношения со многими народами, перенимают от них роскошь и торгашество; хотя это, по-видимому, и способствует смягчению дикости, однако портит нравы и на место простодушия... вводит коварство».

3. Часть прибавочного продукта, производимого первобытной периферией, реализуется теперь на греческих рынках. Погребения скифской, меотской и кельтской знати переполнены греческими предметами роскоши, в том числе выполненными специально на заказ, принаравливаясь к варварским вкусам. Торговля способствует дальнейшему разложению первобытнообщинных отношений, углублению имущественной и социальной дифференциации, развитию товарного производства и т. д.

C. G. Starr. The origins of Greek civilization, N. Y., 1961, p. 365—378. А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности, Л., 1947; Н. И. Соколовский, Д. Б. Шелов, Историческая роль античных государств Северного Причерноморья, сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959.

⁴ См. замечание Иордана (Get., 32), что основать города-колонии Северного Причерноморья «дозволили грекам непокоренные скифские племена, с тем, чтобы греки поддерживали с ними торговлю». По свидетельству Стефана Византийского (s. v. Παντίκλαδος), место возведения Пантикалея было уступлено эллинам скифским царем Агаэтом.

⁵ Г. Кларк, Указ. раб., стр. 273—274; Я. Филипп, Кельтская цивилизация и ее наследие, Прага, 1961, стр. 32, 115 и др.; V. G. Child, Prehistoric migrations in Europe, Oslo-Leipzig-Paris-London-Cambridge (Mass.), 1950, p. 230.

Скифы-пахари сеяли зерно на продажу (Herod., IV, 17). В Истрии местное население также стремится увеличить поставки зерна греческим купцам⁶. В Причерноморье под влиянием спроса на хлеб наблюдается оседание скотоводческих племен и рост сельскохозяйственных поселений вокруг греческих городов: в IV в. до н. э. в Прикубанье, Восточном Крыму и Нижнем Побужье, в III в. до н. э. — в степном Крыму⁷.

Племена ближней периферии втягиваются также в посредническую торговлю. Аорсы «даже торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидян и перевоза на верблюдах. Благодаря богатству они носили золотые украшения» (Strabo, XI, 5, 8).

Кое-где начинается даже чеканка собственной монеты в подражание греческой, а затем и римской, в основном в интересах торговли⁸.

4. Сложные взаимоотношения с греками в некоторых случаях формируют возникновение местной государственности: в V в. до н. э. у фригийцев (держава одрисов), в Синдике и, может быть, в Колхиде в I в. до н. э. — у скифов. По меткому выражению Г. Чайлда, «более древняя цивилизация играет роль повивальной бабки, облачающей родовые муки варварству»⁹.

В других случаях влияние греческих и других средиземноморских государств могло, наоборот, сказаться отрицательным образом на сложении местной государственности. Возможно, так случилось с кельтами, у которых тесные связи с различными центрами средиземноморской цивилизации привели к раздроблению общества, к усилению аристократии и упадку королевской власти, что сознательно поощрялось в дальнейшем Римом¹⁰, и в целом затормозило процесс формирования государства.

Лишь у некоторых кельтских племен возникло некое подобие аристократических республик, походивших на ранний Рим. У Рима же главенствовавшая в них аристократия и искала поддержки.

Во взаимоотношениях греческих колоний с окружающей их варварской периферией бросается в глаза еще одна особенность. Наиболее подверженными греческому влиянию оказывались те племена, у которых были для этого достаточные внутренние предпосылки — далеко зашедшее разложение первобытнообщинных отношений. Более отсталые племена оказались менее восприимчивыми к подобным влияниям. Неплохим примером служит сравнение двух соседних народов — скифов и тавров. В то время как скифы подверглись всестороннему воздействию греческой цивилизации, тавры, отстававшие от них в социально-экономическом развитии, оказались затронутыми таким воздействием лишь в небольшой мере¹¹.

В свою очередь первобытная периферия оказывала значительно влияние на греческий мир. Греки оказались восприимчивыми к культурным, техническим и военным достижениям варваров и даже к их рели-

⁶ E. Condurachi, Scurt istoric al cetății Histria, «Histria», vol. I, 1954, p. 4.

⁷ Н. И. Соколовский, Д. Б. Шелов, Указ. раб., стр. 56—57; В. Д. Блаватский, Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье, сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», стр. 2.

⁸ А. В. Мишулин, Античная Испания, М., 1952, стр. 135—136; Г. Кларк, Указ. раб., стр. 78; Я. Филипп, Указ. раб., стр. 131—137; Н. А. Фролова, Монеты скифского царя Скилура, «Сов. археология», 1964, № 1, стр. 44—45; Т. Д. Златковская, Проблемы становления государственной власти у южнофракийских племен, сб. «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1969, стр. 291 и с.

⁹ Г. Чайлд, Прогресс и археология, М., 1949, стр. 166.

¹⁰ Я. Филипп, Указ. раб., стр. 93—94 и др.; T. G. E. Powell, The Celts, N. Y. 1960, p. 79.

¹¹ В. Н. Дьяконов, Древняя Таврика до римской оккупации, «Вестник древней истории», 1939, № 3(8), стр. 72—86; А. А. Иессен, Указ. раб., стр. 75—77; А. М. Лесков, Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры, Киев, 1965, стр. 180—189.

гиозным представлениям¹². Наконец, знакомство с обществами, еще не знающими классового антагонизма, оказало заметное влияние на научную и философско-этическую мысль древних греков, а затем и римлян.

К еще более важным последствиям для судеб первобытной Европы привели возвышение и экспансия Рима. Огромная масса племен, сохранявших первобытнообщинный строй на стадии его разложения, была насильственно включена в условия государственной жизни. Другие племена, составлявшие ближнюю первобытную периферию, подвергались сильнейшему экономическому и политическому давлению. Третьи, более удаленные, испытывали влияние Рима и промежуточных варварских обществ.

1) Завоевание Римом племен, населявших Иберийский полуостров, север Балкан, Галлию, Британию и бассейн Дуная, означало распространение на завоеванных территориях развитых рабовладельческих отношений и сопровождалось целым рядом политических, экономических и культурных мероприятий, сознательно проводившихся римской администрацией и подрывавших все прежде существовавшие общественные отношения¹³. Границы провинций и судебных округов, намеренно проводившиеся без учета старых этнических и племенных делений, налогообложение, принудительное насаждение римского права¹⁴, создание крупного землевладения, эксплуатация и обезземеливание местного населения, превращение части его в арендаторов и наемников, распространение провинциальной римской культуры, стиравшей и подавлявшей местные особенности, развитие товарного производства, ремесла и торговли — таков их далеко не полный перечень.

Не менее важным было основание на завоеванной территории городов античного типа. Они несли с собой античные формы собственности и классические формы рабовладения, способствовали процессам романизации, распространению латинского языка и римской культуры. Например, об иберийском племени турдестанцев Страбон писал (III, 2, 15), что они «совершенно переменили свой образ жизни на римский и даже забыли родной язык. Большинство их стало латинскими гражданами и приняло к себе римских колонистов, так что все они почти что обратились в римлян. И основанные теперь города... ясно обнаруживают перемену упомянутых форм гражданской жизни»¹⁵.

В таких условиях происходила быстрая трансформация и романизация местной аристократии, которую Рим, видя в ней опору в завоеванных провинциях, привлекает на свою сторону и наделяет имущественными и гражданскими привилегиями. Подобную политику, например, проводил Юлий Агрикола в Британии. «...Юношей из знатных семейств, — писал Тацит, — он стал обучать свободным наукам... и те, кому латинский язык совсем недавно внушал откровенную неприязнь, горячо взялись за изучение латинского красноречия. За этим последовало и желание одеться по-нашему (по-римски. — А. Х.), и многие облеклись в тогу. Так мало-помалу наши пороки соблазнили британцев, и они пристрастились к портикам, термам и изысканным пиршествам.

¹² В. Д. Блаватский, Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII—V вв. до н. э.), «Сов. археология», 1964, № 2, стр. 18—20.

¹³ Об этом см.: Т. Д. Златковская, Мезия в I—II вв. нашей эры, М., 1951, стр. 46—49, и др.; И. Т. Кругликова, Дакия в эпоху римской оккупации, М., 1955, стр. 80 и сл.; О. В. Кудрявцев, Основные закономерности исторического развития провинций Римской Империи и статьи по общим проблемам древней истории», М., 1957; Я. Филипп, Указ. раб., стр. 76 и др.

¹⁴ Помпей Трог писал про иберийцев (Just., XLIV, 5, 8), что Август «привил к помощи законов народу дикому и воинственному обычай более культурной жизни». Насаждение римского права было одной из причин восстания германцев против Квинтилия Вара.

¹⁵ См. также Strabo, III, 11, 20.

И то, что было ступенью к дальнейшему порабощению, именовалось ими, неискушенными и простодушными, образованностью и просвещенностью» (Тас., *De vita Julii Agricolae*, 21).

Таким образом, самостоятельное развитие племен, включенных в состав римского государства, было бесспорно прервано и направлено по другому руслу.

2) Значительные перемены происходили также у тех племен, которые в разное время составляли непосредственную первобытную периферию Рима (кельты, германцы, геты, даки, сарматы). У всех у них наблюдается значительный рост производительных сил, ускоренное разложение первобытнообщинных отношений и быстрая внутренняя дифференциация общества. Цезарь во всяком случае понимал значение римского влияния на варваров, когда писал про галлов (*De bel. Gal.*, VI, 24), что «близость римских провинций и знакомство с заморскими товарами способствует развитию у них благосостояния и новых потребностей...» или отмечал (*De bel. Gal.*, I, 1), что самое храброе племя в Галлии — белги, «так как они живут дальше всех других от Провинции с ее культурной и просвещенной жизнью; кроме того, у них крайне редко бывают купцы, особенно с такими вещами, которые влекут за собою изнеженность духа...»¹⁶.

Результаты римского воздействия на племена ближней первобытной периферии хорошо прослеживаются на примере германцев. До появления Цезаря на Рейне германское общество было сравнительно мало затронуто римским влиянием. Торговля, особенно при посредстве кельтов¹⁷, велась уже давно, но в ограниченных размерах. Ко времени Цезаря имущественная дифференциация в германском обществе не была еще глубокой и сводилась главным образом к различиям во владении движимым имуществом (скотом). Частная собственность на землю отсутствовала, а родо-племенная аристократия не обладала сколько-нибудь постоянной принудительной властью — дружины распались сразу же после набега¹⁸.

Между временем Цезаря и Тацита импорт римских товаров резко возрос, и, как свидетельствуют данные археологии, импортируемые товары становились большей частью индивидуальной собственностью. Цезарь писал про свебов (*De bel. Gal* IV, 2), что «купцов они допускают к себе больше для продажи военной добычи, чем из желания получить какие-либо привозные товары». Но уже в правление Тиберия, когда была захвачена столица свебов, в ней были обнаружены «маркитанты и купцы из наших (римских.— А. Х.) провинций, которых — каждого из своего края — занесли во вражескую страну свобода торговли, жажда наживы и, наконец, забвение родины» (Тас., *Ann.*, II, 62). Следующий шаг был сделан ко времени Тацита, когда германские вожди стали принимать от римлян деньги (Тас., *Germ.*, XV), а ближайшие к Рейну и Дунаю племена оценили «золото и серебро для употребления в торговле» (Тас., *Germ.*, V). В дальнейшем римский экспорт еще больше возрос¹⁹. Одновременно под римским влиянием у германцев совершенствуется сельскохозяйственная техника и развиваются ремесла.

За римские товары надо было платить. Можно допустить, что уве

¹⁶ Представление о том, что «дикость» первобытных племен возрастает по мере удаления от границ цивилизации, было свойственно не только Цезарю. Ср. Strabo II, 2, 26; III, 3, 8; III, 4, 20; IV, 5, 1; XI, 2, 4.

¹⁷ Я. Филипп, Указ. раб., стр. 115, 128; H. J. Eggers, *Die romische Import im freien Germanien*, Hamburg, 1951, S. 40, 42.

¹⁸ См. Саес., *De bel. Gal.*, IV, 1; VI, 22; VI, 23 и др.; Тас., *Germ.*, VII.

¹⁹ О римском экспорте в Германию см.: M. P. Charlesworth, *Trade routes and commerce of the Roman Empire*. Cambridge, 1926; O. Brogan, *Trade between the Roman Empire and the free Germans*, «The Journal of Roman Studies», XXVI, London, 1936; H. J. Eggers, Указ. раб.; M. Wheeler, *Rome beyond the imperial frontiers* London, 1954, p. 63—90.

личение числа войн и набегов в Германии среди других причин²⁰ вызывалось возросшим стремлением приобрести римские товары. В I—II вв. до н. э. в Германии повсеместно, от Ганновера до Польши и от Дании до Силезии, появляются погребения военной аристократии, содержащие предметы римского импорта²¹.

Войны усугубляли общественную дифференциацию, усиливали и укрепляли власть вождей. Уже во времена Тацита дружины становились постоянными. Этому немало способствовали и римляне, которые, стремясь привлечь германскую знать на свою сторону, углубляли раскол, существовавший между родоплеменной аристократией и рядовыми общинниками. Рим поддерживал и навязывал дружественных ему вождей и обеспечивал их власть принудительно даже вопреки воле племени. Так на смену Арминиям рождались Сегесты²².

По мере ослабления Рима он уже не столько подкупает, сколько откупается от варваров, однако и это служит дальнейшему укреплению позиций аристократической верхушки. Дион Кассий (LXXXII, 14) писал о политике Каракаллы в начале III в. н. э., что «многие из живущих у самого Океана, при впадении Альбия, послали к нему послов, прося дружбы, чтобы получить деньги. Так как он уже делал так раньше, многие приступали к нему с этим, угрожая войной; и он согласился со всеми ними. Если им что и говорилось против их желания, то при виде золотых они покорялись, так как он дарил им настоящие золотые. Напротив, римлянам он давал поддельные деньги, и серебряные, и золотые: он приготовлял первые из посеребренного свинца, вторые — из золоченой меди».

Не менее значительным было и идеологическое воздействие. Достаточно сказать, что именно из Рима распространялось в варварской Европе христианство. Таким образом, римское влияние выразилось, в конечном счете, в заметном ускорении социального развития у племен ближней первобытной периферии.

3) Дальняя периферия в I тысячелетии до н. э. и особенно первой половине I тысячелетия н. э. также испытывает на себе воздействие классовых обществ Европы — прямое, благодаря торговле, или опосредствованное, через племена ближней периферии. Эти племена, уже затронутые соседством с рабовладельческим обществом, усиливают давление на своих северных и восточных соседей в погоне за добычей, рабами и пр., а также ведут с ним торговлю²³. В результате этрусские, греческие, кельтские, скифо-сарматские и римские товары и изделия, а с ними вместе технические достижения проникают в самые отдаленные уголки. Изделия средиземноморских мастерских достигали Англии, среднего Рейна и даже Дании на западе и Урала на востоке²⁴, северо-черноморские образцы — крайнего Севера Восточной Европы и Западной Сибири²⁵.

²⁰ Например, Рим сознательно разжигал междоусобицы у свободных германцев. Ср. Тацита про британцев (*De vita Iulii Agricolae*, 12): «...в борьбе против таких сильных народов для нас нет ничего столь полезного, как их разобщенность».

²¹ Н. J. Eggers, Указ. раб., S. 50; M. Wheeler, Указ. раб., стр. 44 и сл.

²² Тацит (*Герм.*, XVII) сообщает, что сила и власть королей маркоманов и квадов поддерживалась авторитетом Рима, который помогал им также деньгами и оружием. См. также Тас., *Ann.*, XII, 29; I и II, 63, 7; *Amm. Marc.*, XXIX, 4, 7; *Claudian ap. Eutrop.*, I, 381; *Libanius*, *Or.* lix., 132. Аналогическая политика проводилась в отношении сарматов — см. *Amm. Marc.*, XVII, 12.

²³ Так, например, при посредстве скифов торговый путь тянулся от Ольвии до Приуралья и, может быть, еще дальше на восток (Б. Н. Граков, Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? «Археологія», 7, Київ, 1947).

²⁴ Г. Кларк, Указ. раб., стр. 272—275; Я. Филип, Указ. раб., стр. 49—56; Ю. Б. Циркин, «Оловянный путь» и северная торговля Массалии. «Вестник древней истории», 1968, № 3, стр. 96—104.

²⁵ А. П. Смирнов, Античные элементы в культуре населения севера Восточной Европы, сб. «Культура Античного мира», М., 1966.

Средняя и Северо-Восточная Европа и лесная зона Восточной Европы в I тысячелетии до н. э., особенно в его конце, начинают развиваться ускоренными темпами. Важнейшими экономическими сдвигами здесь были распространение железа и развитие земледелия и скотоводства. И в этом не последнюю роль сыграли южные импульсы. Например, кельтское влияние сказывалось до Балтийского моря и южной Скандинавии; глубоко в Польше и в Западной Украине. Отдельные группы кельтских ремесленников основывали свои мастерские вне границ собственно кельтской среды, и местные жители перенимали кельтскую технику производства²⁶.

В конце I тысячелетия до н. э. на дальней периферии археологически прослеживаются первые признаки социальной и имущественной дифференциации. Показательно, что наиболее заметны они на линиях торговых путей или в районах соприкосновения с более продвинутыми племенами (кельтами, фракийцами, скифами) — в южной Прибалтике, на юге территории распространения лужицкой культуры, в Прикамье.

Особенно заметно воздействие классовых обществ на дальнюю периферию проявляется в первых веках н. э. Хотя военная экспансия Рима сказалась на ней лишь косвенно, в виде ряда этнических перемещений внутри варварского мира, торгово-экономические связи достигают в это время своего зенита. О размахе торговли янтарем жителей северной Германии и балтийского побережья с Римом сообщает Плиний Старший (NH, XXXVII, 45): «И поныне жив еще римской всадник, посланный туда для приобретения янтаря Юлианом, ведавшим устройством гладиаторских игр при принцеппе Нероне: он обошел местные торговые пункты и берега и привез такое огромное количество янтаря, что сетки, защищающие балкон от диких зверей, скреплены были янтарем, а вся арена и носилки для убитых гладиаторов и все прочее снаряжение, необходимое для игр, были сделаны из янтаря, чтобы создать разнообразие в самой пышности каждого отдельного дня этих игр».

Скандинавские археологи обычно определяют первые четыре века н. э. как «римский железный век», потому что «все культурное развитие Северной Европы было в тот период подчинено господствующему влиянию римской культуры»²⁷. Действительно, клады римских монет, многочисленные находки римских изделий и погребения с римским оружием в изобилии встречаются в это время в Скандинавии.

Заметное влияние Рима, особенно его дунайских областей, прослеживается даже в Восточной Европе (черняховская культура). Об этом говорят значительный приток монет и изделий провинциальной римской культуры, заимствование гончарного круга и т. д. и сопровождающий эти процессы рост социальной и имущественной дифференциации²⁸.

Влияние античной цивилизации не прослеживается сколько-нибудь существенным образом только на крайнем севере Европы. Но какие-то импульсы доходили даже туда, и пушнина, добываемая охотниками этих отдаленных мест, путем поэтапного обмена попадала на рынки Рима (Jord., *Get.*, 21—22).

Влияние Рима ускоряло экономическое и социальное развитие племен дальней периферии. В то же время они в значительной меньшей

²⁶ Я. Филипп, Указ. раб., стр. 115, 193.

²⁷ H. Shetelig and H. Falk, *Scandinavian Archaeology*, Oxford, 1937, p. 192; см. также: A. W. Brøgger, *Kulturgeschichte des norwegischen Altertums*, Oslo, 1926; O. Klindt-Jensen, *Foreign influences in Denmark's early iron age*, Copenhagen, 1956; А. Я. Гуревич, Некоторые вопросы социально-экономического развития Норвегии в I тысячелетии н. э. в свете данных археологии и топонимики, «Сов. археология», 1960, № 4, стр. 218—219.

²⁸ В. В. Кропоткин, Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры, М., 1967, стр. 106—125 и др.

степени являлись объектом его эксплуататорских устремлений, чем племена ближней периферии, их знать не была столь коррумпированной и связанной с Римом общностью интересов. Поэтому именно эти племена в эпоху Великого переселения народов нанесли основной удар по Риму.

Значение Великого переселения народов для судеб Европы, как первобытной, так и классовой, трудно переоценить. Огромные этнические перемещения, определенная нивелировка культуры, усиление военной аристократии и т. д. способствовали скорейшему изживанию первобытнообщинных отношений у втянутых в переселение племен и народов.

По-видимому, античная цивилизация вообще не могла нормально функционировать без наличия первобытной периферии — объекта эксплуатации и источника рабской силы. Но в процессе длительных и всесторонних связей рабовладельческие государства способствовали ее быстрейшему развитию, и экономическому, и социальному. В конце концов соотношение сил изменилось, и периферийные варварские племена нанесли окончательный удар по Риму, а вместе с ним и по античному рабовладению.

В течение следующего тысячелетия в Европе наблюдается становление (или восстановление на новой основе) классовых отношений, но уже феодального типа и распространение их на новые и новые районы. И в этих процессах римское наследие играло весьма существенную роль. Распад первобытнообщинных отношений быстрее всего происходил у тех племен, которые расселились на землях с римским или романизованным населением, много веков жившим в условиях государственного существования (вестготы, остготы, вандалы, бургунды, отчасти франки)²⁹. В результате завоевания их социально-экономическое и политическое развитие было значительно ускорено, а становление классового общества происходило как синтез присущих римскому и германскому обществам отношений, как в сфере производства, так и в области политики и идеологии.

Тот социально-экономический строй и его институты, которые германские племена застали на захваченной ими территории (частная собственность на землю, крупное землевладение, классовые отношения и т. д.), ускорили процессы дифференциации и классовообразования в их среде. Возникновение государства при этом облегчалось широким использованием уцелевших остатков римских государственных и правовых институтов, фискальной системы и т. д.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о значительном воздействии классовых обществ античного типа на социально-экономическое развитие их первобытной периферии³⁰. Очевидно, однако, что степень такого воздействия зависит не только от близости периферии к классовым обществам, но и от уровня социально-экономического развития составлявших ее обществ. Чем выше этот уровень, чем меньше разрыв между первобытным обществом и классовым, тем больше его воспринимающая способность. В связи с этим возникают вопросы: как именно общество воспринимает внешнее воздействие и как происходит его усвоение. Размеры журнальной статьи позволяют остановиться на них только в самой сжатой форме.

²⁹ См. А. И. Неусыхин, Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв., М., 1956; З. В. Удальцова, Италия и Византия в VI в., М., 1959, стр. 137, 154; А. Р. Корсунский, Образование раннефеодального государства в Западной Европе, М., 1963, и др.

³⁰ При этом мы не касаемся сейчас уже разобранных случаев завоевания и интеграции первобытного общества в социополитическую и экономическую структуру классового, нередко с его полной или частичной аккультурацией. Его было бы интересно сравнить с последствиями завоевания первобытных обществ докапиталистическими классовыми обществами иных типов. Кажется, здесь имеются весьма значительные различия.

Влияние античных классовых обществ на первобытную периферию наиболее заметно в сфере технологии и экономики, и, очевидно, именно здесь оно и сказывалось в первую очередь. Оно вело к важным переменам в производстве и распределении со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями. Конечно, и здесь требовалось определенное соответствие достигнутых уровней развития. Например, заимствование гончарного круга возможно только в том случае, если общественное разделение труда продвинулось достаточно далеко; производство зерна на продажу подразумевает сравнительно высокое развитие экономики и т. д. Но все же именно в этой сфере допустимый разрыв был, видимо, наиболее широким. В торговлю пушниной вовлекались даже племена с присваивающим хозяйством.

Значительно более сложным и опосредствованным было внешнее воздействие на социальную организацию первобытных племен. Военно-политическое давление Греции и Рима могло форсировать возникновение на периферии собственной государственности. Но основанная на ином базисе, она отнюдь не копировала греческие и римские образцы, оставаясь в этом отношении вполне самостоятельной.

Тем более это относится к таким элементам социальной организации, как семья, община, род, племя; к таким ее специфическим чертам и особенностям, как формы брака, его локальность, счет родства и т. д. В этой сфере не заметно (или почти не заметно) ни прямого заимствования, ни подражания аналогичным институтам античного мира.

Видимо, во многом это объясняется тем, что социальная организация любого общества представляет собой целостную структуру взаимосвязанных элементов и изменение одного из них невозможно или, по крайней мере, сильно затруднено без изменения остальных. Не так уж был далек от истины А. Фергюсон, еще в XVIII в. писавший, что «характерная сторона жизни какой-либо страны редко переносится в другую страну до тех пор, пока почва для этого не будет подготовлена наличием сходных условий»³¹.

Поэтому возможности прямого заимствования здесь вообще ограничены. Правда, надо учитывать, что варварские общества большей части Европы в рассматриваемый период переживали существенные сдвиги. В подобных обстоятельствах отдельные социальные институты и элементы социальной организации соседей, в том числе классовых, могли служить эталоном для копирования, предметом подражания и т. д. и возможности заимствования расширялись. Однако применительно к Европе I тысячелетия до н. э.—первой половины I тысячелетия н. э. они и в этом случае не могли быть особенно велики ввиду слишком большой специфики и своеобразия форм социальной организации античной цивилизации по сравнению с ее первобытной периферией. Возникавшие на периферии государственные образования не заимствовали и не могли заимствовать ни полисного устройства гражданской общины Греции, ни римского права, равно как чуждыми остались им греческие или римские формы семьи и брака.

Немногие известные исключения только подтверждают это правило. Этрусское общество при всей специфичности его общественного устройства, далеко не тождественного греческому, все же имело с ним, по крайней мере частично, один важнейший общий признак — полис, как город-государство и одновременно форму устройства гражданской общины. Именно это определило возможность широкого заимствования этрусками греческих политических институтов³², так же как некоторое позднее заимствование этрусских институтов Римом.

³¹ A. Ferguson. An essay on the history of civil society. Philadelphia, 1819, p. 307.

³² Полагают, в частности, что образцом для этрусских федераций, объединявших по 12 городов каждая, было 12-градье Ионии (F. Altheim, Der Ursprung der Etrusker. Baden, 1950, S. 60).

Но полисами не были ни Каменское городище на Днепре — столица скифского царства Атея, ни кельтские оппидумы, ни германские городища. Хотя некоторые из них по многим признакам уже можно называть городами, они не походили на города-государства Эллады по господствовавшим в них социальным отношениям.

Все сказанное отнюдь не означает, что античная цивилизация не оказывала никакого воздействия на социальное развитие первобытной периферии. Напротив, как явствует из рассмотренного материала, воздействие было, и очень существенное. Но оно сказалось не в виде прямого копирования форм социальной организации, присущих греческому и римскому обществам, а в тех изменениях в социальном и экономическом строе, которые совершались под их воздействием, но подчинялись в основном закономерностям внутреннего развития.

На первый взгляд может показаться странным, что более заметно прямое воздействие античных обществ на первобытную периферию в области идеологии, духовной культуры, религии и пр. В пантеон варварских обществ проникают греческие боги, местные божества заимствуют их отдельные черты, местная знать иногда подвергается поверхностной эллинизации или романизации. По-видимому, здесь дело не только в относительной автономности духовной сферы, но и в ее специфике, в возможности селективного отношения к ней, переосмысливания заимствованных элементов, приспособления их к местным условиям.

Приведем только один пример. Греки, очевидно, имели известные основания, когда отождествляли скифских богов со своими. Скифы, действительно, заимствовали у греков некоторые черты своих богов и культурных героев, в частности их антропоморфный облик. Однако исследования показывают, сколь своеобразно преломлялись эти заимствования на местной почве и сколь далеки были вновь появившиеся синкретические образы от своих прототипов³³.

Изложенные соображения, разумеется, нуждаются в дальнейшей проверке и детальном исследовании. К тому же они ограничены первобытной периферией только античных обществ, как известно, весьма своеобразных и отличных от других классовых обществ, известных на земном шаре в докапиталистическую эпоху. Поэтому их сравнение с выводами, сделанными на материале других регионов и другого времени, представляется весьма желательным.

THE PRIMITIVE PERIPHERY OF THE ANCIENT CIVILIZATIONS IN CLASSIC ANTIQUITY

(ON THE EXAMPLE OF EUROPE)

The article deals with the regularities governing mutual relations between class societies and their primitive periphery as illustrated by the example of Europe in the period of Antiquity. The conclusion is reached that the strength with which the class society exerts its influence over the primitive society depends not only on the proximity of the periphery to the centres of civilization but also on the level of its social-economic development. The influence of ancient civilizations over their primitive periphery was greatest in the sphere of technology and economics; it was weaker in the ideological sphere. As for the social organization of the societies under consideration the influence they underwent was much more complex and indirect. The interrelations between class societies and their primitive periphery in the region as a whole were also influenced by the peculiarities of antique societies which differed from all other pre-capitalist class societies known in world history.

³³ См., например, Б. Н. Граков, Скифский Геракл, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», XXXIV, 1950.

П. В. Денисов

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧУВАШСКОГО НАРОДА ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В дореволюционной историографии значительное место занимают работы по этнографии чувашского народа, однако труды даже таких видных исследователей, как В. К. Магницкий, Н. В. Никольский, Г. И. Комиссаров и др., носят лишь описательный характер. Ряд разделов этнографии чувашей оставался совершенно не изученным, а по многим проблемам начиналось только собирание материалов, но и то без соблюдения научной паспортизации.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции создала небывало благоприятные условия для национального, культурного и политического развития чувашского народа. В ходе социалистического преобразования всех сфер жизни чувашский народ, естественно, стремился познать свое историческое прошлое, историю своей борьбы за национальное и политическое освобождение, историю своей материальной и духовной культуры. Важную роль в создании научно-объективной истории чувашского народа должна была сыграть этнография, предоставив в распоряжение исследователей конкретный материал, характеризующий основные стороны культуры и быта чувашей в прошлом. Однако на первом этапе своего развития советская этнографическая наука испытывала серьезные затруднения в разрешении первоочередных задач, выдвинутых в связи с хозяйственным и культурным строительством народов СССР. Среди научных работников, специализировавшихся в области этнографии народов Поволжья, отсутствовали марксистски образованные кадры. Местные научные общества и краеведческие музеи, призванные осуществлять этнографические исследования, нередко возглавлялись представителями буржуазно-националистических группировок. Деятельность такого крупного научного объединения, как Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, в силу традиции по существу базировалась на методологии дореволюционной этнографической школы.

Советская этнографическая наука не игнорировала достижений дореволюционной этнографии, стремясь критически освоить ее наследие и привлечь к работе специалистов старшего поколения. Под влиянием революционных событий и развития марксистской историографии в среде историков-этнографов, прошедших школу буржуазной методологии, произошел раскол. Часть из них оказалась в стане контрреволюционных сил, а лучшие представители старой интеллигенции, такие, как Н. И. Ашмарин, Н. В. Никольский, Н. Ф. Катанов и другие крупные специалисты в области истории, этнографии и языка чувашского народа отдали все свои силы и знания народу, строительству социалистического общества.

Н. И. Ашмарин создал целый ряд работ, имеющих комплексный лингвистический и этнографический характер. Считая необходимым

широкое привлечение данных языка в историко-этнографических исследованиях, ученый писал, что «самым обильным источником, из которого мы можем почерпнуть понимание чувашского прошлого, является разговорный язык, который, передаваясь из поколения в поколение и подвергаясь непрерывным изменениям соответственно переменам как в жизни личности, так и в жизни всего народа, сохраняет в своем составе отрывки древней истории и обломки древних воззрений»¹. На основе комплексного изучения филологических и этнографических материалов им были созданы работы, заслужившие признание в мировой науке².

Велики заслуги Н. И. Ашмарина в собирании фольклорных произведений и материалов по этнографии чувашского народа. Его рукописный фонд, хранящийся в Научно-исследовательском институте при Совете Министров Чувашской АССР, содержит более 30 томов фольклорно-этнографических записей, собранных им лично, его многочисленными корреспондентами и учениками³.

Одним из наиболее активных организаторов историко-этнографического изучения чувашей был Н. В. Никольский. В 1919—1922 гг. он возглавлял этнографический факультет Северо-Восточного археологического и этнографического института, с 1922 по 1931 г. заведовал кафедрой чувашеведения Восточного педагогического института в Казани. Он принимал активное участие и в создании чувашского отдела Государственного музея Татарской АССР. Учитывая большую потребность в учебных пособиях по этнографии чувашей и музыкальному фольклору народов Поволжья, Н. В. Никольский в тяжелой обстановке гражданской войны работал над созданием «Конспекта по истории народностей Поволжья» (Казань, 1919), «Краткого конспекта по этнографии чуваш» (Казань, 1919), «Конспекта по истории народной музыки у народностей Поволжья» (Казань, 1920). Несмотря на некоторые ошибки методологического характера, эти труды содержали большой фактический материал⁴.

В 20-х годах, после образования Чувашской автономной области, когда усилился размах культурно-просветительной и политико-воспитательной работы, научно-краеведческие организации возникли и в самой Чувашии. В феврале 1921 г. в Чебоксарах был открыт Чувашский краеведческий музей и организовано Общество изучения Чувашского края, которые проводили активную работу по собиранию, хранению и изучению историко-археологических памятников, этнографических материалов. В создании этнографического отдела краеведческого музея — большая заслуга художника М. С. Спиридонова, этнографа А. П. Прокопьева-Милли, краеведов М. П. Петрова, К. В. Элле и др.

М. С. Спиридонов занимался главным образом изучением чувашского народного изобразительного искусства, собирал чувашские вышивки, создал серию картин, изображающих быт и различные хозяйственные занятия чувашских крестьян. В эти же годы он приступил к работе над этнографическим альбомом «Чувашский орнамент».

¹ Н. И. Ашмарин, Незаконченные рукописи, Научный архив Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики (далее — Научный архив ЧНИИ), Инв. № 47, л. 197—198.

² Н. И. Ашмарин, Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш, «Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани», т. II, Казань, 1921; его же, Словарь чувашского языка, т. I—XVII, Казань — Чебоксары, 1928—1950; его же, Введение в курс чувашской народной словесности, Рукопись, Научный архив ЧНИИ, инв. № 1070.

³ Об этнографических исследованиях Н. И. Ашмарина более подробные сведения содержатся в нашей статье «Проблемы устного народного творчества и этнографии чувашского народа в произведениях Н. И. Ашмарина», «Уч. зап. ЧНИИ», вып. X, Чебоксары, 1954.

⁴ А. М. Леонтьева, К вопросу об исторических взглядах Н. В. Никольского, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XXXI, Чебоксары, 1966.

А. П. Прокопьев-Милли в 1922—1923 гг. по заданию Чувашского краеведческого музея вел собирательскую работу в селениях Цивильского и Чебоксарского уездов и приобрел для музея богатую коллекцию чувашской национальной одежды (около 400 предметов). В 1923 г. он был одним из организаторов чувашской этнографической экспозиции на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве.

В эти же годы сбором этнографических материалов среди чувашского населения активно занимался К. В. Элле. Помимо сбора и изучения предметов материальной культуры, его внимание было сосредоточено на изучении дохристианских религиозных верований чувашей и топонимики Чувашского края. Он собрал богатый топонимический материал, который, к сожалению, до конца научно не обработал.

Обществу изучения Чувашского края и Краеведческому музею удалось привлечь к своей деятельности широкий круг сельской интеллигенции, учащих⁵.

В целях активизации краеведческой работы и пропаганды историко-этнографических знаний Общество изучения Чувашского края проводило лекции и доклады, опубликовало серию научно-популярных брошюр по вопросам археологии, истории, этнографии и языка чувашского народа. В лекциях и популярных изданиях в период с 1920 по 1927 г. преобладала тематика о происхождении чувашского народа⁶. В большинстве публикаций проводилась теория болгарского происхождения чувашей, которая была выдвинута и научно обоснована в трудах русских ученых еще до Великой Октябрьской социалистической революции. Однако в целом ряде работ, изданных в 1920-х годах, допускалась идеализация эпохи государства Волжской Булгарии. В работах Д. П. Петрова (Юман), М. П. Петрова, Г. И. Комиссарова и других краеведов болгарский период изображался как «золотой век» в истории чувашского народа, игнорировались социально-классовые противоречия и наличие эксплуататоров в этом государстве.

О необходимости углубленного и планомерного этнографического изучения культуры чувашского народа говорилось на I Всечувашском краеведческом съезде в Чебоксарах в 1928 г. Однако как в докладе Н. В. Никольского «Этнография чуваш», так и в выступлениях на этнографической секции данного съезда преобладало влияние дореволюционной историографии и намечались лишь первые признаки обращения к марксистской теории. Работы, изданные в конце 1920-х годов, свидетельствовали о неумении чувашских этнографов применять марксистскую методологию в конкретном этнографическом исследовании⁷.

С 1925 г., после преобразования Чувашской автономной области в автономную республику, значительно расширяются научно-экспедиционные исследования на территории Чувашской АССР, устанавливаются тесные связи с Комиссией экспедиционных исследований Академии наук СССР и научно-исследовательскими учреждениями Москвы, Ленинграда, Казани и др.⁸

⁵ См. А. М. Милли, Этнографическая работа среди чуваш в годы революции, «Этнография», 1926, № 1—2.

⁶ Н. Ф. Катанов, Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках, Казань, 1920; В. Ф. Смолин, К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар (Разбор главнейших теорий), Казань, 1921; его же, Чăвашсен тĕп аслашĕсем, Хусан, 1921; Г. И. Комиссаров, Чăваш халăхĕн историйĕ, Хусан, 1921; М. П. Петров, О происхождении чуваш, Чебоксары, 1925; его же, Чăваш историйĕ синчен кĕскен каласа кăтартни, Шупашкар, 1928; Н. Я. Марр, Чуваш-яфетиды на Волге, Чебоксары, 1926; Н. Н. Поппе, Чуваш и их соседи, Чебоксары, 1926.

⁷ Н. В. Никольский, Краткий курс этнографии чуваш, Чебоксары, 1929; его же, Народная медицина у чуваш, Чебоксары, 1929.

⁸ Более подробно об этом см.: П. Г. Григорьев, Научно-исследовательская работа в Чувашии за 30 лет, «Зап. ЧНИИ», вып. V, Чебоксары, 1950.

В эти годы в Чувашии широко развернули этнографическую работу Центральный музей народов СССР (Москва), Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР (Ленинград), Академия истории материальной культуры (Ленинград), Яфетический институт (Ленинград). В составе этих комплексных экспедиций под руководством видных советских антропологов, археологов и этнографов Г. Ф. Дебеца, П. И. Ефименко, Т. С. Пассек, Б. М. Соколова, Б. А. Латынина и др. проходили научную стажировку чувашские аспиранты и студенты.

В течение 1925—1929 гг. сотрудниками этнографических учреждений были изучены центральные и северные районы Чувашии, в результате чего в музей поступили богатые коллекции. Благодаря совместной работе в этих экспедициях этнографов, археологов, языковедов и фольклористов стало возможным по-новому поставить ряд вопросов при изучении материальной и духовной культуры чувашского народа. Полевые материалы, собранные этими экспедициями, вошли в научный оборот, сыграли важную роль в становлении чувашской советской этнографии и помогли преодолеть идеалистические концепции в разработке основных тем по этнографии чувашского народа.

Значительную собирательную и исследовательскую работу среди чувашского населения за пределами Чувашской АССР проводили в 1920-х годах Государственный музей Татарской АССР и сотрудники Саратовского государственного университета под руководством Б. М. Соколова. Фонды этнографических коллекций Государственного музея Татарской АССР пополнялись в результате многолетних экспедиционных работ Н. И. Воробьева, М. Е. Евсеева, Н. В. Никольского, а также в связи с передачей экспонатов из закрытого в 1920 г. Музея народов Востока. В 1926 г. в музей поступили богатые коллекции по народам Поволжья из собраний Селькредитсоюза⁹.

Этнографические исследования Т. М. Акимовой, П. Д. Степанова, А. С. Говорова, посвященные чувашам Саратовской области, дали конкретный материал для характеристики особенностей материальной и духовной культуры этой группы чувашского населения, процессов изменения национальных форм культуры и быта в условиях социалистической перестройки деревни. Из научных публикаций саратовских этнографов следует особо отметить обстоятельные статьи Т. М. Акимовой, посвященные женской национальной одежде¹⁰.

В начале 30-х годов наметился существенный перелом в этнографическом изучении чувашского народа. Воплощая в жизнь решения Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) по вопросам исторической науки (1934 г.), учитывая выводы теоретических дискуссий, проведенных в 1930-х годах в центральных институтах по гуманитарным наукам и на страницах исторических и этнографических журналов, научные работники направляли свои усилия на подготовку новых кадров для ведения исследовательской работы в области истории и этнографии чувашского народа. В августе 1930 г. решением правительства Чувашской АССР был создан Чувашский научно-исследовательский институт.

В борьбе за творческое применение марксистско-ленинской теории в изучении истории и этнографии чувашского народа большую положительную роль сыграли большевистская научная критика буржуазно-националистических концепций на страницах центральной и республиканской печати и организация творческих дискуссий в Чувашском

⁹ См. Т. А. Крюкова, Указатель этнографических коллекций народов Поволжья, Казань, 1958.

¹⁰ Т. М. Акимова, Эволюция женского костюма у саратовских чуваш, Саратов, 1928; ее же, Женские головные уборы саратовских чуваш, «Труды Нижне-Волжского краевого музея», вып. 1, Саратов, 1929, стр. 45—56; ее же, Чувашские вышивки, сб. «Искусство народов СССР», М., 1930.

научно-исследовательском институте¹¹. Борьбе против буржуазно-националистической историографии много внимания уделял историк И. Д. Кузнецов, выступивший с критическим разбором ряда работ по чувашской этнографии¹².

В 30-х годах ученые С. С. Кутяшов, Н. Я. Золотов, К. В. Элле приступили к изучению верований чувашского народа¹³. Однако их работы были посвящены лишь дохристианским религиозным верованиям чувашей.

Весьма ценным пособием для пропагандистов атеизма явилась этнография одного из видных специалистов в области атеизма — Н. М. Маторина¹⁴. В работе содержится обобщенный материал об основных религиозных течениях в Поволжье. В 1933—1934 гг. ученый предпринял этнографические поездки в национальные районы Поволжья с целью сбора полевых и архивных материалов по верованиям народов Волго-Камского края и предварительные итоги своего исследования опубликовал в печати¹⁵.

Значительный вклад в изучение дохристианских форм религиозных верований чувашей внесли в эти годы советские этнографы Т. С. Пассек и Б. А. Латынин. Используя полевые этнографические материалы, собранные ими в 1920-х годах в Чувашии, и критически подходу к доминирующим литературным источникам, они создали ряд научных исследований¹⁶.

Свидетельством дальнейшего роста чувашской советской этнографии явилась экспедиция по изучению социально-культурного и бытового состояния чувашских деревень, организованная Чувашским научно-исследовательским институтом в соответствии с решениями директивных органов республики от 14 ноября 1933 г. Члены экспедиции провели конкретно-социологические исследования в 21 деревне (из них 18 чувашских, 1 русская, 1 татарская и 1 мордовская) с 4885 хозяйствами и общим числом населения 23032 человек. Предварительные итоги этой экспедиции подробно освещались в республиканской печати, а в более обобщенном виде были представлены в работах И. Д. Кузнецова и С. С. Кутяшова¹⁷. В широком масштабе возобновились исследования этнографов после Великой Отечественной войны. С 1949 г. развернула свою работу совместная экспедиция Чувашского научно-исследовательского института, Чувашского краеведческого музея и Казанского филиала Академии наук СССР. Эта экспедиция под руководством Н. И. Воробьева детально изучила все основные этнографические группы и подгруппы

¹¹ С. С. Кутяшов, Против национализма в чувашской этнографии, «Сов. этнография», 1931, № 1—2.

¹² См. работы И. Д. Кузнецова в сб. «Очерки по истории и историографии Чувашии», Чебоксары, 1960.

¹³ С. С. Кутяшов, Против национал-демократического уклона в анализе религии чуваш, «Сов. этнография», 1931, № 3—4; его же, Тёттёмлехе хирёс, тёнсёр сёне пурнашшан (Против темноты, за новую жизнь без религии), Шупашкар, 1930; Н. Золотов, Тёне хирёс, кёрешессине вайлатар (Усилить антирелигиозную работу), Шупашкар, 1931; К. В. Элле, Акатуй, Чебоксары, 1935.

¹⁴ Н. М. Маторин, Религия у народов Волжско-Камского края, М., 1929.

¹⁵ Н. М. Маторин, Две поездки в Поволжье, «Сов. этнография», 1934, № 4; его же, Развернем по-большевистски работу по Чувашии, газ. «Красная Чувашия», 10 сентября 1933 г.

¹⁶ Т. С. Пассек, Б. А. Латынин, Заметки по Поволжью, «Яфетический сборник», VI, Л., 1930; их же, Анализ чувашского мифа о происхождении керемети, там же; Т. С. Пассек, Круг чувашских праздников, «Сборник АН СССР, посвященный акад. Н. Я. Марру», М.—Л., 1935; Б. А. Латынин, Мировое дерево — древо жизни в орнаменте и фольклоре Восточной Европы, «Изв. ГАИМК», вып. 69, Л., 1933.

¹⁷ См. И. Д. Кузнецов, Колхозниксен культуралăх хăпарать. Колхозниксен килсүртёни культуралăх сине (Чувашская деревня на путях культурного подъема), Шупашкар, 1934; С. С. Кутяшов, И. Кузнецов, Чувашская колхозная деревня на путях культурного подъема. Очерки по материалам экспедиции 1933 г., Чебоксары, 1934; С. С. Кутяшов, Экспедиция по изучению социально-культурного состояния Чувашии «Сов. этнография», 1934, № 4, стр. 113—115.

чувашского народа, сосредоточив основное внимание на вопросах современного быта и культуры чувашского колхозного крестьянства. Научно обработанные материалы экспедиции легли в основу монографии «Чуваши»¹⁸, а также были использованы в ряде научных статей участников экспедиции¹⁹. В 1970 г. авторский коллектив, успешно завершил работу над второй частью этой монографии, в которой подведены итоги этнографического исследования общественного и семейного быта, духовной культуры, устно-поэтического творчества и изобразительного искусства чувашского народа.

К 50-м годам был накоплен большой материал по археологии, антропологии, этнографии и лингвистике чувашей Поволжья, что позволило провести в январе 1950 г. в Москве научную сессию Отделения истории и философии Академии наук СССР и Чувашского научно-исследовательского института, посвященную вопросам этногенеза чувашей²⁰. Но в выводах ряда ученых были допущены ошибки. Многие докладчики без достаточных оснований старались доказать теорию автохтонного происхождения чувашей и отрицали роль булгарских племен в формировании чувашской народности. В связи с этим Чувашский НИИ в мае 1956 г. провел новую научную сессию, участники которой, опираясь на исследования последних лет, доказали несостоятельность теории автохтонного происхождения чувашей и подчеркнули определяющую роль тюркоязычных булгар в складывании чувашской народности²¹.

В 50-х годах уделялось значительное внимание и вопросам критического использования дореволюционного культурного наследия чувашского народа. Помимо издания ряда популярных брошюр и статей о дореволюционных исследователях истории и культуры чувашского народа, Чувашский научно-исследовательский институт провел в апреле 1956 г. научную сессию на тему «Культура и культурное наследство чувашского народа второй половины XIX и начала XX в.»²².

Новый этап развития этнографических исследований в Советской Чувашии протекает в условиях строительства коммунизма в нашей стране. За последнее десятилетие умножились полевые экспедиции и конкретно-социологические исследования, создан ряд работ комплексного, историко-этнографического характера, усилились связи с центральными этнографическими учреждениями Москвы и Ленинграда.

Особенно ценные материалы были собраны экспедицией Чувашского научно-исследовательского института в мае 1960 г. Основной задачей экспедиции являлось повторное обследование быта и культуры чувашских деревень, изученных экспедицией 1933 г. В разных районах Чувашской АССР был обследован 21 населенный пункт с населением около 20 тыс. человек. Полученные данные позволяют детально characterize

¹⁸ Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова, Чуваши. Этнографические исследования, ч. I, Материальная культура, Чебоксары, 1956 (см. рецензии на это издание: В. Н. Белицер в журн. «Сов. этнография», 1957, № 6; И. Д. Кузнецова в журн. «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XVI, Чебоксары, 1958).

¹⁹ Н. И. Воробьев, Этнографические исследования в Чувашской АССР, «Сов. этнография», 1950, № 2, стр. 205—208; его же, Краткие итоги изучения материальной культуры чуваш, «Сов. этнография», 1952; № 4; его же, К истории сельского жилища у народов Среднего Поволжья, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», 1956, вып. XXV; его же, Резьба по дереву у чувашей, «Сов. этнография», 1956, № 4; его же, Украшения и внутреннее убранство жилища народов Среднего Поволжья, «Изв. Казанского филиала АН СССР», вып. 2, серия гуманитарных наук, Казань, 1957; его же, Национальные традиции в прикладном искусстве народов Среднего Поволжья, «Художественная самодеятельность», 1960, № 6; П. В. Денисов, Национальная одежда низовых чуваш южных районов Чувашской АССР, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XI, Чебоксары, 1955.

²⁰ Материалы научной сессии опубликованы в журнале «Сов. этнография», 1950, № 3.

²¹ См. сб.: «О происхождении чувашского народа», Чебоксары, 1957.

²² См. сб.: «О дореволюционной культуре чувашского народа» «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XV, Чебоксары, 1957.

вать многие стороны материальной и духовной культуры. Экспедиционные материалы 1933 и 1960 гг. научно обработаны и широко используются в историко-этнографических исследованиях и публикациях²³.

В июле 1970 г. кафедра истории СССР Чувашского государственного университета и Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР организовали в районах, изученных в время двух предыдущих экспедиций, подворное обследование по обновленной программе и приступили к обобщению материалов всех трех экспедиций. В ходе экспедиции 1970 г. были собраны коллекции для учебного музея по этнографии народов Поволжья, организованной при Чувашском государственном университете.

С 1961 г. Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР приступил к этнографическому изучению материальной и духовной культуры чувашского населения Татарской и Башкирской АССР, Куйбышевской, Ульяновской и Оренбургской областей, что весьма важно для выяснения вопросов этнической истории чувашского народа²⁴. Значительный фактический материал, характеризующий современный быт и культуру сельского чувашского населения, собран во время экспедиции 1963—1969 гг.²⁵ Этнографические материалы по чувашской народной архитектуре широко представлены в работе Г. Н. Павлова²⁶.

Значительные сдвиги произошли в области сравнительного изучения материальной и духовной культуры тюркских и финно-угорских народов Поволжья. Историки и этнографы при разработке проблем этнографии народов Поволжья стали уделять серьезное внимание изучению процессов культурного взаимодействия этих народов и формирования общерегиональных черт хозяйства, культуры и быта²⁷.

С 1967 г. в соответствии с научным планом Комитета по социологическим проблемам села Социологической ассоциации СССР в Поволжье начались конкретно-социологические исследования современных социально-этнических процессов. В работе комплексной экспедиции, организованной Институтом этнографии АН СССР и Московским государственным университетом, принимали участие и научные организации республик Поволжья. О предварительных итогах этих этносоциологических исследований рассказали в своих сообщениях сотрудники Института этнографии АН СССР на зональной научной сессии Отделения истории АН СССР и Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР²⁸.

Проблемы этнокультурного взаимодействия народов Поволжья тесно связаны с вопросами этногенеза. Результаты исследований, посвя-

²³ См. И. Д. Кузнецов, Итоги экспедиции по изучению быта и культуры сельского населения Чувашии 1960 г., Чебоксары, 1960; Т. С. Сергеев, Культурное строительство и формирование социалистического быта в чувашской деревне в годы предвоенных пятилеток (1928—1941 гг.), Автореф. канд. дис., М., 1965; его же, Старые и Новые Ходары, Чебоксары, 1965.

²⁴ См. М. В. Румянцев, Современная материальная и духовная культура чувашского населения Татарской АССР, Куйбышевской и Ульяновской областей, «Научная сессия, посвященная итогам исследовательских работ института за 1961 г.», Чебоксары, 1961; Л. А. Иванов, Поселения и жилища чувашского населения Прикамского Заволжья и Южного Урала, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XXIX, Чебоксары, 1965; его же, Национальная одежда и украшения прикамских и южноуральских чувашей, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XXXI, Чебоксары, 1966.

²⁵ Л. А. Иванов, Современный быт и культура сельского чувашского населения, Автореф. канд. дис., М., 1970.

²⁶ Г. Н. Павлов, Чувашская народная архитектура (Эволюция, особенности и связь с русской народной архитектурой), Автореф. канд. дис., М., 1963.

²⁷ См., напр., «Вопросы этнической истории мордовского народа», «Тр. Мордовской этнографической экспедиции», вып. I, М., 1960; «Исследования по материальной культуре мордовского народа», «Тр. Мордовской этнографической экспедиции», вып. II, М., 1963 и др.

²⁸ См. В. С. Кондратьев, Научная сессия «Торжество ленинской национальной политики», «Сов. этнография», 1970, № 6.

важнейшим вопросам этногенеза, были обсуждены на специальных научных сессиях и изложены в многочисленных публикациях²⁹.

Ценные материалы, связанные с этой проблемой, содержатся также в трудах языковедов и фольклористов. Из таких работ прежде всего должна быть названа монография М. Р. Федотова об исторических связях чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками³⁰. Для более детального изучения истории формирования основных этнографических групп чувашского народа и их этнокультурных контактов с соседними народами немаловажное значение имеют диалектологические исследования чувашского языка³¹.

В последние годы в Советской Чувашии заметно усилился интерес исследователей к малоразработанным проблемам этнической демографии. Из числа этнодемографических работ следует отметить обстоятельные исследования П. А. Сидорова, посвященные определению численности, национального состава и динамики населения Чувашии конца XVIII — первой половины XIX в.³² Интересные сведения о населении Чувашской АССР (по данным Всесоюзных переписей 1926, 1939, 1959 гг.) содержатся в популярной работе этого же автора³³. В работах К. К. Сидорова подробно анализируются социально-экономические и социально-культурные факторы, влияющие на процессы естественного воспроизводства населения³⁴.

Сложные этнодемографические вопросы обсуждались на Всесоюзном симпозиуме «Порайонные особенности воспроизводства населения», состоявшемся в мае 1968 г. в Чебоксарах³⁵.

Чувашскими историками и этнографами успешно разрабатываются вопросы религии и атеизма. Работы автора настоящей статьи посвящены происхождению и эволюции религии чувашей с древнейших времен до начала XX в. На основе историко-этнографического материала он показывает, как менялись формы религии с развитием человеческого общества, анализирует данные о распространении атеизма среди чувашского крестьянства в процессе революционной борьбы против самодержавия³⁶.

²⁹ См., напр., «Этногенез мордовского народа», «Материалы научной сессии, 8—10 декабря 1964 г.», Саранск, 1965; «Происхождение марийского народа», «Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23—25 декабря 1965 г.)», Йошкар-Ола, 1967.

³⁰ М. Р. Федотов, Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Полюжья и Перми, ч. I, Чувашско-марийские связи, Чебоксары, 1965; ч. II, Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками, Чебоксары, 1968.

³¹ См.: «Материалы по чувашской диалектологии», вып. I, Чебоксары, 1960; вып. II, Чебоксары, 1963; вып. III, Чебоксары, 1969; Л. П. Сергеев, Диалектологический словарь чувашского языка, Чебоксары, 1968; его же, Чăваш чĕлхин вырăнти каласăвĕсем (Местные говоры чувашского языка) (на чувашском языке), Чебоксары, 1969.

³² П. А. Сидоров, Численность, состав и динамика населения Чувашии в конце XVIII — первой половине XIX в., «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XXI, Чебоксары, 1962; его же, Численность, состав и динамика населения Чувашии в капиталистический период», «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XXIII, Чебоксары, 1963.

³³ П. А. Сидоров, Население Чувашии за сорок лет социалистической автономии, Чебоксары, 1960.

³⁴ К. К. Сидоров, Увеличение средней продолжительности жизни населения в Чувашии, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XXIX, Чебоксары, 1965; его же, Воспроизводство населения Чувашии и его санитарная оценка, Автореф. канд. дис., М., 1967; его же, Динамика возрастного-полового состава населения Чувашской АССР и задачи органов здравоохранения, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XL, Чебоксары, 1968; его же, Здоровье населения Чувашии, Чебоксары, 1969, и др.

³⁵ См.: «Всесоюзный симпозиум „Порайонные особенности воспроизводства населения“», «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XL, Чебоксары, 1968, стр. 329—332.

³⁶ П. В. Денисов, Религиозные верования чуваш, Чебоксары, 1959; его же, Тен пусланса кайни (Происхождение религии), Шупашкар, 1962, его же, Тĕн тĕшмĕшĕ тата уялн синеĕ (Религиозные суеверия и их вред), Шупашкар, 1955; его же, Антицерикальные выступления чувашского крестьянства и православная церковь накануне Великой Октябрьской социалистической революции, «Вопр. истории и историографии чувашского народа», Чебоксары, 1970.

В книгах Г. Е. Кудряшова разрабатываются вопросы преодоления пережитков дохристианских религиозных верований чувашей, выясняются причины существования этих пережитков, обобщается опыт научно-атеистического воспитания трудящихся Советской Чувашии³⁷.

Тема религии и атеизма в произведениях устного народного творчества рассматривается в исследованиях И. И. Одюкова³⁸ и А. И. Петрухи³⁹. С 1965 г. все исследования по проблемам научного атеизма координируются Опорным пунктом Института научного атеизма общественных наук при ЦК КПСС. Теоретическая разработка вопросов научного атеизма стала все более базироваться на материалах конкретно-социологических исследований, проводимых Опорным пунктом в районах республики. Итоги этих исследований будут обобщены в коллективном труде, а часть материалов уже опубликована в предварительных отчетах⁴⁰.

Следует особо отметить, что в Советской Чувашии за последнее десятилетие издан ряд монографий, посвященных различным проблемам чувашской этнографии. В работе автора данной статьи впервые сделана попытка исследовать в сравнительном плане материальную и духовную культуру, общественный и семейный быт дунайских болгар и чувашей в труде В. Ф. Каховского освещены основные этапы этногенеза чувашского народа⁴¹. Вопросы национальной одежды и изобразительного искусства чувашского народа весьма подробно разработаны в книге Н. И. Гаген-Торн, Г. А. Никитина и Т. А. Крюковой⁴².

Взаимосвязям этнопедагогики чувашского народа с педагогической культурой других народов посвящены работы Г. Н. Волкова. Эта тема разработана в его докторской диссертации «Этнопедагогика чувашского народа»⁴³. Большой интерес для этнографов представляют и писанные М. Я. Сироткиным, В. Я. Канюковым и Н. Р. Романовыми книги по чувашскому фольклору⁴⁴, в которых развитие традиционных жанровых форм устно-поэтического творчества прослеживается в тесной связи с жизнью и бытом чувашского народа. Материальной культу-

³⁷ Г. Е. Кудряшов, *Пережитки религиозных верований и их преодоление*, Чебоксары, 1961; его же, *Атеизм и молодежь*, Чебоксары, 1968.

³⁸ И. И. Одюков, *Халăх сăмахлăхĕ тĕне хирĕс* (Устное народное творчество против религии), Шупашкар, 1961; его же, *Чувашские народные песни социального протеста и революционной борьбы*, Чебоксары, 1965.

³⁹ А. И. Петрухин, *Материализм и атеизм в устном творчестве чувашей*, Чебоксары, 1959; его же, *Отражение мировоззрения народных масс в их устно-поэтическом творчестве (на фольклорном материале народов Поволжья)*, Автореф. докт. дис., Казань, 1966.

⁴⁰ Г. Н. Плечов, *Некоторые итоги изучения уровня атеизма жителей чувашского села*, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XXXVI, Чебоксары, 1967; Г. Е. Кудряшов, *Социологические исследования и задачи атеистов*, «Блокнот агитатора» (изд. Чувашии при ЦК КПСС), 1968, № 1; П. П. Павлов, *К вопросу о влиянии религиозной среды на мировоззрение школьника*, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XL, Чебоксары, 1968.

⁴¹ П. В. Денисов, *Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей*, Чебоксары, 1969; В. Ф. Каховский, *Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории*, Чебоксары, его же, *Волжская Болгария и формирование чувашской народности*, «Древности Восточной Европы», М., 1969.

⁴² Н. Гаген-Торн, *Женская одежда народов Поволжья* (Материалы к этнографии), Чебоксары, 1960; Г. А. Никитин, Т. А. Крюкова, *Чувашское народное изобразительное искусство*, Чебоксары, 1960.

⁴³ Г. Н. Волков, *Чувашская народная педагогика*, Чебоксары, 1958; его же, *О традициях чувашского народа в эстетическом воспитании*, Чебоксары, 1965; его же, *Этнопедагогика чувашского народа* (В связи с проблемой общности народных педагогических культур), Чебоксары, 1966; его же, *Трудовые традиции чувашского народа*, Этнопедагогический очерк, Чебоксары, 1970.

⁴⁴ М. Я. Сироткин, *Чувашский фольклор. Очерк устно-поэтического народного творчества*, Чебоксары, 1965; В. Я. Канюков, *Чувашский детский фольклор (на чувашском языке)*, Чебоксары, 1964; «Чувашские пословицы, поговорки и загадки», составитель Н. Р. Романов, Чебоксары, 1960.

русского сельского населения на территории Чувашской АССР посвящена работа Е. П. Бусыгина и Н. В. Зорина⁴⁵.

За истекшие годы подробные статьи и очерки по этнографии чувашского народа опубликованы в сводных трудах и учебниках для вузов. Значительное внимание уделяется этнографическим вопросам и в «Истории Чувашской АССР»⁴⁶. Высокой оценки заслуживает монография В. Д. Дмитриева, в которой рассматриваются вопросы быта и культуры чувашского крестьянства периода феодализма⁴⁷. На основе скрупулезного анализа документальных источников этим же автором написаны статьи, посвященные таким малоразработанным темам чувашской этнографии, как происхождение сложных общин в Чувашии, расселение чувашей после присоединения их к России на новых территориях, влияние русской материальной и духовной культуры на чувашскую⁴⁸.

На большом фактическом материале показаны быт и культура чувашского крестьянства периода капитализма в докторской диссертации И. Д. Кузнецова⁴⁹.

Таким образом, чувашские этнографы заняты изучением важнейших процессов, происходящих в материальной и духовной культуре чувашского народа. Активизировались и исследования в области религии и этнизма. Необходимо приступить к созданию историко-этнографических атласов, крайне важных для решения вопросов этногенеза и истории культуры чувашского народа. Наконец, пришло время начать работу над историографией чувашской этнографии.

THE ETHNOGRAPHIC STUDY OF THE CHUVASHES DURING THE SOVIET PERIOD

The multifarious activities of Chuvash ethnographers in the Soviet period is described in the article. The author shows his readers the major problems of ethnographic research dealt with by Chuvash scientists and their plans for future work.

⁴⁵ Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Русское население Чувашской АССР. Материальная культура, Чебоксары, 1960; см. также Е. П. Бусыгин, Русское население Среднего Поволжья, Казань, 1966.

⁴⁶ См., напр., Н. И. Воробьев, Чуваши, «Народы Европейской части СССР», т. II, М., 1964; В. Н. Белицер, П. В. Денисов, Чуваши, «Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР», М., 1968; С. А. Токарев, Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры, М., 1958 (о чувашах стр. 162—170); К. И. Козлова, Этнография народов Поволжья. Учебное пособие, М., 1964; «Основы этнографии», под ред. С. А. Токарева, М., 1968, стр. 271—278; «История Чувашской АССР», т. I, Чебоксары, 1966; т. II, Чебоксары, 1967.

⁴⁷ В. Д. Дмитриев, История Чувашии XVIII в., Чебоксары, 1959.

⁴⁸ В. Д. Дмитриев, К вопросу о сложных общинах в Чувашии, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XXIII, Чебоксары, 1963; его же, К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XIV, Чебоксары, 1956; его же, Общениа чувашей с русскими и влияние русской культуры на чувашскую в конце XIX — начале XX в., «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XL, Чебоксары, 1968.

⁴⁹ И. Д. Кузнецов, Крестьянство Чувашии в период капитализма, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XXIV, Чебоксары, 1963.

Е. И. Клементьев

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В КАРЕЛИИ

(ПО МАТЕРИАЛАМ КОНКРЕТНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ КАРЕЛЬСКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ)

В 1969 г. социологический отряд Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР провел массовое обследование карельского сельского населения для выявления социально-экономических, демографических, экологических и иных характеристик. В 53 деревнях и селах Олонецкого, Кондопожского, Муезерского и Калевальского районов республики, где представлены все основные типы сельских поселений, опрошено свыше 1200 человек. Фактическая ошибка выборки, как показывают произведенные расчеты, по таким опорным признакам, как социально-профессиональные группы, пол, возраст, образование находится в пределах допустимой теоретической ошибки¹.

Перед исследователями стояли следующие задачи: выяснить, какие явления национальной жизни играют доминирующую роль в становлении национального самосознания различных этнографических и социальных групп карельского сельского населения, какова роль этнокультурных взаимодействий в развитии национального самосознания, какова общая тенденция изменения национального самосознания карел.

Тесная связь между характером и темпами языковых и этнических процессов делает необходимым анализ различных сторон языковых взаимодействий контактирующих этносов: общественных функций языков в различных сферах общения, масштабов двуязычия, степени языковой ассимиляции и т. д.

На территории республики функционирует несколько языков: русский, карельский, финский, вепсский и т. д. В данной статье мы коснемся лишь карело-русских языковых контактов.

Карельский язык, в котором различают три диалекта (ливвиковский, людиковский и собственно карельский), относится к прибалтийско-финской группе финно-угорской языковой семьи. Каждый диалект соответствует этнонимическим названиям этнографических групп карел. Часть населения, особенно на севере республики, владеет финским языком. Так как карелы не имеют своей письменности, преподавание в школах, техникумах, вузах ведется на русском языке. Последний — язык радио и телевидения, литературы и искусства. Подавляющее большинство карел свободно владеет русским языком.

Чтобы понять современные языковые процессы, необходимо иметь ясное представление об особенностях исторического развития карело-русских культурных обменах и контактах с другими народами, о темпах социально-этнических изменений и т. д.²

¹ Е. И. Клементьев, Метод организации выборки в этносоциологическом исследовании (на материалах сельского населения Карелии), «Вопросы методики в этнографических и этносоциологических исследованиях», М., 1970.

² М. Н. Губогло, О влиянии расселения на языковые процессы, «Сов. этнография», 1969, № 5; В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 299-305 и др.

Истоки карело-русских культурных, в том числе и языковых, связей уходят в глубь столетий. Различия в языковых характеристиках определяются интенсивностью и длительностью контактов отдельных этнических групп карел с другими народами (русскими, финнами) и компактностью расселения. Первые опубликованные данные о карелах, расселенных на территории современного обитания людиков, относятся к XII в. В XVI—XVII вв. людики, имевшие тесные хозяйственные связи с Заонежьем, где русские составляли подавляющее большинство, издавна приобщались к русскому языку, широко употребляя его в различных сферах деятельности³. В настоящее время уже 37,0% людиков свободнее владеет русским, чем карельским, и еще 23,8% одинаково свободно владеет двумя языками.

Ливвики и собственно карелы имели в прошлом более ограниченные межнациональные контакты с русскими, поэтому лишь 19,8% ливвиков и 28,6% собственно карел свободнее владеют русским языком, а двумя языками соответственно владеют 15,2 и 10,0%.

Современные языковые процессы во многом предопределяются сохраняющимися локальными особенностями культуры и быта, социальными различиями в этногруппах, языковой и этнической ассимиляцией карел. Коренные изменения этнического состава населения, происшедшие главным образом за последние 40 лет и преобразовавшие Карелию в многонациональный край (по переписи 1897 г. на долю карел приходилось 42,3% от всего населения, в 1926 г. — 37,4%, в 1959 г. — 13,1%)⁴, явились следствием перемен в социально-экономической жизни страны.

В результате урбанизации существенно изменилось не только соотношение городского и сельского населения (в 1926 г. сельское население составляло 77,4%, в 1959 г. — 27,8%)⁵, но и создались новые, широкие возможности для языковых контактов карел с представителями различных национальностей.

Одно из важнейших последствий укрупнения поселений — сокращение в них удельного веса карел. При увеличении среднего размера поселений с 1897 по 1959 г. в два раза, численность карел в них осталась почти прежней, т. е. доля этой части населения сократилась в два раза⁶. В поселениях с числом жителей 500—1000 и более человек, наиболее полно характеризующих современное карельское село, сконцентрировано более 52% сельского населения. Дальнейшая интенсификация сельскохозяйственного производства ведет к сокращению числа мелких поселений и к смешению разнонациональных групп села. По данным нашего исследования, на долю национально-смешанных браков приходится 30,3% всех браков карел, что также способствует утверждению русского языка в качестве языка межнационального общения.

В настоящее время степень знания национального языка на селе остается достаточно высокой: 94,0% сельского работающего населения свободно говорят на карельском языке, 3,9% понимают и могут объясниться и лишь 2,1% понимают, но не говорят или не владеют язы-

³ «Материалы по истории Карелии XII и XVI вв.», Петрозаводск, 1941, № 229, стр. 290 и др.; М. М. Внтгов, Историко-географические очерки Заонсжья XVI—XVII вв., М., 1962, стр. 64, 65, 71.

⁴ «Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.», XXII—Слоонецкая губерния, тетрадь 1, 1899; Архангельская губерния, тетрадь 3, 1904; «Всероссийская перепись населения 1926 г.», отдел I, т. 1, стр. 114—116; «Итоги Всесоюзной переписи населения СССР 1959 г. (сводный том)», М., 1962, стр. 203.

⁵ «Всероссийская перепись населения 1926 г.», отдел I, тетрадь 1, стр. 106; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г., РСФСР», М., 1963, стр. 18.

⁶ Подсчитано нами по: «Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.», тетрадь 1—3, 1899—1904; «Отчетные данные статистического управления КАССР за 1959 г.».

Языковые характеристики возрастных групп*
(% к каждой возрастной группе)

Языковые характеристики	Возраст						
	16—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—49	старше 50
Абсолютное число опрошенных (чел.)	46	115	108	198	226	381	155
Знание карельского языка:							
свободно говорят	83,5	72,7	87,4	96,2	95,1	96,9	96,6
понимают, объясняются	8,9	17,2	9,6	2,1	1,8	2,9	2,4
понимают, но не говорят	7,6	10,1	3,0	1,7	3,1	0,2	1,0
Свободно владеют:							
карельским	39,1	31,7	57,3	58,8	55,9	75,3	75,0
русским	40,0	39,5	20,9	18,9	12,8	7,4	13,7
обоими	20,9	28,8	21,8	22,3	21,3	17,3	11,3
Считают родным:							
карельский	64,2	68,6	84,9	85,9	90,3	94,1	96,5
русский	25,4	26,4	12,9	10,2	9,0	4,3	3,2
два языка	4,4	4,2	2,2	3,9	0,0	0,6	0,0
затруднялись ответить	6,0	0,8	0,0	0,0	0,0	1,0	0,0
Говорят дома:							
только на карельском	45,3	31,2	46,9	37,3	32,3	44,2	56,8
только на русском	31,9	36,1	23,2	27,2	25,2	19,6	14,3
на двух языках	22,8	33,5	29,9	34,9	42,5	34,4	25,6
Говорят на работе:							
только на карельском	8,8	4,5	17,3	12,8	11,2	22,0	26,5
только на русском	58,3	67,6	45,2	47,1	46,8	34,5	25,0
на двух языках	32,9	26,9	32,8	39,3	41,3	42,8	45,9
Язык раннего детства							
русский	9,3	20,0	8,3	3,3	4,9	1,0	1,8

* В таблице не отражены данные о распространении финского языка в сочетании с карельским и русским.

ком своей национальности. Для 89,6% опрошенных родным остается карельский язык.

Очевидно, что судить о языковых процессах только по степени знания родного языка с достаточной полнотой невозможно. Чтобы определить масштабы двуязычия и темпы его развития, необходимо знать, насколько свободно владеет языками та или иная группа населения и какова степень использования языков как средства общения в семье, на производстве и т. д.

Дифференцируя население по возрастным группам и ряду языковых характеристик, его можно подразделить следующим образом (см. табл. 1):

1. Карельский язык как основное средство общения в семейно-бытовой сфере распространен в группе карел старше 40 лет, социальное формирование которых проходило в довоенные и военные годы. Расхождение между национальным и родным языком в этой группе незначительно. На производстве контакты осуществляются главным образом на двух языках.

2. Карельский язык остается языком семейного общения, а русский становится основным средством общения на работе для карел в возрасте 25—39 лет. Представители этой возрастной группы сохраняют в целом высокую степень знания карельского языка, но уже около 40% — свободнее владеет русским или обоими языками.

Средний уровень образования поло-возрастных групп карел
(Число лет школьного обучения)

Пол	Возраст						
	16—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—49	50—59
Оба пола	8,5	9,5	7,9	7,2	5,9	5,7	3,9
Мужчины	7,7	8,9	7,6	6,9	5,2	6,1	3,8
Женщины	9,2	10,0	8,2	7,6	6,4	5,5	3,1

3. Намечается переход к более свободному владению русским языком в семье, происходит дальнейшее расширение общественных функций языка межнационального общения в производственных контактах. Карелы в возрасте 16—24 лет (около 20% сельского населения) слабо знают карельский язык и каждый четвертый признает родным русский.

Таким образом, довоенный и военный периоды в развитии карело-русского двуязычия характеризуются распространением двуязычия вширь; это выражается в росте числа карел, свободно владеющих языком межнационального общения.

Сущность современного периода характеризуется тем, что одновременно с распространением двуязычия вширь происходит распространение двуязычия вглубь: сельское население свободнее владеет русским языком, который наряду с карельским становится основным средством внутринационального общения⁷.

Мы не ставим задачи определения и систематизации иерархии факторов, определяющих развитие двуязычия и языковой ассимиляции. Подчеркнем лишь, что чрезвычайный интерес представляет факт известного совпадения этапов развития двуязычия с этапами общего подъема уровня образования сельского населения (см. табл. 1 и 2).

Очевидные успехи культурной революции начинают сказываться в возрастной группе 40—49 лет. Незначительный рост образования среди женщин 35—39 лет, а среди мужчин этого возраста даже снижение образовательного уровня объясняется влиянием военного периода 1941—1945 гг. В настоящее время большая часть молодежи села в возрасте 20—24 лет имеет среднее образование.

Очевидно, что чем выше образовательный уровень работающего населения, тем шире двуязычие и полнее общественные функции языка межнационального общения (табл. 3).

Воздействие языка раннего детства на языковую ассимиляцию (возникновение расхождения между национальностью и родным языком) достаточно очевидно: если в детстве говорят на русском языке, то в 60 случаях из 100 родным признается последний. Но языковая ассимиляция, естественно, происходит не только в детские годы, но и в другие периоды жизни. Лишь 4,1% всего работающего сельского населения говорили в детстве на русском языке, а признали его родным 8,6% и еще 1,2% карел называют родным одновременно два языка. И здесь первостепенное значение имеет приобщение к русскому языку в школе, семье и т. д.

Образование и социальный статус тесно коррелируются. Представители карельской сельской интеллигенции имеют среднее или высшее образование. Преимущественно начальное образование характерно для

⁷ М. Н. Губогло, Этносоциальные аспекты языковых процессов (по материалам этносоциологического исследования в Татарской АССР), «Материалы Международного социологического конгресса, Варна», М., 1970.

Уровень образования и языковые процессы*
(% к каждой группе)

Языковые характеристики	Образование					
	до 4-х	4—6	7—9	среднее	техникум	исполное высшее, высшее
	классов					
Абсолютное число опрошенных	70	322	313	132	153	39
Знание карельского языка:						
свободно говорят	98,3	97,9	91,7	62,0	63,5	76,2
понимают, объясняются	1,7	1,5	4,7	36,5	31,8	17,1
понимают, но не говорят	0,0	0,6	3,6	1,5	4,7	6,7
Свободно владеют:						
карельским	85,2	77,7	57,6	57,9	58,4	30,6
русским	4,7	9,1	20,2	23,1	17,7	34,9
обоими	10,1	13,2	22,2	19,0	23,9	24,5
Считают родным:						
карельский	96,6	93,3	85,1	76,1	76,1	64,1
русский	3,4	5,9	1,6	9,0	9,0	31,5
оба языка	—	—	12,7	14,3	12,5	4,4
затруднялись ответить	—	1,4	0,6	0,6	2,4	—
Говорят дома:						
только на карельском	50,7	50,3	41,3	33,2	14,9	28,3
только на русском	10,5	15,3	26,1	31,5	40,3	40,3
на двух языках	36,4	32,6	32,6	35,2	44,7	31,4
Говорят на работе:						
только на карельском	27,6	20,2	14,0	19,9	16,3	—
только на русском	27,0	32,0	43,3	40,9	41,6	60,4
на двух языках	44,9	47,4	41,5	27,0	22,5	27,0

* В таблице не отражено употребление карельского и финского, одновременно трех языков (карельского, русского и финского).

разнорабочих⁸. По глубине «разделения труда» между карельским и русским языками в семейно-бытовой и производственной сферах вся социально-профессиональная структура может быть разбита на две большие группы: работников физического и умственного труда. Для первых характерно преимущественно свободное владение карельским языком с тенденцией роста числа говорящих на двух языках от неквалифицированных работников к квалифицированным. Среди занятых умственным трудом проявляется такая же тенденция, но свободно владеющих обоими языками здесь значительно больше (табл. 4).

Работники умственного труда, в отличие от занятых физическим трудом, в производственном общении употребляют преимущественно русский язык и в домашнем общении наблюдается переход на язык межнационального общения. Весьма показательно, что специалисты и руководители высшего звена (A_1) в однопациональных семьях говорят на русском языке чаще, чем все остальные группы.

Степень распространения карело-русского двуязычия тесно связана с таким социальным фактором, как мобильность. Повышение социального статуса влечет за собой расширение общественных функций русского языка во всех сферах языковых контактов. Те, кто с самого начала трудовой деятельности был занят умственным трудом, — наиболее ассимилированная в языковом отношении часть сельского населения. В этой группе свободно владеют русским языком 30,4%, а признали его родным 17,0%.

⁸ Ю. В. Арутюнян, Социальные аспекты культурного роста сельского населения, «Вопросы философии», 1968, № 9.

Социально-профессиональные группы и языковые процессы*

Языковые характеристики	Социально-профессиональные группы					
	A ₁	A ₂	Б	В	Г ₁	Г ₂
Абсолютное число опрошенных	164	232	197	207	194	248
Знание карельского языка:						
свободно говорят	91,5	87,5	94,4	92,8	92,9	96,0
понимают, объясняются	6,7	6,9	2,5	4,3	7,0	2,4
понимают, но не говорят	2,4	5,6	3,1	2,9	0,2	1,6
Свободно владеют:						
карельским	37,1	45,3	55,8	52,7	61,9	79,8
русским	31,2	31,4	21,0	14,5	18,1	10,9
обоими	34,7	23,3	23,2	32,8	20,0	9,3
Считают родным:						
карельский	82,9	80,6	86,3	87,4	91,8	92,3
русский	13,8	16,8	12,6	12,1	6,3	5,6
оба языка	4,3	2,2	1,6	0,0	1,4	1,3
затруднялись ответить	0,0	0,4	0,5	0,5	0,5	0,8
Говорят дома:						
только на карельском	24,1	26,3	34,0	39,1	44,8	48,8
только на русском	40,2	33,2	25,4	23,7	25,3	18,1
на двух языках	35,4	40,9	39,6	37,2	29,9	30,6
Говорят на работе:						
только на карельском	1,8	6,9	4,5	8,2	7,2	29,1
только на русском	70,7	59,5	51,8	44,4	40,7	33,1
на двух языках	23,8	32,8	40,6	46,9	50,5	37,5

* Условные обозначения: А₁ — руководители и специалисты высшего звена; А₂ — руководители и специалисты среднего звена; Б — служащие; В — работающие на машинах и механизмах и другие квалифицированные работники индустриального труда; Г₁ — квалифицированные работники неиндустриального профиля; Г₂ — разнорабочие.

Таблица 5

Зависимость между языковой ассимиляцией и характером использования языка
(к числу пользующихся только карельским, русским или обоими языками)

Языковые характеристики	Считают родным			
	карельский	русский	оба языка	затруднялись ответить
Говорят на работе:				
только на карельском	95,5	1,7	1,3	1,5
только на русском	85,7	13,6	0,7	0,0
на двух языках	92,9	3,8	1,9	1,4
Свободно говорят:				
только на карельском	94,5	3,6	1,4	0,5
только на русском	78,7	19,2	1,5	0,6
на обоих	—	—	—	—
Говорят дома:				
только на карельском	98,0	1,3	0,5	0,2
только на русском	72,8	23,5	2,7	1,0
на обоих	91,9	4,1	1,4	1,6

Таким образом, развитие карело-русского двуязычия зависит от ряда характеристик представителей отдельных социально-профессиональных групп.

Как влияет на языковую ассимиляцию языковое общение карел дома и на работе? Какая связь между употреблением русского языка и национальным самосознанием?

Связь между такими этноопределителями, как родной язык и национальное самосознание, заметно ослабевает при переходе в семейном общении на русский язык. Употребление в равной мере двух языков практически не колеблет устойчивости национального самосознания. Из табл. 5 видно, что интенсивность национального самосознания, выраженная через признание родного языка, уменьшается при расширении функций русского языка и особенно при переходе на русский язык в семейно-бытовой сфере.

И так как работники умственного труда наиболее активно вступают в национально-смешанные браки, естественно что расхождения между национальностью и родным языком, особенно во втором поколении, увеличиваются.

Расширение общественных функций русского языка есть закономерный процесс, отвечающий потребностям межнационального общения, социального развития.

Процесс внутренней консолидации карел, впрочем как и других народов, обусловлен социальными факторами. Одним из важнейших последствий этнической консолидации народа следует считать утверждение единого самоназвания. Каждая диалектная группа имеет свой собственный этноним, но принадлежность к этой группе начинает отступать на второй план перед общенациональной принадлежностью: большинство сельского населения до 35 лет считает себя карелами. Но процесс этнической консолидации весьма противоречив, осложнен ассимиляционными процессами. Язык, как известно, является важным признаком этнического размежевания и этнического сплочения и «степень консолидации этнической общности прямо пропорциональна степени утверждения и распространения основного языка общения»⁹. В этнической консолидации карел все большую роль начинает играть язык межнационального общения, широко распространенный во всех сферах языковых взаимодействий.

LINGUISTIC PROCESSES IN KARELIA

(ON THE MATERIALS OF A CONCRETE SOCIOLOGICAL
STUDY OF KARELIAN RURAL POPULATION)

Certain tendencies in the evolution of linguistic processes in rural localities of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic are examined in the article; the main stages in the development of Karelian-Russian bilingualism are ascertained. Active linguistic processes are linked with a series of various factors including the evolution of the social structure in the modern rural community, the changes in personality characteristics of members of individual social and professional groups.

⁹ М. И. Исаев, Нация и язык, «Вопросы истории», 1968, № 2, стр. 102, 103.

Т. Н. Смешко

ХАРАКТЕР ЖИВОТНОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА У ТУРКМЕН ХОРЕЗМА

(ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛХОЗА «КОММУНА»
ТАХТИНСКОГО РАЙОНА ТУРКМЕНСКОЙ ССР)

В связи с разработкой темы «Скотоводство» для «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана» первоочередной задачей является описание традиционных типов скотоводческого хозяйства. В данной статье мы остановимся на характеристике животноводческого хозяйства у туркмен Хорезма, сведения о котором в работах до революционных авторов немногочисленны и фрагментарны¹. В наши дни к этой теме неоднократно обращались Г. П. Васильева, Ю. Э. Брегель, Г. Е. Марков².

Скотоводческое хозяйство в данном районе сложилось под влиянием особых природно-географических условий пустыни Каракум, занимающей большую часть территории Туркмении. Пастбища в каракумских песках считались одними из лучших в Средней Азии для зимовки скота. Естественно, что у туркмен, живущих на границах Хорезмского оазиса, скотоводство было одним из основных видов комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства. Здесь издавна выработался специфический тип отгонного скотоводства, связанный с выпасом скота на далеких пустынных пастбищах и сложной системой пользования колодцами. И в современных условиях у хорезмских туркмен наряду с новейшими методами ведения животноводческого хозяйства бытуют традиционные приемы выпаса и содержания скота. Характер скотоводческого хозяйства данного типа будет рассмотрен на материале, собранном автором среди туркмен-иомудов в колхозе «Коммуна» Тахтинского района ТуркменССР³.

Первое место в животноводческом хозяйстве колхоза занимает овцеводство. Овцеводческая ферма расположена в 215 км к югу от таинезываемой «культурной зоны» колхоза, в районе колодцев Кырккуи в центре Каракумов⁴.

¹ Г. И. Данилевский, Описание Хивинского ханства. «Записки Русского Географического общества», 1851, кн. 5; М. И в а н и н, Хива и река Аму-Дарья, СПб. 1873; А. К у н, Поездка по Хивинскому ханству в 1873 г., ИРГО, 1874, т. X, № 2. О. С. К а п с к и й, Аму-Дарьинские очерки, Ташкент, 1900; и др.

² См.: Г. П. В а с и л ь е в а, Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г., «Труды Хорезмской экспедиции», т. I, М., 1952; е е ж е, К этнографии туркмен восточных районов левобережного Хорезма, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 7, М., 1963; Ю. Э. Б р е г е л ь, Хорезмские туркмены в XIX веке, М., 1961. Г. Е. М а р к о в, Очерк истории формирования северных туркмен, М., 1961.

³ Автор принимал участие в работе Туркменского этнографического отряда Хорезмской экспедиции Ин-та этнографии АН СССР в 1959, 1960, 1962 и 1963 гг. Собранный во время этих поездок материал частично использован Г. П. Васильевой в кн.: «Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане», М., 1969.

⁴ Кырккуи — по-туркменски «40 колодцев». В настоящее время действующих колодцев в этой группе значительно меньше, и колхоз пользуется другими колодцами, менее удаленными от оазиса.

В естественной котловине между холмами пустыни близко к колодцам стоят вытянутые в одну линию кирпичные и глинобитные домики чабанов, обслуживающих овцеферму. В этих домах, построенных на средства колхоза, живут постоянно около 20 семей. В поселке работают начальная школа, магазин. Дети старшего школьного возраста учатся в школе-интернате в центральном поселке колхоза. Ферма имеет радиосвязь с правлением колхоза. На автомашинах привозят в поселок необходимые продовольственные и промышленные товары, книги и газеты, а на овцеферму — нужные материалы и корма. Летом, в засушливые жаркие месяцы, самолеты доставляют туда «сладкую» (т. е. пресную) воду, овощи и фрукты для чабанов, а в культурную зону перевозят отары овец, чтобы избежать тяжелого, связанного с потерями перегона скота по знойной безводной пустыне.

Вода в Каракумах — это жизнь, а колодцы — центр жизни. Кырккуи, по преданию, выстроил некогда атинец Ак-Молла. Местные туркмены-иомуды своих колодцев в глубинных Каракумах не имели, а пользовались атинскими.

До Великой Октябрьской социалистической революции круглогодичное содержание скота в песках у далеких колодцев и связанные с ним затраты на строительство и восстановление колодцев были под силу только самым зажиточным баям, имевшим отары по 1000 и более голов овец. Так, Сабур-бай из Полласолтана держал на колодцах Дамла, Кырккуи и в районе Дарваза более 3,5 тыс. овец. Отары Сабур-бая круглый год находились в песках под наблюдением десяти чабанов.

Но баев, владевших таким большим количеством скота, среди местных иомудов было мало. Обычным для этих мест было сочетание в руках бая сравнительно небольшого количества скота со значительными по размерам и приносящими неплохой доход участками обрабатываемой земли. Один из самых богатых баев — Клычгечели — имел около 500 голов овец, в хозяйстве второго по зажиточности бая, Аннадоулета, было всего около 150—200 овец, зато 100 танавов земли. Стада в 150—200 голов нецелесообразно было держать далеко в песках — их пасли обычно вблизи селения — «оба». На лето, до наступления жарких дней, стада отгонялись к колодцам, расположенным близко к границам оазиса (колодец Эгрикуи и Аджикуи находится в 45 км, а колодец Палванкуи в 50 км от «оба» Бедеркент; они были построены в разное время). Обычно для пестройки колодцев бай объединялись по двое: это было экономически выгодно, так как одного колодца хватало как раз для того, чтобы напоить два «сури», т. е. скот двух больших хозяйств (до 400—500 голов овец). Обычно колодцы переходили по наследству. Стада баев круглый год паслись у колодцев, только на время жары их пригоняли к озеру, расположенному на границе песков. Сюда же бай пригоняли свои отары и приглашали людей на помощь («комок») во время стрижки.

Средние по зажиточности хозяйства, владевшие небольшими стадами («бзлек») от 30 до 100 голов овец, обычно пасли скот на территории «оба» и лишь на летние месяцы, до наступления жары, выгоняли овец к озеру, чтобы обеспечить хороший нагул стада перед окотом и после стрижки.

Иногда середняки летом объединяли 3—6 хозяйств и создавали общее стадо (до 500 голов), которое отгоняли к ближним колодцам Аджикуи, Поллыккуи, а когда бай бросали свои летние пастбища, то и дальше — до Эгрикуи и Палванкуи. Колодцы выбирали в зависимости от того, где в этом году лучше травостой. Колодцами пользовались бесплатно — нужно было только получить разрешение хозяина.

Для совместного выпаса на колодцах или у озера каждое середняцкое хозяйство выставляло по чабану. Чабаны пасли скот все вместе

или отдельно, но должны были помогать друг другу, когда поили скот. Колодец, у которого паслось «объединенное» стадо, назывался «шарикли куи»⁵.

Бедняки, имевшие в хозяйстве от 6 до 20 овец, также нередко со- здавали общее стадо в 60—150 голов, называемое «чекене». Такое стадо зимой и летом паслось на территории «оба» и только в феврале, когда появлялась трава, отгонялось к ближнему колодцу. В конце мая трава вокруг колодцев сгорала и скот пригоняли обратно.

После революции колодцы долгое время оставались заброшенными. С 1940 г. пастбища в Кырккуи перешли в пользование колхоза им. Буденного, а с 1950 г., когда колхоз им. Буденного объединился с колхозом «Коммуна», эти земли стали использоваться колхозом «Коммуна». Колодцы Учаджи, расположенные в 5—6 км от Кырккуи, и Сазакли — в 21 км на юго-запад от «40 колодцев», также находятся в пользовании колхоза. В настоящее время на Кырккуи насчитывается 14 действующих колодцев, 3 — на Учаджи и 6 на Сазакли. Кроме того, чтобы обеспечить запас воды на летние месяцы, были построены две сар- добы — специальные бетонированные сооружения в виде больших кры- тых цилиндрических резервуаров для сбора атмосферных вод. При оби- лии снега и весенних дождей вода в них сохраняется в течение трех- четырех месяцев. Воду из сардоб смешивают с колодезной и поят скот. При наличии большого количества осадков для водопоя используют воду из специально вырытых водосборных канав и дождевых ям на та- ких — ровных глинистых пространствах пустыни и полупустыни.

Обычно вся пастбищная территория вокруг колодцев распределена между отарами. Количество скота, базирующегося на определенной группе колодцев, зависит от запаса и качества воды в них.

Так, на Кырккуи глубина колодцев достигает 12—14 м, на Аджикуи и Поллакуи — 25—26 м, на Тезекуи — 40—43 м, а на Сазакли — всего 3—5 м. При этом запасы воды в разных колодцах неодинаковы. Если на Тезекуи целую отару можно напоить водой из одного колодца, то на Кырккуи для такого же количества скота потребуется вода из двух ко- лодцев, а на Сазакли — из пяти. Правда, вода в колодцах набирается довольно быстро, и за несколько часов до следующего поения они вновь полны.

В 1963 г. на овцеводческой ферме в Каракумах содержалось восемь отар овец: шесть отар овцематок («эне гоюн»), одна отара валухов («эркек гоюн») и одна — баранов-производителей («хвургоч»). Мо- лодняк — баранчики («эркек гузы») и ярочки («уркачы гузы») — в первый год жизни содержатся в одной отаре с овцематками.

В прошлом местные туркмены разводили только одну породу овец с длинной (до 20 см) белой шерстью⁶. Теперь в колхозе разводят так- же и каракульских овец, известных раньше только в Узбекистане.

В 10—12 км к юго-западу от поселка чабанов находится зимнее по- мещение для скота («гоюн ятак»), представляющее собой углубление в земле на 0,5—0,75 м, перекрытое двускатной крышей, каркас которой сделан из досок и деревянных брусьев, переплетенных ветвями сазака. Снаружи крыша оштукатурена и покрыта толем. Помещение это, раз- мером около 120 м², вмещает примерно 500 голов мелкого рогатого скота. Здесь построено четыре таких помещения. Еще четыре таких же помещения находятся на расстоянии около 30 км от Кырккуи и распо- ложены таким образом, что образуют подобие замкнутого двора или загона. Внутри загона находятся помещения для ягнят («кбрпеч»), представляющие собой круглую яму глубиной около 1 м и диаметром

⁵ От слова «шэрик» — сообщник, сотрудник.

⁶ «Ак-гоюн» — местное название сараджинской породы овец. См.: «Колхозное жи- вотноводство Туркменистана. Под ред. В. В. Донченко и В. С. Манакова», Ашхабад, 1950.

1,5—2 м, окруженную загородкой из ветвей сазака. На ночь яма прикрывается для тепла ветвями⁷.

До революции баи, отары которых круглый год находились в песках, сооружали на зиму для скота специальные загородки «агыл» или «ятак» из саксаула. Середняки, чьи стада паслись у озера на границе песков, строили на зиму открытые загоны из камыша⁸ («гыш-ятак»), а в случае сильного снегопада и гололедицы нередко пригоняли овец в аул. Для таких случаев каждое хозяйство запасало верблюжью колючку («яндак»). Обычно же скот на «оба» пригоняли примерно в конце сентября, когда деревья начинали сбрасывать листву, а урожай бывал почти убранный. Днем скот выпасался на полях по жнивью, а на ночь ему давали верблюжью колючку. Поили овец из колодцев, вырытых на территории «оба». На зиму в «оба» делались «гыш-ятак» с глинобитными стенами или просто загородки из ветвей «сезгена» (род кустарника).

Теперь колхозные отары обеспечены на зиму теплыми и надежными помещениями, а на случай гололедицы или сильного снегопада создаются запасы сена и кормов, обеспечивающие бесперебойное питание скота. Зимой в Каракумах сохраняется много сухой травы, и овцы в хорошую погоду постоянно находятся на подножном корму. В снежную погоду овцы утоляют жажду только слизывая снег.

В это время овец поят обычно через 7—8 дней, а иногда раз в полторы недели. В таких случаях отара может удаляться от колодца на расстояние до 50 км, т. е. на расстояние примерно одного дня езды на верблюде. Это расстояние раньше считалось границей пастбищной территории («чдк-ора»), а все пастбище вокруг колодца до этой границы называлось «ври». Это была естественная граница территории выпаса, так как даже при самых благоприятных климатических условиях кочевник не мог уйти от колодца дальше «чдк-ора», не рискуя оставить скот без воды.

В бесснежные зимы овец пригоняют к колодцам через 2—3 дня. В самые холодные зимние месяцы (в январе, феврале) на пути прогона скота через каждые 5—7 км сооружаются временные загоны («агыл» или «гара-ятак»), в которые овец загоняют на ночь. Обычно такие укрытия сооружают где-нибудь в тихих, безветренных местах, чаще на хорошо прогреваемом солнцем южном или юго-восточном склоне бархана. Опытные пастухи прекрасно знают рельеф пустыни и из года в год используют естественные впадины и прежние стоянки с плотной подстилкой из прошлогоднего навоза. На пути прогона каждой отары имеется три-четыре таких загона. Если отара попадает в буран, а до ближайшего укрытия далеко, пастухи прогоняют стадо несколько раз по одному месту, чтобы освободить его от снега, а затем на это место ложатся овцы.

С наступлением тепла скот приходится поить чаще, в связи с этим постепенно сокращается радиус кочевания. Так, в конце апреля и в начале мая скот уже не угоняют от колодцев дальше чем на 10—15 км и пригоняют на водопой через день: утром отару ведут к колодцам, скот пьет и отдыхает, а вечером его опять угоняют на выпас. С наступлени-

⁷ Точно такие же ямы для ягнят имеются у скотоводов казахов и у полукочевых в прошлом узбеков. См.: Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XXVIII. Сталинабад, 1954, стр. 110; В. В. Востров, Казахи Джаныбекского района Западноказахстанской области, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 3, Этнография, Алма-Ата, 1956; И. В. Захарова, Материальная культура казахов-колхозников Юго-Восточного Казахстана. Там же, Аналогичные помещения для молодняка бывали и у киргизов под названием «кюпке». См.: К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1965, стр. 468.

⁸ Подобные зимние загоны для овец («киш кутан») описаны Б. Х. Кармышевой у локайцев. См.: Б. Х. Кармышева, Указ. раб., стр. 109.

ем жары переходят к каждодневному поению скота, а после 15 июня и до конца сентября скот выгоняют не дальше 5—8 км от колодца и поят два раза в день. В это время стадо пасется всю ночь, а к утру его пригоняют на водопой. Овцы пьют и ложатся отдыхать, а после обеда («гун орта»), когда спадет жара, их поднимают и снова поят. И только на закате («гун батанда»), с наступлением прохлады, отару выгоняют на пастбище и пасут всю ночь. Этот режим выпаса и поения скота сложился из векового опыта скотоводов в условиях пастбищ Каракумов.

С наступлением осени скот поят реже, и расстояние перекочевок вновь увеличивается. В середине сентября, когда по утрам появляется роса («чыг») и становится прохладнее, скот можно поить через 1—3 дня и отгонять его на 8—10 км от колодца. В октябре, с появлением инея («гыров») и началом заморозков, овцы пьют один раз в 3—4 дня и уходят более чем на 15 км от колодца. Постепенно перерыв в водопое овец достигает 5—8 дней, а отары приближаются к тем же выпасам, что и в начале марта.

Такое сезонное изменение радиуса кочевания позволяет сохранять и полнее использовать пастбища и тем самым обеспечить хороший нагул скота. Старые опытные чабаны строго следят за качеством пастбищ и соблюдением правил перекочевки. Обычно на одном месте отара пасется 2—3 дня, а если трава хорошая, то и 3—4 дня.

При плохом травостое перекочевывают чаще. На старое место стараются по возможности не возвращаться раньше чем через 20—30 дней. Обычно на места летних кочевок возвращаются только зимой, чтобы дать восстановиться за это время нормальному травостою.

Опытные пастухи точно знают все травы, идущие на корм скоту, помнят время и место появления каждого растения. Выбором пастбища и места стоянок при перекочевках обычно ведает главный чабан («баш-чопан»). Он же распределяет обязанности и руководит работой других чабанов. Каждое стадо, как правило, пасут четыре чабана: главный чабан, второй чабан и два помощника (третий и четвертый чабаны). Во время выпаса чабан со своими помощниками («чолуками») постоянно находятся при стаде, в то время как их семьи остаются на колодцах. Чабаны по очереди ездят к колодцам за продуктами, дровами, водой и одновременно навещают свои семьи. К каждой отаре прикреплены верблюды для перевозки палатки, продуктов и вещей чабанов, а также для доставки питьевой воды.

Колхоз бесплатно обеспечивает пастухов необходимым инвентарем, передвижными жилищами и спецодеждой. Место стоянки отары («гош») является как бы вторым домом чабанов. Здесь они проводят большую часть времени. В зависимости от дальности перекочевок чабаны не бывают на колодцах от 2—3 до 10—15 дней, а в зимнюю пору даже дольше. Все это время жизнь чабана связана с «гошем»: здесь чабаны отдыхают после работы, готовят пищу.

В организации водопоя овец принимают участие все чабаны. Один из них (обычно третий или четвертый) достает воду из колодца мешком («гова»), сделанным из козьей шкуры, вместимостью 3—4 ведра. Другой чабан воду из мешка выливает в большую колоду («нова»), сделанную из деревянных брусьев, длиной в 5—6 м. Такая колода рассчитана на 30—40 овец. Во время водопоя один из чабанов (обычно первый или второй) сдерживает отару, подпуская овец к «нове» партиями. Четвертый чабан смотрит за тем, чтобы напившиеся овцы не смешивались с теми, которые еще не пили. Весной, пока трава сочная, овцы напиваются быстро, а потом ложатся отдыхать. Летом овцы пьют очень часто; если вода горько-соленая, они и за несколько заходов не могут утолить жажды. Поить овец на колодцах чабанам помогают их семьи. В жаркие летние месяцы, когда овец поят ежедневно и

чабаны фактически живут с семьями у колодцев, ночью пасут только два чабана, двое же остаются дома, но к утру они должны наполнить колоды для питья водой. Затем, в продолжение всего водопоя, они достают воду из колодца и поят отару. В это время один из тех, кто дежурил ночью, идет отдыхать. На следующий день чабаны меняются. Весной, во время окота, когда отары редко приходят на водопой, чабаны почти не бывают дома.

Самое напряженное и ответственное для чабана время года — март — апрель — время окота («дель»). В этот период чабаны должны не только следить за нагулом и сохранением поголовья скота, но и обеспечить правильный уход за молодняком, не допустить потерь. Обычно во время окота овец, от которых ожидают приплод, загоняют в специальный загон из саксаула или содержат на ферме. Некоторые овцы ягнятся прямо на пастбище.

Первые 3—4 дня ягнят держат в специальных укрытиях («кѳрпеч») и подпускают к овцематкам только во время кормления — два раза в день. Еще через 3—4 дня, когда ножки у ягнят окрепнут, их выпускают в стадо, а через 7—8 дней они уже едят траву. Очень ответственным моментом в период окота является отбор ягнят каракульских овец и сдача их на приемный пункт фермы на каракулевые смушки. В это время на овцеферму в Кырккуи приезжают на помощь специалисты из колхоза.

До революции каждый хозяин метил своих овец надрезами на ушах — особой меткой («тагма»), которая никем не повторялась⁹. В настоящее время зоотехники также метят скот — проводят бонитировку. На левом ухе ягненка ставят метку, говорящую о качестве завитка (мелкий, средний и широкий), метка на правом ухе указывает на сортность (1, 2, 3 и элита). Особо метят также ягнят, полученных от овцематки, дающей в один окот двойню. Баранчиков, предназначенных для кастрации, отмечают, отрезая кончики ушей. Кастрация производится обычно через 10—15 дней после бонитировки. В настоящее время практикуется также искусственное осеменение скота.

Следующим после окота ответственным и наиболее трудоемким моментом в овцеводстве является стрижка скота, проводимая дважды в год — весной и осенью. Стригут обычно около колодцев. Из четырех чабанов каждой отары двое пасут стадо, а двое помогают опытным стригалям, присланным из колхоза. Семьи чабанов тоже помогают стригалям: дети стерегут скот, взрослые готовят пищу, заботятся об отдыхе приехавших на помощь колхозников. Мы наблюдали процесс стрижки недалеко от центрального поселка колхоза — на Караянаке, куда в связи с недостатком воды в пустыне из Кырккуи пригнали две отары овец. Стрижка происходила в зимнем помещении для скота, представляющем собой просторную (предназначенную для одной отары овец) прямоугольную площадку, огороженную глинобитной стеной высотой в рост человека. Задняя половина загона, примыкающая к жилому помещению, сверху защищена навесом. Сюда, под навес, чабаны загоняют овец, предварительно пересчитав их. Стригали находились в другой половине загона, пол которого застелен широким брезентом, чтобы шерсть не загрязнялась и не втапывалась в песок. Нескольким помощникам, чаще всего молодых, вылавливают овец и подтаскивают их к стригалям. Чтобы овцы не вырывались и не мешали стрижке, ноги у них связываются — передние и задние попарно. Стригали кладут овцу на бок, а сами стригут, сидя на корточках. Для стрижки издавна применяются специальные железные ножницы

⁹ Г. И. Карпова, Родовые тамги у туркмен, «Изв. Туркм. ФАН СССР», № 3—4, 1945; Г. Е. Марков, Указ. раб.

с длинными концами («гыркылык»). Такие ножницы раньше выделялись местными кузнецами или покупались на базарах, и до сих пор их можно встретить почти в каждом доме. В песках от горько-соленой воды шерсть становится мягче и тоньше, а стричь ее значительно легче. Поэтому в Кырккуи некоторые специалисты стригут в день во время весенней стрижки по 70—80 овец. Вообще весной стричь гораздо труднее, чем осенью, так как в это время шерсть бывает длинная и густая. Осенью шерсть короче, и стричь ее легче: один стригаль в среднем стрижет за день по 60—70 овец, а лучшие — до 100 овец в день. Но с такой производительностью нельзя работать более 5 дней, так как руки стригали не выдерживают напряжения. Вообще стрижка до сих пор остается одним из наиболее трудоемких процессов в животноводстве, настоятельно требующим механизации. Электроагрегаты применяются чаще всего осенью, когда шерсть менее длинная и грязная, чем весной.

В целом труд чабана остается очень тяжелым и напряженным, особенно при круглогодичном содержании скота в песках Каракумов, где от чабанов требуется не только большое умение и опыт в использовании пустынных пастбищ, но и большая физическая выносливость. Следует отметить, что в этих специфических условиях труда в народе издавна выработались соответствующие формы жилища и одежды, бытующие и в наши дни. Одежда пастуха прекрасно приспособлена к его кочевому образу жизни.

Традиционная туркменская юрта также до сих пор незаменима для чабанов. При перекочевках это универсальное легкое переносное жилище. Семьи чабанов на Сазакли и Кырккуи в летнее время предпочитают их зимним домам из сырцового кирпича. Летом в них светло и прохладно, легко регулируется приток свежего воздуха.

Раньше юрта была единственным жилищем для чабанов и их семей и устанавливалась обычно у колодцев, где постоянно жили семьи. Сам же чабан во время выпаса скота летом отдыхал у костра под открытым небом, зимой ютились в низком помещении («чатма»), сооруженном на скорую руку из ветвей сазака и нескольких старых жердей юрты («уков»), покрытых сверху войлоком. Когда отары кочевали у озера, чабаны жили в шалаше из камыша («ятаг джай»). Чатма, внутри которого можно развести костер, до сих пор служит укрытием для чабанов зимой¹⁰. Ясно, что такое жилище, пусть даже временное, не может считаться удовлетворительным и не способствует хорошему отдыху и сохранению трудоспособности чабанов. Поэтому вопрос о создании легкого и удобного зимнего переносного жилища является особенно острым. Правление колхоза уделяет также большое внимание обеспечению чабанов теплой одеждой и необходимым снаряжением, следить за своевременным использованием ими отпусков. Забота об улучшении условий труда и быта чабанов неразрывно связана с задачей развития животноводства и подъема сельского хозяйства в нашей стране.

Мастерство чабана всегда очень ценилось и считалось почетным. Раньше оно передавалось по традиции от отца к сыну, теперь, когда потомственных чабанов стало меньше, опытные чабаны стараются обучить своему мастерству товарищей, передать им свои навыки. Следует заметить, что сохранению некоторых традиционных черт ведения животноводства сопутствуют различные пережиточные обряды и поверья, связанные с исламом, а часто с еще более ранними доисламскими представлениями, в прошлом пронизывавшими все стороны жизни скотовода.

¹⁰ Аналогичные ветровые заслоны широко известны у скотоводческих народов Средней Азии и Казахстана. См., например: Н. Г. Борозна, Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана, в кн.: «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966.

До сих пор наиболее широко распространенными среди чабанов являются воспоминания о туркменском «пире» — покровителе дождя Буркут-баба и связанном с ним обряде вызывания дождя¹¹.

В противоположность отсталым предрассудкам и суевериям народный опыт и традиции могут быть обобщены и с успехом использованы в современном хозяйстве.

Большого внимания заслуживают астрономические и метеорологические наблюдения скотоводов. Благодаря многовековым наблюдениям за звездным небом удалось заметить определенные закономерности в движении светил, выделить целые циклы, связанные со сменой времен года, установить взаимосвязь появления тех или иных созвездий с изменениями погоды, что позволило создать в народе своеобразный календарь¹².

Считалось, например, что весеннюю стрижку следует начинать 7—10 дней спустя после захода Улькера¹³, что соответствует примерно первой декаде мая, когда устанавливается теплая, хорошая погода и овцам становится жарко. Кроме того, к этому времени шерсть у овец достигает наибольшей длины. Осенняя стрижка производилась после Мизана¹⁴. В это время весь скот, за исключением стад баев, находился на территории «оба», и каждый хазяин сам стриг и собирал шерсть со своих бабанов.

Таким образом, из всего сказанного можно сделать вывод о том, что животноводство туркмен-иомудов Тахтинского района Туркменской ССР, основанное на выпасе скота вокруг колодцев в условиях пустынных пастбищ, может быть отнесено к одному из видов отгонного животноводства. Аналогичное описанному скотоводство было характерно, по-видимому, и для других пограничных с пустынями районов Хорезма. Судя по материалам Г. П. Васильевой¹⁵ и Г. Е. Маркова¹⁶, у туркмен Куня-Ургенча, Ильялы, Дарган-Ата и правобережья Амударьи в прошлом существовало отгонное животноводство данного типа. Причем в скотоводстве каждого из этих районов имелись и специфические черты. Так, если у иомудов Тахты и тесно связанных с ними ильялинских иомудов скотоводство в конце XIX — начале XX в. стало отгонным, у туркмен Куня-Ургенча в рассматриваемое время оно еще оставалось полукочевым. Однако по своему характеру — по технике и приемам выпаса скота на пустынных пастбищах — животноводство у тахтинских и ильялинских туркмен было однотипно животноводству у полусоседних туркмен Куня-Ургенча.

Современное отгонно-пастбищное животноводство в корне отличается по своей организации от скотоводства дореволюционного времени. Из отсталого, малопродуктивного, целиком зависящего от капризов природы, отгонное животноводство в условиях колхозного строя превратилось в одну из высокоразвитых отраслей социалистического сельского хозяйства.

¹¹ См.: В. Н. Басилов, О туркменском «пире» дождя Буркут-баба, «Сов. этнография», 1963, № 3.

¹² Космогонические представления и приметы народного календаря у туркмен находят аналогии с такими же представлениями других народов Средней Азии и заслуживают специального исследования.

¹³ Улькер — туркменское название Плеяд, одно из наиболее популярных у народов Средней Азии созвездий.

¹⁴ Мизан (Весы) — арабское название одного из месяцев года по народному календарю; соответствует туркменскому Терези.

¹⁵ Г. П. Васильева, Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г.; ее же, К этнографии туркмен восточных районов левобережного Хорезма, стр. 145—146.

¹⁶ Г. Е. Марков, Указ. раб., стр. 197—198, 202.

FEATURES OF ANIMAL HUSBANDRY AMONG THE KHOREZM TURKMENS

The article deals with animal husbandry as practised by the Khorezm Turkmens. A special type of transhumance is described on data from the sheep breeding of a collective farm in Takhta District (Tashauz Oblast, Turkmen Soviet Socialist Republic) with brief glimpses into its past history. This type of transhumance is based upon pasturing the animals under desert conditions in the vicinage of wells. In our days under the peculiar conditions of desert pasture traditional nomadic skills with the use of wells are still extant and co-exist with the newest methods of animal husbandry and with modern organization of the shepherds' life; the pasturing experience of many centuries is thus made use of.

1955
1956
1957
1958
1959
1960
1961
1962
1963
1964
1965
1966
1967
1968
1969
1970
1971
1972
1973
1974
1975
1976
1977
1978
1979
1980
1981
1982
1983
1984
1985
1986
1987
1988
1989
1990
1991
1992
1993
1994
1995
1996
1997
1998
1999
2000
2001
2002
2003
2004
2005
2006
2007
2008
2009
2010
2011
2012
2013
2014
2015
2016
2017
2018
2019
2020
2021
2022
2023
2024
2025

М. С. Бутинова

**МАТЕРИАЛЫ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
О РЕЛИГИИ НАРОДОВ ОКЕАНИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО РЕЛИГИЕВЕДЕНИЯ**

Н. Н. Миклухо-Маклай во время своих путешествий собрал большой и чрезвычайно ценный материал по этнографии народов Океании. В его научных статьях, дневниках, заметках, письмах содержатся сведения о материальной культуре островитян, их образе жизни, социальном строе, искусстве, различных обычаях. Среди этих материалов описание религиозных верований океанийцев занимает сравнительно скромное место, хотя программа исследований русского путешественника включала изучение и этой области их культуры¹.

Объясняется это большими трудностями, с которыми приходится сталкиваться исследователю при изучении религии; последнее требует, как известно, длительного пребывания в одной местности и тесного контакта с изучаемым народом. Такие условия Миклухо-Маклай имел лишь на Новой Гвинее, на Берегу Маклая, где он прожил в целом около двух с половиной лет. Его пребывание на других островах Меланезии, а особенно в Полинезии и Микронезии, было довольно кратковременным и не дало ему возможности детально изучить религию народов этих областей.

Препятствием служило и недостаточно глубокое знание языка изучаемых народов. Миклухо-Маклай сам признавал это даже в отношении папуасов Берега Маклая, язык которых он знал сравнительно хорошо. «Я откровенно сознаюсь,— писал он,— что мое продолжительное пребывание между туземцами берега Маклая—главным образом вследствие далеко для этой цели нехватящего знания языка—было недостаточно для того, чтобы достигнуть вполне удовлетворительного понимания миросозерцания и примитивной формы так называемых религиозных идей папуасов»². Ученый сетует, что не всегда его вопросы были достаточно понятны островитянам, особенно когда речь шла о таких отвлеченных понятиях, как сон, видение, дух, божество и др.

Несмотря на все трудности, Миклухо-Маклаю удалось собрать интересные данные о многих религиозных представлениях и обрядах народов Океании. В большинстве случаев это отдельные конкретные факты, которые он лично наблюдал. Необходимо отметить исключительную строгость и требовательность, которую проявлял исследователь при сборе фактического материала. Его неизменный принцип — «видеть все собственными глазами». К сведениям, полученным от миссионеров, торговцев и др., он относился крайне недоверчиво и даже рассказы островитян об их обычаях не считал достаточно надежным источником информации. Все собранные сведения подвергались им тщательной про-

¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, М.—Л., 1951, стр. 11—14, 22.

² Там же, стр. 450.

верке, поэтому их достоверность не вызывает никаких сомнений. Излагая факты, ученый, как правило, воздерживался от широких обобщений и выводов. Он считал, что его данных недостаточно для построения научных концепций, что без широкой фактической основы выводы окажутся слишком поспешными и могут только помешать дальнейшему научному исследованию³.

У народов Океании Миклухо-Маклай зафиксировал широкое распространение магических представлений и обрядов. Значительное место среди них занимали обряды вредоносной магии. Ученый отмечает, что на Новой Гвинее и во всей Меланезии коренное население не верило в естественную смерть, а считало ее следствием колдовства врагов⁴. То же относится и почти ко всем случаям болезни.

Вера во вредоносную магию во многом определяла поведение островитян, их обычаи. На Новой Гвинее русский путешественник много раз наблюдал чрезвычайно бережное обращение папуасов с остатками еды, волосами и др. Люди заботились, чтобы эти предметы не попали в чужие руки и над ними не было совершено колдовство. Известно, с какими трудностями ученый собирал коллекцию папуасских волос; страх островитян отдать волосы он победил в конце концов тем, что предложил им в обмен свои собственные⁵. Сопровождавшие путешественника проводники боялись оставаться на ночь в чужой деревне, опасаясь, как бы ее жители не отрезали у них во время сна волосы для совершения обряда колдовства⁶. На больших празднествах, когда каждому из приглашенных преподносилось солидное угощение, остатки несъеденных блюд гости завертывали в листья и уносили с собой. Во время одного из путешествий проводник Миклухо-Маклая тщательно собрал все остатки завтрака, обвязал их лианой и бросил далеко в море («чтобы дурные люди, — объяснил он, — найдя наши объедки, не заговорили их и не причинили нам вреда»⁷). Часто случалось, что Миклухо-Маклай не съедал на празднествах свою долю угощения; остатки всегда давали ему с собой, а если он не брал — относили в его хижину. Беззаботность самого путешественника, оставлявшего остатки еды в малознакомых деревнях или просто бросавшего их на землю, крайне удивляла островитян и казалась им очень рискованной; в их глазах это было лишним подтверждением, что поселившийся среди них «тамо русс» — существо сверхъестественное⁸.

Страх коренного населения перед вредоносной магией в значительной степени затруднял ученому его антропологические исследования, в частности антропометрические измерения, писание портретов и др. О жителях островов Адмиралтейства он сообщает, что они «видят даже в самом мелочном действии, произведенном над их особой, какое-то волшебство, навлекающее опасность»⁹. Миклухо-Маклаю далеко не всегда, например, удавалось измерить здесь головы женщин; часто он вынужден был прибегать для этого к различным ухищрениям¹⁰. Во всех областях, где он был, островитяне немедленно убегали, стоило ему взяться за карандаш для написания портретов. Так, при посещении берега Папуа-Ковийай он не смог сделать ни одного портрета. У папуасов, как отмечает Миклухо-Маклай, было широко распространено поверье, будто написание портрета влечет за собой смерть¹¹. Правда, русский путе-

³ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 450.

⁴ Там же, т. II, М.—Л., 1950, стр. 506.

⁵ Там же, т. I, М.—Л., 1950, стр. 128, 129.

⁶ Там же, т. II, стр. 346, 347; т. III, ч. 1, стр. 461 и др.

⁷ Там же, стр. 345, 346.

⁸ Там же, т. III, ч. 1, стр. 461.

⁹ Там же, т. II, стр. 267.

¹⁰ Там же, стр. 268, 292.

¹¹ Там же, т. III, ч. 1, стр. 105.

шественник своим неизменным тактом и доброжелательностью постепенно завоевал полное доверие коренного населения, и ему удалось сделать множество великолепных портретных зарисовок, представляющих большой интерес для антропологической науки.

Материалы русского исследователя позволяют глубже понять социальные корни вредоносной магии. Они кроются, как убедительно показал С. А. Токарев, главным образом в межплеменной розни, в межплеменной отчужденности, которая характерна для народов, стоящих на данном уровне развития¹². Условия жизни коренного населения Океании — географическая изолированность отдельных этнических групп, необычайная лингвистическая раздробленность даже в пределах одного острова, например Новой Гвинеи, слабые контакты между племенами прибрежных и внутренних районов большинства островов — все это являлось благоприятной основой для развития веры во вредоносную магию.

В свою очередь взаимные подозрения в колдовстве порождали напряженность в отношениях между общинами, усиливали отчужденность и часто вели к военным столкновениям. Миклухо-Маклаю неоднократно приходилось не только наблюдать подобные стычки, но и предотвращать их силой своего влияния. Так, например, ему удалось предотвратить нападение жителей прибрежной деревни Горенду на обитателей горной деревни Теньгум-Мана. Поводом для готовившегося нападения послужило подозрение в колдовстве: в Горенду неожиданно заболел и вскоре умер молодой и крепкий мужчина Вангум, а через несколько дней — его младший брат Туи, которого ужалила змея. Все жители деревни были крайне возбуждены; никто не сомневался, что причиной несчастья было колдовство людей из Теньгум-Мана. Мужчины начали готовить оружие, женщины — запасы провизии. Миклухо-Маклай уговаривал их отказаться от этого похода. Но страх людей перед колдовством был так велик, что жители Горенду решили покинуть свою деревню. Через несколько лет, приехав сюда снова, путешественник нашел ее почти пустой.

Военные стычки на почве подозрений в колдовстве отмечены Миклухо-Маклаем и на островах Адмиралтейства. Во время посещения острова Андра там умер старый меланезец Панги. И хотя возраст умершего был достаточно преклонным, большинство мужчин, усмотрев в этой смерти проявление колдовства, предприняло военный поход на деревню Рембат. Даже женщины не остались безучастными к происходящим событиям: они поймали у колодца и избили жен своих односельчан, которые были родом из деревни Рембат. Только решительное вмешательство Миклухо-Маклая положило конец этой безжалостной экзекуции¹³.

Миклухо-Маклай подчеркивал, что военные столкновения, носившие часто продолжительный, затяжной характер, поддерживали между общинами постоянное напряжение, надолго прерывали между ними всякие сношения и приносили людям немало бедствий¹⁴. Посетив на Новой Гвинее берег Ковиай, путешественник не нашел здесь ни одной населенной деревни. Набеги малайцев и постоянные междоусобицы с жителями горных районов вынудили прибрежных папуасов бросить свои хижины, плантации и превратиться в кочевников¹⁵. Подобного рода факты, собранные Н. Н. Миклухо-Маклаем, используются некоторыми исследователями для доказательства того, что войны уже в первобытном обществе были одной из социальных причин существования рели-

¹² С. А. Токарев, Ранние формы религии и их развитие, М., 1964, стр. 83, 86 и др.

¹³ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, стр. 506, 507.

¹⁴ Там же, стр. 377.

¹⁵ Там же, стр. 657.

гии¹⁶. Действительно, войны оказывали пагубное воздействие на первобытные общины: они подвергали опасности не только жизнь людей, но и плоды их труда, разобщали человеческие коллективы и тем усугубляли бессилие людей перед природой. Войны способствовали поддержанию религиозных представлений, а религия, точнее, вера во вредоносную магию, служила в свою очередь поводом для военных стычек.

Войны оказывали влияние и на психологическое состояние первобытных общин. Сама военная обстановка, ежеминутное ожидание нападения, держали людей в период войны в постоянном страхе, напряжении. О тех же папуасах берега Ковнай Миклухо-Маклай пишет «Страх перед неожиданными нападениями со стороны соседних племен, которые не щадят ни женщин, ни детей и убивают или обращают в рабство всех захваченных ими, заставляет туземца Папуа-Ковнай кочевать в маленьком прау со своей семьей и имуществом, пробираясь из одного потайного места в другое, терпя голод и в постоянной тревоге»¹⁷. Чувство постоянной тревоги, как считает Миклухо-Маклай, было вполне обоснованным, так как за два месяца его пребывания здесь на жителях побережья было совершено три опустошительных набега¹⁸. Чувства страха, тревоги, неуверенности, по мнению религиоведов, составляют эмоциональные корни возникновения и существования религии. Исследуя вопрос о корнях религии, советские ученые опираются и на материалы Н. Н. Миклухо-Маклая¹⁹.

Миклухо-Маклай наблюдал у папуасов магические обряды, имевшие целью воздействовать на погоду. На Берегу Маклая он видел обряд заговаривания дождя. Дождь шел несколько дней не переставая и грозил размыть тщательно возделанные плантации местных жителей. Один из них взял кусок корня «ли»; бормоча заклинания, разжевал его, затем кусочек корня завернул в лист и бросил в огонь, а остальное, выйдя из хижины и продолжая что-то говорить, выплюнул поочередно на четыре стороны света²⁰. Интересно, что перед этим папуасы настойчиво упрашивали ученого прекратить дождь; когда он заявил, что сделать этого не может, ему не поверили и упрекали в том, что он не хочет²¹. На южном побережье Новой Гвинеи ему довелось видеть обряд заговаривания грозы²², а на острове Били-Били — обряд заговаривания ветра²³. И эта категория магических обрядов чрезвычайно важна для понимания причин возникновения и существования религии. Если обряды вредоносной магии, как уже говорилось, возникают на почве разобщенности отдельных этнических групп и общин, то корни магии погоды, как и любой производственной магии, следует искать в условиях экономической жизни людей. Население Океании, как известно, занималось земледелием и рыболовством. Урожай большинства сельскохозяйственных культур и успех рыбной ловли в значительной степени зависели от погоды. Постоянная зависимость от природы объясняет существование на этой стадии развития соответствующих магических обрядов.

Характерно, что источником магической силы чаще всего считался какой-либо материальный предмет. Папуасы верили, например, что болезнь и смерть можно причинить не только через остатки еды, волосы, части одежды и пр., которые для этой цели необходимо заговорить и сжечь, но и через любой предмет, если его заговорить и зарыть в землю вблизи от жертвы. Заговоренный предмет носил у них название

¹⁶ А. Д. Сухов, *Философские проблемы происхождения религии*, М., 1967, стр. 72.

¹⁷ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Собр. соч.*, т. III, ч. 1, стр. 203.

¹⁸ Там же.

¹⁹ А. Д. Сухов, *Указ. раб.*, стр. 78.

²⁰ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Собр. соч.*, т. III, ч. 1, стр. 104, 105.

²¹ Там же, стр. 452.

²² Там же, т. II, стр. 69, 70.

²³ Там же, т. III, ч. 1, стр. 105.

«оним». Считалось, что он может причинять вред не только людям, но даже деревьям, растениям. В деревне Горенду, после смерти Вангума и Туя, папуасы жаловались Миклухо-Маклаю: «Не только люди умирают, но и кокосовые пальмы больны. Листья у них стали красные, и они все умрут. Мана тамо (горные жители.— М. Б.) зарыли в Горенду оним — вот и кокосовые пальмы умирают»²⁴. Жители соседней деревни Бонгу также объясняли плохой урожай таро на своих полях тем, что один из их односельчан сделал для этого специальный «оним»²⁵.

Всякого рода лекарства папуасы называли тоже «оним», так как лекарствам приписывалось магическое действие. Это естественно: считая причиной болезни магию, люди видели в ней и главное средство лечения. Миклухо-Маклай приводит случай, свидетелем которого он был: к Саулу, жителю деревни Бонгу, пришел из соседнего селения Бугаи за лекарством для своей жены, больной лихорадкой. Пришедший отдал Саулу сахарный тростник, принесенный с собой. Саул, взяв тростник, отошел в сторону, что-то долго над ним шептал, а затем завернул в лист и передал Бугаю, который довольный отправился домой. Саул объяснил ученому, что это был «оним» (лекарство) для жены Бугая и что завтра же она выздоровеет²⁶. Термин «оним» аборигены употребляли и по отношению к лекарствам, полученным от Миклухо-Маклая. Долгое время они относились к его медицинским препаратам крайне недоверчиво, опасаясь их дурного воздействия. Прошло немало времени, прежде чем папуасы настолько прониклись доверием к русскому путешественнику, что стали охотно принимать от него медицинскую помощь.

Материальные предметы выступали у островитян и в качестве средств магической защиты — оберегов. Миклухо-Маклай сообщает, что во время путешествия в горную деревню Теньгум-Мана один из его проводников принял следующие меры предосторожности: он сломал ветку дерева, отойдя в сторону, долго над ней что-то шептал, а затем ударил ею несколько раз каждого участника похода; одновременно он выплевывал всем на спины кусочек разжеванного растения «муйа». Закончив обряд, он удалился в лес и спрятал ветку в кустах, чтобы ее никто не нашел. На вопрос ученого о цели проделанных манипуляций проводник ответил: «...это сохранит нас от всякой измены и опасности в Теньгум-Мане»²⁷. В другой раз, отправляясь в деревню Энглам-Мана, папуасы в присутствии Миклухо-Маклая стали обмахивать себе шею, спину и ноги зеленой веткой, все время что-то нашептывая. Они объяснили, что делают это, чтобы поход был удачным; дорога длинная и для нее нужны хорошие ноги²⁸. Перед входом в хижину, чтобы предохранить ее обитателей от несчастья, папуасы вешали три кости казуара, связанные лианой. Участники праздника в деревне Бонгу в качестве амулета употребляли лист растения, так называемый «мандюри»²⁹. В одной из записных книжек Миклухо-Маклая имеется рисунок этого оберега. По-видимому, любой предмет, наделявшийся магическими свойствами, назывался у папуасов «оним». Обобщая свои материалы, ученый пишет о слепой вере людей «в силу «оним», который может заставить дождь не литься, ветер перестать дуть, растения гибнуть; «оним», служащий причиной болезни и смерти людей, а также в других случаях предохраняющий людей от опасности, измены, предоставляющий им хороший улов, хороший прием в соседней деревне или любезности девушек или женщин»³⁰.

²⁴ Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. II, стр. 379.

²⁵ Там же, т. III, ч. 1, стр. 105.

²⁶ Там же, стр. 104, 452.

²⁷ Там же, стр. 102 — 103, 451.

²⁸ Там же, т. I, стр. 266.

²⁹ Там же, т. III, ч. 1, стр. 103.

³⁰ Там же, стр. 453.

Миклухо-Маклай отмечает, что подобные суеверия встречаются на многих островах Меланезии, причем всюду понятие «оним» имеет специальное наименование³¹. Краткость пребывания на других островах Меланезии не позволила ему собрать здесь такой же обширный материал, как на Новой Гвинее. Это было сделано впоследствии миссионером Кодрингтоном, открывшим для науки представления меланезийцев о «мана». «Мана» — сила безличная; она подобно «ониму» может выступать в качестве доброго и злого начала. Но если папуасский «оним» — материальный предмет, наделенный сверхъестественными свойствами, то «мана» — магическая сила, свойственная и предметам, и людям, и духам. Как справедливо отмечает С. А. Токарев, «мана» — это дальнейшее расширение и обобщение той же самой идеи³².

Таким образом, материалы Миклухо-Маклая дают нам возможность видеть раннюю стадию в развитии данной идеи, когда представление о магической силе носит еще вещественный, материальный характер. Конкретные факты, собранные русским путешественником, — лишнее доказательство, что развитие религии шло от конкретных представлений к абстрактным, что на ранних этапах религиозные верования выступают в грубо-чувственной, предметной форме.

Материалы Миклухо-Маклая помогают проследить и постепенное выделение в обществе специальной прослойки колдунов. У папуасов Новой Гвинее такой прослойки, по-видимому, еще не было; ученый не раз наблюдал, как магические действия совершали здесь разные люди, часто даже его проводники во время экскурсий. На некоторых островах Меланезии, по свидетельству путешественника, уже были лица, наделавшиеся способностью причинять людям болезнь и даже смерть. Такой колдун доставал волосы, ногти или остатки еды того человека, которого он хотел околдовать, и начинал медленно их жечь. Видевшие это люди содрогались и говорили шепотом: «Смотри, он жжет «нахак» (то же самое, что «оним». — М. Б.), кто-нибудь заболеет»³³. Если кто-то действительно заболел, все были убеждены, что колдун жжет его «нахак». Друг заболевшего трубил в большую раковину — это означало просьбу к колдуну прекратить обряд и обещание подарков. Если болезнь не проходила, значит колдун недоволен подарками и продолжает обряд. И снова звук трубы и новые подарки. Если человек умирал, считалось, что колдун, несмотря на подарки, сжег «нахак» до конца³⁴. Наличие выделившегося сословия колдунов Миклухо-Маклай отметил в Микронезии, на островах Пелау. Роль колдунов в обществе, их влияние на различные дела были здесь так велики, что дали основание ученому назвать религию коренного населения шаманизмом³⁵. Посредников между людьми и сверхъестественным миром жители Пелау называли «калит» и обращались к ним во всех затруднительных случаях: во время болезни, отправляясь в путь или военный поход, желая обеспечить хорошую погоду. Этим лицам приписывалась способность предсказывать будущее, общаться с душами умерших и т. п. Калитами могли быть и мужчины, и женщины. Каждая деревня имела своего калита.

Большой интерес для выяснения генезиса погребального культа и некоторых анимистических верований представляют данные Миклухо-Маклая о похоронных обрядах островитян. У папуасов Берега Маклая о смерти мужчины оповещались жители всех окрестных деревень. Собравшись вместе, они в знак траура обмазывали себя черной краской — «куму»; женщины громко плакали. Вооруженные мужчины раз-

³¹ Там же.

³² См. С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 94.

³³ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 460.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. 279.

делялись на две партии и имитировали сражение. Папуасы раскрашивали лицо и тело покойного, надевали на него лучшие украшения, рядом оставляли пищу. Иногда уничтожались вещи, принадлежавшие умершему. На похоронах всем присутствующим подносилось обильное угощение, которое не полагалось съедать здесь, а необходимо было унести с собой домой. Тело покойного в согнутом положении помещали в корзину из листьев кокосовой пальмы — «гамбор», ближайшие родственники умершего обвязывали ее лианой или ротангом и подвешивали к верхней балке хижины, в которой он жил. После того как труп окончательно разлагался, его погребали внутри хижины, чаще всего по «барлоу» — нарами для сна³⁶.

В случае смерти женщины или ребенка похоронный ритуал был значительно проще: народу собиралось меньше, не было инсценировки сражения, но эмоциональная напряженность обряда и в этих случаях проявлялась достаточно ярко. Миклухо-Маклай подробно описал похороны жены папуаса Моте из деревни Бонгу, на которых он сам присутствовал³⁷. Покойницу положили сначала на нары; вокруг нее с криками и причитаниями теснились женщины. Площадка перед хижинкой была также заполнена плачущими женщинами. Время от времени сюда подходили группами вооруженные мужчины из соседних деревень; все они были крайне возбуждены, что-то выкрикивали и воинственно жестикулировали. Муж умершей бегал вокруг, как бы желая напасть на кого-то; в неистовстве он рубил топором крыши хижин, кокосовые пальмы, ломал старый забор. Когда родственники покойной стали увязывать корзину с трупом, плач женщин усилился, сопровождаясь пляской; некоторые стали скрестить и тереть руками гамбор. Придя в деревню на следующий день, Миклухо-Маклай увидел, что гамбор с телом висит в хижине умершей, рядом горят два костра, а все жители деревни выкрашены черной краской «куму».

Большую эмоциональную напряженность отметил русский путешественник и в погребальных обрядах меланезийцев островов Адмиралтейства. На островке Андра похороны старого меланезийца Панги сопровождались криками, плясками, раскрашиванием тела, оглушительными звуками деревянных барабанов. Особенно неистовствовали жены умершего; бросаясь на труп, они теребили его, трясли за плечи, громко рыдали. Старшая из жен, почти без одежды, вымазанная черной краской, бегала с криками по деревне, бросалась с размаху на землю, покрытую острыми кораллами; тело ее было изранено до крови. Обломком коралла она в исступлении била себя по голове, лицу, груди. Миклухо-Маклай, наблюдавший это самоистязание, замечает, что здесь имело место не только непосредственное проявление горя и отчаяния, но и соблюдение обычая³⁸. Подобного рода факты показывают, что в формировании погребального культа, наряду с социальными факторами, большую роль играли эмоциональные моменты. Возможно, первоначально они выступали даже на первый план. Отдельные элементы погребального обряда могли быть первоначально только проявлениями эмоционального состояния³⁹. Соединяясь затем с определенными религиозными идеями и жизненной практикой они составили сложный погребальный ритуал, разные элементы которого уже трудно бывает разграничить.

В только что упомянутом примере погребения на островке Андра тело умершего было, по свидетельству Миклухо-Маклая, тщательно вытерто и окрашено красной краской, лицо и голова выбриты, осколками обсидиана, на шею и руки надеты украшения из раковин. Рядом

³⁶ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. I, стр. 251, 252; т. II, стр. 373—375.

³⁷ Там же, т. II, стр. 347—352.

³⁸ Там же, стр. 502.

³⁹ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 117.

с трупом был разложен костер; огонь горел ночью и на могиле умершего, вырытой у самого входа в его жилище⁴⁰. На Новой Каледонии русский ученый столкнулся с обычаем хоронить покойника в его хижине. Попав однажды в такую хижину, Миклухо-Маклай нашел в ней много разных вещей: большие глиняные горшки, несколько копий, топор, подвешенные к крыше узкие полоски тапы. Сопровождавший его проводник сообщил, что здесь похоронен выдающийся человек; время от времени на месте погребения собираются островитяне и исполняют обряды, сопровождаемые пиршествами⁴¹. У папуасов берега Ковиай путешественник часто встречал заброшенные, полуразвалившиеся хижины, оставленные людьми после смерти одного из членов семьи. В них оставляли покойника вместе с принадлежавшим ему имуществом⁴².

В статье «Антропология и этнология меланезийцев» Миклухо-Маклай пишет о распространенном в разных районах Меланезии обычае сооружать на месте погребения специальные хижины-гробницы. По размерам они почти всегда были меньше обычных хижин, иногда украшались и являлись своего рода памятниками по умершим. В них клали вещи покойного: посуду, одежду и разные мелочи; в некоторых местностях в течение длительного времени (нескольких недель или даже месяцев) на могилу ежедневно приносили и оставляли там пищу⁴³. В той же статье упоминается о существовавшем на Новых Гебридах обычае после смерти мужа лишать жизни его вдову. «Сами вдовы того жедают иногда,— пишет Миклухо-Маклай,— и миссионерам не всегда удавалось отклонить долг свой знающую супругу от насильственной смерти, дающей ей возможность сейчас же присоединиться к мужу в другой жизни»⁴⁴.

Дальнейшее развитие погребального культа и связанных с ним анимистических представлений можно проследить на материалах, собранных русским путешественником в Микронезии. Сам ритуал погребения имел здесь много сходных черт с папуасским и меланезийским. Так, на островах Пелау покойника обмывали, надевали на него новую одежду и украшения — ожерелья, серьги; лицо и грудь окрашивали красной краской. Ночью около труп зажигали костры или факелы; участники церемонии пили напиток из сока кокосовой пальмы, жевали пинанг, курили. Перед погребением главный вождь произносил речь, восхваляющую заслуги покойного; женщины громко плакали⁴⁵. Некоторые моменты обряда уже свидетельствовали о социальном расслоении у микронезийцев: на острове Яп (Каролинский архипелаг) похороны свободных мужчин и вождей сопровождалась воинственными играми, подражавшими схватке; при погребении остальных членов общества этот обряд отсутствовал. Гробницы сооружались из камней, иногда рядом с жильем, и отличались одна от другой в зависимости от пола и общественного положения покойного. Умершим вождям сооружались высокие многоэтажные памятники из камня — типа ступенчатых пирамид. Осмотрев эти гробницы, Миклухо-Маклай отметил их сходство с древними полинезийскими марая о. Таити⁴⁶.

У микронезийцев Пелау русский ученый нашел довольно четкие представления о духах умерших и о загробной жизни. Духи умерших назывались здесь «делеп»; считалось, что их внешность, пол и все черты характера в точности копируют живых людей. Коренное население верило, что спустя несколько дней после похорон делеп может вернуться

⁴⁰ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, стр. 502—506.

⁴¹ Там же, стр. 452—453.

⁴² Там же, стр. 42, 70 и др.

⁴³ Там же, т. III, ч. I, стр. 464.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, стр. 286, 287.

⁴⁶ Там же, стр. 258.

в дом, где жил умерший, или в те места, которые он посещал. Люди, особенно женщины, очень боялись делеп, так как ночью те способны были тревожить сон живых, душить их и т. п. Согласно поверьям, духов можно не только видеть, но и слышать; они проявляют свое присутствие внезапным треском, щелчками, свистом и разными другими звуками. Местом постоянного пребывания для душ простых людей считался самый южный островок архипелага; там они поют песни, пляшут. Загробный мир для представителей высшего ранга — вождей, калитов и др. — мыслился расположенным где-то на небе⁴⁷. Дифференциация представлений о загробном мире — показатель социального расслоения среди коренного населения.

Важно подчеркнуть, что верования микронезийцев в духов умерших носили весьма конкретный характер: люди полагали, что духи имеют определенную внешность, что их можно видеть и слышать, что в стране мертвых они живут так же, как живые на земле. Духи — это еще не спиритуалистические, бесплотные существа; напротив, они рисуются людям в телесных, чувственных образах. Представления о духах приобретают отвлеченный характер на более поздних этапах развития религии. Изучая процесс развития религиозных верований, эволюцию сверхъестественных образов от конкретных форм к абстрактным, советские ученые привлекают материалы нашего выдающегося соотечественника, в частности и только что приведенные данные о вере микронезийцев в делеп⁴⁸.

У народов Океании Миклухо-Маклай собрал сведения, характеризующие разные стадии развития культа предков. На архипелаге Пелау ему сообщили о почитании некоторых камней, считавшихся у микронезийцев изображениями далеких прародителей. В каждой области почитался свой камень; он имел вид антропоморфного идола, носил определенное имя, ему приносили жертвы. (Так, один из этих камней посещавшие его местные жители натирали маслом.) Описывая религию жителей Пелау, ученый отмечает, что здесь «рядом с шаманизмом мы имеем культ предков, который переходит почти что в почитание идолов»⁴⁹. С камнями, изображавшими предков, у островитян связывались поэтические легенды; Миклухо-Маклай их записал и привел в статью «Путешествие в Западную Микронезию и северную Меланезию»⁵⁰.

Ранняя стадия культа предков существовала, по-видимому, у папуасов и меланезийцев. Русский путешественник обратил внимание на особое почитание, которым окружались здесь умершие. Степень почитания зависела от силы и влияния человека: более пожилые, умудренные опытом мужчины, особенно главы семей, пользовались наибольшим почитанием как при жизни, так и после смерти. В папуасских деревнях Миклухо-Маклаю постоянно приходилось встречать резные изображения человеческих фигур, чаще всего мужских, изредка — женских (в деревне Бонгу они назывались «телумы»). Скульптуры изготовлялись обычно из дерева, иногда из глины; некоторые достигали 1,5—2 м высоты, другие были совсем маленькими; каждый телум имел свое имя. В коллекции Миклухо-Маклая есть несколько телумов; многие из виденных им фигур изображены на его рисунках. Значение телумов, как признает сам ученый, ему не удалось вполне выяснить⁵¹. Их роль окончательно не выяснена и до сих пор. Нам кажется возможным рассматривать эти фигуры как изображения наиболее уважаемых умерших

⁴⁷ Н. Н. Миклухо-Маклай, собр. соч., т. III, ч. I, стр. 271, 280, 281.

⁴⁸ См. А. Д. Сухов, Указ. раб., стр. 144, 145.

⁴⁹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 284.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, стр. 102.

членов общества. Так как это были преимущественно главы семей, то в их почитании можно видеть культ предков.

У папуасов и меланезийцев русский путешественник наблюдал обычай сохранять кости и черепа умерших. «На островах Соломоновых,— пишет он,— я нашел целые кладбища, состоявшие из небольших построек, наполненных черепами: их называют «тамбуна». Некоторые заключали в себе только один череп,— то были гробницы начальников; они отличались множеством украшений из раковин, находившихся на и при черепе»⁵². Обследуя погребения на Новой Каледонии, ученый в одном случае не обнаружил рядом со скелетами черепов, а также мелких костей рук и ног; в другом случае череп висел отдельно в корзине под крышей⁵³. В коллекциях МАЭ есть несколько папуасских черепов, привезенных Миклухо-Маклаем с Новой Гвинеи; они тщательно очищены и покрыты орнаментом. У некоторых черепов отсутствуют нижние челюсти, так же как и у многих других, виденных путешественником в папуасских деревнях. Объясняется это обычаем местных жителей носить нижнюю челюсть ближайшего умершего родственника на руке в качестве браслета, что служит знаком памяти о нем.

Труды Миклухо-Маклая являются ценным источником и для изучения таких институтов социальной и религиозной жизни народов Океании, как тайные союзы и празднества. Описания папуасских праздников, например, даны настолько подробно, что читатель как бы присутствует на них⁵⁴. Русский путешественник всегда был желанным гостем на подобных торжествах, что позволило ему неоднократно наблюдать все там происходящее. Праздники («ай») на Берегу Маклая длились часто по нескольку дней, не прерываясь даже ночью. Их проводили на специальной площадке в лесу, куда женщинам и детям доступ был запрещен. Участники «ая» раскрашивали лицо и тело, надевали разнообразные украшения, а иногда и особые головные уборы. Обязательное на любом празднестве угощение раздавал всем, в том числе и гостям, приглашенным из соседних деревень, распорядитель; при этом он называл имя человека и его деревню. Когда среди приглашенных присутствовал Миклухо-Маклай, его вызывали: «Маклай, тамо русс». Каждому гостю пища варилась в отдельном глиняном горшке на длинном помосте, под которым горели костры. Торжество сопровождалось игрой на музыкальных инструментах, носивших тоже название «ай». (Миклухо-Маклай подробно описал все музыкальные инструменты папуасов и привез коллекцию этих предметов, хранящуюся в МАЭ.) На место празднества приносились свежеекрашенные «айдоганы» — длинные телумы с несколькими фигурами, вырезанными из одного бревна; они играли большую роль в церемониях. Некоторые празднества, как заметил ученый, связывались у папуасов с полнолунием.

Миклухо-Маклай дал также описание церемоний союза «дук-дук» на Новой Ирландии и Новой Британии⁵⁵. По верованиям меланезийцев, «дук-дук» — это сверхъестественные существа, появляющиеся преимущественно в первый день новолуния. Их ждали на рассвете у морского берега, предварительно удалив из деревни женщин и детей, которым запрещено все это видеть под страхом смерти. «Дук-дук» подплывали на пирогах (духов изображали старики); тела их до колен были закрыты одеждой из листьев, головы украшали большие страшные маски. Сойдя на берег; они начинали пляску, сопровождая ее нечленораздельными звуками. В лесу для них сооружалась хижина, куда приносилось большое количество съестных припасов и различные ценные вещи.

⁵² Там же, стр. 464, 465.

⁵³ Там же, т. II, стр. 452.

⁵⁴ Там же, т. III, ч. I, стр. 106—118, 440—443 и др.

⁵⁵ Там же, стр. 443—446.

Молодые люди, готовившиеся к посвящению в члены союза «дук-дук», подвергались со стороны пришельцев физическим испытаниям — избиванию толстыми отрезками бамбука; при этом посвящаемые должны были скрывать испытываемую ими боль. Все очень боялись «дук-дук»; те могли забрать любые понравившиеся им вещи и даже безнаказанно убить человека. Спустя известное время они незаметно исчезали, а их хижины и костюмы сжигались.

Миклухо-Маклай приводит некоторые сведения и о тайных союзах в Микронезии⁵⁶. Представляют интерес его подробные описания и зарисовки общественных домов (бай-бай — на острове Яп, пай — на островах Пелау), которые служили центрами всей деятельности союзов; в одном из таких домов путешественник некоторое время жил сам. В них исполнялись пляски, хранились предметы культа. Подобные дома он встречал и у папуасов Новой Гвинеи, причем в больших селениях, как, например, в Бонгу, их было несколько. Мужской дом (в Бонгу он назывался «буамбрамра») отличался от жилых хижин своими размерами и устройством: он был значительно больше и выше, не имел передней и задней стен; основную его часть составляла крыша, доходившая почти до земли. В таком доме совершались некоторые церемонии, в нем проводили свободное время взрослые мужчины, здесь принимали гостей. В буамбрамре хранились музыкальные инструменты и другие ритуальные предметы: телумы, черепа умерших, сигнальные барабаны, употреблявшаяся на празднествах посуда. В. Перелешин, служивший в команде корвета «Витязь», в записях путевых впечатлений высказал предположение, что буамбрамры можно считать местными храмами⁵⁷. Подобное предположение отвергает сам Миклухо-Маклай. «...Всякий телум,— пишет он,— пожалуй, даже всякий «оним» могли бы быть названы богами или идолами туземцев. Это так же неверно, как называть, например, всякие общественные хижины туземцев храмами»⁵⁸. Правильнее, нам кажется, видеть в общественных домах островитян, выполнявших одновременно социальные и религиозные функции, прообраз тех будущих святилищ, которые появятся значительно позже и станут исключительно местом отправления религиозного культа.

И наконец, обычай табу. На архипелаге Пелау Миклухо-Маклаю пришлось столкнуться с различными запретами, касавшимися еды: женщине, например, не разрешалось есть определенный вид рыбы; мужчина, добывший недавно голову неприятеля, не мог есть кур. Запреты (они назывались здесь «могуль») распространялись также на некоторые местности, на личность и имущество вождей, калитов и пр. Путешественник подчеркивает, что «могуль» имеет чисто религиозный характер; нарушение его не карается людьми, а влечет за собой, как полагают, болезнь или другое несчастье (в отличие от обычного запрета «плюль», за несоблюдение которого наказывает вождь или член тайного союза)⁵⁹. Большое значение, по данным Миклухо-Маклая, имел этот обычай на острове Яп. Ученый приводит такой факт: здесь строжайше запрещалось убивать угрей, живущих в ручьях и прудах, а также комаров; считалось, что убийство одного из них неминуемо повлечет за собой самые тяжелые несчастья⁶⁰.

Существование многочисленных запретов русский путешественник обнаружил у папуасов (хотя узнать туземное название этого обычая ему так и не удалось — мешало недостаточное знание языка). «Обычай табу,— пишет он,— распространенный в Полинезии и Микронезии..

⁵⁶ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 256—258, 287—289, 292—298.

⁵⁷ Там же, т. I, стр. 365.

⁵⁸ Там же, стр. 465.

⁵⁹ Там же, стр. 285, 286.

⁶⁰ Там же, стр. 254.

встречается также и в Новой Гвинее. Так, например, многие предметы совершенно запрещены женщинам, детям и юношам до обрезания. На известные пиры имеют доступ только взрослые мужского пола; даже до кушаний, приготовленных на месте пира, юноши, женщины и дети не смеют прикасаться; видеть музыкальные инструменты, не только употреблять их, запрещено им; все они должны убегать при звуках этих инструментов; употребление кеу также дозволено одним взрослым мужчинам; известные хижины, где собираются мужчины, известные сборные места в лесу, посвященные пиршествам, также недоступны женщинам и детям... Запрещения редко переступаются. Папуасы уверены, что если они это сделают, то заболеют или умрут»⁶¹. Страх людей нарушить табу был очень велик; в этом ученый убеждался на каждом шагу; например, молодежь, которой запрещалось есть мясо свиньи, отказывалась даже от таро, варившегося вместе со свиной⁶². Этот страх не раз спасал самого путешественника от любопытства островитян: оставляя у них свои вещи, он перевязывал ранец накрест белой ниткой, а уходя из дому, завязывал дверь веревкой и втыкал пальмовую ветвь; подобных мер было достаточно, чтобы никто из папуасов не смел прикоснуться к вещам или войти в хижину⁶³.

* * *

Таким образом, предметом внимания Миклухо-Маклая был широкий круг верований и обрядов народов Океании. Ему удалось собрать интересные сведения о вере этих народов во вредоносную магию, об их погребальных обрядах и анимистических представлениях, о культе предков, празднествах, религиозных запретах. Собранные им факты позволяют глубже проанализировать корни некоторых древнейших обрядов: вредоносной магии, погребального культа и др. Русский ученый, что особенно важно, правильно понял характер первобытной идеологии, взаимосвязанность отдельных ее элементов. «Не должно забывать при этом,— предупреждал он,— что в действительности фазы духовной жизни рас обыкновенно не проявляются в чистых, несмешанных формах, как в теоретических построениях»⁶⁴. Это вполне соответствует современному подходу к изучению религиозных явлений.

Материалы Миклухо-Маклая приобретают тем больший интерес, что ему довелось изучать религию народов, стоявших на разных этапах общественного развития. Это помогает проследить постепенные изменения в религиозных обрядах и представлениях. К тому же культура некоторых племен, например папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее, в его время не была еще затронута внешними влияниями, сохраняла всю свою самобытность. Позже, в условиях европейской колонизации, многие верования и обряды либо деформировались, либо совсем исчезли; часто из страха перед миссионерами коренное население стало их тщательно скрывать.

Труды русского ученого помогают выяснить место религии в жизни изученных им народов. Его описания повседневной жизни островитян показывают, что религиозные верования и обряды отнюдь не играли в ней доминирующей роли, что они отступали на задний план перед такими важными сторонами человеческой жизни, как хозяйство, общественные отношения и др. Люди прибегали к религиозным обрядам лишь в тех случаях, когда происходило нечто необычное, нарушающее привычный порядок вещей: смерть, болезнь, неблагоприятные изменения погоды и пр.

⁶¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 147.

⁶² Там же, т. I, стр. 257, 258.

⁶³ Там же, стр. 294; т. II, стр. 354 и др.

⁶⁴ Там же, т. III, ч. 1, стр. 279.

Материалы Миклухо-Маклая целиком сохранили свое научное значение до настоящего времени. Их широко используют советские ученые — этнографы, философы, исследующие верования первобытных народов, а также общие проблемы происхождения религии и ее ранние формы.

**THE MATERIALS OF N. N. MIKLUKHO-MACLAY
ON THE RELIGIOUS BELIEFS OF THE PEOPLES OF OCEANIA
AND THEIR ROLE IN MODERN RELIGIOUS STUDIES**

In the course of his voyages N. N. Miklukho-Maclay succeeded in collecting interesting data on religious beliefs and rituals among the peoples of Oceania. His diaries, articles and notes contain information on the faith of these peoples in injurious magic, on their funeral rites, animistic notions, on ancestor cults, ceremonies, religious prohibitions, etc. At the time many tribes still conserved all their original culture; this lends particular value to the Russian traveller's data. The facts collected by him permit a more profound analysis of certain ancient rites (injurious magic, funeral cult); they make it possible to trace the gradual evolution in the religious beliefs of peoples who have reached different stages of social development. N. N. Miklukho-Maclay's data have preserved their scientific value up to the present time; they are widely drawn upon by students in research on the religion of primitive peoples as well as on general problems of the origins of religion and its early forms.

Р. Г. Ляпунова

**ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ
КАПИТАНОВ П. К. КРЕНИЦЫНА И М. Д. ЛЕВАШОВА
НА АЛЕУТСКИЕ ОСТРОВА [1764—1769 гг.]**

Со времени экспедиции Креницына — Левашова на Алеутские острова прошло уже более 200 лет. В свое время она ознаменовала определенный этап в истории исследования русскими людьми северо-западной Америки: переход от открытий и первоначального изучения цепи Алеутских островов и Аляски предприимчивыми купцами и промышленниками к планомерным изысканиям и исследованиям, в которых главная роль принадлежала военным морякам. Креницын и Левашов заслуженно считаются пионерами научного исследования северо-восточной части Тихого океана и продолжателями работ Первой и Второй Камчатской экспедиций¹. Экспедиция Креницына и Левашова впервые привезла специально собранный, достоверный материал о географии, гидрографии, природе и жителях Алеутских островов и части полуострова Аляски.

Кроме того, эта экспедиция сохраняет свое важное научное значение и в наши дни с точки зрения этнографического изучения алеутов — коренного населения Алеутских островов.

Этнографические материалы об алеутах, собранные Левашовым, представляют о большую историческую ценность. Эти сведения дают нам представление о культуре алеутов, еще не затронутой европейским влиянием. В последующие десятилетия в ходе колонизации Алеутских островов сначала русскими, а с 1867 г. после продажи Аляски США, — американцами алеутская культура подверглась сильному разрушительному влиянию. Уже к началу XX в., менее чем через полтора столетия, древняя культура этого народа почти перестала существовать, а сами алеуты остались лишь в небольшом числе (от 16—20 тыс. ко времени открытия островов до 2 тыс. к началу XX в. и 1 тыс. в наши дни).

В начале 60-х годов XVIII в. в Петербурге было уже достаточно хорошо известно об открытиях русских купцов и промышленников в «Восточном океане». В донесении от 11 февраля 1764 г. сибирский губернатор Д. И. Чичерин сообщал Екатерине II об открытии мореходом С. Гловым и казаком С. Пономаревым самой восточной группы Алеутских островов (о. Умнака и о. Уналашки). В этом же донесении Чичерин предлагал послать на судах промышленников морских офицеров для составления точной карты новооткрытых земель.

4 мая 1764 г. Екатерина II подписала секретный указ Адмиралтейской коллегии об отправке на Камчатку опытных морских офицеров и штурманов для упорядочения морской службы у берегов Камчатки и для уточнения открытий русских купцов и промышленников, а также для

¹ И. П. Магидович, Петр Кузьмич Креницын и Михаил Дмитриевич Левашов, Сб. «Русские мореплаватели», М., 1953.

приведения в российское подданство жителей открытых островов. Начальником экспедиции был назначен капитан II ранга П. К. Креницын, а его помощником — капитан-лейтенант М. Д. Левашов.

Экспедиция Креницына — Левашова была связана с организованной в то же время по инициативе М. В. Ломоносова экспедицией В. Я. Чичагова (1764—1766 гг.) для поисков прохода Северным Ледовитым океаном в Камчатку. Обе экспедиции были сугубо секретными, так же как и последовавшая затем экспедиция Биллингса — Сарычева к северно-западным берегам Северной Америки (1785—1793 гг.). Официально экспедиция Креницына — Левашова именовалась «экспедицией для описи лесов по рекам Каме и Белой». Встреча экспедиций Чичагова и Креницына предполагалась в Тихом океане, но, как известно, Чичагову не удалось пройти дальше Шпицбергена.

По прибытии экспедиции Креницына — Левашова в Охотск, в октябре 1765 г., началась подготовка к плаванию: достраивались экспедиционные суда и пр. Для опознавания уже открытых русскими островов к участию в экспедиции были привлечены промышленники, уже побывавшие на Алеутских островах: С. Глов, И. Соловьев и др.

После длительной подготовки, сопряженной с преодолением больших трудностей, в июле 1768 г. экспедиция вышла, наконец, в «Восточный океан» и направилась к Алеутским островам. В состав ее входили два корабля: галиот «Св. Екатерина» под командованием П. К. Креницына и гукор «Св. Павел», которым командовал М. Д. Левашов.

Больше двух месяцев корабли плыли, не теряя из виду друг друга, и только у самых восточных Алеутских островов 5 сентября 1768 г. разлучились в густом тумане. Левашов пишет, что это произошло «у острова Аляксы». Зиму 1768—1769 гг. Креницын провел на острове Унимаке, а Левашов — на о. Уналашке.

Зимовка обоих экипажей была очень тяжелой. Многие заболели цингой, не хватало продовольствия. У Креницына во время зимовки умерло 36 человек. У Левашова положение было несколько лучшим: умерло только трое и двое пропали без вести. Трудности в значительной степени вызывались тем, что не удавалось наладить мирные отношения с местным населением. Незадолго до прибытия экспедиции алеуты Лисьих островов, более воинственные, чем жители западной половины Алеутской островной цепи, оказали сильное вооруженное сопротивление пришедшим сюда судам промышленников. Одновременно в разных местах были уничтожены три русских судна с экипажами. Поэтому Креницын полностью отказался от контактов с алеутами. Но Левашов все же попытался наладить мирные отношения с алеутами, что ему и удалось до некоторой степени сделать.

Несмотря на большие трудности зимовки, оба отряда экспедиции вели исследования. В октябре и ноябре Креницын посылал партии для обследования п-ва Аляски и близлежащих островов. Левашов со своей группой проводил исследования на о. Уналашке.

23 июня суда отправились в обратный путь. Креницын прибыл на Камчатку 29 июля, Левашов — 24 августа. Перед отплытием из Камчатки в Охотск Креницын трагически погиб (утонул в р. Камчатке). Командование экспедицией принял на себя Левашов. В августе 1771 г. оставшиеся в живых участники экспедиции вернулись в Петербург.

В оценке результатов экспедиции Креницына — Левашова как современники ее, так и историки последующих времен расходились. Наряду с признанием больших заслуг экспедиции высказывались сомнения в ценности ее достижений.

Так, служивший на Камчатке капитан Т. И. Шмалев в 1771 г. писал, что экспедиция эта «мало пользы принесла, кроме только что убытку», так как «недалеко простиралась — не дальше Лисишных (т. е. Лисьих)

их. — Р. Л.) островов»². Ф. Ф. Веселаго, известный историк морского флота XIX в., утверждал, что «экспедиция Левашова и Креницына, как известно, окончилась неудачно»³. В XIX в. и другой историк морского флота А. П. Соколов, ознакомившийся в морском архиве с кратким отчетом Левашова, а также некоторыми другими документами, не усмотрел за экспедицией особых заслуг, но зато отметил невыполненные ею задачи и недостатки этого «бедственного плаванья»⁴. И даже автор недавно вышедшей монографии «Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в.» Р. В. Макарова останавливается только на неосуществленных планах экспедиции и прямо пишет, что «экспедиция не выполнила возложенных на нее задач»⁵.

Но экспедиция Креницына — Левашова вызвала живейший интерес сразу же после ее окончания и в России и за рубежом, а особенно в Англии, соперничавшей с Россией в распространении влияния на северо-западную часть Тихого океана. Сведения об этой экспедиции появились в печати уже в 1777 г., но не в России, а в Англии: в работе английского историка В. Робертсона, которому Екатерина II во время его пребывания в Петербурге предоставила возможность ознакомиться с материалами экспедиции⁶. В 1780 г. вышла книга английского историка В. Кокса с более подробным освещением результатов плаванья Креницына — Левашова и с приложением краткого отчета Левашова и карты плаванья⁷. Эта книга выдержала несколько изданий. И только из книги Кокса материалы об экспедиции были перенесены в работу русского академика П. С. Палласа⁸. Сведения Г. А. Сарычева⁹ также основаны на книге Кокса. И лишь в 1852 г. А. П. Соколовым были опубликованы более подробные сведения об экспедиции Креницына — Левашова на основании изучения ряда документов морского архива. Эти многочисленные публикации материалов экспедиции Креницына — Левашова свидетельствуют о большом интересе, который проявлялся к ней, особенно в 80-х — 90-х годах XVIII в. В. Кокс полагал, что экспедиция Креницына — Левашова дала очень много нового для географического изучения Алеутских островов. Известный американский историк Банкрофт, основываясь на работе А. П. Соколова, высоко оценивал заслуги этих путешественников¹⁰. Замечательный русский исследователь и картограф М. Д. Тебенков также отдавал должное заслугам Креницына и Левашова, положившим начало научному изучению Алеутских островов¹¹.

Советский географ З. Н. Зубкова следующим образом характеризовала эту экспедицию: «...с нашей точки зрения, экспедиция Креницына и Левашова, протекавшая в весьма тяжелых условиях, внесла в гео-

² Центральный государственный архив древних актов, ф. 199, д. 528, ч. II, тетр., 6, л. 5. Цит. по кн.: Р. В. Макарова, Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в., М., 1968, стр. 146.

³ Ф. Ф. Веселаго, Краткая история русского флота, М. — Л., 1939, стр. 157.

⁴ А. П. Соколов, Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашова, 1764—1769 гг., «Записки гидрографического департамента», ч. X, СПб., 1852.

⁵ Р. В. Макарова, Указ. раб., стр. 146.

⁶ W. Robertson, The history of America, 2 vols., London, 1777.

⁷ W. Coxe, Account of the Russian discoveries between Asia and America. To which are added the Conquest of Siberia and the history of the transactions and Commerce between Russia and China, London, 1780.

⁸ «О Российских открытиях между Азиею и Америкою», «Месяцеслов исторический и географический на 1781 год», стр. 1—150. Позднее перепечатано в «Собрании сочинений, выбранных из месяцеслов на разные годы» за 1790 г., ч. IV, стр. 263—392.

⁹ Г. А. Сарычев, Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, СПб., 1802 г.

¹⁰ Н. Н. Bancroft, History of Alaska, 1730—1885, The works of Н. Н. Bancroft, vol. 23, San Francisco, 1886, pp. 157—168.

¹¹ М. Д. Тебенков, Гидрографические замечания к атласу северо-западных берегов Америки, островов Алеутских и некоторых других мест северного Тихого океана, СПб., 1852.

графическую науку большой вклад... Карта, составленная Креницыным и Левашовым... представляет, несомненно, большой шаг вперед по сравнению с другими картами того времени: впервые на карту была нанесена и описана большая группа островов (свыше 30), и долго еще (до карт Тебенкова) этой картой пользовались мореходы и географы»¹². Высокую оценку деятельности Креницына и Левашова дал И. П. Магидович, расценивая их экспедицию как первое научное исследование северо-восточной части Тихого океана, внесшее значительный вклад в географическую науку¹³. Наконец, совсем недавно А. И. Алексеев следующим образом писал об этой экспедиции: «Экспедиция Креницына имела огромное политическое и научное значение. Она продемонстрировала перед всем миром решимость русского правительства закрепить успехи русских мореходов. Впервые Алеутские острова были исследованы с научными целями. Достоверные сведения о природе, жителях, расположении Алеутских островов и части Аляски возбудили еще больший интерес к ним и послужили толчком к организации других русских экспедиций»¹⁴.

Подходя формально, действительно, можно считать, что экспедиция Креницына — Левашова не справилась в должной мере с поставленными перед ней задачами. Но значение ее не уменьшается от того, что некоторые из заданий не были выполнены. Главное — научное и достоверное описание Алеутских островов и их жителей — было сделано и навсегда останется большой заслугой экспедиции. Велико было и практическое значение географических результатов плавания. Его материалами руководствовались многие позднейшие русские и иностранные исследователи северо-восточной части Тихого океана, начиная с Дж. Кука.

Следует отметить, что экспедиции Креницына — Левашова до сих пор не было уделено должного внимания в советской историографии. Она не стала еще, к сожалению, предметом специального исследования, не произведена полная обработка ее архива¹⁵.

Между тем архивные фонды, где хранятся дела этой экспедиции, содержат много данных, еще не использованных исследователями и не нашедших отражения в литературе. В частности, это касается этнографических материалов. Сведения о культуре и быте алеутов, имеющиеся в материалах Креницына — Левашова, позволяют сделать ряд ценнейших добавлений к уже известным сведениям о традиционной культуре алеутов.

В журнале Левашова¹⁶ имеются четыре отдельные статьи: «Описание острова Уналашки», «О жителях того острова», «О ясаке», «О промысле Российских людей на острове Уналашке разных родов лисиц». Из этих статей Соколовым была опубликована только статья о жите-

¹² З. Н. Зубкова, Алеутские острова, М., 1948, стр. 39.

¹³ И. П. Магидович, Указ. раб., стр. 111—124.

¹⁴ А. И. Алексеев, Гаврила Андреевич Сарычев, М., 1966, стр. 37.

¹⁵ Нужно отметить, что в недавно вышедшей из печати книге В. А. Дивина «Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке» (М., 1971) история этой экспедиции довольно обстоятельно освещена на основе архивных материалов. Кроме того, появились в печати статьи И. В. Глушанкова об этой экспедиции (см. «Природа», 1969, № 12, стр. 84, 85 и «Наука и жизнь», 1971, № 1, стр. 52—59). Отдавая должное трудам этого автора над архивными источниками, необходимо все же указать на необоснованность претензий И. В. Глушанкова на «открытие» материалов экспедиции Креницына — Левашова, в том числе альбома рисунков Левашова. Даже приводимый нами в этой статье перечень публикаций свидетельствует об этом. Кроме того, все документы экспедиции Креницына — Левашова (в том числе и атлас Левашова) указаны в путеводителе, изданном Центральным государственным архивом Военно-морского флота в 1966 г. («Тематический путеводитель (документальные материалы дореволюционного флота России)», составитель В. Е. Надводский, Л., 1966, стр. 180 и др.).

¹⁶ Центральный государственный архив Военно-морского флота (далее — ЦГАВМФ), фонд Архива гидрографин, ф. 913, оп. 1, д. 13, 130, 131; Фонд канцелярии вице-президента Адмиралтейской коллегии графа И. Г. Чернышева, д. 414, лл. 259—263 (краткий экстракт из журналов Креницына и Левашова).

лях, содержащая «этнографические подробности, тем более драгоценные, ибо алеуты, с принятием христианской веры, покидают свою старину, которая известна теперь более по преданиям»¹⁷. Но ни Соколов, ни его предшественники в публикациях материалов экспедиции ничего не сообщали об альбоме с этнографическими зарисовками. Между тем эти рисунки в составе альбома под названием «Атлас видов Камчатских и Алеутских островов, снятых капитан-лейтенантом Левашовым в 1767 г.» хранятся в фонде гидрографии ЦГАВМФ¹⁸. О них писал в 1947 г. А. И. Андреев¹⁹. Еще ранее часть из них использовал Ф. А. Голдер²⁰ в своей книге о плавании В. Беринга. И наконец, они приводятся в статьях И. В. Глушанкова²¹.

Эти восемь листов зарисовок (размером 44×29 см) — прекраснейшее дополнение к заметкам Левашова о жителях Уналашки. С этнографической точки зрения их можно признать подлинными шедеврами. На рисунках, раскрашенных акварельными красками, даны систематически подобранные и четко изображенные предметы материальной культуры алеутов, причем в полной мере самобытные, какими они еще были во времена Левашова. Сопоставляя записи Левашова с этими рисунками, мы получаем ценный материал для реконструкции оригинальной культуры алеутов. Зарисовки ряда предметов впервые дают нам наглядное представление о них, иллюстрируя некоторые черты культуры алеутов, никем больше не зафиксированные.

Кроме этих рисунков ценные материалы по этнографии алеутов — по их социальной организации — мы находим в дневниках экспедиции. Хотя это всего лишь небольшие крупницы данных, но при скудности сведений по социальной организации алеутов этого периода они представляют большой интерес.

О жилищах алеутов в статье Левашова, опубликованной А. П. Соколовым, сказано очень кратко: «...жилище имеют в земляных юртах, в которых сделаны подставки из выкидного лесу...»²². Но зато в альбоме три пары рисунков (наружный вид и внутренний — в разрезе) посвящены алеутским жилищам. Здесь представлены типы традиционных жилищ, которые вскоре под влиянием русских претерпели некоторые изменения в конструкции. Реконструкция же старых алеутских жилищ по имеющимся в источниках описаниям была затруднительна, из-за отсутствия достаточно четких и полных зарисовок.

Алеуты о. Уналашки жили в больших прямоугольных полуподземных коллективных жилищах. Иногда в селении было по два-три таких больших дома, а иногда все обитатели селения жили в одном доме. Строилась такая «юрта» следующим образом: по размеру будущего жилища делалось углубление в земле, затем ставили столбы — подпоры²³, на которые клали поперечные балки; на них опирались косо поставленные колья, другим концом втыкавшиеся в земляные насыпи по периметру сооружения, уже на этих кольях закреплялись поперечные жерди. На такое решетчатое куполообразное перекрытие клали плетеные из травы маты, сухую траву и, наконец, дерн. Прямоугольные осветительные люки в крыше жилища служили также входом и выходом. У небольших «юрт» было от двух до пяти таких люков, а у больших — до десяти. Поднимались из «юрты» и пускались в нее по столбу с заруб-

¹⁷ А. П. Соколов, Указ. раб., стр. 97.

¹⁸ ЦГАВМФ, фонд гидрографии, № 1331, оп. 4, д. 702.

¹⁹ А. И. Андреев, Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. (обзор источников и литературы), сб. «Русские открытия в тихом океане и Северной Америке в XVIII в.», М., 1948, стр. 64.

²⁰ F. A. Golder, Bering's Voyages, vol. 1, N. Y., 1922.

²¹ О публикациях И. В. Глушанкова см. сноску 15.

²² А. П. Соколов, Указ. раб., стр. 101.

²³ Алеуты пользовались древесиной, выбрасываемой морем, плавником.

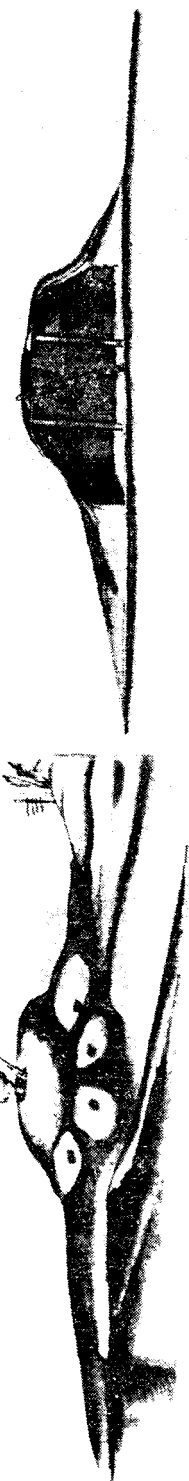

Рис. 1. Традиционное жилище алеутов о. Уналашки. Наружный вид и внутренний вид (в разрезе). (ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, л. 702, л. 28)

ками. Каждая семья размещалась в отгороженных столбами и циновками отдельных помещений вдоль стен. Кроме того, в старых сообщениях указывается, что некоторые семьи делали внутри этих жилищ отдельные «каморки», вырывая ниши в земляных насыпях. В этих «каморках» были свои осветительные люки. Именно такое жилище мы и видим на рисунках Левашова (рис. 1, 2).

Изображенное на рис. 3 жилище имеет подпись: «...вид юрты, в которой на острове Уналашке капитан-лейтенант Левашов с командой зимовал». Из дневника Левашова мы узнаем, что эта «юрта» была выстроена командой судна. По рисунку видно, что конструкция этого жилища в основном алеутская, но русские строители внесли в нее ряд изменений. Вход в «юрту» сделан не сверху, а сбоку, через низкую пристройку в виде русских сеней; люки сверху служили только для освещения и для выхода дыма от костра, которым обогревали жилище. В алеутских же «юртах» костров, как правило, не жгли: жилище не обогревалось, а для освещения пользовались жирниками. Способ же обогрева алеутов описан Левашовым: «А во время студёные погоды, оные жители, в юртах и в проезде, выходят на берег согреться: ставят между ног с китовым жиром плошку; и зажигают тот жир, положи на него сухую траву, от чего и нагреваются»²⁴.

Интересны и записи в журнале Левашова о числе селений на о. Уналашке и о количестве жителей: «...на нем обывательских жилищ в разных местах числом 16, в которых жителей мускова полу до пяти сот человек, а женскова очень более...

²⁴ А. П. Соколов, Указ. раб., стр. 102.

якобы наперед сего оной остров был многолюден точно во время нападений на российские промышленные суда получили и они много урону да и з голоду померло множество в 761 году»²⁵.

Большое внимание уделил Левашов в своей статье байдаркам, являвшимся основным средством передвижения у этого островного народа. Для алеутов — морских охотников и рыболовов — наличие байдарки было непременным условием обеспечения продовольствием.

Байдарки алеутов были однолучными, но с приходом русских они стали строить двух- и трехлучные — для гребца и охотника с ружьем или для гребцов и пассажира. В своей статье Левашов так описывает байдарки: «У них сделаны байдарки на подобие челноков, из тонких деревянных трещин, обтянуты опареной котовой или нерпичьей кожей, как дно, так и крышка; длиной те байдарки от 16 до 18 фута, шириною по верху 1,5 фута, и другие несколько более, глубиною 14 дюйм; и на середине круглое отверстие, в которое садится человек на дно той байдарки; в руках имеет одно весло, у которого на обоих концах сделаны лопаточки, и гребет им на обе стороны; а во время волнения, обтягивает около того отверстия и около себя, выделанною широкою китовой кишкою, чтоб не могла в байдарку попасть вода»²⁶.

В альбоме Левашова имеются два рисунка, изображающие алеута в байдарке в полном облачении (в камлейке из кишок, в поясе из кишечных полос, в деревянной шляпе-козырьке) и вооружении (с копьями гарпунами и металлической дощечкой на верху байдарки) для морской охоты (рис. 4). Изображены в разрезе и остовы этих байдарок. Все эти рисунки дают хорошее представление о байдарках алеутов и снаряжения охотника в море.

Относительно многovesельных кожаных лодок (байдар), служивших у алеутов для перевозки большого числа людей с острова на остров, а также грузов, в статье Левашова ничего не сказано. В литературе встречаются лишь упоминания об этом типе лодок, но нет ни подробных описаний, ни зарисовок. Вскоре после прихода русских типично алеутские байдары стали редкими на Алеутских островах, а потом и совсем исчезли. Они были вытеснены другим типом кожаной многovesельной лодки: байдарами, употреблявшимися русскими промышленниками, делавшими кожаные байдары по образцу корякских. Эти байдары промышленники строили и на Командорских островах, где многие суда зимовали перед плаванием на Алеутские острова. Чаше же их строили уже на Алеутских островах. Некоторые исследователи считают алеутским типом байдары

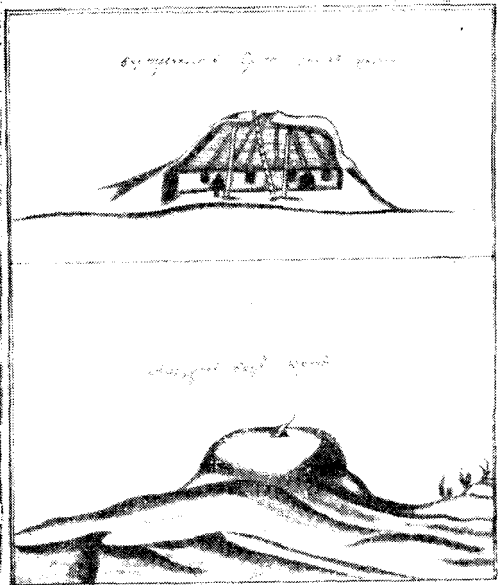

Рис. 2. Традиционное жилище алеутов о. Уналашки. Надписи на таблице: «внутренность юрты оных жителей», «наружный вид юрты». (ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 702, л. 24).

²⁵ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 131, л. 326 (об.).

²⁶ А. П. С о к о л о в, Указ. раб., стр. 102.

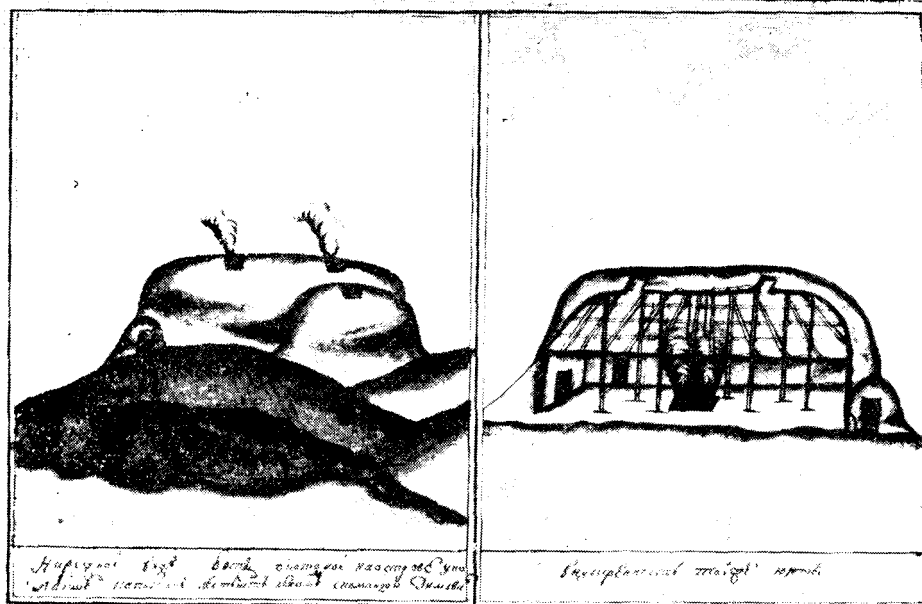

Рис. 3. Жилище, построенное командой «Св. Павла» для зимовки на о. Уналашке. Надписи на таблице: «наружный вид юрты в которой на острове Уналашке капитан лейтенант Левашов с командою зимовал», «внутренность той же юрты». (ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 702, л. 26)

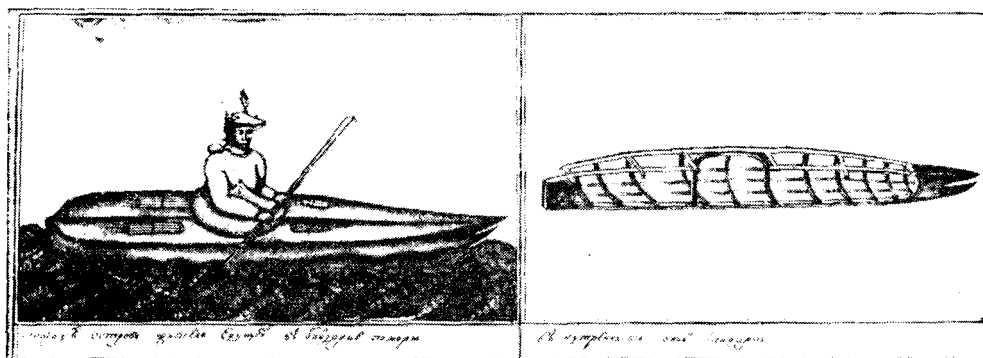

Рис. 4. Алеут о. Уналашки в байдарке. Разрез остова байдарки. Надписи на таблице: «того ж острова житель едущей в байдарке по морю», «внутренность оной байдарки». (ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 702, л. 27)

именно такую байдару русских промышленников, т. е. в основе корякскую²⁷. Рисунки Левашова помогают, наконец, прояснить этот вопрос.

На одном из рисунков в альбоме Левашова мы видим изображение байдары промышленников с надписью «байдара или коленная лотка» и однолопастного весла к ней с надписью «оной байдары весло» (рис. 5). Она имеет закругленные нос и корму, характерные для корякских байдар, но вместе с тем здесь сделаны и руль, и уключины для весел, восемь скамеек для гребцов, чего нет на настоящих корякских байдарках.

Но другой рисунок из альбома Левашова (с боковым видом и разрезом), безусловно, изображает традиционную алеутскую байдару, хотя надписи здесь никакой нет (рис. 6). У этой байдары заостренный нос и раздвоенный форштевень, что характерно также и для алеутских бай-

²⁷ B. Durham, Canoes and kayaks of Western America, Seattle, 1960, p. 21.

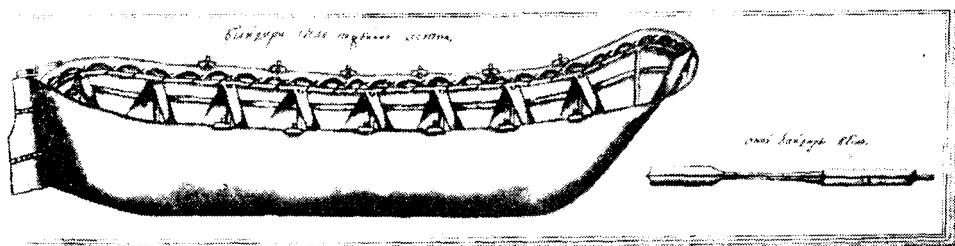

Рис. 5. Байдара русских промышленников. Надпись на таблице: «байдара или кожаная лодка», «оной байдары весло». (ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 702, л. 27)

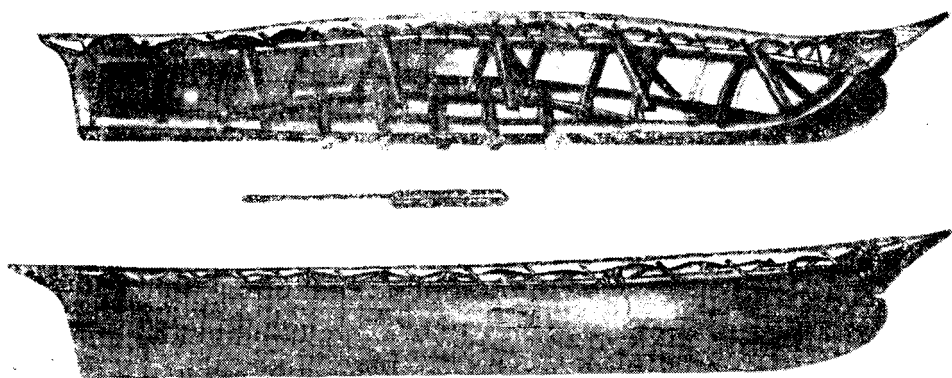

Рис. 6. Традиционная алеутская байдара. (ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 702, л. 22)

дарок. Заострена и корма. Скамеек здесь нет, имеются только узкие поперечные распорки-бимсы (в ранних сообщениях говорится, что алеуты в байдарах сидели прямо на днище, а не на скамейках). Этот рисунок Левашова представляет большую ценность, так как это единственное изображение традиционной алеутской байдары.

Имеющиеся в работе В. И. Иохельсона зарисовки байдар представляют тип алеутских байдар уже начала XX в. В их конструкции есть элементы традиционной алеутской байдары и элементы, привнесенные русскими. Они имеют заостренный нос, но раздвоения форштевня нет, корма их почти отвесная, имеются скамейки²⁸.

Орудия охоты и рыболовства и вооружение алеутов были также объектами пристального внимания Левашова. В статье Левашова сообщается об этом сравнительно кратко: «Рыбу промысляют костяными крючками, привязывая на длинную морскую капусту, которою делают сперва, напаяют китовым или другим жиром; а потом просушивают. Зверей и птиц бьют стрелами костяными; вкладывая их в деревянные

²⁸ W. Jochelson, History, ethnology and anthropology of the Aleuts, Washington, 1933, p. 56, 58.

тонкие штоки, бросая правою рукою с дощечки... А имеют же они и каменные стрелы, которые вкладываются в деревянные же штоки; а употребляют их во время бою с людьми, потому что от сильного удара по тонкости стрел, камень ломается и остается в человеке»²⁹. Рисунки наглядно показывают интерес Левашова ко всем вещам, связанным с основными производственными занятиями алеутов и воинственным образом их жизни: они дают очень полное представление об этих предметах. На одном из рисунков под каждым изображением есть подпись, поясняющая для чего служит данный предмет и из какого материала он сделан. На этих рисунках (см., напр., рис. 7) есть легкий неповоротный гарпун для охоты на бобров; дротик для охоты на птиц; поворотный гарпун (рядом отдельно изображен наконечник с колком) для охоты на сивучей и нерп; метательная дощечка (отдельно показано, каким образом бросают с ее помощью дротики и гарпуны). На одном из рисунков есть изображение алеутского лука, деревянного щита и деревянного панциря. Луки и стрелы у алеутов, так же как и щиты и панцири, с приходом русских довольно быстро вышли из употребления. Это было главным образом военное вооружение. С приходом же русских войны алеутов с соседями (эскимосами, тлинкитами) прекратились, а сопротивление их русским было быстро сломлено: алеуты стали «мирными». Из оружия, применявшегося в военных столкновениях, в обиходе алеутов остались только копья с костяными наконечниками и обсириановыми копьцами, так как их употребляли еще и для охоты на китов. Бобровые же гарпуны и гарпуны для охоты на ластоногих были в употреблении у алеутов вплоть до XX в. Таким образом, особую ценность среди изображенных в альбоме Левашова орудий охоты и вооружения алеутов имеют зарисовки лука, щита и панциря, которые являются совершенно уникальными.

Одежда алеутов охарактеризована в статье Левашова так: «Платья носят — мужчины из разных птичьих кож с перьями, называемые парки, длиною до пят. Сверх оных парок, во время езды на байдарках или в дождливое время, надевают шитья из китовых тонких кишок, называемые камлеи... Женщины платье длиною носят такое ж, как и у мужчин, токмо шито из морских котов; а шьют иглами костяными, нитки делают из китовых жил»³⁰.

Пять зарисовок посвящены одежде. Рисунки Левашова хорошо передают покрой, способы украшения и материал одежды. Особый интерес представляют женские одежды из «китовых кож», т. е. из шкур морских котиков. Эти одежды уже вскоре после пребывания Левашова на о. Уналашке вышли из употребления у алеутских женщин и были заменены одеждой из менее ценных, с точки зрения русских промышленников, материалов. Шкуры котиков всевозможными средствами (обменом на русские товары и безделушки и, наконец, насильственным путем) переходили к русским промышленникам. Женщины стали носить парки из птичьих и нерпичьих кож, а затем из привозных европейских тканей.

О головных уборах Левашов сообщает следующее: «... на головах носят шапки деревянные, утыканые перьями и сиучьими усами, також уклады разных цветов корольками и маленькими, сделанными из кожи или мягкого белого камня, статушками...»³¹.

В альбоме есть рисунки (см., напр., рис. 7) деревянных охотничьих шляп-козырьков, которые носили рядовые алеуты, в то время как у вождей были шляпы подобного же вида, но с закрытой конической верхушкой. Привлекает внимание на этих рисунках то, что шляпы-козырьки украшены перьями. Таким образом, вызывавшие сомнения ранние со-

²⁹ А. П. Соколов, Указ. раб., стр. 103.

³⁰ Там же, стр. 99—100.

³¹ А. П. Соколов, Указ. раб., стр. 99.

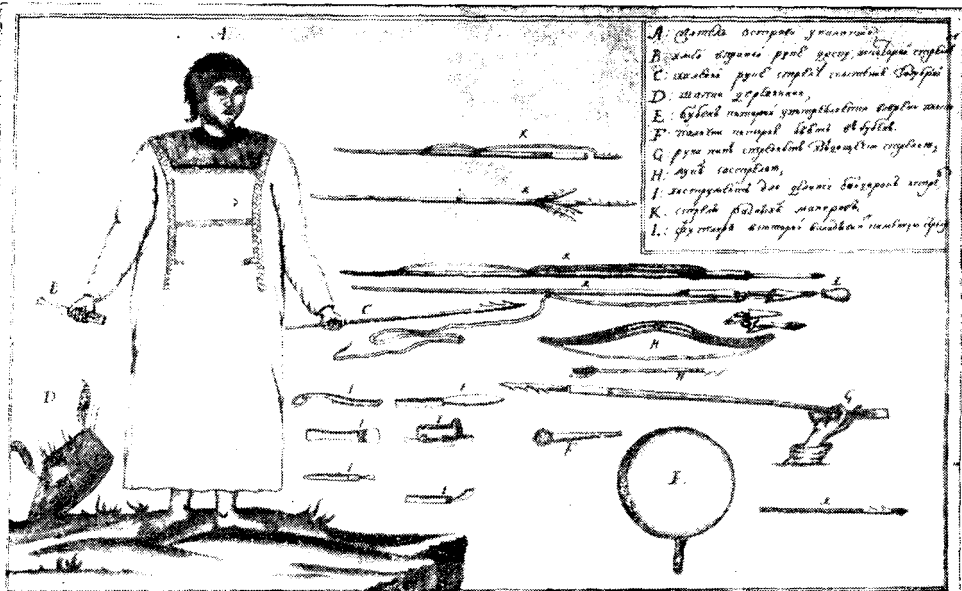

Рис. 7. Алеут и предметы, связанные с мужскими занятиями. Надпись на таблице: «А: житель острова Уналакши, В: имея в правой руке доску ис которой стреляет, С: а в левой руке стрелу с костеною зазуброй, D: шапка деревянная, Е: бубен которой употребляется во время пляски, F: палочка которою бьют в бубен, G: рука как стреляют из дощечки стрелою, H: лук со стрелою, I: инструмент для делания байдарок и стрел, K: стрелы разных манеров, L: футляр в которой вкладывают каменную стрелу». (ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 702, л. 23)

общения о том, что алеуты украшали шляпы перьями, а не только сивучьими усами, как это было в более позднее время, можно считать правильными. А этот вопрос имеет важное значение для изучения религиозных представлений алеутов, в которых птицам отводилась особая роль.

Традиционные, вышедшие из употребления уже к началу XIX в. украшения алеутов также подробно описаны в статье Левашова: «...мужчины ... в нижнюю губу вставляют, сделанные из такого же камня («мягкого белого». — Р. Л.), а другие из кости, на подобие больших зубов; и между ноздрей, в хряще, в проколотую нарочно дырочку, кладут какую-то черную траву или кость, на подобие нагелька (гвоздя. — Р. Л.); а в хорошее время, или во время веселья, в ушах, да и между вставленных зубов в нижней губе, навешивают бисер или янтарики, которые достают с острова Аляксы, меною на стрелы или камлеи, а более войною ... женщины ... щеки поперег ряда в два или три вытыканы и натерты изсиня краскою; в носу ж, как и у мужчин, в хряще продета костяная спица, длиною дюйма три с половиною, а на концах оной, вокруг рта и на ушах, навешаны корольки и янтарики... Около ушей навешан бисер, который меняют у Российских промышленных людей на бобы и лисицы; на руках и на ногах обшиты узкие, из нерпичьей или котовой кожи, нагавочки»³².

На рисунках в альбоме Левашова (см., напр., рис. 8) видны также женские украшения. Уникальными среди них являются зарисовки узоров — татуировок (два варианта) и зарисовки шейных ожерелий двух видов: из полоски кожи и из крупных круглых бусин.

Для характеристики орудий труда алеутов, деревянной утвари рисунки Левашова являются единственным достоверным источником, так

³² А. П. Соколов, Указ. раб., стр. 99—100.

Рис. 8. Алеутка и предметы, связанные с женскими занятиями. Надпись на таблице: «А: Острова Уналакши жителей женщина, В: копарулька которой вырывают из земли разные коренья для пищи своей, С: корзина травяная, Д: чирель травяной, которой употребляют вместо постели, Е: поес употребляется во время пляски, F: ложки костяные, G: ножи железные, H: посуда деревянная». (ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 702, л. 24)

как русские орудия труда очень быстро сменили традиционные алеутские, а деревянную посуду заменили привозимые русскими железные котлы, кастрюли и др. Так, на таблице с изображением мужчины (рис. 7) мы видим чрезвычайно интересную зарисовку набора инструментов «для делания байдар и стрел» (что составляло одну из занятий мужчин). На таблице с изображением женщины (рис. 8) мы видим орудия труда женщин и их изделия. Это во-первых, женские ножи для раскройки шкур. В правой руке женщина держит палку-копалку («копарульку») — орудие для выкапывания из земли съедобных кореньев. Это единственное в своем роде изображение этого орудия. Собирательство у морского берега, сбор ягод также были женскими занятиями. В левой руке женщина держит корзину. На таблице есть также зарисовка циновки. Плетение корзин и циновок также было делом женщин.

Социальная организация алеутов с приходом русских стала быстро терять самобытные черты. Вследствие этого сведений, характеризующих ее, крайне мало. В материалах экспедиции Креницына — Левашова мы находим ценнейшие сведения об алеутском обществе, еще не изменившимся под воздействием контактов с русскими. Часть этих сведений находится в статье Левашова, а часть — в дневниках. В статье Левашов приводит данные, характеризующие неоднородность общества алеутов «по своему достатку». По его сообщениям, от «достатка» зависит количество жен у мужчины. «Жен имеют они по своему достатку, по 1, по 2, по 3, по 4 и более.... Если которой мужик на сколько жен может сделать парок, столько и жен имеет... А если которой муж не любит жену, то может ее продать или променять другому; а наипаче с голоду — отдает жену за пузырь китового жиру...»³³.

В дневниках Левашова мы встречаем характеристику тойонов глав селений-жилищ: «В каждом жиле есть старшины, называемые Тупу или тоены по одному и по два, которые дальней над жителями власти не имеют, а работают с протчими наряды, тот и тоен — который имеет у себя больше детей и по смерти отцовской на его место сына уже не определяют, если не имеет он никакой подпоры а становитца тот тоеном которой сильнее и проворнее во всех их обращениях»³⁴. Затем есть и такие сведения: «... выше писанные начальники, сами тут как своих байдарок, так и убору в байдарки ничего не работают, а убирают у них слуги, коих название — калиги»³⁵.

³³ А. П. Соколов, Указ. раб., стр. 98—99.

³⁴ ЦГАВМФ, ф. 179, оп. 1, д. 131 (1796), л. 326 об.

³⁵ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, № 408, ч. 1, л. 241 об.

Здесь мы видим и указание на расслоение общества, на существование рабов, так как эти «слуги», называвшиеся «калги», и были рабами у алеутов. В статье «О жителях» Левашов пишет, что с «острова Аляксы» «войною» добывают «баб, девок и ребят себе в холопы, а по их названию в калги»³⁶.

Кроме того, очень интересны свидетельства Левашова о положении сирот в алеутской общине: «...Примечено у жителей здешнего острова в разных юртах много бедных маленьких ребят совсем голых и в крайней нечистоте живущих, о коих через толмача уведомленность, что они беспомощные сироты а питаются только собирая при убылой воде ракушки и оставшимися от взрослых людей оглоданными рыбными костями». На просьбу Левашова продать их русским в услужение на «платья и рубашки» тоены «с охотою и согласились»³⁷. И еще есть запись в дневнике, что купили мальчика-сироту в услужение у тойона макушинского селения: «... не имеет у себя отца и матери и кормится нечем, кроме как только собирая на берегу ракушки и выкидную морскую капусту»³⁸.

Все эти сведения, вместе взятые, дают повод пересмотреть некоторые существующие положения относительно характеристики алеутского общества. Они говорят об имевшем место уже до прихода русских значительном разложении общинно-родовых отношений.

Есть сведения в дневниках Левашова и о племенных или территориальных подразделениях, существовавших у алеутов. Они позволяют проверить и подтверждают другие фрагментарные сведения подобного рода, имеющиеся в литературе. «...Называются тех островов люди острова Уналашки коголаги, острова Акутана и далее к О до Унимака называются кигигусы, острова Унимака и Аляксы называются катагае-гуки, а почему оное на себе несут название не знают и говорят, что де прежде так назывались а российские промышленные люди называют их алеутами, хотя название взято с ближайших к Камчатке островов, которые прозваны подштурманом Наводчиковым в бытность его на тех островах а с чево неизвестно ...»³⁹.

Относительно религии и празднеств алеутов интересные наблюдения у Левашова в статье «О жителях»: «Оной народ не имеет никакого закона. Бога не исповедует, да и никакого к тому понятия не имеет; и никакого ж служения и поклонения не имеет же. А имеет таких людей, которые сказывают им будущее, кто об чем загадывает, а называют их шаманы или колдуны, которые объявляют будто им обо всем сказывает дьявол; а во время их веселостей, в плясании надевают на себя сделанные из дерева и выкрашенные разными красками маски, а лучше назвать хари, которые сделаны, по их объявлению, на подобие казавшихся им во время шаманства дьяволов, а по ихнему кугаых: и во время той пляски бьют в бубны, сделанные обычайно на подобие обруча с рукояткою, и обтянуты китовою тонкою кожею; и кричат все, как мужчины, так и женщины песни; мужчины сидят особливо толпою, тоже и женщины; и пляшут по одному человеку, начиная с малых ребят, а женщины по одной и по две, имея в руках по пузырю надутому. И оная веселость начинается у них по прошествии китового промыслу, т. е. с половины декабря и продолжается до апреля месяца»⁴⁰.

Эти сведения в альбоме Левашова дополняются рисунками бубна с колотушкой к нему и плясовых поясов (см., напр., рис. 7, 8), единственными в своем роде изображениями этих предметов, упоминающихся в некоторых ранних источниках.

³⁶ А. П. Соколов, Указ. раб., стр. 100.

³⁷ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, № 408, ч. 1, л. 252 об.

³⁸ Там же, № 414, л. 265.

³⁹ ЦГАВМФ, ф. 179, оп. 1, д. 131 (1796), л. 332 об.

⁴⁰ А. П. Соколов, Указ. раб., стр. 97—98.

Приведенный материал свидетельствует о значительном вкладе экспедиции Креницына — Левашова в изучение традиционной культуры алеутов. Этот материал еще далеко не полностью учтен исследователями и до настоящего времени не потерял своего научного значения. Не следует забывать, что все последующие экспедиции не могли уже наблюдать и фиксировать многие из тех сторон культуры и быта алеутов, которые засвидетельствованы Левашовым. Так, в области материальной культуры уникальными остаются данные Левашова о наборе орудий для изготовления байдарок и стрел; об оружии и доспехах алеутов — луке, щите, панцире; о женской одежде из меха котика; об охотничьих головных уборах, украшенных перьями. Столь же уникальны и сведения Левашова относительно некоторых сторон социальной организации алеутов. Для изучения празднично-обрядовых представлений алеутов существенны их описание Левашовым, а также уникальные изображения бубна с колотушкой и плясовых поясов.

Нельзя не отметить удивительную этнографичность рисунков Левашова. Так, две таблицы с дублетами к ним, одна из которых изображает мужчину-алеута и предметы, связанные с занятиями мужчин, а другая — женщину и связанные с занятиями женщин предметы, содержат почти полный и систематизированный подбор предметов материальной культуры алеутов. Причем изображения всех предметов исключительно подробные, а кроме того, снабжены подписями, поясняющими назначение предмета и материал, из которого он изготовлен. Такая же четкость при изображении важных для этнографии деталей характеризуют и другие рисунки.

В целом можно сказать, что этнографический материал экспедиции Креницына — Левашова — ценнейший фонд для реконструкции традиционной культуры алеутов.

ETHNOGRAPHIC MATERIALS OF THE EXPEDITIONS TO THE ALEUTIAN ISLANDS UNDER CAPTAINS P. K. KRENITSIN AND M. D. LEVASHOV (1764—1769)

The Krenitsin — Levashov expedition was the first Government-organized expedition sent to the coast of North-West America with the purpose of scientific research after the discovery of North-West America and the Aleutian Islands by Bering and Tchirikoff in 1741.

The expedition brought back valuable data on the geography and population of the Aleutian Islands and part of Alaska Peninsula. The abundant ethnographical materials of the expedition represent the original Aleutian culture untouched by European influence. The materials of this expedition stored in the archives are still largely unpublished. Among them is Levashov's album with 8 sheets of excellent ethnographic drawings with informative notes.

И. Барабаш

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Предмет этнографии в широком смысле тот же, что и собственно исторической науки: исследование прошлого человеческого общества¹. Эта и другие отрасли истории (археология, история искусства, история литературы, историческая антропология и др.) выделились в процессе специализации науки. Их цель, объект, место в системе наук, методология остались во многом теми же, что и у истории, но источники их исследований различны. Эти различия определили особые темы исследований каждой науки и главным образом своеобразие методов изучения источников.

Процесс дифференциации исторических наук не завершен еще и в наши дни. В рамках исторических исследований возникли экономическая история, аграрная история, история права, история поселений, историческая демография и т. д. Точно так же идет дифференциация и в рамках этнографии: уже почти обособились изучение народного поэтического творчества, народной музыки, танца. Намечается тенденция к обособлению таких областей, как аграрная этнография, изучение поселений и даже жилища.

Необходимость дальнейшей специализации исследований сохранится и в будущем. При все расширяющемся материале новые крупные научные результаты можно получить лишь в том случае, если мы будем проводить наш анализ в рамках узкого круга тем, углубляясь в изучение самых мелких подробностей. Но более узкая специализация исследований имеет и свои отрицательные стороны. В этом случае ученый видит лишь один аспект причинных связей. Этот недостаток, однако, можно преодолеть путем синтеза результатов специальных исследований или же путем сближения независимых друг от друга, на первый взгляд, отраслей различных наук. Так возникла, например, наука о поселениях, включающая в себя отдельные отрасли географии, истории, архитектуры, истории искусства, этнографии.

Положение этнографии соответствует положению других отраслей в системе исторических наук. Здесь также необходимы, с одной стороны, тематическая специализация, как можно более подробная разработка и анализ исследуемого материала и, с другой стороны, обобщение данных более специализированных областей исследований, их взаимосвязь. Следует, однако, признать, что в общественно-исторических науках «микроанализ» не получил такого широкого распространения, как в естественных. Это, конечно, связано с тем, что при детальном анализе материал исторических исследований не всегда может быть в достаточной степени

¹ Ср.: Ю. В. Бромлей, О. И. Шкаратан, О соотношении истории, этнографии и социологии, «Сов. этнография» (далее СЭ), 1969, № 3.

документированно обоснован. Отсюда появление большого количества положений, не всегда подкрепленных фактами. Эта тенденция некоторых специализированных исторических исследований вполне понятна: ведь логически рассуждать, основываясь на отдельных примерах, намного проще, чем делать выводы из анализа большого числа противоречащих друг другу данных.

В европейских этнографических исследованиях больше принята узкая специализация. Микроаналитические исследования, несомненно, позже приведут к обобщающим результатам. К сожалению, при таких исследованиях постоянно приходится преодолевать две трудности: 1) отсутствие в достаточном количестве нужного систематизированного материала; 2) необходимость совершенствования методологического уровня работы. До сегодняшнего дня недостаточно четко определены такие основные термины, как «народ», «нация», «культура» и т. д., не выяснены соотношения этнографии со смежными научными дисциплинами, а также закономерность адаптации этнографией социологических и политико-экономических категорий². Однако определение основных терминов или мест нашей науки в системе других наук не может быть единственной целью всех научных исследований.

Каким образом этнографическое исследование может достигнуть таких обобщающих научных результатов о прошлом человеческого общества, которые бы вышли за узкие рамки специальных областей наук или за ограниченные рамки местных исследований (хотя и не умаляя значение я не хотел бы преуменьшать)? Прежде всего необходимо делать выводы на основе анализа материала, специфичного для изучаемой области следователем узкой области науки.

В данной статье мы ограничимся вопросами пространственной дифференциации народной культуры. Решение этой проблемы в свою очередь создает предпосылки для вскрытия закономерностей культурно-исторических процессов³. Это вопрос о корреляции пространства и времени в специальном общественно-историческом плане.

Никто не оспаривает того, что этнография путем изучения существующих и сохранившихся в народной памяти объектов народной культуры раскрывает образ жизни трудящегося населения, его культуру и воссоздает более жизненно, чем все прочие отрасли науки, ряд страниц истории народа. Но, к сожалению, срок памяти и срок существования вещей довольно короток. Можно, пожалуй, утверждать, что этнографическое исследование дает достаточно достоверную картину жизни народа, его культуры только за последние 100—150 лет, а при наиболее благоприятных условиях — за 200—250 лет. В истории 200 лет — короткий период. Воссоздать жизнь народа на более ранних этапах труднее тем более что нет подробных сведений об образе жизни трудящихся это время. Но этнографы всегда стремились заглянуть в далекое прош-

² См.: Ст. Данин, Некоторые предварительные вопросы в международной этнографии, СЭ, 1965, № 6; A. Hultkrantz, American «Anthropology» and European «Ethnology», «Laos», 1952, v. 2, p. 99—106; R. H. Lowie, The history of ethnological theories, N. Y., 1937; A. L. Kroeber, Anthropology, New York, 1923; A. Piddington, An introduction to social anthropology, I. London, 1952; B. Bratanić, Europäische Ethnologie, «Actes du Congrès International d'Ethnologie Régionale», Arnheim, 1955, Arnheim, 1956, 15—20; Kaj Birket-Smith, The paths of culture, Madison-Milwaukee, 1960; его же, Geschichte der Kultur, Zürich, 1946; W. Jacobeit, Bäuerliche Arbeit und Wirtschaft, Berlin, 1965.

³ О различных аспектах вопроса см.: R. Weiss, Einführung in den Atlas der schweizerischen Volkskunde, Basel, 1950; S. Erixon, Die Frage der kartographischen Darstellung, vom Standpunkt der nordischen Ethnologie in Sweden aus betrachtet, «Folk», 1, 1937; A. Kutrzeba-Pojnarowa, Atlas kultury ludowej polski jako jedna z form pracy etnograficznej, «Ethnografia Polska», 1961, № 4, p. 153—171; J. Barabás, Kartográfiai módszer a néprajzban, Budapest, 1963; S. I. Bruck, W. K. Gardano, K. G. Guslitsij, M. G. Rabinowitsch, T. A. Shdanko, L. N. Terentjew, Grundsätze und Methoden beim Zusammenstellen regionaler geschichtlich-ethnographischer Atlanten in der UdSSR, Moskau, 1968.

лое. С большим вниманием относились они, например, к изучению процессов этногенеза⁴. Многие исследователи древних периодов нередко почти без всякой критики переносили закономерности, характерные для XVIII—XIX вв., в более отдаленные эпохи, иногда и на тысячу лет назад. Они основывались на ошибочной концепции, что примитивная народная культура не меняется на протяжении тысячелетий. Например, Мейтцен и его последователи искали в планировке немецких поселений конца прошлого века прагерманское наследство, не учитывая при этом влияния феодализма на характер поселений⁵. Такой метод справедливо вызвал массу сомнений у этнографов, более критически относящихся к источникам, и даже породил у них известное недоверие к методу ретроспективного анализа.

Следует ли отказаться от этого метода и ограничиться этнографическими исследованиями в рамках 100—200 лет? На это можно было бы пойти лишь в том случае, если бы в нашем распоряжении были другие источники для изучения наиболее древних периодов народной культуры. Но, к сожалению, такими источниками не располагают ни этнография, ни другие родственные ей науки. Скудные письменные источники не всегда достоверны и нередко дают искаженную картину действительности. Поэтому следовало бы попытаться отыскать те способы, которые делают возможным проникновение в прошлое с помощью этнографического материала.

Для исследователей-марксистов является бесспорным, что неравномерное развитие общества представляет собой закономерный результат данного исторического развития. Неравномерность развития находит отражение и в народной культуре. Здесь следует остановиться вкратце на употреблении понятия «народная культура». В социалистическом обществе термин «народ» означает совокупность всех трудящихся, а значит, народная культура — это, по существу, вся национальная культура. Для классового общества мы считаем возможным сузить понятие «народ» так, чтобы оно включало в себя только трудящиеся, эксплуатируемые классы⁶. Такое толкование понятий «народ» и «народная культура» условно, но все же, на наш взгляд, наиболее целесообразно, так как оно не стирает грани между двумя культурами. Неравномерность исторического развития вызывает сильную пространственную дифференциацию народной культуры. При хороших источниках и точной информации мы можем сделать соответствующие выводы о ходе неравномерного развития и даже о его причинах⁷. При этом, естественно, необходимо ориентироваться в довольно сложных взаимосвязях и принимать во внимание опыт целого ряда других наук.

При изучении тождественности или различия того или иного культурного элемента, выполняющего у разных народов одинаковую функцию, неизбежно возникает вопрос о причинах этого совпадения или

⁴ G. Cocchiara, *Storia del folklore in Europa*, Torino, 1954; L. Schmidt, *Geschichte der österreichischen Volkskunde*, Wien, 1951; С. А. Токарев, *История русской этнографии*, М., 1966.

⁵ См., например: R. Ogrissek, *Dorf und Flur in der Deutschen Demokratischen Republik*, Leipzig, 1961.

⁶ H. Strobach, *A marxista népfogalom és annak jelentősége a népajrázkutatás tárgyának meghatározására*, «Ethnographia», t. LXXX, 1969, № 2, p. 161—174.

⁷ См., например: R. Weiss, *Sprachgrenzen und Konfessionsgrenzen als Kulturgrenzen*, «Laos», 1951, v. 1, S. 96—110; Br. Schier, *Hauslandschaften und Kulturbewegungen im östlichen Mitteleuropa*, Göttingen, 1966; E. Burgstaller, *Brauchtumsgebäude und Weihnachtsspeisen*, Linz, 1957; егo же, *Österreichisches Festtagsgebäck*, Wien, 1958; G. Wiegelmann, *Probleme einer kulturräumlichen Gliederung im volkskundlichen Bereich*, «Rheinische Vierteljahrsblätter», B. 30, 1965, S. 95—117; B. Gunda, *Kulturbedingungen zwischen dem Vorraum der Ostalpen und dem ungarischen Transdanubien. Kontakte und Grenzen*, «Festschrift für Gerhard Heilfurt zum 60. Geburtstag», Göttingen, 1969, S. 145—154; L. Szolnok, *Die Hanfbreche*, «Acta Ethnographica», t. XV, fasc. 1—2.

расхождения. Часто в качестве таких причин выдвигались географические условия. Между тем последние исследования установили, что в разные периоды географические условия в известной степени влияют на жизнь общества, но основными всегда остаются причины общественные. Многие исследователи поселений считали, что в возникновении разбросанных поселений решающая роль принадлежала вертикальной расчлененности местности. Они основывались на том, что этот тип поселений нередко наблюдался в зонах с горными возвышенностями. Однако более тщательный анализ показал, что хотя географический фактор в этом случае и имел значение, решающая роль принадлежала все же той подставленной форме землевладения⁸. Отсюда следует, что возникающие в сходных естественных условиях совпадения также необходимо не следовать в историческом плане. Ясно также и то, что с повышением уровня общественного развития влияние географических условий становится все менее существенным.

Народная культура — классовая культура, и ее формирование определяется развитием производительных сил и производственных отношений данного общества. Эта связь, однако, весьма часто проявляется в довольно сложной системе зависимостей. Обычно вслед за классовой дифференциацией следует дифференциация в области культуры, но бывает и наоборот. Народная культура не возникает на пустом месте, она складывается исторически в связи с развитием общей культуры и органически связана с культурой господствующих классов. Эта связь двусторонняя и проявляется как активный, творческий культурный процесс. Поэтому неверна в своей основе теория о «gesunkenes Kulturgut». Следует уделять намного больше внимания изучению возникновения и развития явлений, что всегда связано с анализом конкретного материала. Если, например, рассматривать различные варианты печи, то можно отметить, что некоторые характерные ее формы могли сложиться в те или иных местных условиях. Если мы будем более тщательно исследовать народную культуру, то наверняка во многих местах сможем найти и другие примеры чисто локального развития; между тем ряд исследователей неправомерно принимает во внимание главным образом диффузию⁹.

Пространственная дифференциация довольно часто представляется собой не что иное, как временное различие в развитии. На рубеже нашего столетия исследователи считали, что для венгров характерным этническим признаком — ношение сапог, а для румын и словаков — лаптей¹⁰. Однако это неисторический подход к явлениям; известно, что столетием раньше среди венгров ношение лаптей было довольно широко распространено. Такого рода различия также дают возможность изучать ход неравномерного развития. Нам известны и такие примеры, когда накопление культурных ценностей в жизненном опыте (в орудиях, материале) спустя какое-то время становится препятствием для дальнейшего развития. Только качественное изменение в свое время устраняет это препятствие.

В течение прошлого столетия дым выводился из кухни венгерского жилого дома двумя способами: через так называемый свободный дымоход или через дверь. Несомненно, первый способ является более усовершенствованным. В тех местах, где преобладал этот способ, можно еще сейчас встретить наряду с новым дымоходом такие старые дымоходы. В то же время другой, более примитивный способ вывода дыма совер-

⁸ И. Барабаш, Возникновение поселений усадебного типа в восточной части Средней Европы, «Acta Ethnographica», 1963, № 12.

⁹ K. Banke, H. Naumann, Mann und Werk, «Hessische Blätter für Volkskunde» 1955, 46, p. 1—7.

¹⁰ M. Kresz, Ungarische Bauerntrachten (1820—1867), Budapest — Berlin, 1956.

шенно исчез, а это значит, что в некогда наиболее отсталых областях сегодня господствует более современное жилище.

Следовательно, нельзя говорить о механической диффузии в культуре; изменения происходят путем приспособления старых ее элементов к новым условиям жизни. Исследуя появление нового, следует учитывать всю совокупность общественных условий. При этом нужно принимать во внимание, что один и тот же фактор в разные отрезки времени способен оказывать совершенно различное влияние. Для возникновения новых явлений существуют закономерные предпосылки. Мы не должны упускать ни одного из взаимодействующих факторов. Причем те из них, которые вызывают сходство или различия, следует оценивать не только по содержанию, но и по занимаемому ими в общей связи положению¹¹.

Вскрытие факторов, обуславливающих сходство и различие, является ступенью на пути к пониманию данного состояния пространственной дифференциации, к выделению различных временных слоев фазы развития. Проиллюстрируем это положение двумя характерными примерами, взятыми из работ венгерских исследователей. Эти примеры показывают, как можно на базе главным образом систематизированного этнографического материала сделать выводы о развитии явлений.

Вот первый пример: для изготовления ткани над коноплей или льном проводится целый ряд рабочих операций, и прежде всего очесывание. Приспособления для этой операции известны уже со времен неолита (Швейцария). Для очесывания в Европе в конце XIX в. употреблялось четыре разновидности этого орудия. Одно из них представляло собой кусок доски лопатообразной формы с рядом зубьев на конце. Н. И. Лебедева публикует описание подобных орудий, использовавшихся как для очесывания хлопка, так и для очесывания конопли и льна. Точно такие же орудия были известны в Древнем Египте. Другой тип орудий похож на стреловидную щетку с двойным или одинарным рядом железных зубьев. Третий тип — метровая доска, в середине которой по кругу (размером примерно в тарелку) расположены железные колючки. Четвертая разновидность — это изготовленная из щетины кисть. Первый тип — лопатообразная чесалка, — судя по опубликованным материалам, лучше всего известен в восточнославянских областях. Щетковидная чесалка с железными зубьями развилась из предыдущего вида, по всей вероятности, в греко-римский период, когда железо уже широко использовалось. В настоящее время она распространена в границах древней Римской империи, хотя встречается спорадически и в более северных странах, большей частью в тех, куда проникали римляне. Третья форма чесалки господствует в областях, лежащих к западу от линии Белград — Ленинград. Первые данные об этом типе чесалки (наиболее производительной из всех четырех разновидностей) относятся к XII—XIII вв. Ее название известно во всех германских языках. Это позволяет предположить, что она возникла в Англии или во Фландрии — центрах текстильной промышленности.

Чешское, словацкое, финское, эстонское, венгерское названия этой формы чесалки, по-видимому, выведены из немецкого. Венгры переняли от южных словakov вместе с названием и щеткообразную форму, что подтверждается терминологией и археологическим материалом XIII в. В последующие несколько столетий щеткообразная форма была вытеснена почти во всей стране, за исключением востока, и уступила место чесалке в форме доски. Полную документацию с картами распространения и иллюстрациями приводит Лайош Солноки в работе «Волокночесалки»¹², где на основе исследования, описанного выше, и некоторых

¹¹ J. Barabás, Указ. раб., стр. 125.

¹² L. Szolnok y, A rostfésűk, «Néprajzi Értesítő», 1966, 48, S. 89—127.

других орудий обработки пряжи воссоздается процесс складывания венгерской народной текстильной техники. Выводы базируются на анализе предметной и терминологической тождественности и различия. В результате исследования выявилась следующая картина: у венгров до XV материя изготовлялась, по-видимому, примитивным способом, из нерасчесанной пряжи, и только позднее, в значительной степени под влиянием славянских народов, появилась материя более высокого качества. С XIV—XV вв. начали применяться более производительные орудия, свидетельствовавшие о высоком для того времени (не только для очесывания) уровне развития текстильной техники.

Другой наш пример касается особого продукта из кислого молока, который в Европе был известен под турецким названием *joghurt*. В Венгрии до конца XIX в. его изготовляли из коровьего молока. Этот молочный продукт был распространен также на Балканском полуострове: болгары знали и его турецкое название, но чаще употребляли термин «кисело мляко». Можно предположить, что турки-османы занесли этот продукт на Балканы, оттуда он проник в Венгрию, где его называли *tarho*. Венгерские филологи-слависты производят это слово от славянского слова *tvorog*. Однако из-за семантического различия это сопоставление недостаточно убедительно; у восточных славян такой молочный продукт не употребляют. Осmano-турецкое название венграм неизвестно.

Слово *tarho* упоминается в венгерском словаре (словнике), который относится к XIV—XV вв., т. е. к тому периоду, когда у венгров вообще не было контактов с турками-османами. По-видимому, йогурт уже давно является элементом венгерской культуры. Можно предположить, что венгры переняли его у северных тюрок еще в V—VIII вв., в период интенсивного общения с ними. (Известно, что йогурт изготовлялся многими скотоводческими народами на территории от Черного моря до Монголии; значительную часть этих народов составляли тюрки.) Венгерские данные позволяют предположить, что болгары восприняли йогурт не от турок-османов, а у волжских тюрок. По тем же материалам можно определить время появления этого продукта и у других тюркских народов¹³.

Мы видим, что на основе изучения пространственного распределения различных культурных явлений с использованием живого этнографического и лингвистического материала, можно прийти к довольно интересным и убедительным выводам. Из-за недостатка источников по отдельным периодам такого рода исследования особенно важны.

Серия подобных исследований в разных областях этнографии, видимо, поможет создать представление о народной культуре каждой определенной эпохи, а также понять этногенетические процессы; об этом, впрочем, мы не будем говорить в данной статье.

Учет пространственных и временных связей требует от этнографического знания хорошо ориентироваться в тщательно проверенном материале, охватывающем большой отрезок времени и включающем элементы разных эпох. Надежными инструментами такого рода исследования являются функциональный, количественный, социальный и сравнительный анализ¹⁴.

При рассмотрении известных на венгерской языковой территории разных типов борозны с деревянным каркасом сразу же бросается в глаза, что в более отсталых областях распространена четырехугольная форма, а на землях более развитых — трапециевидная. Напрашивается вывод, что четырехугольная форма более ранняя. Исследование распространения этого орудия на всем Европейском континенте еще лучше подтвердит это предположение. Мы видим, что даже по форме можно определить хронологическое соотношение предметов. Разумеется, так

¹³ E. Kisbán, Die historische Bedeutung des Joghurts in den Milchverarbeitungssystemen Südosteuropas, «Viehwirtschaft und Hirtenkultur», Budapest, 1969, S. 517—531.

¹⁴ I. Vincze, Ungarische Weinkelter, «Acta Ethnographica», 1959, № 8, S. 99. 100.

выводы следует подтверждать археологическим материалом, иконографией, документами по истории языка. В результате в ряде случаев можно добиться абсолютно точных хронологических данных.

Целесообразно поставить вопрос о том, насколько применим наш метод к общим и частным общественным явлениям.

Нам представляется, что нельзя делать выводы только на основании значительных общественных явлений, поскольку в процессе исторического развития постепенно действуют дифференцирующие и интегрирующие силы, которые порой находятся в весьма сложном соотношении. Христианская религия не уничтожила полностью языческую космогонию, но в наши дни сохраняются, конечно, лишь остатки более древних представлений. В ходе интегрирующей деятельности христианской идеологии наиболее характерные черты шаманской веры практически исчезли, тем не менее на основе остатков древних поверий В. Диосеги удалось произвести реконструкцию венгерского шаманства¹⁵.

Сегодня мы наблюдаем, как под воздействием опыта использования современных домов типа вилл, под влиянием односторонне направленного планирования и формирования нового вкуса повсеместно распространяется четырехскатная форма крыши. В то же время характерные черты местной строительной техники различны: казалось бы, менее значимые элементы продолжают жить. Поэтому следует учитывать действовавшие в прошлом интегрирующие силы. Целесообразно, следовательно, распространить исследование и на мелкие, даже, казалось бы, незначительные сейчас моменты, ибо часто только в элементах третьей-четвертой степени важности сохраняются свидетельства о ходе предшествующего развития. Порой важным доказательством может служить устойчивость терминологии¹⁶. Венгерское слово *szelement* («конек»), которым обозначается пролегающее по верху крыши и укрепляющее ее бревно (балка), встречается на всей венгерской языковой территории, кроме восточной ее области. Здесь это слово не было известно ни в прошлом, ни в настоящее время, нет сведений и о существовании в этой области такого рода балки. Напрашивается вывод, что на востоке Венгрии, по крайней мере начиная с XVII в., не строили крыш с поддерживающей верхней балкой. И действительно, именно эта конструкция была характерна для всего венгерского народного жилища уже в средние века и отсутствовала только в Трансильвании.

Мы видим, что этнографы добьются лучших результатов, если смогут в первую очередь извлечь все возможное из собственного материала. Это ни в коей мере не противоречит требованию комплексного изучения, использования достижений смежных наук, которые служат также опорой для сравнительных этнографических исследований. Однако не следует думать, что этнограф должен быть одновременно и архивным исследователем, и географом, и археологом и т. д., т. е. ученым, знающим все. Если исследователь отказывается от более углубленного изучения этнографического материала, а старается охватить все, то в действительности он лишь наспех набирает легкодоступный материал других отраслей наук, а собственно этнографический материал в лучшем случае играет у него декоративную роль. Такое исследование выглядит комплексным лишь на первый взгляд. Видимо, материал смежных наук следует привлекать лишь в той степени, в какой этого требует интерпретация собственного материала.

В статье Ю. В. Бромлея и О. И. Шкаратана правильно указано на то, что «узко взятые суждения о предмете отдельных наук всегда чревата опасностью расширительного толкования его»¹⁷.

¹⁵ V. Diószegi, A sámánhit emlékei a magyar népi műveltségben, Budapest, 1958.

¹⁶ A. Tálasi, A terminológia és a nyelv kapcsolata aratóműveleteinkben, «Ethnographia», 1957, t. 68, S. 217—251.

¹⁷ Ю. В. Бромлей, О. И. Шкаратан, Указ. раб., стр. 4.

Однако между родственными отраслями науки не может быть жестких границ, и если некоторую профессиональную ограниченность можно считать нормальной, не следует забывать и о том, что окончательные результаты вряд ли могут быть достигнуты в рамках одной узкой отрасли науки. Совершенно очевидно, что существуют такие исследовательские области, в которых возможно сочетание четырех-пяти разных отраслей науки.

Уже довольно четко выделилось несколько видов исследований, позволяющих решить проблемы корреляции пространства и времени, вопросов тождественности и различия в этнографии. На первом месте среди них стоят тематические монографические исследования, которые охватывают тот или иной круг вопросов в широких рамках — в масштабах государства или нации. Там, где энергично проводятся такие тематические исследования — в Скандинавии, ГДР, Венгрии — этнография все больше сближается с историческими науками. Там, где больше внимания уделяется локальным монографическим работам, рассматриваются, скорее, вопросы структуры, а не генезиса (Франция, Польша, Румыния). В Европе этнографы должны сосредоточиться на микроанализе на точных исследованиях. Их задачу облегчает то обстоятельство, что известен язык исследуемой общности, ее образ жизни, строй мышления и прошлое.

Положение африканистов, американистов несколько иное: им следует быть в какой-то степени и социологами, и языковедами, и археологами и историками, и географами, если они хотят развивать этнографию.

С нашей точки зрения важным видом исследования могут быть этнографические атласы.

Большое значение атласов заключается в том, что они содержат много систематизированного, гомогенного и, следовательно, пригодного для сравнительного изучения материала, поднимают некоторые нерешенные вопросы и фиксируют порой неожиданные факторы неравномерного развития и пространственной дифференциации. Думаю, что в результате количественного накопления монографических исследований историко-этнографических атласов в этнографии может наступить качественный поворот.

Мы ни в коей мере не исчерпали всех вопросов, связанных с названием статьи. Несколько заостренная формулировка некоторых положений объясняется тем, что мы стремились добиться лучшего взаимопонимания при дальнейшем обсуждении этой проблематики.

SPATIAL AND TEMPORAL ASPECTS IN ETHNO-HISTORICAL STUDIES

This article by E. Barabaš deals with an important methodological problem, that taking account of space and time and their correlation in ethnographic investigation. It is the author's opinion that each ethnographic phenomenon should be considered in chronological aspect. The uneven development of society has led to a strong spatial differentiation of folk culture, but this has frequently been merely a temporary difference in development levels. In order to understand each particular state of spatial differentiation and to distinguish its various temporal strata the factors under whose influence the phenomena had become identical or different should be carefully studied. The author believes that fairly convincing conclusions as to certain phenomena of folk life under Feudalism and even earlier periods may be reached by comprehensive research into the spatial distribution of culture on the base of contemporary ethnographic material and linguistic data.

В. И. Козлов

ЭТНОС И ТЕРРИТОРИЯ

В теории этнических общностей «территория» выступает двумя основными сторонами: естественно-географической, как место жительства людей, образующих этнос, т. е. как часть поверхности земного шара с определенными природными условиями, и социально-организованной, обусловленной развитием общественных связей. Обе эти стороны находятся и должны рассматриваться в определенной связи друг с другом.

Начиная данную статью с анализа состояния вопроса, отметим, прежде всего, что «территория» наряду с «языком» и «культурой», бесспорно относится к числу важнейших элементов этноса. Группы людей, из которых складываются этнические общности, живут на определенной территории и находятся во взаимном общении. А для того, чтобы люди могли длительное время непосредственно и регулярно общаться друг с другом в различных областях жизни, они, как правило, должны жить рядом, на одной местности. Поэтому «территория» в том или ином виде, чаще всего в виде признака «общности территории», учитывается почти во всех имеющихся определениях этноса, а также почти во всех теориях и определениях нации. Важность территории, как элемента национальной общности, подчеркнута в ряде работ К. Маркса и Ф. Энгельса; в известном определении племени Ф. Энгельсом перечисление характерных признаков этой общности начинается с «собственной территории». В. И. Ленин считал территорию, наряду с языком, основным признаком нации¹ и резко критиковал защитников лозунга «культурно-национальной автономии», основывавшейся на экстерриториальной культурно-языковой общности людей одной национальной принадлежности.¹

К сожалению, соотношение этноса и территории, сущность территории как элемента этнической общности, в частности — нации, пока раскрыта в нашей литературе гораздо слабее, чем проблемы, относящиеся, например, к языку. Авторы работ, в которых обосновывается понятие этноса или нации, говоря о единстве территории, как о признаке этих общностей, обычно не углублялись в существо вопроса и ограничивались краткими примерами этносов, которые, по их мнению, отвечают или не отвечают этому признаку. До сих пор почти не затронут вопрос об изменяющемся в ходе исторического процесса этно-социологическом значении территории. Положение еще осложняется тем, что в отличие, например, от проблем соотношения этноса и языка, при анализе которых мы можем опираться на языковедческие работы, рассмотрение этнических аспектов территории не привлекло сколько-нибудь пристального внимания специальных наук, в частности, географии.

Попытки уточнить само понятие общности территории, установить признаки, которыми следует руководствоваться для заключения о том,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 92; см. также В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, стр. 73, т. 24, стр. 134.

что такая-то группа людей имеет общность территории, а такая-то — не имеет, встречаются редко и оказываются противоречивыми и не вполне удачными. Некоторые авторы отходят от существа вопроса; так, Г. В. Брегадзе пишет: «Говоря об общности территории, мы подразумеваем такую географическую среду, в которой люди трудятся, борются и производят определенные изменения и которая, со своей стороны, оказывает обратное воздействие на людей, на общественную жизнь и психический склад нации»². Очевидно, что такие общие рассуждения о влиянии природы на человека и человека на природу, мало что дают для определения понятия общности территории, как признака этноса. Весьма показательны в этом отношении и взгляды Ш. Б. Батырова, который светотрактовку данного понятия к форме земельной собственности, противопоставив, тем самым, территориальные общности буржуазных наций нациям социалистическим³. Во время дискуссии по некоторым проблемам теории нации было предложено толковать общность территории как «общность государственной территории»⁴, и т. п.

В этнографической литературе бытует термин «этническая территория»; этим термином воспользовались как исходным понятием, некоторые участники упомянутой дискуссии по проблемам теории нации; так, Т. Ю. Бурмистрова, основывая на нем соответствующий признак нации, пишет: «Под общностью национальной территории подразумевается этническая территория, объединяющая все части данной нации»⁵. Но подобные терминологические отсылки оказываются недостаточны, так как понятие «этнической территории» само требует уточнения. По существу единственной крупной работой, где рассматривается данное понятие, является монография П. И. Кушнера «Этнические территории и этнические границы». Однако в центре внимания автора находились проблемы практического определения этнических рубежей и их картографирования; в работе не рассматривались проблемы общей теории этноса, связанные с понятием «общности территории». В самом начале монографии П. И. Кушнер, замечает, что «народы, населяющие земной шар, живут в громадном своем большинстве компактными группами, занимающими в течение длительного времени те или иные территории»⁶. Однако в дальнейшем он не проводит последовательно принципа «компактности» расселения и понимает под этнической территорией всю область исторического распространения того или иного народа, включая районы, где этот народ составляет меньшинство населения и живет не компактно⁷. При таком понимании, этническая территория армян, например, распространяется на значительную часть Советского Союза, явно превышая реальную «общность территории» армянского этноса.

Большинство авторов, затрагивавших сущность общности территории как признака этноса или нации, придерживались принципа компактности расселения: об этом говорят ставшие уже традиционными ссылки на народы с явно некомпактным типом расселения (европейские евреи, цыгане и др.), не отвечающие этому признаку. Попытки сформулировать понятие общности территории до сих пор были редки и не вполне успешны. Целесообразно рассмотреть в этой связи более удачное, чем другие, определение И. И. Потехина, который, характеризуя основные признаки общности территории, пишет: «Общность территории означает

² Г. В. Брегадзе, Из истории формирования грузинской социалистической нации, «Формирование социалистических наций в СССР», М., 1962, стр. 301.

³ Ш. Б. Батыров, Формирование и развитие социалистических наций в СССР, М., 1962, стр. 181.

⁴ П. М. Рогачев, М. А. Свердлов, О понятии «нация», «Вопросы истории», 1966, № 1.

⁵ Т. Ю. Бурмистрова, Некоторые вопросы теории нации, «Вопросы истории», 1966, № 12.

⁶ П. И. Кушнер, Этнические территории и этнические границы, М., 1951, стр. 5.

⁷ Там же, стр. 92.

только то, что народ, образующий данную народность или нацию, населяет единую сплошную территорию, не разрезанную какими-либо естественными рубежами, препятствующими повседневному общению (моря, горные цепи и т. д.) или инациональными массивами»⁸.

Приведенное определение общности территории, в той его части, которая основана на географических элементах — «естественных рубежах, препятствующих повседневному общению», при практическом его применении ставит исследователя перед рядом трудностей. Непонятно, прежде всего, о каком «повседневном общении» идет речь? Если имеется в виду непосредственное личное общение людей, образующих этнос, то реально такое общение обычно имеет очень узкие территориальные рамки. Такое повседневное общение почти всегда существует между жителями небольших деревень, но уже между противоположными городскими окраинами или между жителями соседних деревень его может не оказаться; овраг или река, разделяющие эти селения, выступают в таком случае в виде тех самых «естественных рубежей», о которых пишет И. И. Потехин.

Совершенно очевидно, кроме того, что повседневному общению людей препятствуют не только «естественные рубежи», но и само расстояние между людьми; представить, что между русским населением Подмоскowsья и русскими Рязанской области существует какое-то повседневное общение почти столь же трудно, как — между рязанцами и сибиряками. Конечно, между отдельными группами русской нации, между частями других этносов идет определенное общение (экономическое, культурное и пр.), но это общение не может быть названо ни «повседневным», ни всеобщим, а кроме того ему не очень препятствуют какие бы то ни было «естественные рубежи». Известно, что ни тысячекилометровые расстояния, ни наличие важных естественных рубежей (широких рек, гор и т. п.) не препятствуют тому, что, например, рязанцы и сибиряки осознают себя членами русской нации, а жители атлантического и тихоокеанского побережий США — членами американской нации. Уже отсюда ясно, что определение общности территории на основе «естественных рубежей» и возможностей «повседневного общения» является малоудовлетворительным.

Представление о том, что территориальная общность этноса проявляется лишь в том случае, если на заселенной им области нет каких-то «естественных рубежей», и что, следовательно, за такими рубежами должна находиться территория другой этнической общности, восходит к старой концепции тождества этнических и естественных границ, к идеям географического детерминизма. И хотя естественные рубежи бесспорно существуют, однако влияние олицетворяемых ими географических факторов не абсолютно и изменяется с развитием производительных сил общества. В первобытном обществе влияние географических факторов было, конечно, весьма сильным; границы расселения первобытных племен, границы их охотничьих угодий, словом — этнические границы совпадали, как правило, с естественными рубежами: крупными реками, горными хребтами и т. д. В дальнейшем, с ростом материального производства, этноразделительная роль естественных рубежей стала уменьшаться. Так реки, озера, морские проливы и т. п. с развитием судоходства стали использоваться для сношений. При этом водные пути даже оттесняли сухопутные на второй план; древнейшая в Европе Крито-Микенская цивилизация возникла, как известно, на островах Эгейского моря. Многовековое развитие Индонезии, этой «страны тысячи островов» убедительно показывает, что морские проливы и даже небольшие моря не столько разъединяют людей, сколько их соединяют; очень

⁸ И. И. Потехин, Формирование национальной общности южноафриканских банту, М., 1955, стр. 177.

часто один и тот же народ заселял здесь прибрежные районы нескольких островов и путем постоянных сношений по морю поддерживал свое этническое единство; этнические границы здесь чаще шли не между островами, а между прибрежными и внутренними районами одного и того же острова. П. И. Кушнер, рассмотревший соотношение этнических и естественных границ, пришел к выводу, что «теория единства этнических и естественных границ должна быть окончательно отброшена, как противоречащая действительности»⁹.

Правда, и в настоящее время имеются случаи, когда этнические границы на том или ином протяжении совпадают с крупными естественными рубежами, главным образом с берегами больших морей и океанов, но эти границы, как правильно заметил П. И. Кушнер, являются границами односторонними: линия побережья не разделяет два этноса, а лишь фиксирует область расселения одного из них. Что же касается этнических границ по рекам (например, граница между румынами и сербами, румынами и болгарами — по Дунаю, граница между немцами и поляками по Одеру и Нейсе и пр.) и по горным хребтам (например, граница между испанцами и французами по Пиренеям, между аргентинцами и чилийцами — по Кордильерам и пр.), то эти границы чаще всего являются одновременно и границами политическими. Преимущество природных рубежей в демаркационном отношении бесспорно, поэтому совпадение естественных и политических границ — явление достаточно закономерное. И поскольку политические границы очень часто играли роль внешних рамок формирования наций, то связь географических рубежей и этнических границ предстает в таких случаях не в прямом, а в опосредствованном виде.

Чтобы закончить рассмотрение затронутого нами круга вопросов об определении общности территории этноса на основании географических признаков, отметим проблематичность применения здесь и принципов географического районирования. На первый взгляд может показаться, что выделяемые географами районы, такие, например, как Пиренейский полуостров, Восточно-Европейская равнина, Саянское нагорье и т. п., составляют естественную базу для территориальной общности этносов, что люди, живущие в каждом из таких районов, имеют тем самым «общность территории». Более углубленный анализ показывает, однако, что принципы выделения физико-географических, экономико-географических и даже историко-географических районов зачастую слабо связаны с исторически меняющейся картиной этнического расселения и этнических связей. Достаточно показателен в этом отношении Кавказ, который бесспорно выступает в качестве особой физико- и историко-географической области, что еще не значит, будто бы все живущие там народы имеют «общность территории». Такой общности не обеспечивает даже часть Кавказа — Дагестан (также являющийся особым географическим районом); этносы горных долин Дагестана в течение веков жили изолированно друг от друга, сохраняя своеобразие языка и культуры. С другой стороны, существование различных географических районов может не нарушать территориальной общности этноса (например, у русских — Поволжье, Урал, юг Западной Сибири и другие).

Из сказанного ясно, что решение проблемы соотношения этноса и территории не может основываться на географическом подходе. Более правилен здесь подход социологический.

Следуя этому пути, отметим, что территория, будучи материальной основой жизни людей, создает естественную базу для существования почти всех социальных образований. При этом слабее всего связаны с территорией социальные группы, возникшие, главным образом, на общ-

⁹ П. И. Кушнер, Указ. раб., стр. 25.

ности научных интересов или взглядов, например, научные общества, союзы работников искусств и т. п.; некоторые из них могут носить экстерриториальный характер, охватывая людей, живущих в разных странах и даже на разных континентах.

Наиболее тесно связаны с территорией те социальные коллективы, для которых она является, прежде всего, объектом труда и местом длительного обитания. В отличие от языка, общность которого в большинстве случаев лишь приглашает к установлению тех или иных социальных связей между людьми, территориальная близость сама по себе побуждает людей вступать в хозяйственные, культурные, политические и другие социальные отношения. Существуют даже особые социальные, так называемые территориальные или, точнее, соседские связи, которые лежат, например, в основе такого социального образования, как сельская община. Характерно, что эта исторически возникавшая у многих народов мира община и ее орган самоуправления (сельский сход) базируются, прежде всего, на естественной основе общности интересов, вытекающих из совместного проживания людей в одном селении и пользования общими земельными угодьями. Территориальные или соседские связи проявлялись не всегда; исторически они выступили после распада родоплеменных, кровнородственных связей. Прошло долгое время, пока представление о возможности объединения людей лишь по крови, по происхождению стало сочетаться, а затем и отступило на второй план перед объединением их по соседству; впрочем и в возникавших сельских общинах нередко сохранялось внутреннее деление по родам или «фамилиям», которые локализовались по особым улицам или концам селений.

Находясь длительное время на одной и той же территории, «обживая» ее, люди начинают считать ее «родной», связывают с ней свои судьбы¹⁰. Природные условия этой территории накладывают сильный отпечаток на хозяйство и быт живущих на ней людей, отражаются в их духовной культуре и самосознании, повышая тем самым ее социально-образующее влияние. Однако, в отличие, например, от языка и культуры, территория сама по себе не несет значительного этнического содержания. Связь с территорией, страной или областью обитания в принципе характерна больше для понятия «родины» или «отечества» (за которыми также стоят определенные земляческие или политико-государственные общности людей), чем для понятия этноса. Эта относительная слабость связи этноса с территорией объясняет многие приводимые далее случаи, когда нарушение территориальной общности этноса довольно длительное время не приводит к этнической трансформации отделившихся частей.

Для исторически первых типов этнической общности — первобытных племен — территория выступала очевидно не в виде «родины» или «отечества», а как условие жизни, важнейшее средство существования. Членов племени связывала друг с другом, в основном, не общность территории или языка, а чувство общности происхождения. Первобытные племена могли без особого ущерба для их этнической целостности переселяться в другие области. Лишь постепенно, по мере развития хозяйства родо-племенного строя и первобытной идеологии (особенно — культа предков), а также и с переходом от полусоседности к оседлости, территория начинает выступать как «земля предков», как место, где находятся священные предметы племенных культов. Все это привязывает племя к территории, и хорошо известно, например, сколь стойко отстаивали свои племенные земли многие индейские племена Северной Америки перед натиском белых поселенцев.

В классовых формациях этно-социологическое значение территории в целом повысилось. Упадок кровнородственных связей стал в

¹⁰ См. П. И. Кушнер, Указ. раб., стр. 5—6.

социальной жизни компенсироваться возрастанием объединяющей роли религии, языка и территории. Государство, пришедшее на смену племенной организации, представляет собой политико-территориальную общность людей; из-за происшедшего сильного территориального смешения родо-племенных групп внутреннее — административное деление государства основывается на территориальном принципе, объединяющем или разграничивающим людей по месту их жительства. «Население, — как заметил Л. П. Лашук, — в политическом отношении превращается в простой придаток территории»¹¹.

Многие авторы, касаясь процесса формирования в раннеклассовых формациях новых этнических общностей, называемых обычно «народностями», пишут, что в отличие от племенных в их основе лежат не кровнородственные, а «территориальные» связи¹². Для таких утверждений нет достаточных оснований. Территориальные или соседские связи по своей сущности имеют узкие рамки и обычно не выходят за пределы селения или группы близлежащих селений; тем самым они не могут создать более или менее крупную этническую общность. Этническая роль территории в это время состоит в другом. И если для племени территория еще не выступала в качестве важного условия формирования этноса, то теперь она становится таковым. Территория служит базой для постепенного развития и упрочения не каких-то «территориальных», а языково-культурных, хозяйственных, социально-политических и других связей внутри формирующихся новых этнических общностей; кроме того, сами эти общности стремятся использовать различные, связанные с территорией формы и символы социального объединения для укрепления своего единства.

Чтобы территория могла обеспечить формирование этноса, она должна быть сравнительно небольшой и отвечать требованию компактности или целостности¹³. Небольшие размеры территории создают условия для регулярного общения между частями формирующегося этноса, а обусловленное ею сходство природных условий приводит к тому, что все эти части подвергаются однообразному влиянию географических факторов. Русские сложились в этническую общность не на их теперешней громадной территории, протянувшейся от Белого до Каспийского и от Балтийского до Японского морей, а в сравнительно небольшой области, ненамного выходящей за пределы четырехугольника по городам Новгород—Галич—Рязань—Смоленск. Ядро американского этноса сложилось в основном в северо-восточных приантлантических районах современной территории США и т. п.

Условие компактности или целостности территории означает, во-первых, что она не должна быть разбита на изолированные части какими-то труднопреодолимыми географическими препятствиями или неизбежными районами. Чаще всего географические препятствия ограничивают этнообразующие связи лишь на исторически определенных, сравнительно низких уровнях развития производительных сил, а затем преодолеваются, например, в результате изобретения новых транспортных средств, проложения дорог и т. п. И лишь наиболее значительные препятствия, такие, как крупные моря, большие пустыни, высокие горные цепи¹⁴, продолжают в ряде случаев играть видную этноразделительную роль до сих пор. Во-вторых, она не должна быть разбита на части и значительными иноэтническими массивами. Общение между членами формирующегося

¹¹ Л. П. Лашук, О формах донациональных этнических связей, «Вопросы истории», 1967, № 4.

¹² См., например, статью «Народность» в БСЭ, 2-е изд.

¹³ Для народов, ведущих кочевой образ жизни, размеры коренной территории могут быть значительными.

¹⁴ Невысокие горы, используемые под пастбища или для других хозяйственных целей, могут, как и реки, играть объединяющую роль.

этноса может быть представлено в виде последовательных и непрерывных, т. е. цепных связей, которые, распространяясь от селения к селению и от одного соседнего района к другому, пронизывают этот этнос во всех направлениях. Иноэтнические прелюбствия в этом случае обычно имеют большее значение, чем географические, так как преодоление их неизбежно приводит к меэтническим контактам и связанной с ними значительной этнической трансформации, вступающей в конфликт с развивающейся этнической консолидацией. Нетрудно заметить, что приведенное выше определение «общности территории» И. И. Потехиным подходит для случаев, когда эта общность выступает преимущественно как *условие* формирования этноса, а не как его обязательный *признак*.

Материальный, т. е. географический аспект этнической роли территории дополняется и усиливается социально-психологическим. Русское население Смоленщины географически ближе к белорусам, чем к уральцам, а тем более — русским Забайкалья; между русскими Смоленщины и белорусами нет ни естественных, ни языково-культурных, ни каких бы то ни было других «рубежей», поэтому представление о том, что русские Смоленщины имеют общность территории не с белорусами, а с русскими Забайкалья, выступает, в первую очередь, как социально-психологическое. Этот психологический аспект общности территории возникает постепенно по мере упрочения языково-культурных, хозяйственных, политических и других связей между частями одного и того же этноса, совместного участия его представителей в жизненно важных военных и хозяйственных предприятиях, например в обороне от внешнего врага и т. д. Он усиливается тем, что некоторые географические объекты, расположенные на основной территории этноса, становятся своего рода этническими символами, централизующими этническое самосознание. Так, Волга после падения Казанского и Астраханского ханств и последующего заселения ее берегов русскими становится «великий русской рекой». Однако Иртыш, по берегам которого также живут русские, таким символом не стал, и этнотерриториальная общность Забайкалья и Смоленщины в самосознании русских очевидно опирается лишь на смутные представления о том, что между этими областями тянется непрерывная полоса русских селений. Та же непрерывность прослеживается и в общности территории других крупных народов мира.

Характеризуя роль территории как материальной базы и важного условия формирования этноса, уместно остановиться на конкретном этническом значении отдельных географических факторов, связанных с той или иной территорией. Наиболее важным среди этих факторов, несомненно, является климат, во многом определяющий другие природные явления и оказывающий существенное влияние на хозяйственную деятельность и многие другие стороны жизни людей. Можно отметить, в частности, влияние климата на особенности одежды, жилища, на набор возделываемых сельскохозяйственных культур и годовой цикл земледельческих работ, на транспортные средства в различные времена года и т. д.¹⁵ Почва, рельеф и гидрография также оказывают влияние на характер трудовой деятельности, особенно в сельскохозяйственной сфере, на тип сельских поселений и т. п., достаточно сопоставить в этом отношении горный аул со степной станцией. Растительный покров, точнее — состав флоры в прошлом определял материал жилищ и их виды (бревенчатые дома в лесной зоне, тростниковые хижинки в саваннах и т. п.), а вместе с особенностями фауны — специфику традиционной пищи.

Существенное влияние на формирование особенностей материальной культуры народов иногда оказывал даже минералогический состав в пределах их этнических территорий (наличие тех или иных строитель-

¹⁵ Мы не останавливаемся здесь на роли, которую играли климатические различия в формировании антропологических особенностей.

ных и поделочных материалов и т. п.). Отметим в связи с этим, что недостаточность бытовавших в прошлом таких определителей стадий исторического развития народов, как «появление гончарства», «обработка бронзы» («бронзовый век») и железа («железный век»), была обусловлена как раз тем обстоятельством, что немало этносов (например в Океании) из-за отсутствия в природной среде соответствующих материалов достигли классового общества, миновав все эти, представлявшиеся «обязательными», стадии развития.

Элементы географической среды оказывают существенное влияние не только на материальную, но и на некоторые стороны духовной культуры этнических общностей. Так, определяемые климатом циклы земледельческих работ умеренного пояса обычно сопровождаются соответствующими обычаями, обрядами и праздниками, совершенно неизвестными народам тропических стран. Ландшафты этнических территорий с раннего детства запечатляются в сознании населяющих их людей, являются неперменным фоном народных сказаний, песен и других видов фольклора, играющих видную роль в формировании этнического (национального) самосознания. Некоторые элементы ландшафта, то ли в виде конкретных образов (береза у русских, тополь у украинцев, сакура у японцев и т. п.), то ли в виде более широких представлений (река Волга у русских, вулкан Фудзияма у японцев и т. п.) становятся символами данной этнической общности.

Сильное расширение этнической территории до упрочения этнических связей, проникновение отдельных групп еще не вполне сформировавшейся этнической общности в отдаленные, значительно отличающиеся по своим природным условиям области, а также их контакты с живущими там народами, может привести к возникновению особых этно-территориальных (этнографических) групп, отличающихся своей культурой и бытом, диалектом, своим локальным самосознанием и самоназванием (например, у русских — поморы, терские казаки, алтайские кержаки и др.); консолидация таких групп с этническим ядром, как правило, протекает медленно и с трудностями.

Чтобы завершить рассмотрение затронутого круга вопросов об этнической роли природной среды, отметим методологическую ошибочность развиваемых Л. Н. Гумилевым идей географического детерминизма этнической истории. Географическая среда, природные условия не определяют ход общественного развития, хотя и влияют на него, накладывая, в частности, свой отпечаток на культуру и быт этнических общностей, на особенности их расселения и т. д. Географические условия влияют на выбор человеком орудий и способов труда, на своеобразие его трудовых навыков и хозяйственного быта, однако главное здесь то, что человек активно воздействует на природу, преобразует ее в своих целях, создает культурный ландшафт. Этногенез не локализовался в каких-то немногих географических районах, а фактически охватывал все области ойкумены. Природная среда, оказывая прямое или опосредствованное, благоприятное или неблагоприятное воздействие на развитие производства, на рост численности населения, влияла тем самым на этнические процессы, однако она не определяла ни сущности этих процессов, ни форму социальных образований — этнических общностей¹⁶.

Немаловажное значение для правильного понимания существа взаимодействия этносов с географической средой имеет разработанное в советской этнографической науке понятие о хозяйственно-культурных типах, т. е. исторически сложившихся особенностях хозяйства и культуры, характерных для этносов, находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и живущих в сходных географических условиях (например, тип «арктические охотники на морского зве-

¹⁶ Подробнее см. В. И. Козлов, Что же такое этнос, «Природа», 1971, № 2.

ря», «скотоводы сухих степей и полупустынь» и т. п.¹⁷ В ходе истории, с изменением уровня развития производительных сил изменяется и характер влияния на хозяйство и культуру народов окружающей их природной среды. Изменения эти могут быть настолько глубокими, что на месте одного хозяйственно-культурного типа возникает и развивается у тех же самых этносов и в той же географической среде совершенно другой тип, например, кочевники-скотоводы переходят на оседлость и начинают заниматься земледелием и т. п. Со становлением капитализма и развертыванием промышленно-технической революции хозяйственно-культурные типы предыдущих эпох начинают разрушаться, на их месте складываются новые зональные экономические и культурно-бытовые комплексы, к сожалению, еще мало изучаемые этнографами.

Выше, при рассмотрении этнической роли территории, мы касались, главным образом, ее значения в качестве естественной базы, условия формирования этноса. Отметим теперь и важную роль территории для устойчивого существования уже более или менее сформировавшихся этносов. Нарушение целостности этнической территории, значительное территориальное разобщение членов этнической общности и вызванное этим ослабление между ними хозяйственных, культурных и других связей, а особенно — превращение отделившихся групп в национальные меньшинства, находящиеся среди другого народа, почти неизбежно ведут к их этнической трансформации и обычно кончаются ассимиляцией таких групп. Это вместе с приведенной ранее характеристикой этнической роли территории заставляет включить ее в число признаков этноса.

Заметим, однако, что признак территориальной общности или целостности этноса не является строго обязательным. Было бы большим упрощением считать, что раздельные территории непременно ведут к образованию разных этносов. Правда, такие случаи были нередки: часть ойратов, переселившихся из Джунгарии в Прикаспийские степи, дала начало калмыцкому этносу; часть англичан, переселившись в Северную Америку, образовала там ядро американской и англо-канадской наций и т. п. Вместе с тем, многочисленные английские переселенцы на юг Африки не образовали там особой этнической общности, не образовали такой общности, например, и французские переселенцы в Алжир. Одной из важных причин, затруднивших процесс самостоятельного этнического развития, в том и другом случае было то, что переселенцы на новом месте жили в значительном территориальном смешении с другими этническими группами; англичане ЮАР — с африканерами (бурами), французы Алжира — с арабами и берберами. Но и эта причина не универсальна; так, шведы, заселившие в XVI в. западные и южные приморские районы Финляндии, также не образовали особого этноса, хотя их отделение от Швеции Балтийское море и хотя их расселение на новом месте было в течение длительного времени довольно компактным.

Вообще, этническая территория представляет собой нечто цельное и четко обособленное от территорий других этносов, как правило, только у ранних форм этнической общности, а также у тех новых наций, этнические границы которых совпадают с политическими границами их государств. Развитие человечества сопровождалось территориальным смешением этносов; это смешение заполняло собой целые исторические эпохи (например, эпоху «великого переселения народов»); весьма показательны в этом отношении и XIX—XX столетия, когда в связи с развитием капитализма развернулись массовые миграции людей из деревни в город, из одного района в другой и из одной страны — в другую. Достаточно взглянуть на этническую карту мира, чтобы увидеть множество районов, в которых этносы живут в сильном территориальном смешении, чересполосно друг с другом.

¹⁷ См.: М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-географические области, «Сов. этнография», 1955, № 4.

Результаты процессов территориального смешения этнических общностей могут быть представлены в виде четырех основных случаев. В первом, наиболее распространенном случае, народ сохраняет единство и целостность своей основной территории; значительное смешение его с другими этносами наблюдается лишь в полосе этнических границ; группы его переселенцев на инонациональные территории по сравнению с общей численностью этноса относительно немногочисленны и не образуют на новых местах существенных этнических ареалов. Примером такого типа этнического расселения в СССР может служить расселение эстонцев и белорусов; в Зарубежной Европе, например, расселение норвежцев и итальянцев. Так, этнические границы итальянцев, примерно совпадающие с государственными границами Италии, охватывают область, почти во всех районах которой живут только итальянцы или они составляют подавляющее большинство населения; что же касается групп итальянских иммигрантов за пределами Италии, то они растворены среди массы французского, бельгийского, американского и другого населения.

Во втором случае, ко всему, что характерно для первого типа этнического расселения, добавляется существование за пределами основной этнической территории народа отдельных, нередко значительных районов, где принадлежащие к этому народу люди также составляют явное большинство населения. Примером таких «самостоятельных» этнических территорий могут служить ареалы венгров в Трансильвании и других областях Румынии, ареалы шведов в Финляндии и т. п.

Особого внимания заслуживает третий случай расселения, при котором прежде единая этническая территория разбивается инонациональными массивами на отдельные этнические «острова». Так, произошло, например, с территориями некоторых народов Поволжья. Уже в XVI—XVII вв. в результате массового движения русских на редкозаселенные земли Поволжья, этническая территория мордвы (на которой, впрочем, еще раньше поселились группы татар) была разбита на отдельные части широкими полосами русских поселений, а сама мордва даже в пределах своего коренного района стала национальным меньшинством¹⁸. Примерно то же произошло несколько позже с башкирскими и отчасти с татарскими землями. Напомним, что на 1970 г. башкиры в пределах своей республики составляют лишь 23,4% от общей численности ее населения, а мордва в своей республике—35,4%, причем в Мордовской АССР находится менее трети всего мордовского населения страны, остальные группы его разбросаны, главным образом, в автономных республиках и областях среднего Поволжья.

Четвертый случай этнического расселения может быть назван дисперсным. Эта дисперсность, сильно нарушающая этнические контакты, делится на два принципиально различных вида. Один из них обусловлен спецификой природных условий и хозяйственной деятельности. Так, немногочисленные, насчитывающие всего несколько десятков тысяч человек охотники-оленоводы эвенки живут небольшими группками на громадных пространствах сибирской тайги — от Енисея до Охотского моря, столетиями не общавшимися друг с другом. Примерно такой же дисперсный характер этнического расселения имеют, например, эскимосы, небольшие стойбища которых разбросаны по прибрежным районам Северного Ледовитого океана от восточной Гренландии до Чукотки. Другой вид дисперсного расселения обусловлен социально-этническими факторами, как это наблюдается, например, у цыган, которые живут в различных странах мира, главным образом в юго-восточной Европе.

Рассматриваемые нами вопросы соотношения этноса с территорией имеют не только теоретическое, но и большое практическое-политическое

¹⁸ Подробнее об этом см.: В. И. Козлов, Расселение мордвы (исторический очерк), «Вопросы этнической истории мордовского народа», М., 1960.

значение. Известно, что большинство межгосударственных споров за владение той или иной территорией обосновывалось, в первую очередь, «естественным» правом какого-то народа на его «древнюю, родную землю». Известно также, что одна из основных программных установок большевиков по национальному вопросу — тезис о праве наций (народов) на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства (а в нужных случаях — образования национальных автономий в пределах многонациональных государств) также базировался на этно-территориальных посылах. Практическое осуществление этого тезиса из-за сильного территориального смещения этнических общностей представляло немалые трудности. Анализируя данную проблему, С. Г. Шаумян писал, например: «Нации настолько смешались друг с другом, что уже нет национальных территорий, в пределах которых можно было бы с легкостью учредить национальные федеративные или автономные области»¹⁹.

Характеристика сложного процесса национально-территориального строительства, развернувшегося в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции, выходит за рамки задач данной статьи. Отметим лишь, что при установлении границ национальных союзных и автономных республик национальная принадлежность населения тех или иных районов не всегда играла основную роль и часто отступала перед экономической целесообразностью²⁰. Достаточно взглянуть на современную карту народов СССР, чтобы увидеть, что административные границы многих республик отличаются от этнических.

Заметим в заключение, что вопрос о трактовке признака «общности территории» в так называемой теории нации до сих пор остается не вполне решенным. В прошедшей недавно дискуссии вокруг определения понятия нации, как уже отмечалось, Н. М. Рогачев и М. А. Свердлин предложили понимать этот признак как общность государственной территории, ибо государственные границы обычно нарушают общение между людьми сильнее, чем включаемые в понятие «территория» природные рубежи. Однако это предложение, подвергнутое критике уже в ходе дискуссии²¹, представляется мало удачным. Общению людей могут препятствовать не только государственно-политические, но и религиозные различия, но это еще не значит, что мы должны включить религию в понятие общности территории. Очень важный вопрос об этнической роли государственности (несомненно с учетом территориальных факторов) заслуживает специального рассмотрения, слияние же его с вопросом о территории может привести к ненужному осложнению обоих.

Следует учесть, кроме того, что государство возникло значительно позже ранних форм этнической общности и что проложение государственно-политической границы само по себе нарушает этнические связи, но не целостность этнической территории, а государственное объединение удаленных друг от друга областей не приводит к их территориальной общности. Тот, например, факт, что этническая территория поляков в течение длительного времени была разделена государственными границами, не означал, конечно, что в это время поляки утратили общность территории, хотя национальное развитие их в разных государствах имело свои особенности. С другой стороны, французское население Алжира,

¹⁹ Г. С. Шаумян, О национально-культурной автономии, М., 1959, стр. 25.

²⁰ В одних случаях, например, при проведении границ в районах смешения башкир или казахов с русскими, проступала тенденция охватить границами национальных республик основную массу данного этноса (т. е. всю его «этническую территорию», как ее понимал П. И. Кушнер), вне зависимости от численности другого этноса; в остальных случаях сложные вопросы административно-территориальных границ решались с учетом конкретных обстоятельств.

²¹ См., например, М. С. Джунусов, Нация как социально-этническая общность людей, «Вопросы истории», 1966, № 4, стр. 29.

считавшегося до 1962 г. «заморским департаментом» Франции, не имело, конечно, общности территории с французами самой Франции.

Подведем некоторые итоги проделанного нами анализа и сделаем основные выводы. Территория, выступающая, прежде всего, в виде определенного географического пространства, представляет собой материальную основу существования этнических общностей. В историческом плане значение территории для этноса не оставалась постоянным. Для этносов первобытнообщинной эпохи, социальная целостность которых основывалась на чувстве общности происхождения, материализованном в виде непосредственных кровнородственных связей, территория выступает, главным образом, как условие их существования, как природная среда их обитания; будучи закрепленной за определенным племенем, территория приобретает значение его признака. С упадком кровнородственных связей, в раннеклассовых формациях территория получает большое этнообразующее значение; территориальная общность побуждает к установлению хозяйственных и других связей, ведущих к нивелировке языковых и культурно-бытовых различий и т. д.; этническое самосознание закрепляется территориально-географическими символами единства, идеей о «родной земле», как субъективном отражении данного признака этноса. Целостность, непрерывность этнической территории важна, главным образом, как условие формирования этнической общности; для устойчивого же существования уже сформировавшегося этноса достаточно наличие более или менее значительного, целостного и компактного «этно-территориального ядра», соотносясь или сообщаясь с которым отделившиеся части этноса, живя в среде других этносов, могут длительное время сохранять свою языково-культурную специфику и свое самосознание.

ETHNOS AND TERRITORY

Territory as a definite geographically bounded area forms as it were a basis for the emergence and further existence of ethnic communities. For ethnoses of the primitive tribal era territory does not yet play a major role as a factor of ethnic formation. This role increases with the weakening of blood kinship ties in early class societies; a common territory gives an incentive towards establishing economic, cultural and other relations, while the idea of «native land» becomes a necessary component of ethnic consciousness. Territory as a basis for the formation of ethnoses, must satisfy the requirements of indivisibility, continuity — both as to the absence of important natural borders and of alien ethnic groups; for the lasting maintenance of an ethnos which has already come into being the existence of a more or less compact «ethno-territorial nucleus» or a national-territorial (state) organization is usually sufficient.

Ю. И. Семенов

**ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО СООТНОШЕНИЯ
МАТЕРИНСКОЙ И ОТЦОВСКОЙ ФИЛИАЦИИ
У АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ**

(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ М. А. ЧЛЕНОВА «МОЖНО ЛИ
СЧИТАТЬ „АВСТРАЛИЙСКУЮ КОНТРОВЕРЗУ“
РАЗРЕШЕННОЙ») ¹

Работа М. А. Членова всецело посвящена нашей статье «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому»², в которой в числе других сюжетов рассматривается и так называемая «австралийская контроверза». На вопрос, поставленный в заглавии своей статьи, М. А. Членов дает отрицательный ответ. По его мнению, все наши теоретические построения ничего в этой проблеме не проясняют.

Мы никогда не претендовали на истину в последней инстанции. Нашей целью было вынести на обсуждение один из возможных путей разрешения «австралийской контроверзы». Поэтому любые критические замечания мы можем только приветствовать, ибо они способны помочь выявить как сильные, так и слабые места теоретических построений, а тем самым способствовать решению вопроса. Статья М. А. Членова явилась для нас подтверждением того, что в целом мы стоим на правильном пути, ибо автор ее не мог привести ни одного сколько-нибудь убедительного довода против выдвинутых в статье положений.

Прежде всего следует подчеркнуть, что М. А. Членов, по-видимому, далеко не разобрался в самом существовании «австралийской контроверзы». Последняя возникла и стоит не перед всеми этнографами вообще, а лишь перед теми, которые придерживаются взгляда, что отцовскому роду в историческом развитии везде и всегда предшествовал материнский род. Л. Морган в «Древнем обществе» и Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» убедительно показали, каким образом первоначальный материнский род под влиянием накопления богатств и перехода их в частное владение отдельных семей трансформируется в отцовский. Этот механизм перехода от материнской филиации к отцовской по существу и до сих пор является единственным известным науке. Даже противники «моргановского» направления, настаивающие на существовании различных механизмов смены счета родства, когда они от общих фраз переходят к конкретному анализу факторов, обусловивших переход от материнской филиации к отцовской, неизменно

¹ «Сов. этнография», 1971, № 4 (далее ссылки на работу М. А. Членова даются в тексте).

² «Сов. этнография», 1970, № 5.

называют в первую очередь накопление в руках мужчин скота, рабов и других форм богатства³.

Но у аборигенов Австралии частная собственность отсутствовала, отцовский же род тем не менее, несомненно, существовал. Возможны два основных пути разрешения возникшей «контroversы».

Первый из них состоит в выявлении причин, обусловивших столь раннее появление отцовской филиации, в раскрытии нового, ранее неизвестного механизма превращения материнского рода в отцовский. В качестве необходимого момента здесь должно присутствовать доказательство того, что и у австралийцев отцовскому роду предшествовал материнский. Именно по этому пути мы и попытались пойти в нашей статье.

Второй путь значительно более прост. Он заключается в отказе признать материнский род — стадией, необходимо предшествующей отцовскому. Именно такого взгляда, как явствует из статьи, придерживается М. А. Членов (стр. 68). И утверждая, что «австралийская контroversа» все еще остается неразрешенной, он вступает в противоречие со своими же собственными воззрениями. Для исследователя, который придерживается взгляда на материнский и отцовский род, как на явления, исторически совершенно равноценные и могущие сменять друг друга в любой последовательности, никакой «австралийской контroversы» не существует и не может существовать. Для него это — мнимая проблема, связанная с приверженностью к устаревшим и ошибочным представлениям о прошлом человечества.

И для самого М. А. Членова, несмотря на его утверждения, никакой «австралийской контroversы» действительно не существует. Отсюда вытекает и непонимание им существа постановки вопроса в нашей статье. М. А. Членов видит в ней всего лишь попытку доказать, что у австралийцев отцовскому роду предшествовал материнский. Никакой теоретической постановки вопроса он здесь не замечает. При этом он считает, что все доказательство этого положения сводится в статье к чисто формальному выведению реально существующей системы брачных классов австралийцев из гипотетической системы двух материнских родов, связанных отношением группового дислокального брака путем совершенно произвольного допущения смены дислокального брака патрилокальным.

М. А. Членов парирует этот, единственный, по его мнению, наш довод путем, как он сам считает, доказательства того, что брачноклассовая система австралийцев с ничуть не меньшим успехом может быть формально выведена также из системы двух отцовских родов, связанных отношением дислокального группового брака, путем допущения замены дислокального брака матрилокальным. Из этого он делает вывод, что доказать матрилинейный характер первоначального рода австралийцев нам не удалось.

М. А. Членов был бы прав, если бы все действительно обстояло именно так, как он изображает. Но нарисованная им картина весьма далека от реальности. Во-первых, вопрос о характере первоначального рода у австралийцев рассматривается в нашей статье не в качестве самостоятельного, а как один из моментов более сложной проблемы, носящей теоретический характер. Во-вторых, матрилинейный характер первоначального рода аборигенов Австралии обосновывается вовсе не методом создания чисто формальных моделей. Наконец, в-третьих, М. А. Членову, вопреки его собственному мнению, не удалось даже чисто формально вывести брачноклассовую систему австралийцев из пары патрилинейных родов.

Начнем с последнего. В данном случае М. А. Членов слишком доверился широко распространенному в зарубежной этнографии мнению, согласно которому матрилинейные и патрилинейные родственные группы

³ См. G. P. Murdock, Social structure, N. Y., 1949, p. 205—207, 216, 217.

отличаются только тем, что принадлежность к первым определяется по матери, а ко вторым — по отцу, во всех же других отношениях они полностью подобны⁴. Если бы это действительно было так, то тогда с чисто формальной стороны схема с двумя отцовскими родами и дислокальным, а затем матрилокальным браком на самом деле должна быть совершенно равноценной схеме с двумя материнскими родами и дислокальным браком, сменяющимся патрилокальным.

Но в реальности дело обстоит иначе, что к настоящему времени подмечено и некоторыми зарубежными этнографами. В качестве наиболее яркого примера можно сослаться хотя бы на работу Д. М. Шнейдера «Отличительные черты матрилинейных родственных групп»⁵. Автор не обходится без уже ставшего традиционным в англо-американской этнографии утверждения об идентичности структуры матрилинейных и патрилинейных групп. «Из этих определений,— пишет он,— можно видеть, что матрилинейная и патрилинейная группы представляют точное зеркальное отображение друг друга, являются идентичными по своей структуре, кроме того чисто искусственного момента, что в одной членство приобретает через отца, а в другой — через мать. Во всем другом каждый их элемент идентичен»⁶. Однако вслед за этим он подчеркивает, что «несмотря на тот факт, что элементы являются теми же самыми, существует определенное в высшей степени очевидное различие между матрилинейными и патрилинейными группами»⁷. И далее почти 20 страниц он посвящает детальному анализу этих отличий.

Можно не соглашаться с той интерпретацией, которую дает Д. М. Шнейдер выявленным им фактам, но несомненно, что ему удалось подметить существенные объективные различия между структурой матрилинейных групп, с одной стороны, и патрилинейных — с другой. «Матрилинейная группа,— в частности, указывает он,— не нуждается в статусах отца и мужа. С другой стороны, статусы матери и жены обязательны для патрилинейной системы»⁸.

Говоря о том, что материнская экзогамная группа не нуждается в статусах мужа и отца, Д. М. Шнейдер ни в малейшей степени не ставит под сомнение необходимость половых отношений между женщинами, принадлежащими к данной группе, и мужчинами иной или иных групп. Без наличия таких отношений группа просто не могла бы воспроизводить себя и тем самым существовать. Но дело в том, что наличие половых отношений между данной женщиной и данным мужчиной еще само по себе не делает их мужем и женой. Включая в себя половые отношения, брак ни в коем случае к ним не сводится и ими одними не исчерпывается. Муж и жена не просто половые партнеры, а люди, имеющие по отношению друг к другу определенные признанные обществом права и обязанности. Между ними существуют не только половые, биологические по своей природе, отношения, но и определенные социальные связи, которые только и делают их отношения браком, а самих их — супругами.

Если понятия просто полового партнерства и брака различаются достаточно четко и в нашем языке, то сложнее обстоит с понятием отцовства. Говоря об отце, в обыденном словоупотреблении имеют в виду мужчину, которому человек обязан своим появлением на свет и который имеет определенные, признанные обществом права и обязанности по отношению к данному ребенку. Иначе говоря, в нашем понятии отцовства

⁴ См., например, R. N. Lowie, *Primitive society*, N. Y., 1961, p. 111, 112, 166—183; G. P. Murdock, *Указ. раб.*, стр. 46.

⁵ D. M. Schneider. The distinctive features of matrilineal descent groups, in: «Matrilineal kinship», Ed. by D. M. Schneider and K. Gough, Berkeley and Los Angeles, 1961.

⁶ Там же, стр. 7.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 14.

сливаются воедино биологическое и социальное отцовство. И это не случайно. Такое слияние обусловлено характером существующих у нас семейно-брачных отношений.

Однако и в нашем обществе имеют место случаи расщепления биологического и социального отцовства. Если ребенок родился вне брака, т. е. у мужчины, которому он обязан своим появлением, вплоть до принятия нового закона о браке и семье (а в определенной степени и после) не имеющего по отношению к нему никаких прав и обязанностей, не считался его отцом.

В обществе доклассовом разделение биологического отцовства (по родительству) и социального представляет широко распространенное явление. В Меланезии, например, отцовство определяется совершением определенного социального акта. На одном из островов отцом становится человек, который уплатил повивальной бабке, на другом — мужчина, посадивший перед своей хижинкой дерево определенной породы⁹. У многих племен Африки отцом ребенка является мужчина, внесший за его мать определенное количество скота, независимо от того, имел он отношение к его рождению или не имел¹⁰. У ряда австралийских племен представление о биологическом отцовстве вообще отсутствовало, у них было понятие лишь о социальном отцовстве¹¹.

Все это делает для этнографов действительно необходимым различать понятие биологического и социального отцовства. Такое различие проводится в трудах большинства зарубежных этнографов. В англо-американской этнографической литературе для обозначения биологического отцовства обычно применяется термин «genitor», для обозначения социального — «pater»¹². В русском языке эквивалентом первого могло бы быть слово «породитель». Введение этого термина позволило бы сузить значение слова «отцовство» до понятия социального отцовства.

Уточнение употребляемых понятий помогает понять существо различия между структурой матрилинейных и патрилинейных групп. Существование матрилинейной группы не предполагает с необходимостью наличия социальных связей ни между половыми партнерами как индивидами, ни между половым партнером женщины, с одной стороны, и ее детьми — с другой. Материнская филиация предполагает социальную связь лишь между матерью и детьми. Совершенно иначе обстоит дело с патрилинейными группами. Отцовская филиация необходимо предполагает отцовство, т. е. существование социальной связи между мужчиной, с одной стороны, и детьми его полового партнера — с другой. Но вполне понятно, что такая связь совершенно невозможна без наличия определенных социальных отношений между мужчиной и матерью детей, отцом которых они являются.

Таким образом, если существование матрилинейной группы не предполагает с необходимостью наличия брачных отношений между индивидами, то патрилинейная группа без индивидуального брака существовать вообще не может¹³. Патрилинейные группы могли появиться только после возникновения индивидуального брака и ни в коем случае не раньше. Что же касается матрилинейных групп, то наличие индивидуального бра-

⁹ W. H. R. Rivers, *Social organisation*, London, 1924, p. 52.

¹⁰ «African systems of kinship and marriage», Ed. by A. R. Radcliffe-Brown and D. Forde, London, 1950, p. 184; «The Bantu-speaking tribes of South Africa», Ed. by I. Schapera, London, 1966, p. 113; и др.

¹¹ B. Spencer, *Native tribes of Northern territory of Australia*, London, 1914, p. 25.

¹² A. R. Radcliffe-Brown, Introduction to «African systems of kinship and marriage», p. 4; G. Lienhardt, *Social anthropology*, London, 1964, p. 119; R. Fox, *Kinship and marriage*, Harmondsworth, 1967, p. 34; и др.

¹³ Под индивидуальным браком мы понимаем брак между отдельными лицами — индивидами. Его противоположностью является брак между группами лиц — групповой. К индивидуальному браку относится не только единобрачие, но и многоженство и многомужество.

ка не только не вытекает с необходимостью из их существования, но, наоборот, находится в резком противоречии с ним. Если по отношению к патрилинейным группам индивидуальный брак выступает как необходимое условие их возникновения, то в отношении к матрилинейным — как фактор, постоянно угрожающий их существованию. Как совершенно правильно указывает Д. М. Шнейдер, «институциологизация очень сильной, продолжительной или интенсивной солидарности между мужем и женой несовместима с сохранением матрилинейной родственной группы. Это совершенно неверно по отношению к патрилинейным родственным группам»¹⁴.

Из всего сказанного следует, что матрилинейные группы по самой своей внутренней структуре представляют явление более архаичное, чем патрилинейные. В противоположность отцовскому роду, который не мог появиться раньше, чем возник индивидуальный брак, материнский род мог возникнуть только в эпоху, предшествующую зарождению индивидуального брака. Но исключая индивидуальный брак, первоначальный материнский род необходимо предполагал существование группового брака — брак не между индивидами, а между группами. В силу экзогамии первоначальный род не мог существовать иначе, как в составе дуальной организации. Первой формой брака был, таким образом, дуально-родовой брак, который по самой своей природе не мог не быть дислокальным.

Механизм возникновения и функционирования, а также внутреннюю структуру первоначальной дуально-родовой организации мы попытались, основываясь на данных этнографии, раскрыть в ряде работ¹⁵. Именно эта система двух материнских родов, связанных групповым дислокальным браком, и явилась для нас исходным моментом развития, завершившегося у австралийцев возникновением брачноклассовой организации.

М. А. Членов заменяет ее совершенно равноценной, по его мнению, системой двух отцовских родов, связанных отношениями группового дислокального брака. Мы не будем говорить о том, что само по себе такое допущение носит совершенно произвольный характер и ничем не обосновывается. Суть дела в том, что такая система вообще не может существовать. Если бы М. А. Членов вместо того, чтобы декларировать существование системы двух отцовских родов, связанных групповым дислокальным браком, попытался бы ее себе конкретно представить, то легко бы убедился, что сделать это совершенно невозможно.

В отличие от материнского отцовский род не совместим ни с групповым браком, ни вообще с дислокальным браком, даже не групповым, а индивидуальным. Отцовская филиация necessarily предполагает принадлежность мужа и жены к одной хозяйственной группе. И совершенно поэтому не случайно все известные этнографии примеры существования дислокального брака связаны исключительно с материнским родом. Стоит только допустить существование двух экзогамных хозяйственных коллективов, связанных групповым дислокальным браком, как они неизбежно окажутся материнскими родами.

Таким образом, из схемы М. А. Членова полностью выпадает начальный, исходный этап, а тем самым ничего не остается от всей его модели. Он показывает лишь, что готовую возникшую брачноклассовую систему можно чисто формально мыслить в сочетании не только с патрилокальным, но и с матрилокальным браком. Но вывести ее даже чисто формально из какого-либо предшествующего состояния М. А. Членов не смог.

¹⁴ D. M. Schneider, Указ. раб., стр. 16.

¹⁵ См. Ю. И. Семенов, Групповой брак, его природа и место в эволюции семейно-брачных отношений, М., 1964; его же, Как возникло человечество, М., 1966; его же, Проблема начального этапа родового общества, в сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1, М., 1968

Так как у М. А. Членова не получилось такой модели, то он тем более оказался не в состоянии привести никаких фактов, которые могли бы подтвердить его точку зрения. Нельзя же рассматривать в качестве аргумента ссылку на то, что кое-где существуют племена, у которых патрилинейность сочетается с матрилокальностью (стр. 79). Не говоря уже о том, что из четырех названных М. А. Членовым племен, если судить по «Этнографическому атласу» Дж. Мёрдока, на который ссылается М. А. Членов, у чиригуана и каража отсутствуют экзогамные патрилинейные группы, а у тукуна господствует патрилокальный брак, ни у одного из них, включая и мундуруку, не обнаруживается ни зачатков, ни пережитков брачноклассовой системы¹⁶. Несомненным фактом является то, что у всех австралийских племен, у которых существовала брачноклассовая организация, брак был патрилокальным, а не матрилокальным. Не может помочь М. А. Членову и ссылка на тиви. У данного племени существовали материнские тотемические роды; что же касается брака, то он был по преимуществу патрилокальным¹⁷.

Важно отметить, что М. А. Членов вообще неправ, когда связывает брачные классы просто с наличием в обществе противоположных форм линейности и локальности (патрилинейности и матрилокальности в одном случае, матрилинейности с патрилокальностью — в другом). Мы не только не знаем ни одного случая существования брачных классов при сочетании патрилинейности с матрилокальностью, но можно привести множество примеров, когда они отсутствуют и при сочетании матрилинейности с патрилокальностью. Необходимым условием возникновения брачных классов является одновременное существование в обществе и материнских унитарных групп, и отцовских, т. е. наличие в нем сразу двух противоположных филиаций — материнской и отцовской¹⁸.

Система двух филиаций, при которой каждый член общества принадлежит одновременно к двум унитарным группам, матрилинейной и патрилинейной, имеет довольно широкое распространение¹⁹. В зарубежной этнографической литературе за ней довольно прочно закрепилось название «double descent»²⁰. По-русски его можно было бы передать выражением «двойная филиация».

Двойная филиация — обязательное, но еще недостаточное условие появления брачноклассовой организации. Чтобы брачные классы возникли, нужно не просто одновременное существование двух филиаций, материнской и отцовской, а их наложение друг на друга, своеобразное сдваивание филиаций. Брачные классы (в данном случае подразумевается система четырех брачных классов, которую мы считаем первоначальной) представляют собой группы, члены которых принадлежат одновре-

¹⁶ G. P. Murdock, *Ethnographic atlas*, Pittsburgh, 1967, p. 118, 122.

¹⁷ C. W. M. Hart and A. P. Pilling, *The Tiwi of North Australia*, N. Y., 1960.

¹⁸ И в данном месте, и во всей статье под филиацией мы понимаем не всякий счет родства (счет происхождения), а лишь такой, который определяет принадлежность человека к определенной унитарной группе вообще, к роду в первую очередь. Иначе говоря, мы вкладываем в понятие филиации примерно тот же самый смысл, который У. Риверс вкладывал в понятие «descent» (W. H. R. Rivers, *Social organization*, London, 1924, p. 86).

¹⁹ В зарубежной этнографической литературе нередко упоминаются также системы, характеризующиеся тем, что существующие в обществе две филиации относятся не к каждому из его членов, а всегда к разным людям. Так, например, у мундагумор Новой Гвинеи мальчики наследуют матери, а девочки — отцу (M. Mead, *Sex and temperament in three primitive societies*, N. Y., 1935), у апинаже Бразилии мальчики принадлежат к группе отца, а девочки — к группе матери (C. Nimuendaju, *The Arinae*, «Catholic university of America anthropological series», 1939, № 8). Такое явление иногда называют «parallel descent» (параллельной филиацией). Однако не всегда ясно, имеем ли мы во всех случаях дело с подлинной материнской и отцовской филиацией.

²⁰ См.: G. P. Murdock, *Double descent*, «*American Anthropologist*», 1940, vol. 42, № 2; J. M. Goody, *The classification of double descent systems*, «*Current Anthropology*», 1961, vol. 2, № 1; P. Bohannan, *Social anthropology*, N. Y., 1965, p. 139, 140; R. Fox, *Kinship and marriage*, p. 124; и др.

менно к одной и той же матрилинейной группе и одной и той же патрилинейной группе. Люди, связанные только материнской филиацией или только отцовской, обязательно принадлежат к разным брачным классам. Этот факт в достаточной степени раскрыт в целом ряде исследований²¹.

Как сейчас уже твердо установлено, существование в том или ином обществе двойной филиации свидетельствует о том, что в нем происходит процесс перехода от одной филиации к другой. Суть той схемы, которую пытался создать М. А. Членов, состоит в том, что брачные классы австралийцев возникли в результате появления наряду с давно существовавшей отцовской филиацией новой — материнской. Даже если полностью отвлечься от всего уже сказанного выше по поводу схемы М. А. Членова, такое допущение само по себе находится в противоречии со всеми известными этнографическими фактами.

Чтобы нас не обвинили в предвзятости, обратимся к свидетельствам Дж. Мёрдока, являющегося, как и большинство зарубежных этнографов, решительным противником предположения об универсальности и первоначальности материнского рода. И этот убежденный сторонник точки зрения, согласно которой матрилинейные и патрилинейные группы исторически совершенно равноценны, пишет, что «наиболее прочной опорой эволюционной теории первоначальности матрилинейности, причинившей огромные трудности позднейшим этнографам, является полное отсутствие не только исторически засвидетельствованных, но хотя бы даже просто логически вероятных случаев прямого перехода от отцовской филиации к материнской. Ни одного такого случая не встречается в нашей сводке этнографического материала, ни с одним таким случаем автор вообще не встретился в этнографической литературе»²². На вопрос о причине такого положения Дж. Мёрдок дает четкий и недвусмысленный ответ: «Случаев такого перехода не зарегистрировано потому, что он не может произойти... Прямой переход от патрилинейной филиации к материнской невозможен»²³. По его мнению, существуют факторы, которые обуславливают смену материнской филиации отцовской (и главный среди них — накопление богатства в руках отдельных лиц), но таких, которые вызвали бы движение в противоположном направлении, нет²⁴.

Из всего этого он делает совершенно определенные выводы: «Часто наблюдается, что во многих частях мира патрилинейные и матрилинейные народы живут бок о бок в определенной ограниченной области, причем их культуры обнаруживают абсолютно достоверные исторические связи. Сейчас совершенно ясно, что везде, где такая ситуация существует, в случае, если эти два типа структуры генетически связаны, патрилинейные племена должны были развиваться из матрилинейных, а не наоборот. Столь же верно, что во всех обществах с вполне развитой двойной филиацией матрилинейные родственные группы возникли первыми, а правило патрилинейной филиации представляет собой явление, развившееся вторично»²⁵.

Все эти данные, находящиеся в непримиримом противоречии с допущениями М. А. Членова, и были положены в основу схемы эволюции, изложенной в нашей статье «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому». Вполне понятно, что в первую очередь мы опирались на

²¹ F. Calton. Note on the Australian marriage systems, «Journal of the Anthropological institute of Great Britain and Ireland», 1889, vol. 18, № 1; E. Durkheim. La prohibition de l'inceste et ses origines, «L'Année sociologique», 1898, № 1; A. R. Radcliffe-Brown. Bilateral descent, «Man», 1929, vol. 29, p. 199, 200; W. E. Lawrence. Alternating generation in Australia, in: «Studies in the science of society», New Haven, 1937; G. P. Murdock, Social structure, p. 51—54.

²² G. P. Murdock, Social structure, p. 190.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 206, 207, 216, 217.

²⁵ Там же, стр. 218.

фактический материал о тех племенах, эволюция социальной организации которых исследовалась, т. е. об аборигенах Австралии.

В настоящее время можно считать достаточно твердо установленным, что деление австралийских племен на патрилинейные и матрилинейные в значительной степени устарело. Если не все, то подавляющее большинство племен, которые традиционно считались патрилинейными, в действительности характеризуются сосуществованием отцовской и материнской филиаций. Двойная филиация бытовала и у племен, традиционно считавшихся матрилинейными. «Хотя социальная организация австралийских племен всегда базируется на патрилинейной филиации,— писал такой крупнейший специалист, как А. Р. Рэдклифф-Браун,— однако здесь всегда существует определенное признание и материнской филиации... Система родства австралийского племени обыкновенно характеризуется двойной филиацией, она и патрилинейна, и матрилинейна. Но во многих племенах имеется более отчетливое и организованное признание матрилинейной филиации, иногда путем существования матрилинейных кланов или тотемических подразделений, иногда — имеющих названия матрилинейных половин, и в некоторых племенах путем существования восьми «классов» или «субсекций»²⁶. Такую точку зрения разделяют многие ученые²⁷.

Основываясь на том, во-первых, что по самой своей структуре материнский род более архаичен, чем отцовский, во-вторых, что науке не известен ни один случай перехода от отцовской филиации к материнской, в то время как зарегистрировано множество примеров обратного движения, в-третьих, что во всех известных обществах с двойной филиацией патрилинейность представляет собой явление более позднее, чем матрилинейность, можно сделать вывод, что у аборигенов Австралии развитие шло от материнского рода к отцовскому, а не наоборот.

И все данные австралийской этнографии полностью подтверждают такой вывод. Материнские роды в Австралии, как правило, не имели никаких хозяйственных, экономических функций. Но в идеологическом, надстроечном отношении они нередко отличались значительной степенью развития. В противоположность им всегда практически значимые отцовские роды нередко почти совсем не имели идеологического оформления или оно только начинало намечаться. Счет принадлежности к ним не имел сколько-нибудь отчетливой формы²⁸. Все это можно расценить лишь как свидетельство того, что материнские роды у австралийских аборигенов имеют более древнее происхождение, чем отцовские.

В статье «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому» на конкретных примерах была продемонстрирована общая тенденция развития социальной организации австралийцев. Суть этого процесса заключается, с одной стороны, в постепенном и все более полном идеологическом оформлении экономически и вообще практически значимых отцовских родов, а с другой — в постепенной потере материнским родом всех своих функций, а вслед за этим и его идеологического оформления.

Представляя собой обобщение фактического материала, наша схема является не чисто формальной, как это утверждает М. А. Членов, а содержательной. В отличие от той, которую пытался создать М. А. Членов, в нашей схеме отсутствуют ни на чем не основанные произвольные допущения. И в этом отношении не могут не вызвать недоумение некоторые места из рассматриваемой заметки. «Предположим,— пишет М. А. Членов,— что австралийцы некогда действительно жили двумя тесно свя-

²⁶ A. R. Radcliffe-Brown, Murngin social organisation, «American Anthropologist», 1951, vol. 53, № 1, p. 40.

²⁷ G. P. Murdock, Social structure, p. 51—55; W. E. H. Stanner, Comment to the article of J. Goody, «Current Anthropology», 1961, vol. 2, № 1, p. 20, 21; и др.

²⁸ См. об этом: Ю. И. Семенов, Проблема перехода от материнского рода к отцовскому, стр. 68—70.

занными материнско-родовыми локалями. В этом случае схема, нарисованная Ю. И. Семеновым, могла осуществиться при одном очень важном условии, о котором в статье говорится лишь вскользь (стр. 68). Условие это заключается в том, что форма брака, последовавшая вслед за разложением дислокального брака, должна была стать патрилокальной, а не матрилокальной, так как в последнем случае формальная модель не приводит к образованию брачных классов. Хотя такой переход в условиях группового брака, неясного отцовства и т. д. выглядит крайне странным, теоретически исключать возможность его нельзя. Но, очевидно, следует привести какие-либо доказательства или аргументы в пользу такой трансформации. В статье мы их не видим» (стр. 68, 69). При чтении этого места создается впечатление, что А. М. Членов читал нашу статью недостаточно внимательно.

Каким образом можно утверждать, что наличие группового брака ставит под сомнение положение о переходе к патрилокальности, когда, согласно нашей схеме, такой переход произошел уже после смены группового брака индивидуальным? О неясности какого отцовства упоминает М. А. Членов? Биологического? Но знание его или незнание никакой социальной роли не играло. У австралийцев вообще не было понятия о биологическом отцовстве, что не мешало существованию у них отцовской филиации. Социального? С возникновением парного брака оно всегда известно. Отцом является либо муж матери, либо человек, совершивший определенный установленный обществом социальный акт. Совершенно непонятно, как можно говорить о том, что о переходе к патрилокальности мы упоминаем лишь вскользь, ничем его не аргументируя, когда в статье этому вопросу уделено особое внимание (стр. 65), когда в ней вообще детально рассматриваются причины, определившие исчезновение дислокального брака (стр. 63—65).

Не излагая содержания нашей предшествующей статьи, коротко наметим основные моменты развития, которое привело к раннему появлению отцовского рода у австралийцев.

За исходный момент мы принимаем систему двух материнских родов, каждый из которых состоит из мужской и женско-детской групп. Последняя в свою очередь состоит из двух подгрупп: женской и детской. Между мужскими группами и женскими подгруппами, принадлежащими к разным родам, существуют отношения группового дислокального брака. Женщины всю жизнь остаются в родной женско-детской группе. Мальчики по достижении определенного возраста переходят в мужскую группу своего рода.

Появление минимального избыточного продукта приводит к изменению отношений распределения, выделению внутри коллективов потребительских групп и возникновению индивидуального брака. Парный брак и парная семья предполагают зарождение определенных экономических связей между мужем, с одной стороны, женой и ее детьми — с другой, т. е. между людьми, принадлежащими к разным родам. Но эти узы являются на первых порах значительно более слабыми, чем экономические связи внутри рода, среди которых особо выделяются отношения между братьями матери, с одной стороны, сестрами и их детьми — с другой.

Дальнейшее развитие во многом зависит от того, сохранился ли у данной этнической группы оседлый образ жизни, характерный для начала позднего палеолита, или же он сменился бродячим.

В первом случае материнский род (позднее — его подразделение) продолжительное время сохраняется как хозяйственная и локальная группа, а парный брак соответственно долго продолжает оставаться дислокальным. Примером могут служить наяры Кералы, минангкабау Суматры, наси Юньнаня.

Во втором случае неизбежно возникает тенденция к временному соединению мужской и женско-детской групп, принадлежащих к разным

родам, и соответственно к временному отделению друг от друга мужской и женско-детской групп, составляющих вместе один род. Если брать только австралийцев, то, например, у аранда (арунта) сохранились предания о времени, когда существовали самостоятельные мужские и женские группы, между членами которых существовали половые отношения²⁹. Интересно в этой связи отметить, что во время совершения определенных обрядов и особенно инициаций у аранда и других племен мужчины и женщины с детьми отделялись друг от друга, образуя отдельные лагерь³⁰. Временное отделение друг от друга мужской и женско-детской групп одного рода и столь же временное соединение групп, принадлежащих к разным родам, способствовало, с одной стороны, ослаблению экономических связей женщин с их братьями, а с другой — укреплению таких отношений с мужьями. В конечном счете это привело к возникновению локальных групп, каждая из которых состояла из мужской и женско-детской групп, принадлежавших к разным родам. В этих условиях мальчики, переходя в мужскую группу своего рода, должны были покидать родную локальную группу.

Если на данной стадии происходил переход от бродячего существования к оседлому, то такой порядок продолжал долгое время сохраняться. Примеров этого этнографический материал дает много.

Сохранение бродячего образа жизни неизбежно вело ко все большему укреплению экономических связей между мужем, с одной стороны, женой и детьми — с другой, и соответственно ко все большему ослаблению связей женщины с ее братьями. Все это с необходимостью порождало тенденцию к замене перехода мальчика в группу братьев матери, т. е. мужскую группу своего материнского рода, переходом его в группу отца, т. е. мужскую группу своего родного локаля. О форме, в которой эта тенденция пробивала себе дорогу, достаточно красноречиво свидетельствует характер австралийских инициаций.

И когда такая замена произошла, когда мальчики начали переходить в мужскую группу отца и тем самым оставаться в родном локале, брак неизбежно приобрел патрилокальный характер, а люди, родившиеся в каждом конкретном локале, стали составлять патрилинейную экзогамную группу, т. е. отцовский род. Сдваивание существовавшей издавна материнской и вновь возникшей отцовской филиации привело к возникновению системы четырех брачных классов.

С предложенной нами схемой эволюции социальной организации австралийцев можно соглашаться, можно не соглашаться. Однако М. А. Членов оказался не в состоянии привести ни одного факта, который находился бы в противоречии с этой схемой, не смог выдвинуть ни одного аргумента, который ставил бы ее под сомнение.

THE PROBLEM OF THE HISTORICAL CORRELATION BETWEEN MATRILINEAL AND PATRILINEAL DESCENT AMONG AUSTRALIAN ABORIGINES

It may be at present regarded as firmly established that most aboriginal Australian tribes are characterized simultaneously by matrilineal and by patrilineal descent, i. e. by so-called double descent. Theoretical analysis shows that the matrilineal gens is, generally speaking, more archaic than the patrilineal gens. Besides this, no single case is known to ethnography of a transition from patrilineal to matrilineal descent, while plentiful cases of a shift from matrilineal to patrilineal gentes have been recorded. And

²⁹ T. G. H. Strehlow, *Aranda traditions*, Melbourne, 1947, p. 92.

³⁰ B. Spencer and F. J. Gillen. *The native tribes of Central Australia*, London, 1899, p. 214—216, 348, 352.

lastly, in all double-descent societies known to science patrilineality is always an indisputably later phenomenon than matrilineality. All this sufficiently substantiates the conclusion that among Australian aborigines evolution also proceeded from the matrilineal to the patrilineal gens, and not the reverse. This conclusion is fully confirmed by ethnographic data on Australians. It was just the early rise of the patrilineal gens side by side with the initial matrilineal gens that led to the doubling of descent and to the emergence of the marriage class system so characteristic of aboriginal society. The motive forces and the actual working factors of this process are examined in detail by the present author in his article «The problem of transition from the matrilineal to the patrilineal gens» («Sovetskaya Etnografiya», 1970, № 5). In the present article the author merely notes the main points in the evolution of the gens system as a whole, and its evolution among Australian aborigines in particular.

**А. В. Козенко,
Л. Ф. Моногарова**

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОДНОНАЦИОНАЛЬНОЙ И СМЕШАННОЙ БРАЧНОСТИ В ДУШАНБЕ

Проблемы этнического развития охватывают довольно широкий круг вопросов, исследуемых не только этнографами, но и специалистами смежных наук: историками, социологами, философами, лингвистами и др.

Этнические процессы консолидации и ассимиляции являются в конечном итоге конкретным выражением определенных контактов между народами или различными их группами.

Особый интерес в этом плане представляет изучение важной стороны наблюдаемых этнических контактов — динамики смешанных в национальном отношении браков.

Одним из очагов этнических процессов является город, особенно столица. Города всегда выделяются более пестрым этническим составом из окружающих их сельских поселений. «...Города везде — и в Польше, и в Литве, и на Украине, и в Великороссии и т. д. — отличаются наиболее пестрым национальным составом населения»¹. В городе более отчетливо проявляются процессы языковой и этнической ассимиляции и консолидации. В силу этих причин город становится одним из основных объектов изучения различных межнациональных контактов.

Одним из авторов данной статьи, Л. Ф. Моногаровой, в 1969 г. в архиве городского загса столицы Таджикской ССР г. Душанбе были собраны статистические материалы по однонациональным и смешанным бракам, заключенным в период с 1946 по 1966 г. включительно. В этом многонациональном городе, как и в городах других республик СССР, в силу определенных исторических и социальных причин² удельный вес коренного населения — таджиков и узбеков — меньше, чем удельный вес инонационального (см. табл. 1), что обусловило и большее число вариаций национально-смешанных браков. Из 55 тыс. браков, заключенных в городе с 1946 по 1966 г., национально-смешанные составляют более 22 тыс.

Самая крупная по численности группа из инонациональных народов в Душанбе — русские, самые многочисленные здесь из коренных народов — таджики и узбеки. Поэтому, учитывая количественный фактор, т. е. абсолютную численность контактирующих в Душанбе таджиков, узбеков и русских, мы выбрали именно эти народы для исследования

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 149.

² Об этом см.: В. В. Похшишевский, Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения, «Сов. этнография», 1969, № 5; В. И. Козлов, Этногеографические аспекты урбанизации в СССР, в кн.: «Географические аспекты урбанизации», серия «Наука о Земле», 1971, № 5—6, стр. 67—72.

частоты однонациональных и смешанных браков и их теоретической вероятности за весь рассматриваемый период. В работах О. А. Ганцкой и Г. Ф. Дебеца³, а также Ю. И. Першица⁴ показано, что сопоставление наблюдаемой частоты однонациональных и смешанных браков P_{jk} с их теоретической вероятностью P^*_{jk} (вероятность того, что в произвольно выбранной паре национальность мужа будет j , а жены — k)⁵ характеризует степень эндогамности этноса.

Таблица 1

Численность и национальный состав населения Душанбе*

Национальность	Оба пола	Мужчины	Женщины
Таджики	43 008	24 508	18 500
Русские	108 236	45 538	62 698
Узбеки	23 178	12 587	10 591
Татары	12 506	5 363	7 143
Украинцы	9 912	4 536	5 376
Евреи	8 720	4 161	4 559
Мордва	3 194	1 187	2 007
Осетины	1 721	867	854
Другие националь- ности	16 662	8 128	8 534
Всего	227 137	108 875	120 262

* Таблица составлена по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. См.: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Таджикская ССР», М., 1963, стр. 122—123. В город Душанбе включен поселок городского типа — Варзобская ГЭС (численность населения — 2895 чел., из них 1388 мужчин и 1507 женщины), подчиненный Душанбинскому горсовету.

То, что в работе учтены все браки более чем за два десятилетия, позволило рассмотреть динамику развития в Душанбе частоты однонациональных и смешанных браков и их теоретической вероятности.

В нашей статье все показатели рассматриваются не статично, а как функция времени. Например: $P^*_{jk} = P^*_{jk}(t)$.

Полученные частоты для однонациональных и смешанных браков у трех преобладающих по численности народов в Душанбе, а также теоретические вероятности этих браков для лучшего выявления тенденции развития процесса представлены в виде графиков. На каждом из графиков дана частота браков определенного типа $P_{jk}(t)$ и теоретическая их вероятность $P^*_{jk}(t)$ в процентах.

В нашей работе индексы j и k принимают каждое значение 1, 2, 3. Условимся обозначать национальности следующим образом: 1 — таджики, 2 — узбеки, 3 — русские. Рассмотрение приведенных в статье графиков показывает явное преобладание частоты однонациональных браков у таджиков, узбеков и русских над их теоретическими вероятностями (рис. 1—3). В течение всего двадцатилетнего периода здесь наблюдается устойчивая картина, а именно: частота однонациональных браков у таджиков растет быстрее, чем ее теоретическая вероятность. Это можно рассматривать как свидетельство относительной устойчивости таджикского этноса в национально-смешанной среде (см. рис. 2): ведь в городе,

³ О. А. Ганцкая, Г. Ф. Дебеч, О графическом изображении результатов статистического обследования межнациональных браков, «Сов. этнография», 1966, № 3.

⁴ Ю. И. Першиц, О методике сопоставления показателей однонациональной и смешанной брачности, «Сов. этнография», 1967, № 4.

⁵ Там же, стр. 129.

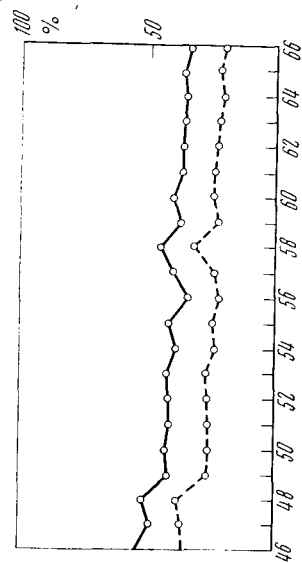

Рис. 1. Браки русских мужчин с русскими женщинами (здесь и в следующих графиках сплошной линией показаны наблюдаемые данные, прерывистой линией — теоретическая вероятность). По оси абсцисс даны годы, по оси ординат — проценты.

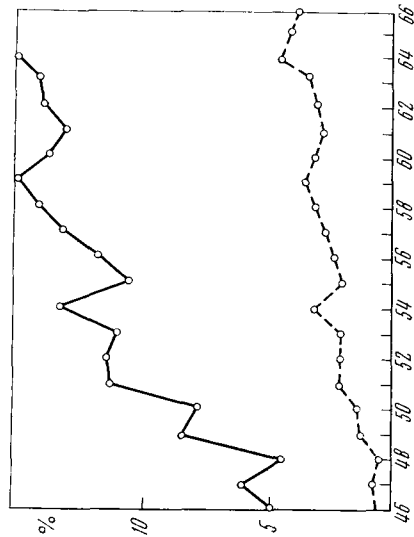

Рис. 2. Браки таджиков с таджичками

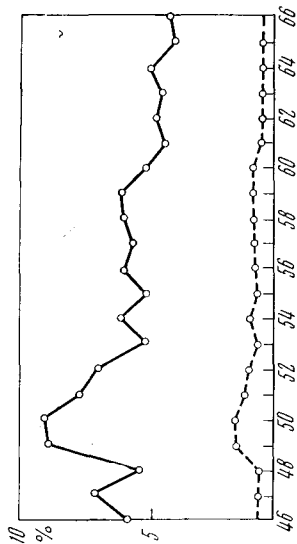

Рис. 3. Браки узбеков с узбечками

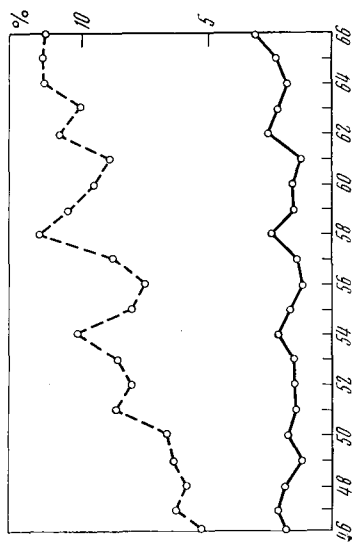

Рис. 4. Браки таджиков с русскими женщинами

Рис. 5. Браки русских с таджиками

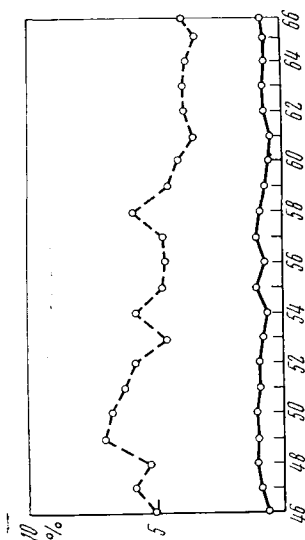

Рис. 6. Браки узбеков с русскими

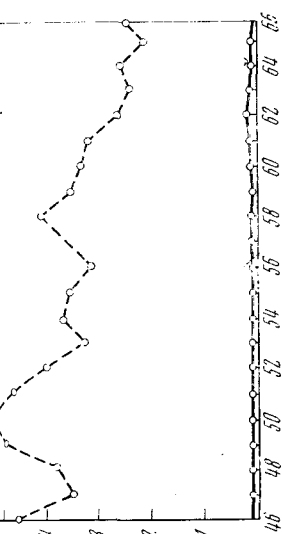

Рис. 7. Браки русских с узбечками

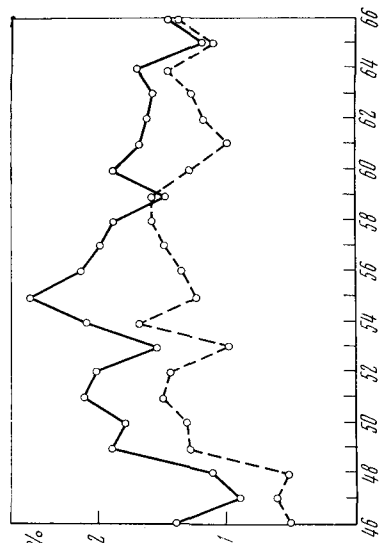

Рис. 8. Браки узбеков с таджиками

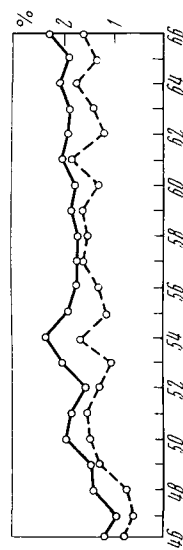

Рис. 9. Браки таджиков с узбечками

особенно в столице, возможности межнациональных контактов, в том числе и в брачных отношениях, больше, чем в других местах республики. Наши материалы подтверждают положение Ю. В. Бромлея о том, что «...непременным свойством этнических общностей в устойчивом, т. е. типичном для них состоянии, является эндогамия в широком смысле слова, т. е. понимаемая как преимущественное заключение браков внутри своей общности»⁶.

При рассмотрении смешанных таджикско-узбекских и узбеко-таджикских браков (рис. 8 и 9) заметно почти полное совпадение наблюдаемой частоты браков с их теоретической вероятностью: различие не составляет нигде более 1% за все 20 лет.

Сопоставление наблюдаемой частоты национально-смешанных браков таджиков и узбеков с русскими и их теоретическими вероятностями (рис. 4—7) показывает значительное преобладание теоретических вероятностей над наблюдаемыми частотами. Этот факт свидетельствует о том, что национальная принадлежность в этих вариантах смешанных браков оказывает существенное влияние на выбор супруга.

По приведенным графикам можно, как мы уже видели выше, судить о степени эндогамности того или иного этноса, представленного в Душанбе. Однако для того, чтобы сравнивать степень эндогамности различных этносов, нужен специальный показатель. В уже упоминавшейся работе Ю. И. Першица введен ряд показателей, характеризующих структуру национально-смешанных браков. Так, коэффициент $\lambda_{jk} = \left(\frac{P_{jj}}{P_{jj}^*} \right) : \left(\frac{P_{jk}}{P_{jk}^*} \right)$

показывает, во сколько раз чаще мужчины национальности j вступают в однонациональные браки, чем в браки с женщинами национальности k , при одинаковой доле тех и других в общем числе для каждого года. Аналогично находится такой же показатель и для женщин. Представляется, что по этому показателю еще нельзя судить о степени эндогамности этноса.

Для сравнения степени эндогамности различных этносов, на наш взгляд, наиболее удобным является показатель предпочтительного заключения однонациональных браков по сравнению со смешанными, без подразделения последних по национальностям. Этот показатель q_j определяется Ю. И. Першицем как $q_j = \lambda_{jk}$ при всех $j \neq k$ и для q_j получено следующее выражение:

$$q_j = \frac{n_{jj} (n - f_j)}{f_j (m_j - n_{jj})}.$$

Аналогично получен показатель для женщин —

$$q'_j = \frac{n_{jj} (n - m_j)}{m_j (f_j - n_{jj})},$$

где n — общее число рассматриваемых браков; n_{jj} — число однонациональных браков национальности j ; m_j — число вступивших в брак мужчин национальности j ; f_j — число вступивших в брак женщин национальности j .

В табл. 2 даны значения q_1 , q_1' и q_2 , q_2' для 1946, 1956 и 1966 гг.

Рассмотрение табл. 2 показывает, что таджики-мужчины охотнее вступают в смешанные в национальном отношении браки, чем узбеки. А для женщин наблюдается обратная картина: узбечки охотнее выходят замуж за представителей других национальностей, чем таджики.

⁶ Ю. В. Бромлей, Этнос и эндогамия, «Сов. этнография», 1969, № 6, стр. 84.

Данные, представленные в табл. 2, говорят также о значительном преобладании однонациональных браков над национально-смешанными в совокупности.

Интересно сопоставить численность вступивших в брак мужчин и женщин какой-либо фиксированной национальности с людьми иных национальностей.

Таблица 2

Показатель предпочтительного заключения однонациональных браков по сравнению с национально-смешанными браками
(без подразделения последних по национальностям)

Показатель	Год		
	1946	1956	1966
q_1	17,5	16,6	9,6
q_1'	37	25,4	22,8
q_2	21,7	16,2	16,3
q_2'	22,4	25,5	19,2

Таблица 3

Показатель, характеризующий, во сколько раз чаще мужчины фиксированной национальности вступают в национально-смешанные браки, чем женщины той же национальности

Показатель	Год		
	1946	1956	1966
η_1	2,1	1,6	2,4
η_2	1,03	1,57	1,18

Так, нам представляется полезным ввести показатель, позволяющий сравнить частоту вступления в брак мужчин национальности j и женщин той же национальности j с представителями других национальностей. Пусть

$$\eta_j = \frac{q_j'}{q_j} = \frac{f_j (n - m_j) (m_j - n_{jj})}{m_j (n - f_j) (f_j - n_{jj})}.$$

В табл. 3 приводятся значения η_j для 1946, 1956 и 1966 гг.

Приведенные значения показывают, что таджики в два раза охотнее женятся на женщинах других национальностей, чем таджички выходят замуж за мужчин других национальностей.

У узбеков же это различие не столь существенно.

Правда, при этом надо помнить о значительном преобладании однонациональных браков у этих народов.

Из приведенных выше материалов видно, что на протяжении рассмотренного двадцатилетнего периода процент смешанных в национальном отношении браков составляет существенную величину. Сам процент национально-смешанных браков еще не определяет степень устойчивости эндогамности определенного этноса. Судить об этом можно только по результатам сравнения истинной доли национально-смешанных браков с их теоретической вероятностью.

Наши материалы показали сильную устойчивость эндогамности таджиков и узбеков.

В работе Ю. В. Бромлея отмечается, что в качестве факторов, образующих границы эндогамии этноса, «могут выступать как природные, так и общественные явления»⁷. В городе в качестве таких факторов выступают только общественные, причем язык не является препятствием, так как население городов с союзных республиках, как правило, дву- и многоязычно. Основными из общественных факторов, оказывающих влияние на эндогамность этноса, являются, по-видимому, элементы на-

⁷ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 87.

циональной традиционной культуры и быта, особенно религиозные пережитки в быту. Это положение подтверждается тем, что таджики и узбеки, на семейные отношения которых оказал значительное влияние ислам, имеющие много общего в традиционной национальной культуре и быту, вступают в смешанные браки между собой чаще, чем в смешанные браки с русскими.

Устойчивость таджикского этноса подтверждают и данные о выборе национальности подростками в национально-смешанных семьях. Например, по материалам Л. Ф. Моногаровой⁸, в семьях, где отец таджик, а мать русская, национальность отца (таджика) принимает более 82% подростков, а в тех случаях, где отец таджик, а мать узбечка, национальность отца (таджика) принимает более 74%.

Это обстоятельство, в свою очередь, свидетельствует об определенной устойчивости этноса у таджиков, узбеков и русских, проживающих в Душанбе, несмотря на проявляющиеся здесь различные межнациональные контакты, в том числе и в брачных отношениях.

⁸ Л. Ф. Моногарова, Статистические материалы, собранные в Отделении милиции Центрального района г. Душанбе (обследованы формы № 1, заполненные получающими паспорта, на основе 40% выборки). Рукопись, Архив Ин-та этнографии АН СССР.

Н. А. Миненко

РУССКАЯ СЕМЬЯ НА ОБСКОМ СЕВЕРЕ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В центре внимания советских исследователей истории русского населения Сибири XVII — первой половины XIX в. неизбежно оказывается семья — первичная производственная, потребительская и культурно-бытовая ячейка феодального общества.

Типическим чертам русской старожильческой семьи Енисейского края и земледельческих районов Западной Сибири периода феодализма посвящены работы В. А. Александрова и З. Я. Бояршиновой¹. Материалы, полученные нами при изучении семьи Обского Севера XVIII — первой половины XIX в.², позволяют дополнить уже имеющиеся по данной теме труды и могут быть использованы при характеристике колонизационных процессов на территории северо-западной Сибири в позднефеодальный период.

Основной вид источников, использованных в данной статье — ревизские «сказки»³ — содержат сведения о соотношении семейных и одиноких жителей, о численности и структуре семей (в том числе об их половозрастном составе). В документах можно найти данные о происхождении супругов, о брачном возрасте у северян и продолжительности их жизни, об уровне рождаемости в крае и пр. В ревизские «сказки» включены материалы о податном населении, священнослужителях и отставных, но, к сожалению, нет данных о служилых людях, сохранявших ведущую роль среди различных сословий края. К тому же наиболее ранние сведения «сказок» относятся к 60-м годам XVIII в. Поэтому для характеристики начала периода пользовались именными книгами служилых людей Березова и Сургута⁴. Эти книги, однако, дают представление лишь о мужском составе населения, т. е. о числе (а по Сургуту и о возрасте) лиц мужского пола в семьях, в связи с чем семейное положение казака для нас бывает не всегда достаточно ясным. Правда, холостые и семейные служилые различались жалованными окладами, и именные книги отражают это. Однако на «холостых» окладах часто состояли и казаки, обремененные немалыми семействами⁵. Из-за недостаточного

¹ В. А. Александров, Черты семейного строя у русского населения Енисейского края, «Сибирский этнографический сборник», т. III, М.—Л., 1961; его же, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., М., 1964; З. Я. Бояршинова, Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода, сб. «Вопросы истории Сибири», вып. 3, Томск, 1967.

² Исследования проводились на территории бывших Березовского и Сургутского уездов начала XVIII в.

³ Хранятся в Государственном архиве Тюменской области в Тобольске (далее — ГАТОТ) в фонде Тобольской казенной палаты (ф. 154).

⁴ Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 214, кн. 1297, л. 10—29; кн. 1302, л. 47 об.—66.

⁵ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1297, л. 22—26.

количества данных в анализ семейного строя северян начала XVIII в. вносится немалая доля условности.

Кроме указанных источников, мы изучали следственные дела из фонда Тобольской духовной консистории⁶ за разные годы, содержащие богатые сведения о нормах семейного быта русских.

К началу XVIII в. процесс сложения постоянного русского населения на Обском Севере (районы Березова и Сургута) в основном завершился⁷. Большинство служилых, составлявших на первых порах почти все постоянное население северных городов⁸, к этому времени уже обзавелись семьями. По данным 1701 г., из 472 служилых лишь 192 не имели сыновей или родственников мужского пола⁹, к тому же среди этой группы, очевидно, было значительное число женатых, но бездетных. Немалое число служилых из числа указанных состояли в «женатом» окладе¹⁰. Если семейный казак получал часто жалованье холостяка, то одиночка никак не мог рассчитывать на оклад семейного. В 1701 г., например, взят был в казаки на место умершего Василия Нестерова, состоявшего в «женатом окладе», сургутский «казачий сын Иван Петров сын Новосильцов» но с «холостым окладом, потому что он, Иван, холост». В том же году вступил в казацкую службу бессемейный сургутянин Михайло Вергунов — тоже с окладом холостяка¹¹.

В XVIII в. на Обском Севере господствовала семья из двух поколений; семьи, включавшие дедов, отцов и внуков, встречались очень редко.

Объяснение этому обстоятельству надо искать в семейных разделах, в сравнительно позднем появлении детей и в том, наконец, что нами не учитываются лица женского пола. По данным ревизских «сказок» за 1763—1782 гг., первый ребенок у мужчин Березова появлялся в среднем в 29 лет (у мужчин Сургута в 28), а продолжительность жизни их была 56 лет¹². Внуки, таким образом, не заставляли своих дедов в живых. К тому же нередко первым ребенком в семьях была девочка.

Ранняя смерть кормильца часто влекла за собой вымирание всей семьи. В 1772 г. умер березовский крестьянин Михайло Кочкин; сын его Федор (в год смерти отца ему было 19 лет) пережил отца на 4 года, а в 1779 г. скончалась и жена Михайлы Анна¹⁴. Трудно жилось семьям, где мужская половина состояла из отцов-стариков и малолетних детей. В 1800 г. сургутский служилый Иван Перфильев писал в рапорте: «...получаю ныне денежное и хлебное жалованье казачье, да я же имею четырех малолетних детей, в старости лет моих содержать не могу...»¹⁵. В некоторые годы такая ситуация бывала распространена довольно широко. В 1806 г. березовские крестьяне возбудили ходатайство перед властями об освобождении их от поставки рекрутов, так как, «кроме престарелых, увечных и малолетних», в обществе их, по сути дела, никого не было. Из 59 душ государственных крестьян (в том числе записавшихся в мещане, но продолжавших до новой ревизии платить и по крестьян

⁶ ГАТот, ф. 156.

⁷ Фамильные гнезда служилых людей Березова и Сургута, отмеченные для 1701 (ЦГАДА, ф. 214, кн. 1297, л. 10—29; кн. 1302, л. 47 об.—66), явились основным источником формирования главных сословных групп русских жителей этих городов в последующие годы (см. данные ревизских «сказок»; ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 1—88 об.; д. 44, л. 2—38 об.; д. 290, л. 897—914 об. и др.). Общность происхождения, однородность хозяйственных занятий, высокая степень контактов между представителями разных сословных групп делают возможным сопоставление данных по семейному строю северных служилых, крестьян, купцов, мещан и т. д.

⁸ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1370, л. 487, 511 об.—512.

⁹ Там же, кн. 1297, л. 10—29, кн. 1302, л. 48 об.—66.

¹⁰ Там же, кн. 1297, л. 10—29, кн. 1302, л. 48 об.—66.

¹¹ Там же, кн. 1297, л. 17 об.—18.

¹² Там же, кн. 1302, л. 48—66; кн. 1297, л. 10—29; ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 2—3 об., 11—73 об.; д. 44, л. 2—38 об.; д. 346, л. 1114—1135 об.

¹³ ГАТот, д. 42, л. 11—73 об.; там же, д. 44, л. 2—38 об.

¹⁴ Там же, д. 42, л. 27—28.

¹⁵ Там же, ф. 329, оп. 541, л. 34, л. 288—288 об.

скому окладу), живущих в Березове, лишь шесть признавались годными по летам и состоянию здоровья к военной службе¹⁶.

Размеры русских семей на Обском Севере в начале рассматриваемого периода были невелики.

Сопоставляя количественные показатели за 1701 г. с показателями последующих десятилетий, приходим к выводу об увеличении числа мужчин в семьях. Так, в 1782 г. в «крестьянском обществе» Березова 12 семей имели по 2 человека, 10 — по 3, 2 — по 4, 3 — по 5 и одна семья состояла из 6 человек мужского пола. Если в начале XVIII в. семей, включавших 4 и более лиц мужского пола, было примерно 19%, то в конце столетия их насчитывалось 21%.

Таблица 1*

Число мужчин в семьях в 1701 г.

Лица мужского пола (взрослые и дети) в семье	Количество семей		Лица мужского пола (взрослые и дети) в семье	Количество семей	
	Березов	Сургут		Березов	Сургут
2	71	54	5	5	7
3	41	39	6	3	3
4	19	24	7	—	1

* Составлена по данным: ЦГАДА, ф. 214, кн. 1297, лл. 10—29; кн. 1302, лл. 48—66. Мужчины-одиночки и семьи, включавшие по 1 лицу мужского пола, здесь и далее не учитываются.

В Сургуте в 1782 г. было 22 семьи государственных крестьян с 2 душами, 14 — с 3, 13 — с 4, 7 — с 5, 2 — с 6 и 1 — с 9¹⁷. Семей с 4 и более лицами мужского пола насчитывалось 39%, в то время как в 1702 г. их было примерно 27%.

К 1834 г. в Березове число крестьянских семей с 4 и более лицами мужского пола увеличилось до 45,5%; в Сургуте — до 60%¹⁸.

Женское население в семьях увеличивалось аналогично мужскому¹⁹.

К 30—50-м годам XIX в. на Обском Севере начали образовываться большие семейные коллективы. Семья в 6—12 человек — обычное явление в крестьянском обществе этого времени²⁰. Примером может служить семья Петра Канкарова из Березова (1834 г.), состоявшая из его жены, трех детей, матери, братьев (женатого и малолетнего), племянника, сестры и племянницы. Сургутский крестьянин Афанасий Кузнецов (1834 г.) возглавлял семью в 17 человек мужского и женского пола²¹.

Таковыми же многочисленными были и семьи сургутских мещан, члены которых были выходцами в основном из того же крестьянского сословия. Семью в 15 человек имел сургутский мещанин Иван Вергунов, в 16 человек — потомок сургутских служилых Андрей Кушников. В 12 из 56 семей Березова было более шести человек²².

Если в 1702 г. в Сургуте на семью в среднем приходилось 2, 3 лица мужского пола, то в 1782 г. — 2,7; в 1834 г. — 2,8, а в 1850 г. — около 3,2. Для Березова соответствующие данные — 1,8; 1,6; 2,3; 2,8²³.

¹⁶ ГАТот, ф. 329, оп. 541, д. 257, л. 1—15.

¹⁷ Там же, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 11—48 об.; д. 44, л. 2—38 об.

¹⁸ Там же, д. 532, л. 217 об.—232; 87 об.—91.

¹⁹ Там же, д. 42, л. 11—48 об., д. 44, л. 2—38 об.

²⁰ Там же, л. 87 об.—91, 217 об.—232.

²¹ Там же, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 221 об.—222, 227 об.—228.

²² Там же, л. 207 об.—214, 317 об.—326.

²³ Вычислено по данным: ЦГАДА, ф. 214, кн. 1297, л. 10—29; кн. 1302, л. 48—66; ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 1—88 об.; д. 44, л. 2—38 об.; д. 532, л. 87 об.—91, 207 об.—214, 217 об.—232, 317 об.—326; д. 753, л. 75, об. 201.

Таким образом, еще в середине XVIII в. русская семья на Обском Севере значительно уступала по размерам (1,5—2 человека) крестьянским семьям земледельческих районов Западной Сибири (4 человека)²⁴.

К 20—30-м годам XIX в. для Березова разница эта стала незначительной; сургутская семья сравнилась в размерах с крестьянской семьей юго-западной Сибири²⁵. Причина этого—противоположные тенденции в развитии семей: если на севере в течение всего периода шел некоторый рост числа членов семьи, в основном за счет увеличения числа неразделенных семей²⁶, то в земледельческих районах размеры семей уменьшались²⁷.

Данные о структуре семей на Обском Севере (табл. 2, 3) не позволяют сделать четкого вывода о соотношении малых и неразделенных семей, однако видно, что последних было немного. Судя по данным 1782 г., число неразделенных семей в крестьянском обществе Сургута достигало примерно 28%; Березова—16%²⁸. К 1834 г. доля неразделенных семей в Березове составила уже примерно 38%²⁹. Выросло их число и у сургутских крестьян³⁰.

Если на Обском Севере в XVIII—первой половине XIX в. количество неразделенных семей медленно увеличивалось, то в южных районах Западной Сибири с 20-х годов XVIII столетия, по мере закономерной сегментации разросшихся семей, крупная семейная ячейка делилась на малые семьи. Поэтому здесь с 20-х годов XVIII в. вплоть до начала XIX в. количество неразделенных семей непрерывно уменьшается³¹.

Специфика северного хозяйства, ориентированного на промыслы и торговлю, как показал В. А. Александров, освобождала от необходимости создавать большие неразделенные семьи³². Данные по Обскому Северу, относящиеся к началу XVIII в., совпадают со сведениями В. А. Александрова по Мангазейскому уезду того же периода. Хозяйство русских поселенцев Березова, Сургута и Мангазеи мало чем различались, и это совпадение вполне обусловлено. Но если с укреплением крестьянского земледельческого хозяйства ведение его, по мнению З. Я. Бояршиновой³³, становилось под силу малым семьям, то расширяющиеся торгово-промысловое хозяйство русских на Обском Севере, сочетавшееся уже с оленеводством и другими подсобными занятиями, со временем требовало все большего количества рабочих рук. Это вызывалось, в частности, тем, что пушной зверь там выбивался, удельный вес рыболовства в хозяйствах горожан возрастал, усложнялись формы ведения промыслов, расширялись хозяйственные функции каждого двора. В первой половине XVIII в. при нехватке рабочих рук в хозяйствах березовцев и сургутцев применялся труд дворовых. В 1742 г., например, в Березове насчитывалось 50 ревизских душ дворовых³⁴, а в 1782 г. их зарегистрировано лишь 35³⁵.

²⁴ Данные по земледельческим районам см.: З. Я. Бояршинова, Указ. раб., стр. 17. Данные по Северу см.: ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 1—88 об.; д. 44, л. 2—38 об.

²⁵ Данные по земледельческим районам см.: З. Я. Бояршинова, Указ. раб., стр. 18.

²⁶ Под неразделенными семьями нами понимаются семьи, состоявшие из родителей и женатых детей, из двух и более женатых или взрослых холостых братьев, из двух и более других женатых или взрослых холостых родственников мужского пола.

²⁷ З. Я. Бояршинова, Указ. раб.

²⁸ Вычислено приближенно по данным: ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 11/48 об.; д. 44, л. 2—38 об.

²⁹ Там же, д. 532, л. 87 об.—91.

³⁰ Там же, л. 217, об.—229. Здесь и выше процентные данные вычислены нами на основе приведенных в ревизских «сказках» сведений.

³¹ З. Я. Бояршинова, Указ. раб., стр. 19.

³² В. А. Александров, Русское население Сибири XVII—нач. XVIII в., М., 1964, стр. 139.

³³ З. Я. Бояршинова, Указ. раб., стр. 19.

³⁴ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 7, д. 5117, л. 56 об.

³⁵ ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 1—78 об.

Структура русских семей на Обском Севере в 1701 г.*

Состав семьи	Березов		Сургут	
	количество семей	%	количество семей	%
Мужчины-одиночки и супружеские пары без детей и родственников мужского пола	143	50,2	59	31,6
Супружеские пары с детьми мужского пола (в том числе приемными)	100	35	85	45,4
Два и более женатых или холостых брата	29	10,2	25	13,4
Супружеские пары с детьми мужского пола и племянниками мужа	2	0,7	7	3,7
Супружеские пары без детей мужского пола, но с племянниками мужа, в том числе и малолетними; семьи из взрослого холостого дяди и племянников, в том числе и женатых, имевших детей мужского пола	6	2,1	7	3,7
Супружеские пары с детьми мужского пола, братьями и племянниками мужа, в том числе и малолетними	2	0,7	4	2,2
Деды, женатые сыновья, внуки	3	1,1	—	—

* ЦГАДА, ф. 214, кн. 1237, л. 19—29; кн. 1332, л. 47 об. — 63. Процентные данные вычислены приближенно. Характер исходного материала не позволяет в данном случае дать детальную структуру русских семей Березова и Сургута, в частности рассматривать отдельно мужчин-одиночек и супружеские пары без детей и родственников мужского пола, семьи из женатых и взрослых холостых братьев и семьи из взрослых и малолетних братьев и т. д.

Таблица 3

Структура семей государственных крестьян на Обском Севере в 1782 г.

Состав семьи	Число семей	
	Березов	Сургут
Холостяки и вдовцы без детей мужского пола	12	8
Вдова без детей мужского пола	7	—
Вдова с малолетними детьми мужского пола	2	2
Вдовец с малолетними детьми мужского пола	—	2
Супружеская пара без детей мужского пола	14	5
Супружеская пара с малолетними детьми мужского пола	10	27
Супружеская пара с малолетними и взрослыми холостыми детьми мужского пола	8	4
Взрослый брат с малолетними братьями	—	1
Супружеская пара с женатыми сыновьями	2	—
Отец, женатые сыновья, внуки	—	5
Взрослые холостые братья	1	3
Женатые и взрослые холостые братья	7	10
Женатый дядя со взрослыми холостыми или женатыми племянниками	—	3
Женатый или взрослый холостой дядя с малолетними племянниками	—	2
Итого	63	72

В целом по Сибири крепостных было мало, и русские северяне стремились превратить в дворовых незаконнорожденных детей. В редких случаях незаконнорожденные занимали место родных детей. Бездетный казачий атаман Илья Сверчков, например, воспитал приемного сына Ефима, ставшего впоследствии березовским купцом³⁶.

³⁶ ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 1—78 об.; ф. 156, д. 1789 г., № 155, л. 50.

С течением времени число местных жителей, живших в услужении русских поселенцев Березова и Сургута увеличивалось. Источник 1811 сообщает, что «подгородние» ханты «большой частью находятся в горде Березове у разных людей в работах»³⁷. В 60-х годах XIX в. коренные жители, находившихся в «работах» у березовцев, было 99 человек мужского и 44 женского пола³⁸.

Увеличение средних размеров русской семьи на Обском Севере к середине XIX в. было связано и с процессом адаптации поселенцев. Сокращалось число лиц, не имевших наследников. В 1701 г. в Березове 61,4⁰ крестьян не имели детей мужского пола, в 1782 г. процент таких лиц снизился до 60,3, а к 1834 г.—до 33,3³⁹. Если между третьей (1763 г.) четвертой (1782 г.) ревизиями в Березове никакого естественного прироста не было, то между восьмой (1816 г.) и девятой (1834 г.) число родившихся в 5 раз превысило число умерших⁴⁰. Повысилась сопротивляемость эпидемическим и прочим заболеваниям, хотя в первой половине XIX в. среди березовцев по-прежнему время от времени «умножается цынга, от которой успешно лечатся особого рода травой, в изобилии растущей в округе. Редкие люди бывали «одержимы» «грыжею», сердечными заболеваниями, «чахоткою»⁴¹.

Наблюдатели подчеркивали физическую крепость русских северян. Штаб-лекарь Шавров, в 1816 г. побывавший на Обском Севере, отмечал, что местные крестьянки «здорового телосложения, выше среднего роста, лицом красивые, живого, веселого характера»⁴². В середине XIX Н. Абрамов писал о березовцах: «Здесь русские жители больше частью роста высокого, телосложения крепкого, чему очень много способствует холод... Есть старики, которые в 65 и 70 лет бывают мужья в полном значении этого слова; рожденные от них дети здоровы...»⁴³

Вступление в брак отмечалось северянами как большое событие жизни. Мужчины женились обычно старше 20 лет. Невеста, как правило, была немногим моложе будущего супруга, хотя встречались и различные отклонения от этого правила⁴⁴.

Сословные перегородки не препятствовали созданию новой семьи. Среди жен березовских государственных крестьян 1782 г. были дочери крестьян, служилых, духовных лиц, мещан, разночинцев и т. д. Тем не менее социальная принадлежность имела существенное значение при выборе невесты, и каждая социальная группа цементировалась внутренними брачными связями⁴⁵.

Желавший вступить в брак должен был заблаговременно известить об этом приходского священника, который во время литургии торжественно объявлял о предстоящем браке, а тем временем «на стороне через достоверных и непорочных людей» разведывал, не состоит ли жених в родстве с невестой. Если родства и других препятствовавших браку обстоятельств не обнаруживалось, начиналось официальное сватовство, венчание и свадьба — все «по российскому обычаю»: со свахами с же-

³⁷ ГАТОН, ф. 329, оп. 541, д. 497, л. 12.

³⁸ Н. Перовский, Березов, «Тобольские губ. ведомости», 1866, № 35, стр. 249.

³⁹ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1302, л. 46—66; ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 11—48 об.; д. 532, л. 87 об.—91.

⁴⁰ Вычислено по данным: ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 11—48 об.; д. 532, л. 87 об.—91.

⁴¹ ГАТОН, ф. 329, оп. 541, д. 465, л. 11—16; д. 257, л. 12 об.—23; ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 41, л. 12 об.—13; д. 45, л. 17 об.—19 об.; Ф. Белявский, Поездка к Ледовитому морю, М., 1833, стр. 128—139. Последнее замечание относится и к прочим русским жителям края.

⁴² В. Н. Шавров, Краткие записки о жителях Березовского уезда, М., 1871, стр. 2.

⁴³ Н. Абрамов, Описание Березовского края, Записки РГО, кн. XII, СПб., 1857, стр. 444.

⁴⁴ Вычислено по данным: ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 42, 44, 274, 275.

⁴⁵ См. ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 1—88 об.; д. 275, л. 1—14 об., д. 274, л. 11—83.

ниховой и невестиной стороны, друзьями и пр.⁴⁶ Живший в конце XIX в. в Обдорске (Березовский уезд) В. Бартенев писал, что свадьбы в этих местах чаще всего бывают осенью: «Я часто с удовольствием бывал на них. Обдорская свадьба сохранила много черт старинного народного быта... Свадьба продолжается обыкновенно четыре дня: в первый день девишник, во второй — «баня», в третий — венчанье и свадебный вечер, в четвертый «пированье». Все эти дни, на каждый случай поются особые песни, носящие яркий отпечаток далекой старины... Сами обдоряне говорят: «Так наши отцы пели, мы те же песни поем, прежде, однако, гораздо больше было песен, теперь забываются некоторые»⁴⁷. Необходимо отметить, что отцы упоминаемых обдорян были в основном переселенцами из Березова, оставшими березовскими казаками⁴⁸. «Песни эти, — продолжает Бартенев, — поются девушками — подругами невесты. На меня всегда производили сильное впечатление старинные напевы, которые особенно хороши в хоре. Раньше приходилось встречать подобные вещи разве только в сборниках..., а тут слышишь и видишь все это... и дивишься, как мог сохраниться этот осколок русской старины среди остяцкой тундры»⁴⁹.

Задолго до свадьбы отец невесты, а если его не было, то мать, старший брат или другие близкие родственники готовили ей приданое. Обычно оно состояло из одежды и предметов быта. Например, Мария Ускова, дочь достаточно зажиточного служилого, привезла с собой «приданова ее от родителя образ Николая Чудотворца риза сребрена, платья юпка канфова малинова, юпка желта голева, одне перла жемчужныя, две шапки женские, одна юпка каламенчатая, одна юпка китайчета пестра, епанча ала тавтяна, испод лисей, один шушун штофной, косинка шита серебром ветха, шуба голева с выпушкой бельей, испод черной пыжевой, шуба китайчета черна испод норнишной, с епанчи верх голевой лазоревой, одна подушка большая пуховая, четыре подушки малые пуховые, один сундук большой окованный железом»⁵⁰.

Если молодая семья решала жить «своим домом», родные мужа выделяли ей положенную часть «имения»: одежды, посуды, скота, орудий труда, дворовых и т. д. Березовец Илья Сверчков «по разделу с братьями» в числе прочего получил «...образов святых Рождества пресвятые Богородицы... Илии Пророка... посуды один стакан, одна рюмка, две чарки малы и одна болша сребрены, 6 тарелок оловяных, одна чугунка, платья одна юпка желта голевая, один шушун устриновой, зеленой, одна лента с ряской жемчужной, две шапки женски, два плата шелковы, третей бумажный, два перевеса и два гуся постельны ношены»⁵¹.

Если молодые не создавали самостоятельной семьи, они селились в доме родителей мужа. Ревизскими «сказками» не зафиксировано ни одного случая, когда бы супруг переходил жить в семью жены⁵².

Главой семьи, как правило, был мужчина — старший по возрасту. Однако встречались и исключения. Семью мог возглавить младший в семье, но женатый брат⁵³. Иногда даже при наличии взрослых сыновей во главе семьи стояли женщины⁵⁴. Глава дома заботился об обеспечении семьи средствами к существованию и в больших семьях распределял между членами семьи работу.

⁴⁶ ГАТот, ф. 156, д. 1777 г., № 106, л. 21, 72, 76; д. 1780 г., № 114, л. 1.

⁴⁷ В. Бартенев, На крайнем Северо-Западе Сибири, Спб., 1896, стр. 120—121.

⁴⁸ Там же, стр. 25.

⁴⁹ Там же, стр. 123.

⁵⁰ ЦГАДА, д. 1789 г., № 155, л. 48 об.

⁵¹ Там же, л. 48—48 об.

⁵² Там же, ф. 154, оп. 8, д. 42, 44, 273, 274, 277, 346, 290, 532, 753.

⁵³ Там же, д. 277, л. 33 об.

⁵⁴ Там же, д. 42, л. 33 об.

Мужчины ловили рыбу, охотились, разводили оленей, торговали с аборигенами и приезжими купцами, выполняли сезонные работы на купеческих судах и т. д.

Женщины занимались переработкой продуктов охоты и рыболовства, выполняли различные работы по дому и огороду и т. д. Значительно расширялась сфера деятельности женщин, если мужчины уходили на промыслы. «Летом, — пишет Н. Абрамов, — когда мужья заняты рыбной ловлей, они (крестьянки. — Н. М.) сами отправляют подводы: в лодку проезжающих чиновников они для гребли садятся по несколько человек и веселыми своими песнями сокращают скучную дорогу проезжего...»⁵⁵ Нередко женщины шли в чужой дом для «исправления» различного «домашнего дела», занимались мелкой торговлей и сельскохозяйственными работами⁵⁶.

Глава семьи был собственником и распорядителем семейного имущества — «имения». Однако из-за того, что мужчин часто не было дома, операциями по продаже, обмену и закладу имущества должны были заниматься женщины⁵⁷. Все это расширяло права женщин, что должно было усиливать чувство уважения к ним не только в семье, но и в обществе; с другой стороны, такие отлучки пагубно сказывались на семейном быте. Расстраивалось зачастую не только «домообзаводство» семьи, но под влиянием сплетен и клеветы нарушались иногда нормальные отношения между супругами⁵⁸. Все же надо отметить, что разрушались семьи на Севере очень редко. Как правило, женщины оберегали честь свою и своих супругов. К тому же березовцы и сургутцы предпочитали усыновить рожденных вне брака детей, а не разрушать семью, тем более что семьи испытывали постоянный недостаток в рабочих руках⁵⁹.

Опасение, что без хозяина или хозяйки «домообзаводство» запустеет и разорится, было, конечно, главной причиной снисходительного отношения к моральным проступкам супругов. Возможно, какое-то влияние имели в данном случае нормы семейного быта местного населения.

Влияние местного населения на семейный быт русских тем более вероятно, что, как уже отмечалось, здесь имели место смешанные браки. Березовский крестьянин Егор Осипов-Лаподников взял в жены дочь ясажного остяка Манара Апкулева; его земляк — крестьянин Игнатей Кашпырев — был женат на дочери ханта Федора Нетина. Жен-хантыкы имели и другие березовские крестьяне⁶⁰. Естественно, что браки с ясашными были распространены лишь среди крестьянства — самого низшего (не считая дворовых) слоя в сословной структуре населения Березова и Сургута. Некоторые русские из других сословий под видом рабочих держали в своих домах неофициальных жен-«кинородок»⁶¹.

Под влиянием семейных норм коренных жителей, а также из-за отсутствия достаточного количества священнослужителей многие русские создавали семьи до благословения церкви, в связи с чем относительно высок был процент «незаконнорожденных» детей⁶².

В целом анализ некоторых аспектов истории русской семьи на Обском Севере в XVIII — первой половине XIX в. позволяет сделать следующие выводы.

На протяжении рассматриваемого периода число членов в семьях увеличивается, растет и число неразделенных семейных коллективов.

⁵⁵ Н. Абрамов, Указ. раб., стр. 361.

⁵⁶ ГАТот, ф. 156, д. 1789 г., № 155, л. 47, 50 об.; д. 1807 г., л. 107.

⁵⁷ Там же, ф. 156, д. 1789 г., № 155, л. 49; там же, д. 1803 г., № 63, л. 7—8.

⁵⁸ Там же, ф. 156, д. 1789 г., № 155, л. 1—79; д. 1772 г., № 67, л. 1—1 об.

⁵⁹ Там же, д. 1775 г., № 104, л. 1 об., 7—7 об.; там же, л. 1 об.

⁶⁰ Там же, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 28 об., 38, 40 об.; д. 44, л. 11 об.

⁶¹ Там же, ф. 156, д. 1779 г., № 114, л. 6.

⁶² Там же, ф. 154, оп. 8, д. 42, лл. 1—88 об.; ф. 156, д. 1777 г., № 106, л. 48.

Причины этого процесса заключались в особенностях развития хозяйства березовцев и сургутцев, в постепенной адаптации русских поселенцев к специфическим условиям Севера. Однако на протяжении XVIII—первой половины XIX в. господствующее положение на Обском Севере занимала малая семья.

Специфика торгово-промысловых занятий—главного источника жизни русских на Севере—определяла меньшее, чем в земледельческих районах, участие женщин во внешних сферах хозяйственной деятельности семьи. Вместе с тем частые и длительные поездки мужчин по делам службы, промыслов и торговли усиливали хозяйственную самостоятельность женщин, расширяли круг прав и обязанностей. На семейный быт русских влияло и распространение браков с коренными жителями.

Однако при всей несомненной специфике березовская и сургутская семья XVIII—первой половины XIX в. в основном оставалась аналогичной русским семьям других территорий Сибири и Европейской России,

Н. Е. Урушадзе

**ОПЫТ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
БРОНЗОВОГО ПОЯСА
ИЗ МЦХЕТА — САМТАВРО**

С конца минувшего века в кавказоведческой литературе все чаще упоминаются бронзовые пояса, являющиеся типичными для археологического инвентаря погребений эпохи поздней бронзы и раннего железа (XI—VII вв. до н. э.)¹. За последние несколько лет появились специальные работы, всецело посвященные этой интересной теме².

Однако бронзовые пояса и особенно нанесенные на них изображения все еще задают трудную задачу нашей науке.

Опыт убеждает, что приблизиться к решению этой задачи можно лишь комплексным путем, используя данные и методы не только исторического, но и искусствоведческого, и этнографического, и чисто художественного анализа.

Автора данной статьи, как скульптора-анималиста, поначалу заинтересовал именно последний аспект этого вопроса, поскольку основной целью было исследование истоков и особенностей развития древнегрузинской пластики. Материалом для исследования послужили археологические коллекции, сосредоточенные в фондах Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашия (Тбилиси), особенно Самтаврская коллекция, содержащая исключительные по своему научному и историко-художественному значению предметы (период поздней бронзы и раннего железа — XI—VII вв. до н. э.).

Изучаемые бронзовые пояса были очень сильно повреждены, и автор прежде всего должен был реконструировать их первоначальный вид, а это привело к необходимости выработать соответствующую методику. Примененный автором художественно-стилистический анализ оказался весьма продуктивным и перспективным. Использование же наряду с художественным анализом аналогичных материалов, а также данных истории, археологии и этнографии направило все исследование в более широкое русло, сделало актуальным и необходимым поиск и в области семантики поясных изображений.

¹ R. Wirchow. Über die Kulturgeschichtliche Stellung des Caucasus unter, Berlin, 1895; егo же, Das Grabenfeld von Kōban, Berlin, 1883; Er. Chantre, Recherches anthropologiques dans le Caucase, 4 vol., Paris, 1885; J. de Morgan, Mission scientifiques au Caucase études archéologiques et historiques, 2 vol., Paris, 1889; П. С. Уварова, Материалы по археологии Кавказа (далее МАК), вып. VIII, М., 1900; А. А. Ивановский, по Закавказью, МАК, вып. VI, М., 1911; Б. В. Фармаковский, Архаический период на юге России, «Материалы по археологии России», вып. 34, Пг., 1914, стр. 49.

² А. Н. Каландадзе, Чабарухский и Пасанаурский клады, «Тезисы докладов Первой научной сессии Душетского краеведческого музея», Тбилиси, 1965 (на груз. яз.); Т. Техов, Бронзовые пояса Центрального Кавказа, «Изв. Юго-Осетинского научно-исследовательского ин-та АН ГССР», вып. XIII, 1963; Дж. А. Халилов, Бронзовые пояса, обнаруженные в Азербайджане (резюме на русск. яз.), «Материальная культура Азербайджана», Баку, 1962.

Семантический анализ бронзовых поясов, «прочтение» их композиции, открывает реальную перспективу — взглянуть по-новому на культуру и быт создавшего их народа.

Начнем с анализа бронзового пояса из самтаврского погр. № 281. Это погребение было вскрыто в 1947 г. археологической экспедицией, руководимой А. Н. Каландадзе. Здесь были обнаружены кроме пояса восемь глиняных сосудов, железное копье, кинжал, нож и стрела; бронзовые стрелы, пинцет, игла, кольцо, олений рог (обработанный), обломок костяного колчана, точильный камень.

Исследуемый нами бронзовый пояс изготовлен из тонкой, как бы вальцованной пластины. В собранном и реконструированном виде (рис. 1) его длина составляет 1 м 23 см, а ширина — 18 см. Прекрасно сохранился золотистый цвет металла, подернутый местами легкой дымкой благородной патины. Спиральный орнамент делит всю композицию на несколько рядов. Помещенные на концах пояса орнаментированные треугольники составляют ромбовидную фигуру.

Изображения на поясе состоят из двух частей: одна посвящена сценам охоты на туров и оленей, другая представляет собой своеобразное сочетание орнаментально-декоративных элементов, астральных знаков и линейных стилизованных изображений различных животных, среди которых главное место занимают так называемые волки-собаки. Их отличает большая голова, короткая шея, мощное тело, длинные ноги — иначе говоря, все черты, свойственные волкам, но при этом их иконографии присущи некоторые черты, свойственные собакам. Эти волки-собаки четко различаются по размерам, составляя две самостоятельные группы изображений — больших и малых волков-собак. В дальнейшем мы и будем условно называть их большими и малыми.

Аналогичные изображения зафиксированы на многих других поясах Кавказа и Закавказья, а также на ряде поясных пряжек кобанского типа, на колесных и кобанских топориках, на предметах вооружения и домашнего обихода (рис. 2).

Столь устойчивое, почти стереотипное воспроизведение образа волка-собаки находит объяснение в богатом этнографическом материале, убеждающем в том, что культ волка-собаки — тотема — представляет собой на Кавказе, в целом, и в Грузии в особенности, явление древнее³.

Сначала волк, а затем собака часто фигурируют в обрядовых действиях грузинских племен. Им приписываются самые различные свойства, возводящие их до ранга божественных существ, определенным образом вмещающихся в ход жизни грузинских племен.

В своем исследовании, посвященном древнегрузинским религиозным верованиям, видный грузинский этнограф В. Бардавелидзе приводит много интересных фактов, подводящих к истокам подобных представлений⁴. Так, в некоторых уголках Грузии до недавнего времени соблюдали особые дни, называемые «мгелт укме» («волчьи праздники»), когда совершались магические действия, являющиеся пережитком охотничьей магии. Они включали в себя преподнесение волкам обрядовых хлебцов или же широко распространенный обычай бросать клоч шерсти собаки в огонь перед отправлением на охоту⁵. «Мцеварни» — волки или собаки, о которых пишет В. В. Бардавелидзе, вводят нас в мир уже сложившихся религиозных представлений.

«К мцеварни обращались непосредственно или через свое местное божество перед отправлением в далекие путешествия или против вра-

³ Ш. Я. Амиранашвили, История грузинского искусства, 1, М., 1950, стр. 42—43; Е. И. Крупнов, Древняя история культуры Кабарды, М., 1960, стр. 44, 370; В. В. Бардавелидзе, Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен, Тбилиси, 1957, стр. 240—310.

⁴ В. В. Бардавелидзе, Указ. раб., стр. 243.

⁵ Н. С. Джанашия, Религиозные верования абхазов, «Христианский Восток», 1915, IV, стр. 107.

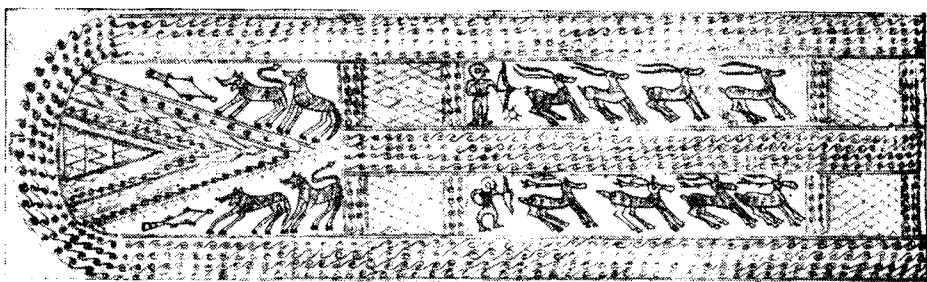

Рис. 1. Бронзовый пояс из погр. № 281

га, а также и в другие опасные для жизни моменты». И далее: «Хевсуры верили, что мцеварни немедленно отзывались на призыв оказывающегося в беде человека, в мгновение ока появлялись около него и незримо для окружающих оказывали ему помощь»⁶.

«Мцеварни неизменно сопутствовали общинным божествам при битвах, разрывая своей пастью и когтями тела противников»⁷.

Все эти и многие аналогичные примеры из мифов и других фольклорных источников⁸ рисуют нам образ волка или собаки, точнее, волка-собаки, как своего рода доброго гения человека, его охранителя. Этот образ сохранился, вероятно, еще со времен приручения волка, в котором впоследствии видели родоначальника собаки, ставшей спутником человека. И нет ничего удивительного в том, что сознание человека, еще не освободившегося от фантастических представлений о движущих силах природы и общества, приписало этому животному сверхъестественные способности, наделив его особыми функциями.

Понятно, что с изменением социального строя и хозяйственного уклада соответственно менялись и представления об этих функциях. Так, с переходом к земледелию собака стала одним из олицетворений идеи плодородия в ее самых различных формах проявления. Нечто подобное имело место, например, у трипольских земледельцев, чья керамика сохранила образ собаки, стерегущей посевы⁹, или же у хеттов, на печатках которых имеются изображения собаки, преподносящей верховному божеству дары природы¹⁰.

Для нас особый интерес представляет несколько иной аспект образа «священной собаки», связанного с земледельческими культами.

В свое время Н. Я. Марр обратил внимание на большую близость в грузинском языке слов «собака (эагI) и «вода (эгал)»¹¹. Отмечая этот интересный факт, И. Мещанинов, со своей стороны, высказал соображение, что изображения волков-собак на колхско-кобанских топориках также свидетельствуют о близости этих понятий¹². П. Уварова трактовала эти изображения как «морские чудовища»¹³. Показателен и пример гехамских каменных рыб (так называемых вишапов), на поверхности которых «проходят волнистые линии воды, а на одном обломке, кро-

⁶ В. В. Бардавелидзе, Указ. раб., стр. 49.

⁷ Там же.

⁸ Например, мифические собаки в сказаниях об Амиране, абхазском Аслане, армянском герое Арая и др.

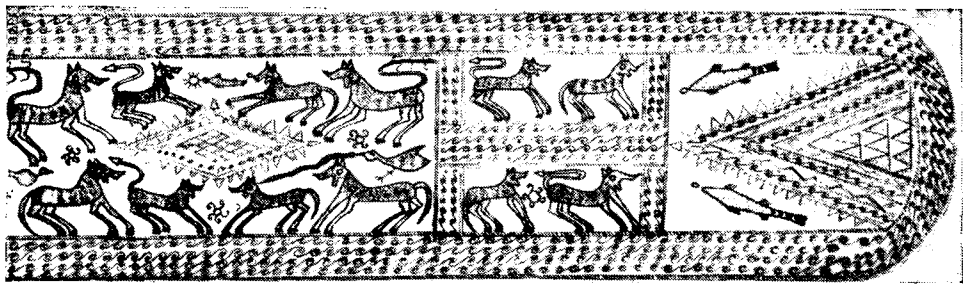
⁹ Б. А. Рыбаков, Религия и миропонимание первых земледельцев Юго-Восточной Европы (IV—III тысячелетия до н. э.), VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов, М., 1966.

¹⁰ «Древний Восток» атлас, сост. И. Л. Снегирев, Л., 1937, стр. 43, табл. XXI.

¹¹ Н. Я. Марр, Кавказ и памятники духовной культуры, «Изд. АН», Спб., 1912, стр. 28.

¹² И. Мещанинов, Змея и собака на вещевых памятниках археологии Кавказа. «Зап. коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН», I, Л., 1925, стр. 251.

¹³ П. С. Уварова, Указ. раб., стр. 18, фиг. 3—4.

в Самтавро. Реконструкция

ме того, имеется изображение волка-собаки»¹⁴. Эти факты имеют прямое отношение к интересующим нас изображениям на поясе, вводящим нас в круг тех же представлений о волке-собаке, т. е. о существе, тесно связанном с водной стихией.

Каков же характер этой связи, в чем и как она выражена?

Если внимательно взглянуть в очертания хвостов волков-собак нашего пояса, прежде всего больших, то они скорее всего напоминают водную артерию, скажем, реку с ее характерной конфигурацией и даже с притоками и рукавами. Вероятнее всего, в данном рисунке следовало бы видеть условное изображение оросительной системы, кстати сказать, широко распространенной в Грузии с древнейших времен¹⁵; с этим же, вероятно, можно связать и штриховку, завершающую рисунок лап волков-собак. Создается впечатление, что художник хотел подчеркнуть особую функцию лап изображаемых им волков-собак — вероятнее всего, увлажнение почвы, по которой они ступают. Другими словами, это обязательные атрибуты именно этих волков-собак, оправдывающие сам факт их включения в общую композицию. Но в качестве кого же? Быть может, они и есть «хозяева вод», на которых так уповали первые земледельцы?

Заметим, что данный пример далеко не единичен. Достаточно познакомиться с приводимой нами сравнительной таблицей изображений волков-собак на различных бронзовых поясах (рис. 3), чтобы убедиться в существовании традиции именно так трактовать образ волка-собаки. Правда, подобная трактовка встречается не на всех вообще поясных композициях, а на их определенной группе. Нет сомнений в том, что в нашем случае мы имеем дело с наиболее архаичной формой, поскольку рисунок здесь еще не утрачивает реального характера изображения, в то время как во всех других случаях уже присутствует сильный элемент стилизации.

Само собой разумеется, предположение, что волки-собаки играют роль «хозяев воды», требует более веских доказательств. Но искать эти доказательства надо прежде всего в образной композиции всего изображения на поясе.

Что же она представляет собой?

Нетрудно заметить, что главным связующим звеном здесь служит ромбовидная фигура, помещенная в самом центре. Слева и справа от этой фигуры расположено по две пары волков-собак, обращенных своими мордами к осевой линии пояса. Верхние пары разделены изображениями солнца и рыбы, а нижние — астрального знака. Между большими волками-собаками левых пар нанесены астральный знак и рисунок птицы, а правых — тот же астральный знак, а также змея и птица.

Показательно, что большие волки-собаки помещены только в этой центральной части композиции. Изображены они по одной и той же схе-

¹⁴ И. Мещанинов, Указ. раб., стр. 154.

¹⁵ М. К. Гегешидзе, Иригация в Грузии, «Сов. этнография», 1965, № 5, стр. 28.

Рис. 2. Изображения волков-собак: *а* — поясная пряжка из Кобани (по Р. Вирхову); *б* — колхский топорик (по Т. Техову); *в* — клад из Уде (по А. Джавахишвили и Т. Чубинашвили); *г* — клад из Уреки (по Д. Коридзе)

ме, но хвосты у них имеют различную конфигурацию. В частности, те из них, которые помещены в верхнем ряду, как раз и наделены хвостами, ассоциирующимися с водной артерией, причем своими концами эти хвосты как бы утопают в полосах орнамента, в котором сразу же можно узнать условное изображение воды. Этих волков-собак мы и имели в виду, когда говорили об изображении «хозяев вод».

У одной половины изображений малых волков-собак на кончике хвоста помещен четко очерченный треугольник. По-видимому, художник подчеркивает особую функцию этих малых волков-собак. В чем же она состоит?

Ответить на этот вопрос нам поможет сравнение с другим поясом из самтаврского некрополя, найденным в погр. № 121 и ранее исследованным автором этой статьи¹⁶ (рис. 4). Правда, здесь изображения носят несколько иной характер: это определенным образом сгруппированные быкообразные существа. Мы говорим «быкообразные», потому что в их облике сочетаются вполне реалистические черты и условные (хотя и приведенные в согласие с характерными очертаниями фигуры быка).

Так, у одного из этих «быкообразных» место рогов занял рисунок дуги-ярма и рукояти плуга; у другого — упряжь бороны; у третьего — серпов. Такая же замена произошла и с некоторыми другими частями тела. Как удалось установить, все эти «быкообразные» представляют ипостаси одного и того же образа, воплощающего идею борьбы за богатый урожай. Здесь оказались и «бык-пахарь», и «бык-сеятель», и «бык-боронящий», и, наконец, «бык-собирающий урожай». Точнее говоря, во всех этих образах был последовательно передан весь цикл земле-

¹⁶ Н. Е. Урушадзе, Опыт художественно-образного анализа и реконструкция бронзового пояса из Самтавро, «Сов. археология», 1970, № 1.

Рис. 3. Сравнительная таблица изображений волков-собак на древнегрузинских бронзовых поясах: I. а — пояс из погр. № 281 в Самтавро; б — пояс из погр. № 168 в Самтавро; в — пояс из Пасанаурского клада. II. а — пояс из погр. 281 в Самтавро; б — пояс из Триалети (по Б. Куфтину); в — тлийский пояс (по Т. Техову)

дельческого календаря. Аналогичные представления о главных земледельческих циклах сохранились в народном быту до нашего времени: у сванов, например, зафиксировано изготовление подобных фигурных обрядовых хлебцев в «дни первого плуга, и сеяния» — в праздник «Лилашуни»¹⁷.

В числе атрибутов, которые присвоены «быкообразным», пояса из самтаврского погр. № 121; особый интерес представляет треугольник, помещенный на месте хвоста «быка-пахаря», в котором без труда можно узнать резак плуга. И примечательно, что точно такими же треугольниками-резаками заканчиваются и хвосты малых волков-собак на рассмотренном выше поясе из погр. № 281. Естественно возникает вопрос: какова же здесь связь, если в последнем случае мы имеем дело с существами, которые определенным образом соотношены с водной стихией? Вполне вероятно, что данный изобразительный пример отражает первоначальные представления, отраженные в долго бытовавшем в Восточной и Южной Грузии обычая «вспахивания воды», когда первая борозда проводилась плугом по руслу рек, чтобы обеспечить влагу для будущих посевов¹⁸. К подобным же действиям обращались и для магического «вызывания дождя» в период засухи. Теперь, думается, становится ясным, почему к хвостам малых волков-собак прикреплен резак плуга. Очевидно, народная фантазия наделила волка-собаку способностью регулировать процесс водоснабжения пашни с одновременной функцией «пахаря».

¹⁷ В. В. Бардавелидзе, Указ. раб., стр. 192.

¹⁸ М. К. Гегешидзе, Указ. раб., стр. 28.

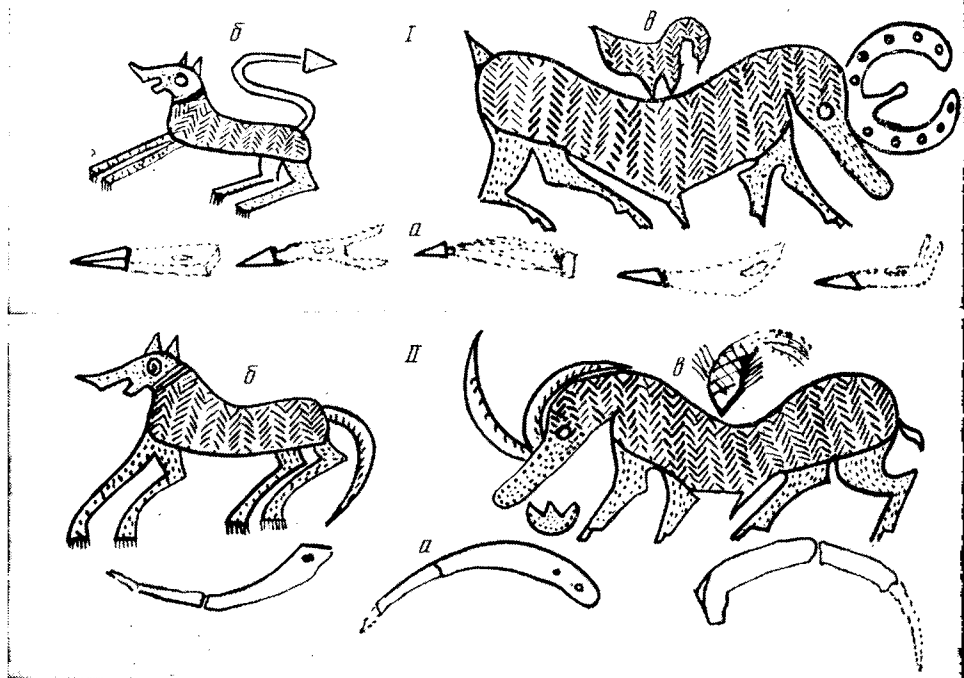

Рис. 4. I. а — резаки древнегрузинских пахотных орудий (по Г. Читая); б — изображение волка-собаки — «пахаря» на поясе из погр. № 281 в Самтавро; в — изображение «быка-пахаря» на поясе из погр. № 121 в Самтавро. II. а — древнегрузинские серпы (по Д. Коридзе); б — изображение волка-собаки с серповидным хвостом из погр. № 281 в Самтавро; в — изображение быка с серповидными рогами на поясе из погр. № 121 в Самтавро

Как уже отмечалось, «быки-собиратели урожая» несли на себе вместо рогов серпы. И на нашем поясе из погр. № 281 повторен тот же пример, только с той разницей, что два больших и два малых волка-собаки имеют хвосты в форме серпов (рис. 4), что позволяет видеть в них таких же «собирателей урожая», а вероятнее всего, в больших особях — «хозяев урожая».

Итак, можно предположить, если, конечно, рассуждать по аналогии с толкованием пояса из погр. № 121, что в рассматриваемой нами композиции обязательно должен присутствовать и образ волка-собаки — «сеятеля». Для более полного раскрытия значения сюжета необходимо обратиться здесь к образу рыбы. Изображению рыбы на поясе отводится весьма важное место. Известно, что культ рыбы имел широкое распространение в древности как в самой Грузии, так и вообще во всем Закавказье. Это подтверждают каменные громады «вишапов», которые устанавливались обычно у истоков рек или же на берегах оросительных каналов¹⁹. А в лазском орнаменте, например, изображение рыбы даже замещает «древо жизни», что свидетельствует о смысле связанных с ней представлений²⁰. Можно было бы привести много других сведений о приписываемых рыбе магических свойствах, обеспечивающих якобы плодородие²¹. Вероятно, именно этот смысл и придается изображениям рыб на поясе.

¹⁹ Н. Я. Марр, Я. Н. Смирнов, Вишапы, «Тр. Гос. Акад. Мат. культ.», т. I, 1933, М. К. Гегешидзе, Указ. раб., стр. 28.

²⁰ Т. С. Читая, Лазский орнамент, Тбилиси, 1937, стр. 319.

²¹ А. И. Робакидзе, К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы, «Советная этнография», 1948, № 3.

В этом отношении привлекает внимание сцена в левом нижнем краю композиции. Рыба держит во рту маленький кружок, очевидно, символизирующий зерно-семя. Два малых волка-собаки — «пахарь» и «собирающий урожай» — как бы выпрашивают у рыбы семена. Их усилия, надо полагать, не пропадают даром: рыба перемещается в верхний левый угол пояса, а затем ее изображение снова возникает в центральной части, но уже, как мы это видели, в сочетании с солярным знаком. Здесь, видимо, и разыгрывается главное действие, что подчеркнуто сосредоточением больших и малых волков-собак вокруг ромбовидной фигуры.

Теперь уместно напомнить, что последняя вообще считается одним из древнейших символов плодородия, а покрывающий ее шахматный орнамент — условным начертанием обрабатываемых полей²². Если при этом учесть, в каком именно порядке размещены все волки-собаки вокруг ромбовидной фигуры, то не так уж трудно будет установить и того из них, кто является носителем функции «сеятеля» — малого волка-собаки, находящегося в верхнем ряду справа.

Как видим, художник не без умысла поместил «пахаря», «оросителя», «сеятеля» и «собирающего урожай» в непосредственной близости к ромбу — объекту их деятельности. Определенную цель он преследовал и тогда, когда за ними поместил больших волков-собак — «хозяев вод». Присев на задние и широко расставив передние лапы, выдвинув вперед мощную грудь и «повелительно» лая, они кажутся существами, занимающими гораздо более высокое положение, чем малые волки-собаки.

Все то, что описывалось до сих пор, как бы завершает полный цикл земледельческого календаря, но это отнюдь не исчерпывает роли волков-собак и остальных участников изображаемого на поясе действия. Далее мы видим, как выращенное зерно уволакивает змея, передав его птице. Возможно, именно с помощью последней оно вновь попадает к рыбам, но уже находящимся на правом краю пояса, к которым устремились малые волки-собаки, встречая, однако, водную преграду в виде полосы спирального орнамента. Вероятнее всего, что вся эта сцена посвящена «подготовке» к новому посеву, «выпрашиванию» в этих целях у рыб новых семян. Культ змеи и птицы прослеживается на Кавказе с древнейших времен. Во многих народных сказаниях они составляют сложные образы змеи «гвелешапа» и птицы «паскунджи», которых народная фантазия наделила мудростью, волшебством, связью с потусторонним миром и другими сверхъестественными свойствами²³. В Грузии обнаружены захоронения, где рядом со скелетом человека находят несколько скелетов змей. Изображение змеи часто встречается на керамических сосудах, найденных в Самтаврских погребениях, — видимо, они служат оберегом содержимого сосуда. Птицам посвящены в земледельческих обрядах весенние праздники «кашатоба» — «дни птиц»²⁴, когда для них специально готовят пшеничную кашу.

Наконец, об астральных знаках, несколько раз встречающихся в композиции. Тот из этих знаков, который помещен над ромбом, — кружок с расходящимися линиями — обычно воспринимается как солнце,

²² Б. А. Рыбаков, Космогония и мифология земледельцев энеолита, «Сов. археология», 1965, № 1, стр. 32.

²³ М. Джанашия, Поверья грузин Телавского уезда, «Сб. материалов для описания мест и племен Кавказа», вып. 17, Тифлис, 1893, е го же, Сванские сказания, там же, вып. 32, Тифлис, 1903; «Сказки горских племен», собрал Измаил-Бей Мутушев, там же; М. М. Машурко, Из области народной фантазии и быта, там же; И. Кобалия, Из мифической Колхиды, там же, стр. 111—115; И. Кобалия, Менгрельские предания и поверья, там же, стр. 117, 123; И. Степанов, Народные приметы, разные способы гадания и некоторые поверья мингрельцев, там же; В. Ломинадзе, Из народной словесности у имеретин, там же, вып. 9, Тифлис, 1890; «Народные сказки, собранные в Кахети и Пшави», сост. Т. Разикашвили, Тифлис, 1909 (на груз. яз.); М. Я. Чиковани, Народный грузинский эпос о прикованном Амирани, М., 1966.

²⁴ Н. Ш. Чиджавадзе, Горное земледелие (полеводство в Аджарии), автореферат канд. дис., Тбилиси, 1966.

излучающее тепло и свет. Другие же, у которых лучи нарочито округлены, что могло быть сделано только лишь для различия между ними и солярным знаком, тоже, по-видимому, символизируют небесные светила²⁵.

До сих пор мы сознательно не касались сцены охоты, изображенной в левой части пояса. Она состоит из двух рядов, которые разделяет спиральный орнамент. В верхнем ряду четыре бегущих тура и охотник, стреляющий из лука, в нижнем — четыре бегущих оленя и снова охотник с луком. Эти изображения как бы вклинились между левым краем пояса и его центральной частью. Известная самостоятельность всей охотничьей сцены подчеркнута и ограничивающими ее вертикальными полосами того же спирального орнамента. Взятая сама по себе, вся эта сцена имеет много совпадений в других районах Грузии, Азербайджана, Армении, Юга Осетии. Сделано много находок с аналогичными изображениями на поясах. Но как объяснить включение ее в совершенно иную по своему смыслу и характеру композицию, отражающую мировоззрение людей, уделом которых стала не охота, а земледелие?

Как видно, в данном случае художник решил отразить все жизненно важные отрасли хозяйственного быта грузинских племен, а охота в это время все еще продолжает быть важной отраслью хозяйства, хотя уже и не ведущей.

Выше отмечалось большое сходство некоторых изображений на исследуемом поясе с изображениями на топориках колхско-кобанского типа. После всего сказанного создается возможность установить еще более тесную генетическую связь между этими памятниками эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Е. Кагарову принадлежит догадка, что топор — это «могущественный талисман, ниспосылающий плодородие и потому часто употребляемый в брачном ритуале»²⁶. Мы обнаруживаем на колхско-кобанских топориках не только весь мир образов, связанных с плодородием, но, в частности, тех же волков-собак, а также совершенно идентичные приемы построения этих образов.

В обоих случаях фигурируют характерные очертания орудий труда или же их частей, и, что самое важное, именно в таких же сочетаниях и символике. Это раскрывает новые перспективы как в установлении семантики самих изображений, так и в изучении вообще художественного производства соответствующего времени и этнического круга. Научное значение этого трудно переоценить, поскольку в этой области есть еще много чисто описательных констатаций и сопоставлений по внешнему сходству.

Результат семантического анализа пояса из Самтавро, относящегося к периоду поздней бронзы и раннего железа (XI—VII вв. до н. э.), дает основание предполагать, что в быту племен, создавших эти произведения искусства, важнейшее место занимало орошаемое земледелие. Этот вывод, полученный на основании «прочтения» художественно-образной символики, подкрепляет положение о значении орошаемого земледелия в районе Мцхеты, полученного на основании собственно археологического материала²⁷, и представляет реальную перспективу увидеть по-новому культуру и быт создавшего их народа.

²⁵ И. Сургуладзе, Некоторые вопросы семантики грузинского народного орнамента, «Сабчота Холевнеба», 1966, № 12 (на груз. яз.).

²⁶ Е. Кагаров, Культ фетишей растений и животных в древней Греции, СГБ, 1913, стр. 45.

²⁷ Т. Ф. Гобеджашвили, Археологические раскопки в Советской Грузии, Тбилиси, стр. 57, 58, 80 (на груз. яз.); Т. Н. Чубинишвили, Погребение на молотильной доске, «Сообщ. АН ГрузССР», 1951, т. XIII, № 1 (на груз. яз.); Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 27, 451; А. М. Апакидзе, Т. Ф. Гобеджашвили, А. Н. Каландадзе, Т. А. Ломтатидзе, Мцхета, I, Тбилиси, 1958.

Э. В. Померанцева

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

«ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО БЮРО» В. Н. ТЕНИШЕВА

В Ленинграде в рукописном отделе Государственного музея этнографии народов СССР хранятся материалы «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева. Фонд этот, частично пострадавший во время войны, окончательно еще не обработан. К нему не раз обращались этнографы¹, фольклористы же явно не уделяли ему до сих пор достаточного внимания.

Сотрудники В. Н. Тенишева в 1896—1900 гг. собрали не только этнографический, но и фольклорный материал в 24 центральных русских губерниях. Фонд Тенишева насчитывает свыше 1000 рукописей, поступивших от 300 с лишним корреспондентов. Правда, материал из разных губерний количественно неодинаков: из Орловской губернии прислано, например, 308 рукописей, из Вологодской — 278, а из Курской всего 6, из Московской — 3, из Самарской — 1. Различно и качество записей: в одних случаях это скупые сведения, в других подробные описания с безупречно записанными текстами, в одних случаях — беспомощные пересказы, в других — записи, сделанные с соблюдением всех научных требований.

Эти материалы собирались по составленной Тенишевым «Программе этнографических сведений о крестьянах Центральной России» (1-е изд. — 1897, 2-е изд. — 1898 г.).

Работа эта, исключительно широкая по своему масштабу, была принята с целью «всестороннего, — как писал в предисловии составитель программы, — изучения быта великорусских крестьян-землепашцев Центральной России»².

От армии корреспондентов, среди которых были и такие крупные впоследствии этнографы, как Д. К. Зеленин, В. Н. Добровольский, А. Н. Балов, в основном же состоявшей из сельских учителей, священников, метеорологов, волостных писарей, мелких помещиков, Тенишев требовал прежде всего точности и достоверности. Рассматривая их как «свидетелей народного быта», он настаивал на точной фиксации виденного и слышанного³.

¹ См.: Н. Начинкин, Материалы «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева в научном архиве Государственного музея этнографии народов СССР, «Сов. этнография», 1955, № 1, стр. 159—163; С. А. Токарев, История русской этнографии, М., 1966, стр. 403—406; М. Г. Рабинович, Этнографическое изучение города в России в конце XIX — начале XX в. (Программа В. Н. Тенишева), «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. IV, М., 1968, стр. 62—79; Г. А. Соколова, Верования крестьян Вологодской губернии конца XIX в., «Географическое о-во СССР, Отделение этнографии», Доклады по этнографии, вып. 5, Л., 1967, стр. 71—82; ее же, Народные верования. Христианский календарь, «Доклады отделений и комиссий Географического о-ва СССР», вып. 15. — «Этнография», Л., 1970, стр. 135—142.

² В. Н. Тенишев, Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, Смоленск, 1898, стр. 3.

³ Там же, стр. 4.

«Сотрудник,— писал он в Обращении к сотрудникам, предпосланном программе,— должен постоянно помнить, что от него требуются факты, а не общие отзывы и выводы»⁴.

«Программа» предусматривала сбор материалов по 10 разделам: «физические природные свойства крестьян; местные условия жизни крестьян; общие указания об образе жизни крестьян; общественные установления, обычаи и законы; отношения крестьян между собой и к посторонним лицам; верования, знания, язык, письмо, искусство; семья, обычный порядок жизни; сближение полов, брак; рождение детей, воспитание, обучение; выходящие из ряда обстоятельства».

Каждый из этих основных разделов программы состоял из нескольких параграфов, в свою очередь объединявших цикл вопросов, уточнявших характер сведений, которые должны были быть представлены сотрудником. Хотя в «Программе» нет специальных вопросов о фольклоре, в материалах, собранных при ее помощи, мы находим множество великоленных фольклорных текстов. Особенно широко этот материал представлен в разделе об образе жизни крестьян, в который входят параграфы «Празднества» и «Препровождение свободного времени»; в разделе «Верования», в котором выделены параграфы о демонологии, суевериях, поверьях, знаниях и т. д.; в разделе «Брак», где выделено несколько параграфов о семейных обрядах.

Встречаются фольклорные материалы и в других разделах, иногда на них наталкиваешься совершенно случайно: так, например, в сведениях из Вологодской губернии о порубках казенных и помещичьих лесов приводится песня: «Спеть ли песенку с конца, про Березина купца, про Архипа молодца», в которой сатирически изображается взяточничество начальства⁵.

Одним словом, в материалах Тенишева встречаются, правда очень неравномерно, все фольклорные жанры: пословицы, загадки, заговоры, причеты, приговоры дружек, исторические песни, духовные стихи, обрядовые и необрядовые лирические песни, романсы, частушки, сказки, предания, бывальщины, былички, народная драма. Особенно богаты материалы по демонологическим рассказам и свадебному обряду.

Однако этими текстами не исчерпывается значение тенишевских материалов для фольклористики. Чрезвычайно ценно то, что многие корреспонденты Тенишева дают сведения о характере бытования фольклора, об отношении к нему разных возрастных групп, степени воздействия на него литературы, в частности песенников и дешевых изданий сказок, а также лубочных картинок. Общеизвестно, что отсутствие таких сведений в фольклорных собраниях тормозит изучение истории фольклора. Недостаток этот не изжит в собирательской практике даже в настоящее время, не говоря уже о XIX в.

Здесь же мы находим наблюдения над репертуаром крестьян одновременно из всех губерний Центральной России. Особенно ценны сведения о составе и изменении фольклорного репертуара разных возрастных групп, о характере бытования песен и сказок.

Так, например, очень интересны наблюдения А. Балова над отношением ярославских крестьян к сказкам. «Сказки в настоящее время,— пишет он,— потеряли свое значение в том смысле, что народ не верит в их правдоподобность: песня — быль, а сказка — ложь, существует поговорка. Все эти бабы-яги, людоеды, мальчик с пальчик и т. п. сказочные герои народ признает за чистейший вымысел, хотя сам народ в то же время и верит в домовых, леших, оборотней и т. д.»⁶.

⁴ В. Н. Тенишев, Указ. раб., стр. 4.

⁵ Архив Государственного музея этнографии народов СССР, фонд В. Н. Тенишева (далее — ГМЭ, Ф. Т.), Вологодская губ., Никольский уезд, корр. А. Ушаков, разд. К, п. 482, л. 2.

⁶ ГМЭ, Ф. Т., Ярославская губ., Пошехонский уезд, корр. А. Балов, разд. Ж, п. 202, л. 11.

Корреспондент В. Антипов из Череповецкого уезда Новгородской губернии пишет: «До сказок взрослые крестьяне нашей местности не большие охотники»⁷. Корреспондент А. Бодров из Суздальского района Владимирской губернии сообщает, что «на сказки смотрит народ как на пустую забаву». Вместе с тем он приводит любопытное высказывание одного крестьянина о сказке про Ивана-дурака, что «она не без причины сложена» и теперь «в ясность пришла! и мы дождались, стали на печке ездить»⁸. Сходны и сведения из Меленковского уезда той же губернии: «Сказки в настоящее время стали терять свое прежнее властительное значение»⁹. И. Крупнов из Вологодской губернии сообщает, что «сказки начинают терять свою силу, особенно для подрастающего поколения»¹⁰. Священник Н. Аравийский, говоря о том, что на сказки народ смотрит как на забаву, утверждает, что старинные сказки «забываются все более и более и на смену им выступают новые с фабричным пошибом». «Завязтые сказочницы-старухи,— пишет он,— так отзываются об этом: „нет, новые, другие времена, ни одной хорошей сказки не услышишь“»¹¹. Корреспондент из Рязанской губернии сообщает: «Взрослые крестьяне редко читают сказки и относятся к ним полунасмешливо, полупрезрительно. «Вот еще, стану я сказку читать, чай, не махонький, у меня бабушка на печке сидит, и то лучше расскажет“»¹². Д. К. Зеленин, собиравший в молодости этнографические сведения для Тенишева в Сарапульском уезде Вятской губернии, записал такое свидетельство местного крестьянина: «Сказки теперь рассказывают больше те, которые книжки читают, из книжек все больше. Есть мастера большие»¹³. Говоря о передатчиках сказок, корреспонденты нередко упоминают бродячих мастеровых, печников, плотников, пастухов, чаще всего портных, которые «завлекают крестьян своими рассказами. Особенно хорошо рассказывают бывальщины и сказки, сколько знают прибауток, а все они пропитаны остроумием. Сказки сложены про всех, начиная с архиерея, попа, попадьи, евреев и немцев с русскими. Особенно подобные сказки рассказываются ими охотно, часто и комично. Они и анекдотов много знают, и похождения пошехонцов и мн. др.»¹⁴.

Корреспондент из Вельского уезда той же губернии сообщает, что рассказчиками часто являются солдаты. «Еще с большей охотой,— пишет он,— слушают крестьяне странствующих швецов и чеботарей. Рассказы их всякого характера бывают неистощимы и прерываются обыкновенно всеобщим смехом и восклицаниями удивления»¹⁵.

Все эти свидетельства чрезвычайно важны, так как собиратели пореформенной сказки, несмотря на их многочисленные декларации о необходимости изучения сказки как материала для познания народа, зафиксировали мало конкретных фактов, показывающих отношение к сказке. Имеются лишь общие замечания об умирании сказки или о

⁷ ГМЭ, Ф. Т., Новгородская губ., Череповецкий уезд, корр. В. Антипов, разд. Ж., л. 258, л. 51.

⁸ ГМЭ, Ф. Т., Владимирская губ., Суздальский уезд, корр. А. Бодров, разд. 3, л. 390, л. 7.

⁹ ГМЭ, Ф. Т., Владимирская губ., Меленковский уезд, корр. П. Каманин, разд. Ж, л. 202, л. 11.

¹⁰ ГМЭ, Ф. Т., Вологодская губ., Никольский уезд, корр. И. Крупнов, разд. Д, л. 103, л. 21.

¹¹ ГМЭ, Ф. Т., Пензенская губ., Пензенский уезд, корр. Н. Аравийский, разд. Ж, л. 202, л. 18.

¹² ГМЭ, Ф. Т., Рязанская губ., Зарайский уезд, корр. В. Влазнев, разд. 3, л. 248, л. 8.

¹³ ГМЭ, Ф. Т., Вятская губ., Сарапульский уезд, корр. Д. Зеленин, разд. Ж, л. 202, л. 8.

¹⁴ ГМЭ, Ф. Т., Вологодская губ., Тотемский уезд, корр. Миролюбов, разд. М, л. 390, л. 8.

¹⁵ ГМЭ, Ф. Т., Вологодская губ., Вельский уезд, корр. Рождественский, разд. Д, л. 103, л. 3.

происходящих в ней изменениях. Конкретные свидетельства, собранные корреспондентами Тенишева, подкрепляют заключения о судьбах русской сказки в конце XIX в., делавшиеся в известной мере на глазок, на основании косвенных данных¹⁶. Однако самих текстов сказок в фонде Тенишева не так уже много. Объясняется это установкой его руководителей, сформулированной в одном из циркуляров, рассылавшихся сотрудникам: «Имея в виду, что главнейший цикл сказок почти весь исчерпан Афанасьевым и Далем, а варианты тех сказок не представляют существенного интереса, Бюро решило из материалов этого рода принимать на будущее время лишь одни сказки, рисующие бывшие отношения между помещиками и их крепостными и между духовенством и крестьянами»¹⁷.

Несмотря на такую установку, в фонде Тенишева все же насчитывается свыше 120 текстов сказок, большей частью записанных в Ярославской, Смоленской, Вологодской и Орловской губерниях.

Записи эти не дают, конечно, полного представления о характере сказочной традиции конца XIX в. в центральных областях, однако в некоторой степени пополняют наши довольно скудные сведения о сказках этого времени.

Особенно многочисленны в материалах Тенишева свидетельства об изменениях, происшедших в песенном репертуаре, о появлении припевок, одни из которых «обломки старинных протяжных песен, другие — самостоятельный продукт народного творчества»¹⁸. Повсеместно корреспонденты Тенишева наблюдали широкое распространение песен литературного происхождения: «Проводниками новых песен в народе являются писаря и т. н. лица сельской интеллигенции, особенно же дети церковно-служителей, зачастую участвующие в деревенских гуляньях»¹⁹.

Процесс смены песенного репертуара подробно описал корреспондент из Московской губернии Г. Куликовский: «Старость уже не пользуется уважением — мода на городское растет. Особенно заметно это в местной народной поэзии. Старинная песня год от году иссякает, на смену ей идет городская фабричная песня, романс, новую песню охотно слушают, охотно перенимают, она идет из хоровода в хоровод, из деревни в деревню; почти каждый приход «молодцов» из Москвы ознаменовывается появлением в деревне песни, на которую в данное время мода в Москве, на фабриках. К таким новинкам не безучастно относится и пожилое поколение деревни. Мне приходилось наблюдать, как пожилые мужчины, старухи, заслышав в хороводе необычный мотив, лезут к окну и простаивают далеко за полночь, слушая „новую“ песню. В этом году, например, модной песней является „Падший ангел непорочный, не ропщи на жребий свой“».

Он же говорит о широком распространении в Московской области в эти годы частушек: «В нынешнее время едва ли не единственной формой песенного творчества в деревне Московской губернии являются так называемые „прибаутки“, коротенькие песни, чаще четырехстишные, таких песен большой запас»²⁰.

Говоря о тематике частушек, о том, что они касаются разнообразных сторон деревенской жизни, являясь почти единственным видом «поэтического творчества», один из корреспондентов заключает: «Если собрать все эти прибаутки... то мы могли бы иметь оригинальное описание жизни деревни со слов самого крестьянина»²¹.

¹⁶ Э. В. Померанцева, Судьбы русской сказки, М., 1965, стр. 109.

¹⁷ Н. Начинкин, Указ, раб., стр. 161.

¹⁸ ГМЭ, Ф. Т., Ярославская губ., Пошехонский уезд, корр. А. Балов, разд. Д, п. 103, л. 7.

¹⁹ Там же, л. 3.

²⁰ ГМЭ, Ф. Т., Московская губ., Рузский и Можайский уезды, корр. Г. Куликовский, разд. Ж, п. 295, л. 2—3.

²¹ Там же, разд. И, п. 390, л. 19.

Аналогичны сведения из Симбирской, Костромской и Псковской губерний.

О том, что в репертуаре крестьян преобладают песни, занесенные с фабрик, говорит корреспондент из Смоленской губернии Г. Гринев²². О заимствовании песен из песенников сообщают и корреспонденты из Вологодской губернии. Один из них пишет: «Здесь народ, как и везде, любит петь и любит песни, но в последнее время чисто народных, старинных песен слышно очень мало. Близость большого села, отхожие промыслы и грамотность внесли в среду крестьян песни интеллигентного класса, часто мало сродные духу простого народа. Песни эти, конечно, следуя моде, очень часто меняются и страшно искажаются не только словами и окончаниями, но и самым смыслом»²³.

Все корреспонденты утверждают, что частушки — самые излюбленные песни, которые постоянно распевает местная молодежь.

Текстов песен в фонде Тенишева несравненно больше, чем текстов сказок, несмотря на то что присылка их также не поощрялась руководством «Этнографического бюро», считавшего, что большинство из них уже вошло в различные печатные сборники и не имеет большого значения. Исключение делалось для старинных, солдатских и рекрутских песен как для «малоизвестных».

Столь же многочисленны сведения о бытовании пословиц и загадок, детских игр, считалок, песенок и т. д. Ценность всех этих материалов, собранных по одному плану в одно и то же время в 20 губерниях, трудно переоценить: очень интересны, например, сведения, правда малочисленные, о степени распространенности в эти годы народной драмы.

Большой интерес представляют собранные корреспондентами Тенишева материалы по обрядам и обрядовому фольклору.

Описания календарных обрядов представлены из 16 губерний (Владимирской, Нижегородской, Рязанской, Костромской, Ярославской, Тверской, Новгородской, Калужской, Смоленской, Орловской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Симбирской, Казанской, Вятской). Причем из ряда губерний (Вологодской, Орловской, Пензенской) в записях, сделанных в нескольких уездах, а по некоторым уездам даже в записях нескольких корреспондентов.

Отсутствие материалов из той или другой губернии не может, конечно, приниматься в расчет как показатель при изучении распространения того или иного жанра: достаточно сказать, что из Петербургской губернии вообще не поступило никаких сведений об обрядах, из Московской лишь очень обобщенное описание свадебных обычаев и причетов. Описания же обрядов, даже только упоминаний о бытовании обрядового фольклора, а тем более записи текстов, безусловно, должны учитываться при изучении географического распространения отдельных жанров.

По двум губерниям (Тамбовской и Вятской) в материалах Тенишева мы находим фиксацию всего народного календаря с указанием связанных с ним примет, присловий, а также обрядового ритуала и ряда текстов. В большинстве же случаев корреспонденты Тенишева описывают отдельные обряды и приводят связанные с ними песни. Иногда материалы эти группируются по периодам сельскохозяйственного календаря, чаще по церковным праздникам.

Больше всего в бюро Тенишева сведений о зимних и весенних обрядах и связанном с ними фольклоре. Ценно то, что корреспонденты Тенишева, отвечая на вопросы «Программы», невольно дают описание обрядности в комплексе, описывая вечорки, посиделки, игрища, ряженья, гаданья.

²² ГМЭ, Ф. Т., Смоленская губ., Дорогобужский уезд, корр. И. Гринев, разд. Ж, п. 246, л. 17.

²³ ГМЭ, Ф. Т., Вологодская губ., Вологодский уезд, корр. Ил. Шадрин, разд. Д, п. 103, л. 1—3.

Фольклорные тексты представлены в основном колядками, подблюдными песнями и славениями Христа. Так, великолепные и многочисленные тексты колядок мы находим в материалах Владимирской и Рязанской губернии, очень хороши разнообразные колядки, записанные С. Климентовым в 1899 г. в Ярославской губернии, с зачином:

Благослови-ка ты, хозяин
Под окошком стать
Коляду рассказать и т. д.²⁴

В Вологодской губернии, по свидетельству корреспондента, колядут дети и подростки, которые кучей идут с края деревни и у каждого дома поют коляду:

Коляда, коляда, что ходила коляда
По святым вечерам,
Что искала коляда
Государева дворца.
Государев-то дворец осередь Москвы,
Да осередь Вологды...²⁵

Хозяева выносят колядовщикам пироги или деньги. Если кто не отблагодарит за колядование, то поют:

А у этого бы хозяина,
Одна бы была корова
Штобы нездорова²⁶...

Тексты «Овсеня» и «Таусеня» сообщены корреспондентами из Владимирской, Рязанской, Орловской, Тамбовской и Пензенской губернии. В Пензенской губернии накануне Нового года ходят «корить», при пении корильных песен сопровождается припевом «Таусень». Любопытные сведения опять же из Пензенской губернии об обходе телячьим пастухом на рождество дворов с приговорами.

Целый ряд корреспондентов упоминает о том, что дети на святки славят Христа. Так, например, в Пензенской губернии зарегистрированы славения: «Пречистая Дева Мария Христа породила» и «Я маленький хлопчик, принес Христу снопчик». То же в Рязанской и Владимирской губерниях.

Обычай гадать на святках зарегистрированы в 12 губерниях, текстов же подблюдных песен корреспондентами Тенишева приведено, как ни странно, сравнительно немного, больше других — из Орловской губернии.

Любопытны материалы в сообщениях корреспондентов о праздновании масленицы во Владимирской, Рязанской, Ярославской, Костромской, Тверской, Пензенской и Орловской губерниях, в частности о проводах и сожжении масленицы. В этих корреспонденциях встречаются и тексты песен. Это тем более важно, что текстов масленичных песен сохранилось сравнительно немного. Так, например, из Ростовского уезда Ярославской губернии сообщен такой любопытный текст масленичной песни:

Гори, гори масленица,
Семенова племянница,
Пройдет семь недель —
Придет Светлый день.
Будут Пасху носить —
Будут яйца красить²⁷.

²⁴ ГМЭ, Ф. Т., Ярославская губ., корр. С. Климентов, разд. Ж, п. 245, л. 10.

²⁵ ГМЭ, Ф. Т., Вологодская губ., Грязовецкий уезд, корр. А. Каменев, разд. Ж, п. 143, л. 1.

²⁶ Там же.

²⁷ ГМЭ, Ф. Т., Ярославская губ., Ростовский уезд, корр. Краснораменская, разд. Ж, п. 243, л. 9.

В Орловской губернии собиратель В. Преображенский подробно описал масленичное катание с фиксацией разговоров молодежи и обрывков песен. Он же полностью привел тексты трех масленичных песен: «Сударыня масленица, гусли гудут, меня молодешеньку мысли берут», «Калинушка, малинушка, лазеревый цвет» и «Травушка, муравушка, зеленый лужок, милый дружок»²⁸.

Из Костромской губернии корреспондент сообщает великолепный раешный текст масленичного указа. Этот длинный рифмованный указ, «украшенный» многочисленными непристойностями, записан со слов слепо-й старухи, урженки Вологодской губернии²⁹.

Весенние обряды представлены в архиве Тенишева материалами из 11 губерний: Владимирской, Рязанской, Ярославской, Пензенской, Орловской, Воронежской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Вологодской, Вятской. Из всех этих губерний корреспонденты прислали тексты веснянок, иногда коротеньких закличек, иногда длинных песен, как рязанская «Ай, чувиль-вильвиль, ныне сороки святые», характерная своей сатирической направленностью.

Волочebных песен в архиве нет, за исключением колядки, которую поют — «лалынькают» — девочки в Жиздринском уезде Калужской губернии на святой неделе:

Вдоль по улице по широконой
Там и шли-прошли да лалыньчики,
Да лалынь, лалынь, лалыньчики.
Они шли прошли, волочились,
Деревенских собак надразились
Да лалынь, лалынь, надразились и т. д.³⁰

Из большинства губерний сообщены тексты троицких и семицких песен, из немногих — описания кумления с соответствующими текстами.

Среди богатых материалов из Пензенской губернии приведена очень странная троицкая песня пастухов, которая самим корреспондентом квалифицируется как «остаток языческого обряда» и, очевидно, либо свидетельствует о взаимодействии русской и мордовской обрядности, либо несколько фальсифицирована собирателем:

Ганиклинись, божок,
Паси мою корову,
Паси мою телку,
Не пускай вора-волка,
Пасу, пасу овцу,
Тебя, волка не боюсь,
Ибо солнцевласый
Бог тебя не пустит.
Ладо, ладо, солнце,
Дай ему щелчок в нос³¹.

В корреспонденции из Пензенской же губернии описан хоровод, который водят вокруг «убранного зеленью парня, на голове у которого пирог». При этом поют песню:

Юрий, вставай рано, отмыкай землю!
Выпускай росу на теплое лето.
На буйное жито, на ядренистое,
На жито, на колосистое³².

²⁸ ГМЭ, Ф. Т., Орловская губ., Орловский уезд, корр. В. Преображенский, разд. Ж, п. 245, л. 1.

²⁹ ГМЭ, Ф. Т., Костромская губ., Никольский уезд, корр. Я. Кузнецов, разд. Д, п. 103, л. 1.

³⁰ ГМЭ, Ф. Т., Калужская губ., Жиздринский уезд, корр. Е. Зорина, разд. Ж, п. 245, л. 1.

³¹ ГМЭ, Ф. Т., Пензенская губ., Краснослободский уезд, корр. Алферьевский, разд. Ж, п. 245, л. 22.

³² ГМЭ, Ф. Т., Пензенская губ., Чембарский уезд, корр. Лихачев, разд. Ж, п. 244, л. 7.

Обычаи окликать Егория и соответствующие тексты приводятся корреспондентами из ряда губерний, однако аналогичного обряда там не зафиксировано.

Заслуживают особого внимания в фонде Тенишева купальские песни. Так, в материалах Рязанской губернии мы находим четыре текста купальских песен, записанных крестьянином Влазневым, бывшим крепостным Огарева. Одна со слов старожилы, другие собраны по частям у разных информаторов. Среди них особенно интересен следующий текст:

Ой ты дед, боровик,
Полевой и водяной,
Не замайте нас в бору,
Мы дотошны, молвим слово,
Чур нас, чур нас, не замай!
Мы пришли в бор гулять,
Чтоб купалу подымать,
Хороводы и круга
Поводить нам до утра ³³.

Купальские песни записаны корреспондентами Тенишева и в Орловской и Смоленской губерниях.

Не менее интересны, чем сведения о календарных обрядах, в фонде Тенишева и материалы по свадебному обряду и фольклору. Сведения о свадьбе представлены по всем 24 губерниям, причем из ряда губерний не только по нескольким уездам, но и по нескольким деревням одного и того же уезда. Большинство корреспондентов подробно описывает самый ритуал свадебной игры, однако далеко не все фиксируют при этом фольклорные тексты или хотя бы дают их выборочно. Многие ограничиваются тем, что приводят лишь перечень исполняющихся во время свадьбы песен. Особенно подробные описания свадебной игры с приведением текстов причетов, приговоров дружек и песен доставлены корреспондентами из Новгородской, Вологодской и Смоленской губерний. Отдельные описания достигают 70—80 страниц машинописного текста. Среди многочисленных и разнообразных текстов свадебных причетов особенно выделяются своей поэтичностью, образностью и вместе с тем ярко выраженной локальностью причеты невесты, записанные в Вологодской губернии.

Свет светится, зорюшка занимается,
Из-за зорюшки всходит красное солнышко.
Обогрело ты, солнышко, святую Русь святорусскую,
Всю Москву со боярами, всю Литву с татарами,
Святую Русь со крестьянами...³⁴

С поэтическими причетами невесты, ее матери, сестер и подруг контрастируют не только своим содержанием, настроением, но и ритмическим строем приговоры дружек. Так, в той же Вологодской губернии зафиксирован любопытный текст приговора дружки с таким зачином: «Я человек не шведский, не турецкий, не персидский, а такой же российский, Вологодской губернии, Кадниковского уезда» ³⁵.

Без преувеличения можно сказать, что в фонде Тенишева сохранен весь репертуар свадебных песен Центральной России, живший в народном быту в конце XIX в.

В большинстве случаев корреспонденты отмечают связь приводимых ими песен с отдельными моментами обряда и указывают, кто эти песни поет (подруги невесты, сестры жениха, свашки и т. д.).

³³ ГМЭ, Ф. Т., Рязанская губ., Зарайский уезд, корр. В. Влазнев, разд. Ж, п. 244, л. 7.

³⁴ ГМЭ, Ф. Т., Вологодская губ., Тотемский уезд, корр. И. Голубев, разд. И, п. 409, л. 4—5.

³⁵ ГМЭ, Ф. Т., Вологодская губ., Кадниковский уезд, корр. И. Шадрин, разд. И, п. 410, л. 8—11.

Очень разнообразно представлены в материалах Тенишева корильные песни: свахе, свату, дружке, свекрови и т. д. Корильные песни, как правило, даются корреспондентами с указанием, к какому моменту обряда они приурочены.

Материалы архива являются неоценимой основой для картографирования свадебного обряда Центральной полосы России конца XIX в. В результате умело поставленных вопросов анкеты были получены описания обряда во всех его деталях, включая костюм, поведение участников. Старательные и заинтересованные корреспонденты по целому ряду губерний дали не только перечень свадебных песен, но добросовестно воспроизвели как фольклорные тексты (песни, причеты, приговоры, формулы, загадки), являющиеся неотъемлемым компонентом свадебной игры, так и разговоры и переговоры — бытовые, частично тоже обрядовые, которые предшествуют свадьбе и сопровождают ее.

Несколько беднее, но также достаточно подробно описаны похоронные обряды. Для исследователей фольклора особый интерес представляют приводимые при этом описания похоронных игр и тексты причетов.

Есть в фонде Тенишева и сведения о крестильных обрядах, как правило, очень скупые.

Что касается других обрядов и связанного с ними фольклора, то нельзя не отметить нескольких описаний обряда опахивания. Так, в Псковской губернии отмечается опахивание могил, в Пензенской — опахивание села на Красную горку, сопровождаемое текстом своеобразной веснянки:

Райски птички прилетите
Красну весну принесите и т. д.³⁶

Среди описаний опахивания во время чумы, холеры, моровой язвы привлекает внимание описание опахивания из той же Пензенской губернии, в котором приводится несколько очень полных архаичных текстов: «От океан-моря глубока, от лукоморья ли зеленого выходили двенадцать дев», «Смерть ты, коровия смерть выходи из нашего села», «Выйди вон, выйди вон, из села, из села», «Где это видно, где это слышно, чтобы вдовушки пахали»³⁷.

Очень детально описывает обряд опахивания В. Преображенский, наблюдавший его во Мценском уезде Орловской губернии 25 июля 1896 г. Он приводит имена участников, пересказывает свои разговоры с ними и очевидцами-односельчанами.

Если в фонде Тенишева могут найти много ценных текстов исследователи сказок, преданий, детского фольклора, малых жанров фольклора и песен, то совершенно неоценимо его значение при изучении таких малоисследованных жанров, как быличка и бывальщина. Объясняется это тем, что раздел «Верования» состоял более чем из полусотни параграфов, каждый из которых заключал в себе по несколько десятков вопросов. Материал этот, как известно, был использован С. В. Максимовым в его вышедшей посмертно книге «Нечистая, неведомая и крестная сила»³⁸. Поэтому нет необходимости подробно на нем останавливаться. К сожалению, корреспонденты в большинстве случаев дают сведения о верованиях и пересказывают бытующие в их местности былички и бывальщины, т. е. сообщают материал, интересный для этнографа и лишь относительно ценный для фольклориста. С. В. Максимов именно так и рассматривал его, не ставя перед собой цель «фольклористического» его изучения.

³⁶ ГМЭ, Ф. Т., Пензенская губ., Инсарский уезд, корр. Л. А. Глебов, разд. Ж, п. 223, л. 4.

³⁷ Там же, Городищенский уезд, корр. П. Невзоров, разд. К, п. 439, л. 2—7.

³⁸ С. В. М а к с и м о в, Нечистая, неведомая и крестная сила, СПб., 1905.

Интересно свидетельство одного из корреспондентов, что в ответ на его сомнения крестьянин, сообщивший несколько быличек, сказал: «Таким обыкновенным рассказам не верить, так чему же и верить? Прежде еще не такие дела бывали; ух, только подумаешь, так кожу обдирает»³⁹.

Целый ряд рассказов о кладах записан от крестьянина, всю жизнь отыскивающего клад; многие корреспонденты свидетельствуют, что крестьяне не только любят слушать рассказы о кладах, но твердо верят в их существование и в возможность найти их при помощи чародейства.

Хотя, как уже было отмечено, различные фольклорные жанры представлены в фонде Тенишева неравномерно, все же, несмотря на это, сгусток фольклорных текстов, записанных с целью изучения народа и его быта, дает необычайно яркое представление о процессах, имевших место в фольклоре на рубеже XIX и XX вв. Достигается это тем, что фольклор записывался корреспондентами не изолированно, а как звено этнографических наблюдений. В результате, несмотря на некачественность (за немногими исключениями) записей, несмотря на отсутствие сплошь и рядом паспорта, почти полное отсутствие сведений об исполнителях, т. е. пренебрежение основными правилами научной фольклористической записи, мы можем говорить с полным правом, что материалы Тенишева характеризуют жизнь фольклора в конце XIX в. в Центральной России.

В заключение хочется подчеркнуть, что кроме ценных этнографических материалов, многочисленных фольклорных текстов, сведений о взглядах и мироощущении крестьян, взаимоотношениях их между собой, отношениях к помещикам и чиновникам, к священникам и учителям, о семейных отношениях мы находим любопытные материалы, как бы выходящие за круг тематики, которую намечали вопросы «Программы» Тенишева.

Так, например, среди материалов, поступивших из Петербургской губернии, мы находим запись длинного рассказа колдуна (24 машинописных страницы) о том, как он сделался таковым, и рассказов о нем крестьян. Интересно, что эти сведения собраны художником В. М. Максимовым — автором известной картины «Приход колдуна на свадьбу». В. Максимов отмечает, что доверие к нему колдуна особенно возросло, когда он увидел эту еще не законченную им картину⁴⁰. Таким образом искусствоведы, изучающие историю русского искусства XIX в., могут здесь найти любопытный штрих, дополняющий сведения о биографии художника В. Максимова.

Интересен материал, связанный с именем другого художника — В. И. Перова. Корреспондентка из Калужской губернии Е. Зорина 1900 г. сообщает, что много лет назад, когда в их края приехал на этюды молодой художник Перов, среди крестьян распространились слухи, что он оборотень. Основу для этих слухов дал до тех пор в Жиздринском уезде не виданный велосипед, на котором художник разъезжал по уезду. Подозрения крестьян усилились еще благодаря тому, что Перов стал зазывать к себе чатурищиков, причем платил им на 5 копеек больше, чем они получали поденных. В связи с этим одни стали говорить, что он прислан тайно государыней, задумавшей устроить себе отдельную губернию и поручившей художнику набрать для нее особенно красивых и здоровых крестьян. Другие утверждали, что, увезя с собой портрет, художник может в любое время выстрелом или ударом ножа убить позировавшего ему человека. Все эти толки привели к решению избить подозрительного

³⁹ ГМЭ, Ф. Т., Вологодская губ., Вологодский уезд, корр. А. Аристархов, разд. X, п. 200, л. 1.

⁴⁰ ГМЭ, Ф. Т., Петербургская губ., Новолодожский уезд, корр. В. Максимов, разд. Ж, п. 208, л. 1—24.

лицо. Спасло художника лишь вмешательство священника — отца корреспондентки ⁴¹.

Нет возможности в небольшой статье рассмотреть весь материал архива Тенишева, столь он богат и разнообразен. На основе его написаны две большие книги, несколько статей, и все же он недостаточно вошел в научный оборот.

Цель настоящего сообщения — разбудить интерес исследователей фольклора к богатым материалам, заслуживающим внимательного и глубокого изучения.

Считаю своим приятным долгом выразить благодарность строгому хранителю этих богатств — заведующему рукописным отделом ГМЭ В. С. Бойкову за его отзывчивость и оказанную мне при работе в архиве постоянную товарищескую помощь.

⁴¹ ГМЭ, Ф. Т., Калужская губ., Жиздринский уезд, корр. Е. Зорина, разд. Ж, п. 297, л. 1—2.

А. Г. Козинцев

ДЕМОГРАФИЯ ТАГАРСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Демографическое исследование погребальных памятников тагарской культуры стало возможным благодаря работам Красноярской экспедиции Института археологии АН СССР (начальник экспедиции М. П. Грязнов)¹. В результате этих работ оказался доступным весь костный материал (в том числе и детский) из нескольких полностью вскрытых могильников.

Нами изучен в демографическом отношении материал пяти тагарских могильников: Гришкин Лог I (VII—VI вв. до н. э., баиновский этап периодизации М. П. Грязнова)², Каменка I (VI—V вв. до н. э., подгорновский этап)³, Туран I (VI—IV вв., подгорновский и сарагашенский этапы), Туран II и Туран III (V—IV вв., сарагашенский этап)⁴. Все могильники, кроме Турана I, раскопаны полностью. В нашем распоряжении было, вероятно, не менее 90% антропологического материала. Исключение представляет Каменка I, откуда значительная часть скелетов утеряна. Сохранившийся материал из этого могильника определялся нами, остальные определения сделаны во время раскопок врачом-рентгенологом З. Б. Альтманом⁵.

Всегда, когда это было возможно, пол и возраст погребенных устанавливались на основании всего скелета, но в ряде случаев приходилось ограничиваться черепом.

Взрослые индивидуумы распределены по трем общепринятым в советской литературе градациям: *adultus* (20—35 лет), *maturus* (35—55 лет) и *senilis* (старше 55 лет); за основу при этом бралась степень облитерации черепных швов и стертость зубов. Возраст погребенных моложе 20 лет определялся по возможности с точностью до одного года на основании состояния зубной системы и степени оссификации различных частей скелета⁶.

Наши подсчеты не являются вполне точными. Это объясняется прежде всего практиковавшимся (особенно на сарагашенском этапе) обычаем коллективных захоронений, когда в одной могиле находились в расчлененном и перемешанном состоянии останки иногда более 30 человек. В очень редких случаях при раскопках кости не были взяты из-за плохой сохранности. Во всех случаях, когда о скелете имелись хоть ка-

¹ М. П. Грязнов, Работы Красноярской экспедиции, «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», вып. 100, 1965, стр. 62—71.

² М. П. Грязнов, Отчет о раскопках могильника Гришкин Лог I в 1958 и 1960 гг. Архив Ин-та археологии АН СССР, Р-1, № 1814, 2131.

³ Я. А. Шер, А. М. Прокофьева, Каменка I — могильник начала тагарской культуры на Енисее, «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», вып. 107, 1966, стр. 57—61.

⁴ А. Д. Грач, Отчет о работах Туранского отряда в 1963 и 1964 гг., Архив Ин-та археологии АН СССР, Р-1, № 2960, 2961.

⁵ Я. А. Шер, А. М. Прокофьева, Указ. раб.

⁶ В. И. Добряк, Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа, Киев, 1960; В. И. Пашкова, Очерки судебно-медицинской остеологии, М., 1963; D. R. Brothwell, Digging up bones, London, 1963.

кие-нибудь сведения (из отчета или из сохранившихся костных фрагментов), мы распределяли такой материал по градациям в соответствии с эмпирическими (установленными для данного могильника или же для всех могильников) пропорциями. Например, из 15 точнее не определяющихся «взрослых» из туранских могильников 5,8 были условно отнесены к возмужалому возрасту, 7,5 — к зрелому и 1,7 — к старческому. Таким же образом осуществлялось и распределение по полу⁷. Эта теоретическая разбивка представляется необходимой для сохранения общих пропорций. В целом, как нам кажется, допущенные ошибки будут не особенно

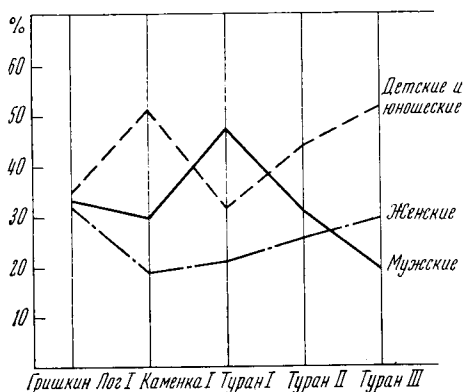

Рис. 1. Соотношения основных поло-возрастных групп в различных могильниках

большими и, главное, не систематическими. Абсолютные величины в таблицах округлены до единицы.

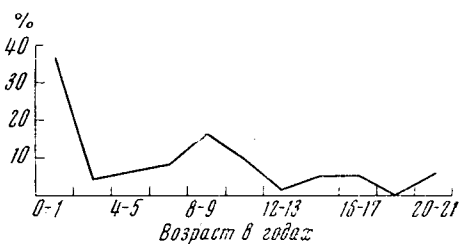

Рис. 2. Распределение детских и юношеских погребений по возрасту

Как мы видим из табл. 1, различные могильники характеризуются неодинаковым соотношением захороненных мужчин, женщин и детей (рис. 1). Интересна тенденция, наблюдаемая при сравнении трех Туранских могильников, расположенных на расстоянии всего нескольких сот метров один от другого. В раскопанной части Турана I половину погребенных составляют мужчины; в Туране III доля мужчин падает до $\frac{1}{5}$, а половина захоронений — детские. Процент женщин постепенно увеличивается от Турана I к Турану III. Туран II во всех отношениях занимает промежуточное место, и близкие пропорции характерны для Каменки I. В Гришкином Логе I мужские, женские и детские погребения встречены в равной доле.

В целом число мужчин превышает число женщин (явление обычное для древних могильников). Отношение полов равно 1,17. Однако χ^2 составляет всего 1,98, так что этот перевес может быть и случайным.

Преобладание среди индивидуумов возмужалого возраста женщин, а среди людей, достигших зрелого и старческого возраста, — мужчин (табл. 2), также представляется типичным явлением. Величина χ^2 в данном случае равна 13,97, что говорит о высокой степени значимости этих различий.

Данные табл. 3 отражены на графике (рис. 2). Прежде всего бросается в глаза высокий процент детей в возрасте до 1 года — эти погребения составляют более трети от всех погребений лиц моложе 20 лет. Далее кривая стремительно падает; не исключено, что значительная часть детей, попавших в категорию «до 1 года», гибла при родах или в самые первые дни жизни. Доля детей старше 2—3 лет опять становится выше, и на 8—9 лет приходится второй пик, вслед за чем кривая идет вниз. В целом период второго детства характеризуется вдвое меньшим числом

⁷ При распределении по полу крайне малочисленных юношеских костяков 14 лет и старше было принято, что соотношение полов здесь такое же, как и в возмужалом периоде: 37,2% мужчин и 62,8% женщин.

Таблица 1

Основные поло-возрастные соотношения*

Могильники	Гришкин Лог I	Каменка I	Туран I	Туран II	Туран III	Всего
Мужчины	44 (33,4)	22 (29,7)	18 (47,4)	63 (30,8)	13 (19,1)	161 (31,0)
Женщины	43 (32,0)	14 (18,9)	8 (21,0)	53 (25,5)	20 (29,4)	137 (26,4)
Детский и юношес- кий возраст	46 (34,6)	38 (51,4)	12 (31,6)	90 (43,7)	35 (51,5)	221 (42,6)
Всего	133	74	38	206	68	519

* В скобках указывается процент от общего числа погребенных в данном могильнике.

Таблица 2

Взрослые: распределение по полу и возрасту*

	Гришкин Лог I		Каменка I		Туран I		Туран II		Туран III		Всего	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
Adultus	9 (20,1)	20 (48,0)	3 (13,6)	5 (35,7)	8 (44,4)	1 (12,5)	19 (29,3)	25 (47,9)	— (59,0)	12 (23,9)	39 (23,9)	63 (46,1)
Maturus	31 (68,9)	17 (40,5)	19 (86,4)	9 (64,3)	9 (50,0)	6 (75,0)	37 (58,6)	23 (43,7)	9 (73,2)	6 (29,0)	105 (65,4)	61 (44,6)
Senilis	5 (11,0)	5 (11,5)	—	—	1 (5,6)	1 (12,5)	8 (12,1)	4 (8,4)	3 (29,8)	2 (12,0)	17 (10,6)	13 (9,3)
Всего	45	42	22	14	18	8	64	52	12	20	161	137

* В скобках указывается процент от общего числа индивидуумов данного пола в данном могильнике.

смертей, чем время первого детства. Юношеских погребений еще меньше. Это резко противоречит тому, что отмечено для афанасьевской культуры, где, по данным М. П. Грязнова, лиц юношеского возраста среди захороненных на 30% больше, чем детей⁸. Известное соответствие наблюдается с соотношением детских и юношеских погребений в могильнике гунно-сарматского времени Кокэль в Туве⁹.

Отношение числа детей младше 14 лет к числу женщин старше 14 лет¹⁰ дает приблизительное представление о среднем количестве детей, умиравших у одной женщины. Эти показатели следующие:

Гришкин Лог I	0,9
Каменка I	1,4
Туран (суммарно)	1,4
в среднем	1,2

⁸ М. П. Грязнов, Реконструкция погребального обряда и социальной жизни древних племен на примере афанасьевских могильников, выступление на сессии Ленингр. отделения Ин-та археологии АН СССР 7 апреля 1971 г.

⁹ В. П. Алексеев, И. И. Гохман, Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокэль, «Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. III, Л., 1970, стр. 251.

¹⁰ Поскольку нельзя считать установленным, что могильники функционировали лишь в течение очень короткого промежутка времени, сюда следует включить и женщин старческого возраста.

Детские и юношеские погребения*

Возраст в годах	Гришкин Лог I	Каменка I**	Туран I	Туран II	Туран III	Всего
0—1	6 (18,2)		2 (25,0)	29 (47,6)	22 (81,5)	81 (36,6)
2—3	4 (12,1)		—	2 (3,3)	1 (3,7)	10 (4,3)
4—5	3 (9,1)		—	6 (9,8)	1 (3,7)	14 (6,2)
6—7	5 (15,2)		2 (25,0)	5 (8,2)	1 (3,7)	18 (8,1)
Inf. I	23 (50,8)	18 (47,3)	4 (33,3)	49 (53,9)	28 (80,5)	122 (55,2)
8—9	8 (24,2)		3 (37,5)	8 (13,1)	1 (3,7)	37 (16,7)
10—11	3 (9,1)		1 (12,5)	7 (11,5)	1 (3,7)	22 (10,1)
12—13	—		—	2 (3,3)	—	4 (1,7)
Inf. II	17 (36,1)	8 (21,1)	8 (66,7)	25 (27,2)	6 (16,6)	63 (28,5)
14—15	1 (3,0)		—	1 (1,6)	—	12 (5,4)
16—17	1 (3,0)		—	1 (1,6)	—	12 (5,4)
18—19	—		—	—	—	—
20—21	2 (6,1)		—	—	—	12 (5,4)
Juv.	6 (13,1)	12 (31,6)	—	17 (18,9)	1 (2,9)	36 (16,3)

* В скобках указывается процент от общего числа индивидуумов детского и юношеского возраста (для данного могильника).

** Вследствие обнаруженных расхождений в определении точного возраста между З. Б. Альтманом и мной, материал распределен только по основным градациям.

Это означает, что типичным было такое положение, когда у каждой женщины один, реже двое детей умирали, не достигнув репродуктивного периода. Следовательно, для поддержания численности популяции на одном уровне каждая женщина должна была родить в среднем по крайней мере трех детей. Учитывая сравнительно низкую среднюю продолжительность жизни (см. ниже) и множество других отрицательных факторов, эту цифру следует, вероятно, увеличить минимум вдвое.

Общие поло-возрастные пропорции показаны на графике (рис. 3), где основания прямоугольников пропорциональны продолжительности возрастных периодов. Разделив долю индивидуумов определенной возрастной категории на долю, которую составляет данный период в максимальном жизненном сроке (60—80 лет), получаем следующие коэффициенты.

Inf. I 2,2—2,9
 Inf. II 1,2—1,6
 Juv. 0,6—0,8
 Adult. 0,8—1,1
 Mat. 0,9—1,3
 Sen. 0,7—0,2

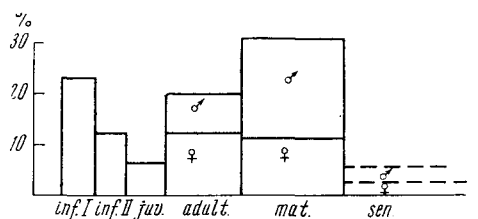

Рис. 3. Общие поло-возрастные соотношения

Разумеется, поскольку известно лишь число умерших, а не число живших, такие коэффициенты имеют ограниченное значение.

Средняя продолжительность жизни вычислена путем умножения середины каждого возрастного класса на долю этого класса. Середина старческого возраста принималась равной соответственно 57,5 и 67,5 годам. Продолжительность жизни подсчитана отдельно для мужчин и для женщин (без учета детской и юношеской смертности), а затем для обоих полов вместе, с учетом индивидуумов детского и юношеского возраста. Могильники дали близкие величины (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Средняя продолжительность жизни

Могильники	Гришкин Лог I	Каменка I	Туран (суммарно)	В целом
Мужчины	42,9—43,9	42,6	41,6—42,9	42,1—43,1
Женщины	38,0—39,2	38,7	37,8—38,7	38,1—39,0
С учетом детей и юношей	29,0—29,7	24,4	25,2—25,8	26,2—26,8

Средний срок жизни в 26,5 лет следует в данном случае считать вполне нормальным. Такая же продолжительность жизни имела место в средневековой Европе и еще в 20-х годах нашего века была отмечена в Индии¹¹. В стационарной популяции этого соответствует коэффициент рождаемости и смертности — 38,5 (на 1000 человек в год).

По материалам всех могильников, продолжительность жизни у женщин была ниже, чем у мужчин. Такая же картина наблюдается в большинстве изученных в демографическом отношении древних популяций. Одним из распространенных объяснений этого факта является высокая смертность, связанная с деторождением. Периоды, более близкие к современности, характеризуются, как известно, обратным соотношением, когда женщины живут дольше мужчин.

¹¹ Э. Россет, Эволюция продолжительности человеческой жизни на протяжении веков, «Тр. VII МКАЭН», т. I, М., 1968, стр. 415, 418.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Е. В. Рихтер

«...ЛУЧШЕ ЧАЯ НИЧЕГО НЕТ»

Светлое Чудское озеро на границе России и Эстонии местные жители называли и называют уважительно «морюшком».

Но по-настоящему то здесь три озера: Чудское, Теплое и Псковское. Северный берег Чудского озера называют Принаровьем, западный — Причудьем, к югу от него идет Обозерье — побережье Псковского озера.

Очень русские названия, а ведь это территория Эстонской ССР. Дело в том, что немногочисленные деревеньки западного берега начали стремительно разрастаться в XVIII — начале XIX в., когда из северо-западных русских губерний бежали за рубеж крестьяне и ремесленники, спасаясь от религиозных притеснений и помещичьего гнета. В Причудье расселялись в основном старообрядцы.

Я занимаюсь историей и этнографией русских жителей Причудья. Тема увлекательная, ведь последние главы этой истории — наше время. Мне довелось увидеть, какие удивительные перемены происходят в замкнутом некогда мире староверов, где довлели вековые религиозные традиции.

Исторических документов пока не обнаружено, основной источник — народная память. Поэтому я хожу из деревни в деревню, из дома в дом, сижу в конторах рыболовецких колхозов, у председателей сельсоветов, у директоров школ. Расспрашиваю, записываю, ставлю на полях восклицательные и вопросительные знаки. Работа еще только начата и очень мне здесь нравится. Ну и, конечно, случаются разные неожиданности.

Вот новая для меня деревня Тихеда, по-русски — Тихотка. Никого здесь не знаю. А вечер уже наступил, тени от домов протянулись почти до самой воды. Прошусь на ночлег. Лицо бородатого хозяина приветливо, в доме сумрак, белеют изразцы лежанки (здесь ее называют «лянушка») проглядывает тяжелая городская мебель, в углу совсем темным кажется огромный золоченый киот с иконами.

Очень хочется есть.

— Вот сейчас откормим пастухов и будем ужинать, — говорит старая хозяйка. — С пастухами теперь беда, такие набалованные, не знаешь, чем их и угостить.

Веселые молодые пастухи, наконец, ушли, и мы садимся за стол. Стол пуст, на нем лишь шумит большой медный самовар, стоит вазочка с колотым постным сахаром.

А мне очень хочется есть....

Чай отличный, темно-янтарного цвета, с нежным горьковатым ароматом. Постный сахар, который варят здесь хозяйки, тоже имеет какой-то удивительный вкус. Хочется тотчас же записать рецепт, научиться ва-

ритель самой, чтобы потом поражать своих городских друзей. Впрочем, как я убедилась позже, это далеко не так просто. И песку килограмм возьмешь и стакан молока выльешь, и ложечку масла положишь, и дождешься крупных «булек», когда сахар раскипится, а момент готовности упустишь, и не застынет он на тарелках, останется вязкой массой с крупными кристаллами...

Но у старых хозяек постный сахар удается всегда. Хозяева пьют по три чашки чаю, я выпиваю две.

— А теперь будем ужинать. Мы-то постимся, а для пастухов варим мясное, вот и выручайте нас, — говорит мне хозяйка.

Она ставит на стол тушеное мясо с картошкой, жареную рыбу, заливное из рыбы, творог, масло, молоко... Но... выручить как надо я уже не могу: чай, а главное, сахар вполне насытили меня. Не знала, не знала я тогда здешнего порядка — пить чай до еды. В наши дни встретит в Причудье семью, которая не ест скоромного в дни летнего Петровского поста, как довелось мне в деревне Тихеда, почти невозможно. Ведь посты, как и многие другие обязательные старообрядческие предписания, ушли в прошлое, отмерли, канули в вечность, а вот чаепития процветают.

Истовость, с какой пьют чай русские жители Причудья, хочется сравнить с тем особым пристрастием к кофе итальянцев и финнов, о котором пишут очевидцы.

Говорят, что финны выпивают за год озеро Сайма, а потом молят бога, чтобы он послал зимой побольше снега.

Чудское озеро не выпьешь, но у причудцев свои тревоги: «чай... да мы на нем, как на вине, пропиваемся», — услышите вы там. Совсем старые старики говорят: «Чай у нас издавна. Свекровь очень чай любила, она не попьет — заболит, травы никакой не хотела, только чай». Или: «Свекор до старости искал всякие травы, пробовал гуньбу (тмин) заваривать, яблочный лист... А перед смертью сказал — лучше чая ничего нет».

Для чая брали обязательно озерную воду, расстояние от дома до озера в расчет не принималось. У старухи, которая носит воду на коромысле чуть не за километр, спрашиваю, почему она не ходит на соседний колодец. Она отвечает: «Так ведь озерная вода смеется мне в чашечке, а колодезная плачет...»

Определяя состоятельность соседки, женщины говорили: «Ну что у нее не жизнь, ножка на ножку, губы на фарфор...» Девушке, выходящей замуж, жены рыбаков завидовали: «Он сапожник, ты дома будешь сидеть, чай пить да по высокому озерному берегу гулять».

В какой бы семье я ни жила, вижу — к каждому чаепитию заваривают свежий чай, спитой чай и видеть не хотят, называют почему-то щелочью.

Чай считается проверенным средством для поправки здоровья: против желудочного расстройства, головной боли и, наконец, пьют его просто для поднятия настроения.

Без самовара не живет ни одна семья. Самовары: большие, ведерные, и поменьше, на 5 литров, медные и никелированные, шароподобные и цилиндрические — все они истинное украшение кухонь. За самовар садится трижды в день большая семья, кипящий самовар ждет рыбака, пришедшего с озера, самовар несколько раз в день разгнетет и одинокая старуха.

Самовар во время чаепития должен шуметь, уголья для «подшумки» запасают всю зиму, пока топят русскую печь.

В старину без самовара не ездили на покос. Самовар брали женщины, уезжая на озеро со ставными сетями на всю ночь летом, когда мужчины бывали в отхожем промысле. Жадный свекор, собираясь на озеро, не хлеб запырал, а кран от самовара брал с собой. А невестки, рассказы-

вают, деревянный приделывали, заваривали чай, торопились, обжигались под приговоры свекрови — пейте скорее, чтобы старик не увидел...

Я тоже полюбила несравненный причудский чай и могла бы привести еще немало историй и рассказов, услышанных на берегу Чудского озера. «Но что же в этом удивительного?» — скажете вы. Чай сменил в России сбитень уже в XVIII в., а в XIX в. было, наверное, предостаточно чаевников среди русских ремесленников, отходников и мещан.

А удивительно то, что жители западного Причудья — потомки староверов, поморцев и федосеевцев, которые питье чая считали за великий грех. Из поколения в поколение передавались здесь строгие религиозные предписания, неприятие всяких иноземных нововведений, какими были чай, кофе, табак, картофель.

Когда впервые появился в Причудье чай, никто сказать не может. По всей вероятности, принесли его отходники. В отличие от эстонских крестьян земли у староверов не было, но рыболовство и строительное дело кормили их не хуже крестьянского труда. Из деревень Причудья искусные каменщики («мурники») уходили на строительство домов в Петербург и Ригу, зимой занимались подледным ловом. А в посаде Красные Горы (теперь город Калласте) мужчины занимались главным образом ловом рыбы, на Чудском озере — зимой, на Ладожском озере — с ранней весны до осени. Окончив промысел, рыбаки и каменщики на вырученные деньги покупали в Питере не что-нибудь, а иконы старообрядческого письма и самовары.

Преступили староверы закон и перешли от кваса к чаю, очевидно, еще в первой половине XIX в., потому что во второй его половине лишь некоторые старики считали самовары антихристовой машиной, не пили зелье-чай, не потребляли сахар — «антихристов соблазн». К концу XIX в. примирились с чаем даже самые строгие ревнители веры, но, сознавая свою греховность, в дни великого поста пили все же кипяток с изюмом. Упрямые старики, намучившись с пробами разных трав, вынуждены были признать: лучше чая ничего нет...

Так чай оказался сильнее старообрядческих запретов, сильнее учения суровых наставников.

В экспедициях мне в общем-то не до чаев, я занимаюсь этнографией и социологией. Но я никак не могу пройти мимо этих ритуальных чаепитий, не могу удержаться и не записать слова, которыми лукаво высмеивают жители Причудья свою чайную страсть: «Чай, да мы на нем, как на вине, пропиваемся».

СОВЕЩАНИЕ ПО СОЦИОЛОГИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

3—4 марта 1971 г. в Москве состоялось совещание, созванное по инициативе секций по социологическим проблемам села и этносоциологии Советской социологической ассоциации. Цель совещания — привлечь внимание специалистов различных отраслей науки к некоторым социологическим и этническим аспектам проблемы преобразования села. Тезисы докладов были изданы отдельным сборником¹.

В работе совещания, наряду с социологами, этнографами, географами, философами Москвы и ряда других городов, приняли активное участие представители различных организаций, которые на практике занимаются вопросами сельского расселения: Министерства сельского строительства СССР, Министерства сельского хозяйства СССР Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР, Госстроя РСФСР и других.

Участники совещания заслушали свыше 20 докладов, сообщений и выступлений частично основанных на результатах конкретно-социологических исследований.

Совещание открыл Ю. В. Арутюнян (Институт этнографии) докладом «Социологический подход к проблемам сельского расселения». Он отметил важность и огромную практическую значимость изучения и планирования сельского расселения. Докладчик считает ненормальным такое положение, когда, развернувшееся в нашей стране переустройство сельских населенных мест происходит без должного социологического обоснования. Практика планировочных решений, по его мнению, возможна только на основе изучения потребностей и запросов сельского населения. Ю. В. Арутюнян выделил как одну из основных социологических задач в области сельского расселения изучение двухсторонней связи между социальной средой (населением со всеми его этническими, демографическими и социальными особенностями) и поселением. Особенно важно выявить не только текущие, но и перспективные потребности различных социальных и демографических групп по отношению к своему поселению. В результате станет возможным долгосрочное прогнозирование сельского расселения.

Используя данные конкретных социологических исследований, Ю. В. Арутюнян показал, что главное противоречие в развитии сельского поселения связано с ростом культурных запросов сельских жителей, которые трудно удовлетворить в ограниченных рамках сельского населенного пункта. Это противоречие можно разрешить, главным образом, за счет совершенствования сельского расселения. Причем, в этом смысле путь укрупнения поселений не представляется Ю. В. Арутюняну исчерпывающим. Более радикальным, по его мнению, является создание аграрно-промышленных комплексов, которые явились бы не только хозяйственными, но и культурными центрами. Докладчик подчеркнул невозможность ликвидации существующих противоречий вне единой системы расселения; в этом случае города возьмут на себя часть функций по культурно-бытовому обслуживанию сельского населения.

В заключении доклада говорилось, что отставание в области социологического изучения проблем сельского расселения отражает недостаточное внимание к сельской социологии вообще. Назрела необходимость, подчеркнул Ю. В. Арутюнян, создать социологическую службу по изучению села.

С. А. Ковалев (МГУ) в докладе «Проблемы и тенденции развития системы сельских поселений в СССР», охарактеризовал тенденции в развитии сельского расселения. Он выразил сожаление, что существующая система учета не фиксирует такие сведения, как степень обновленности жилого фонда, распространение элементов благоустройства и т. д. В результате невозможно оценить происходящие процессы во всей их полноте. Отметив разницу в подходе к принципиальным вопросам сельского расселения представителей различных проектных организаций, С. А. Ковалев указал на некоторые темы, требующие внимания социологов; как влияет существующее расселение на интенсивность миграции сельского населения, какова социальная эффективность аграрно-

¹ «Социологические проблемы сельского расселения», М., 1971.

промышленных комплексов и экспериментального строительства, какова роль местных центров в системе расселения. В докладе отмечена важность проблемы формирования облика села; особо выделен вопрос о сезонно обитаемых поселках, на которые, по мнению С. А. Ковалева, не обращается должного внимания. Непременным условием совершенствования системы расселения, формирования нового облика села докладчик считает изучение обратной связи, т. е. реакции населения на то, что ему предлагается.

В. П. Бутузова (ЦНИИ градостроительства) информировала присутствующих о большой работе, завершённой в этом институте по определению путей преобразования сельских населённых мест в общей системе расселения.

Подчеркнув, что сельский населённый пункт в социально-экономическом плане не является полноценным типом поселения, В. П. Бутузова отметила, что основной путь для достижения определённого уровня жизни — создание ступенчатой системы расселения с последовательным включением системы более низкого ранга (с сельскими центрами) в систему более высокого уровня (с городскими центрами). При этом необходимо обратить внимание на транспортную проблему.

По мнению Е. Э. Маркова (ЦНИИ градостроительства) подойти к решению проблемы расселения позволит дальнейшее развитие инфраструктуры. Докладчик охарактеризовал системы расселения разного порядка и остановился на роли и функциях центров в этих системах.

О. В. Леонтьев (ЦНИИ экспериментального проектирования учебных заведений) в своём выступлении рассказал о работе по выделению зон сельского расселения, подчеркнул необходимость привлечения к этим работам широкого круга учреждений.

В двух докладах рассматривались проблемы развития системы культурно-бытового обслуживания в сельской местности. В. И. Музычкин (ЦНИИ экспериментального проектирования торговых зданий) говорил о неравномерности развития сети культурно-бытового обслуживания по отдельным регионам и показал некоторые тенденции в развитии культурно-бытового обслуживания сельского населения. Докладчик указал, что при строительстве типовых зданий культурно-бытового назначения следует учитывать зональные различия, чтобы избежать от однообразия в облике поселений. В. И. Музычкин отметил важность изучения влияния культурно-бытового обслуживания на отдельные социально-экономические процессы, в частности на миграцию сельского населения.

А. И. Гришин (ЦНИИ экспериментального проектирования учебных заведений) говорил о том, что оптимальным вариантом культурно-бытового обслуживания сельского населения является ступенчатая система. Он обратил также внимание на необходимость комплексного решения проблем сельского расселения. Это значит, что и эксперименты по расселению целесообразно проводить в границах района, чтобы решить все комплексные вопросы.

В. Р. Беленький (ЦНИИ экспериментального проектирования граждансельстрой) отметил, что создание аграрно-промышленных комплексов способствует интенсификации и стабилизации связей между сельскими поселениями, ведет к формированию соподчиненных и взаимосвязанных систем населённых пунктов, а также оказывает влияние на социальные процессы. Докладчик считает, что факторы, влияющие на создание агро-промышленных комплексов и социальные последствия организации таких населённых пунктов ещё не стали предметом всестороннего изучения.

Большое внимание агро-промышленным комплексам и их влиянию на расселение уделил в своём докладе «Задачи социологии в связи с преобразованием сельских населённых мест» Л. Л. Данилов (Гипроинисельхоз).

Этнический аспект проблем сельского расселения получил отражение в докладах В. П. Кобычева и И. С. Гурвича (Институт этнографии) и сотрудников других учреждений.

В докладе В. П. Кобычева подчеркивалось, что при планировании изменения характера расселения следует учитывать опыт местного населения, его этнические особенности, традиции. Игнорирование этого привело, например, к тому, что в отдельных районах Чечено-Ингушетии местные жители не желают селиться в населённых пунктах, признанных перспективными. Здесь иногда встречаются заброшенные селения, состоящие из добротных типовых домов.

В. П. Кобычев рассказал о результатах анкетного опроса, который был проведен по инициативе Л. Н. Терентьевой в институте этнографии АН СССР с целью выяснения мнения специалистов-этнографов о том, какие традиционные черты сохраняются в сельских поселениях различных регионов и этнических групп и какие из них желательно учитывать при проектировании сельских поселений. В частности, докладчик обратил внимание на выводы экспертов о целесообразности сохранения в сельской местности автономной усадьбы и одноэтажной застройки с использованием дешевых местных строительных материалов. Целесообразно также, по их мнению, развитие в отдельных регионах Западной и Восточной Сибири национальных традиций в сооружении выносных хозяйственных построек.

И. С. Гурвич в своём докладе «Формирование современных поселений у народов Крайнего Севера и влияние их на этносоциологические процессы» отметил, что создание поселков в тундре и тайге привело к ускорению этнических процессов, к усилению притока русских в новые поселения, к широкому распространению русского языка, двуязычия. Это способствовало преодолению былой этнической изоляции этно-

графических групп, консолидации отдельных народностей, сближению быта народов Севера с бытом русского народа, восприятию элементов культуры, присущих всем народам СССР.

В. И. Переведенцев (Институт международного рабочего движения) отметил однообразный, унылый вид застройки в Таджикистане. Здесь не учитывались местные природные условия, бытовой уклад и национальные традиции местного населения. Иногда сложные вопросы расселения решаются чисто административными мерами без учета их возможных последствий.

Г. А. Кузнецов (Московский институт инженеров землеустройства) в своем выступлении показал сложность решения проблем расселения, привел примеры недостаточности продуманных планировочных решений, обратил внимание на важность совершенствования схем районной планировки и участия социологов в их составлении.

О недостаточной обоснованности схем районной планировки говорилось в выступлениях А. Н. Кондухова (Главсельстройпроект Министерства сельского хозяйства СССР), Г. Я. Ермакова (Совет по организации производительных сил при Госплане СССР), А. И. Якушова (Кубанский государственный университет).

Ю. М. Мартынов (ЦНИИ экспериментального проектирования граждансельстрой) полагает, что если схемы районной планировки составляются с учетом перспектив развития хозяйства проектируемого поселка, их можно считать вполне реальными.

Большой интерес на совещании вызвал вопрос о научной обоснованности районной планировки.

Б. А. Бремер (ЦНИИ экспериментального проектирования жилища) в своем докладе «О социологических факторах формирования современного сельского жилища», подчеркнул необходимость формирования сельского жилища с учетом запросов различных социальных и этнических групп населения.

И. И. Беленькая (ЦНИИ экспериментального проектирования жилища) в своем докладе «О социологическом подходе к обоснованию этажности сельского жилого дома» рассказала об опыте научного обоснования типов жилых домов и структуры жилой застройки в соответствии с возможностями удовлетворения запросов сельских жителей. В ходе исследования проводился анкетный опрос жителей, выявлены факторы, оказывающие наибольшее влияние на выбор типа дома. В результате исследования построена математическая модель, которая, по мнению докладчика, поможет выявить соотношение разных типов жилых домов в любой сельской застройке, не прибегая каждый раз к опросу населения.

В. Ф. Томилин (Целиноградский сельхозинститут) в докладе «Приусадебное хозяйство и планировка сельских населенных мест» рассмотрел влияние приусадебного участка на планировку и застройку сел. На основе результатов конкретно-социологического исследования, проведенного в совхозах Северного Казахстана он сделал вывод о том, что подсобное хозяйство играет далеко не одинаковую роль в жизни различных социальных групп сельского населения. Это обстоятельство определяет и различные требования к типу дома, к уровню благоустройства и т. п., а значит, его нельзя не учитывать при планировке и застройке сельских населенных мест.

Этой же точки зрения придерживается и М. Ф. Клебанов (Мелитопольский институт механизации сельского хозяйства).

А. Н. Сахаров (ЦНИИ экспериментального проектирования жилища) в докладе «Об учете некоторых социально-экономических факторов при выборе типов сельских домов для Крайнего Севера» ознакомил участников совещания с исследованием, проводившимся с целью обоснования планировочной структуры и этажности жилых домов в сельской местности Крайнего Севера. В ходе этого исследования был проведен опрос населения коренной национальности. Сделаны следующие выводы: особенности сельского расселения на Крайнем Севере связаны со специализацией сельскохозяйственного производства, каждый из хозяйственных типов расселения характеризуется еще и различными национально-бытовыми укладами, а также особенностями типов личного подсобного хозяйства. Опрос помог установить, что для сельских жителей Крайнего Севера главную роль играет не этажность, а планировка жилища; в каждом из хозяйственных типов расселения целесообразно строить различные по планировочной структуре типы жилых домов. А. Н. Сахаров подчеркнул важность изучения социально-экономических закономерностей в формировании жилой застройки; зная их, можно проводить опрос более целенаправленно.

В. М. Кветковский (Латвийская сельскохозяйственная академия) рассказал об анкетном опросе сельского населения в отдельных районах Латвии, проведенном с целью выявления обратной связи; изучалась реакция населения на предлагаемые ему варианты расселения. В результате опроса выяснилось, что большинство сельских жителей предпочитает жить в крупных благоустроенных поселках.

Исследование обратной связи было проведено и в ЦНИИ экспериментального проектирования граждансельстрой. Об этом рассказала В. А. Баранова. Однако эта работа осталась незавершенной, поскольку обширный материал, собранный в ходе первого этапа исследования по 32 хозяйствам в 7 центральных областях РСФСР не удалось полностью обработать. Однако уже предварительные выводы свидетельствуют о его большой практической значимости.

Во многих выступлениях прозвучала мысль о необходимости более разносторонних и глубоких исследований на профессиональном уровне.

На сложных проблемах, которые встают перед сельской архитектурой в связи с переустройством сельских населенных мест остановилась в докладе «Эстетика современного села» В. Н. Калмыкова (Институт истории, теории и перспективных проблем архитектуры). Следует шире использовать, говорила она, при формировании облика села опыт народных мастеров, учитывать традиции, национальные особенности различных народов и этнических групп.

Проблема формирования облика современного села по мере дальнейшего развития процесса урбанизации и повышения в связи с этим привлекательности сельского образа жизни (близость к природе, отсутствие шума и загрязнения воздуха) будет приобретать все большую значимость.

Выступая с заключительным словом, Ю. В. Арутюнян подчеркнул, что данное совещание — это первый шаг к выработке общего подхода к проблемам расселения и поддержал предложение С. А. Ковалева об организации в дальнейшем тематических семинаров по различным аспектам этой проблемы.

В ходе совещания были разработаны и приняты рекомендации, конкретно определяющие направления исследований в области социологического изучения проблем сельского расселения, таких как установление функциональной зависимости между технико-экономическими и социальными параметрами сельского строительства. В рекомендациях подчеркивается, что социологическое исследование растущих потребностей и запросов сельского населения к культурно-бытовому обслуживанию, к типам домов и сельской застройке должно проводиться с учетом различий в природно-экономических условиях, дифференциации сельского населения по социальным, экономическим и этническим признакам.

В. Н. Шамшуrow

МЕМОРИАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЕННАЯ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЮ

В 1971 г. исполнилось сто лет со времени первого пребывания Н. Н. Миклухо-Маклая на Новой Гвинее и 125 лет со дня его рождения. Этому двойному юбилею была посвящена конференция по изучению Австралии и Океании, на которой присутствовали внук ученого Поль Маклай с женой, постоянно живущие в Австралии. К началу конференции в Музее антропологии и этнографии АН СССР была открыта временная мемориальная выставка, посвященная жизни и деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая.

Организаторы решили рассказать о жизни ученого как бы его собственными словами: различные экспонаты, рисунки снабжены текстами, представляющими выдержки из его дневников и писем. Таким образом, новая выставка не повторяет и благодаря обилию коллекций, приведенных Н. Н. Миклухо-Маклаем, почти не нарушает постоянную выставку Австралии и Океании.

Весь экспозиционный материал, размещенный в десяти шкафах, двух витринах и на восьми столах, расположен строго в хронологическом порядке.

Открывается выставка материалами, рассказывающими о путешествиях, совершенных Н. Н. Миклухо-Маклаем в студенческие годы. Здесь много фотографий, рисунков и портретов, относящихся к тому времени. Посетители знакомятся с ценнейшими для этнографии предметами и, прежде всего, с реликвиями полинезийской культуры — деревянными табличками с письменами и деревянными фигурками с о. Пасхи, привезенными ученым из первого путешествия в Океанию на корвете «Витязь». Очень интересны зарисовки, сделанные ученым в Южной Америке и Полинезии (рис. 1).

Много места в экспозиции уделено предметам, рассказывающим о пятикратном пребывании Н. Н. Миклухо-Маклая на северо-восточном берегу Новой Гвинее, носящем с 1871 г. его имя. «Цель — исследование первобытных народов — мне казалось достойной посвятить ей несколько лет жизни...», — пишет в это время ученый, посвятивший затем этому изучению не несколько лет, а всю свою остальную жизнь.

Благодаря разнообразию предметов коллекций, привезенных Н. Н. Миклухо-Маклаем, стало возможным показать основные виды орудий, сделанных из камня и раковин, предметы быта папуасов, их одежду и оружие.

«Рассматривая содержимое одной из сумок «гун»... нашел в ней много интересного», — эту выдержку из дневника Маклая мы видим рядом с сумкой папуаса и несколькими бытовыми предметами, чаще всего хранившимися в ней. Так постепенно мы знакомимся с мыслями ученого, приобретенными им этнографическими и антропологическими предметами, видим сделанные путешественником зарисовки папуасов, их деревень, домов, утвари, костюмов, орнаментов и т. д.

«Моим исследованиям и путешествиям я не предвижу еще конца...» — пишет Н. Н. Миклухо-Маклай в 1873 г. вскоре после возвращения из первого путешествия на берег Маклая.

Знакомясь с экспонатами других разделов выставки, мы узнаем о предпринятых ученым в 1874—1875 гг. путешествиях на юго-западное побережье Новой Гвинее (Па-

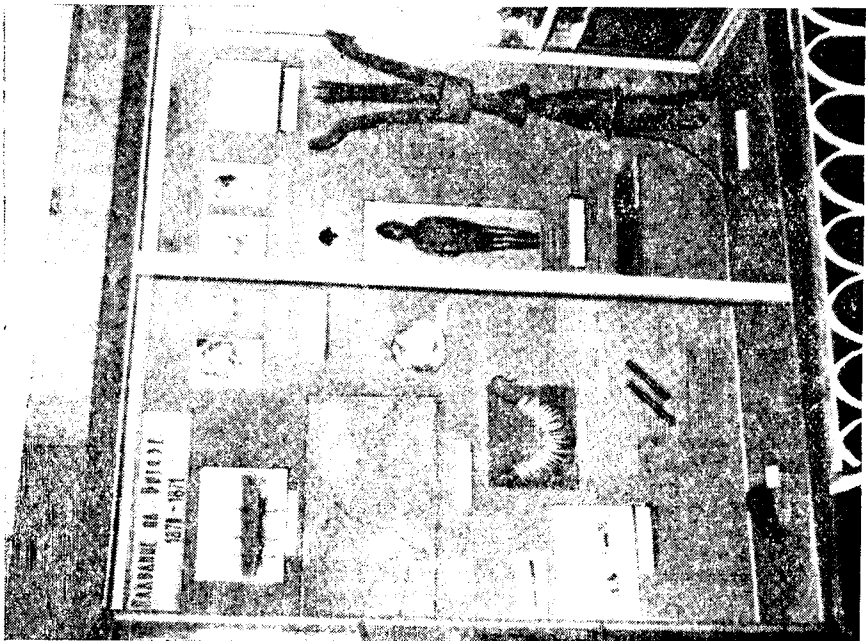

Рис. 1. Вещи, привезенные Н. Н. Миклухо-Маклаем с островов
Пошнелани, и рисунки из коллекции ученого (Шкаф 1)

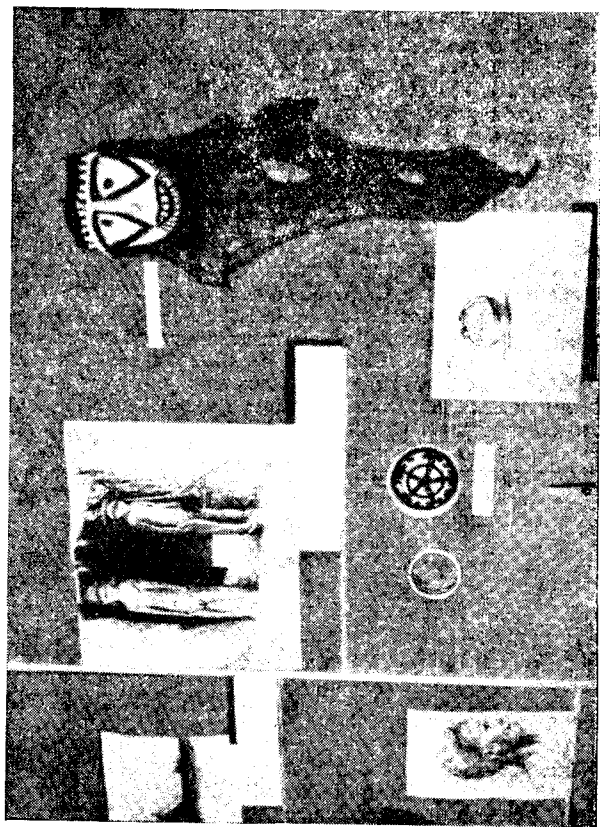

Рис. 2. Предметы с островов Меланезии (Шкаф 8)

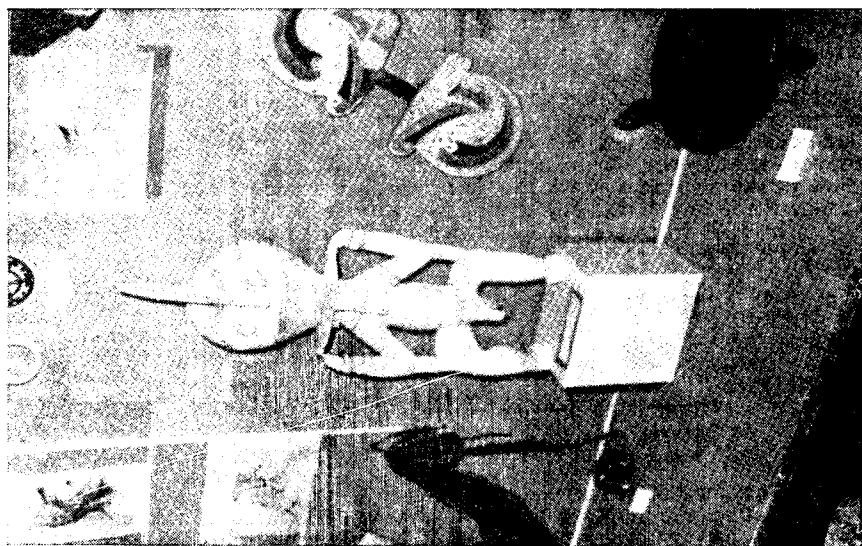
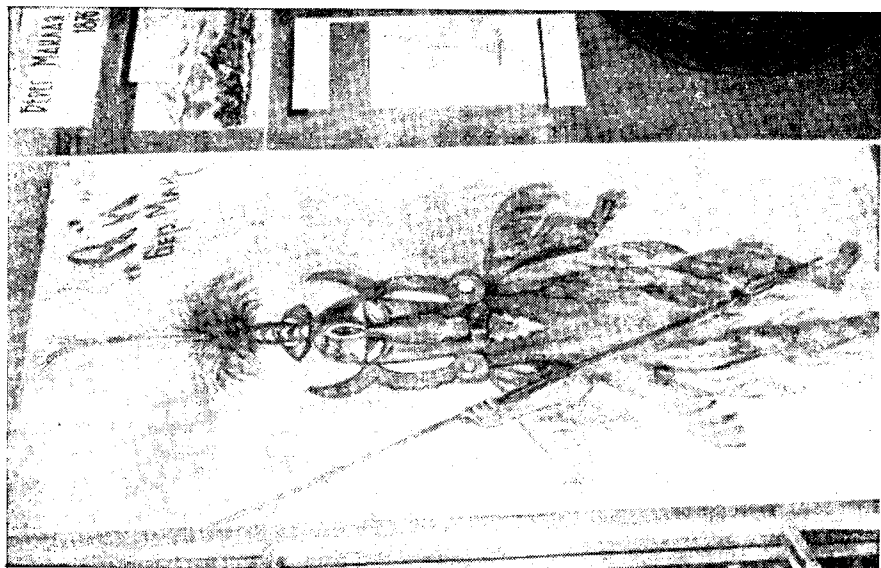

Рис. 3. Рисунки и предметы из коллекции Н. Н. Миктухо-Маклая с островов Меланезии (шкафы 7 и 8)

пуа-Ковийай) и в Малакку. Короткие записи из дневников, относящиеся к этому времени, говорят об истинном мужестве и гуманности — характерных чертах ученого, об огромной силе воли исследователя, постоянно побеждавшего приступы изматывающей лихорадки и отправлявшегося в такие районы, куда не ступала еще нога белого человека.

В эти годы Н. Н. Миклухо-Маклай добровольно принимает на себя тяжелую роль защитника прав коренного населения Океании от эксплуатации со стороны представителей европейских государств. В 1876 г. он пишет: «Во время путешествия (по островам Микронезии.— Л. Р.) мне много раз приходилось видеть бесчестную эксплуатацию, которой подвергаются туземцы со стороны белых, и я намерен представить краткое изложение тех доходящих до преступления несправедливостей, которых мне пришлось быть невольным свидетелем».

Кроме образцов одежды, утвари, раковинных и каменных денег, о которых образно писал путешественник, здесь экспонирована небольшая деревянная фигурка — образец давно уничтоженной микронезийской скульптуры.

В том же 1876 г. Н. Н. Миклухо-Маклай вновь посетил берег Маклая. «Я обещаю им вернуться, когда узнаю, что возвращение мое может быть для них полезным... и возвращаюсь в Новую Гвинею не единственно, как естествоиспытатель, но также как «покровитель» моих черных друзей берега Маклая», имея в виду нависшую над ними угрозу захвата земель Германией и Англией. Коллекцию, привезенную из этого путешествия, украшает сделанный ученым цветной рисунок, на котором изображен участник праздника «Ай» (рис. 3).

В 1879 г. Н. Н. Миклухо-Маклай совершает путешествие по островам Меланезии, чтобы, — пишет он в своем дневнике, — познакомиться с теми островами, которые остались ему еще неизвестны. Из большого числа характерных этнографических предметов, собранных им во время поездки, особенно интересны легкая деревянная маска с о-вов Новые Гебриды (рис. 2) и большая ритуальная белая фигурка «кулаб», изготовленная на о. Новая Ирландия в память об умершем (рис. 3).

Чтобы воспрепятствовать английской карательной экспедиции совершить жестокую расправу над папуасами за убийство пяти миссионеров, Н. Н. Миклухо-Маклай предпринимает в 1880—1881 гг. путешествие на юго-восточный берег Новой Гвинеи и своим быстрым, решительным и умным вмешательством предотвращает ее. В письме, написанном ученым 24 августа 1882 г., читаем: «План мой вполне удался. Вместо сожжения деревни и поголовного истребления ее жителей все ограничилось несколькими убийствами в стычке, в которой пал главный виновник убийства миссионеров, начальник деревни Квайпо, и разрушением бывшей его хижины».

Исследуя жизнь и обычаи папуасов, Миклухо-Маклай уделял много внимания изучению татуировки и сделал большее количество рисунков. На выставке можно увидеть инструменты, с помощью которых производилась эта операция. С интересом познакомятся посетители выставки и с традиционным оружием папуасов — «коро» (копье с петлей), применяемым в охоте за головами.

Заканчивается выставка экспонатами, рассказывающими о разносторонней научной деятельности Миклухи-Маклая в последние годы его жизни, проведенные в Австралии и Петербурге.

Эпилогом выставки служит выдержка из письма Л. Н. Толстого Н. Н. Миклухо-Маклаю:

«Насколько мне известно, Вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, т. е. доброе обобщительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истинной, а не пушками и водкой... Ваш опыт с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу — в науке о том, как жить людям друг с другом. Напишите эту историю, и Вы сослужите большую и хорошую службу человечеству».

Л. Г. Розина

КАВКАЗСКИЙ ОНОМАСТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

Внимание научной общественности Кавказа с 5 по 15 апреля 1971 г. было приковано к проходившему в г. Махачкале Кавказскому ономастическому семинару, организованному Институтом этнографии АН СССР и Дагестанским филиалом АН СССР, а также Отделом загс и нотариатом Министерства юстиции СССР.

Ономастика Кавказа впервые стала предметом широкого исследования большого коллектива ученых. О значении семинара говорит то, что в нем участвовало более ста представителей от всех союзных и автономных республик, краев и областей Кавказа. На семинаре прочитано и обсуждено 47 рефератов, посвященных различным разделам ономастики (20 сообщений — по топонимии, 21 — по антропонимии, 3 — по этнонимии, 2 — по теонимии, 1 — по зоонимии). Собран и введен в оборот интереснейший научный материал.

Чрезвычайно ценно, что в работе семинара впервые приняли участие сотрудники загса, которые живо интересовались современным состоянием личных имен, отчества, фамилий и историей их происхождения.

С большим интересом участники семинара выслушали сообщение В. А. Джорбенадзе о работе Топонимической лаборатории Тбилисского государственного университета и выступление Р. М. Юзбашева и Н. И. Мамедова о работе Муганской топонимической экспедиции Института географии АН СССР. Обмен опытом между участниками топонимических экспедиций позволит распространить наиболее удачные приемы сбора топонимов в тех республиках и областях Кавказа, где подобная работа не проводилась.

О некоторых огузо-туркменских этнонимах в топонимии Кавказа рассказала З. Б. Мухамедова (Ашхабад). Она отметила, что в исследуемом регионе встречается целый ряд топонимов, в той или иной степени сходных с отдельными этнонимами, приводимыми Махмудом Кашгарским, Рашид-ад-Дином и автором XVI в. из Несы Салар-Баба. По мнению докладчицы, эти данные помогут установить места расселения огузо-туркменских племен.

В ряде рефератов рассматривался вопрос о влиянии тюркских языков на топонимию Кавказа. И. Х. Абдуллаев (Махачкала) выступил с сообщением «Принципы моделирования названий населенных мест в дагестанских языках», Ш. Ахмедовым и К. Ш. Микайловым «Несколько слов об агульских топонимах», Р. Гайдаровым «Некоторые особенности лезгинских микропонимов», Г. Х. Ибрагимовым «К этимологии гидронима Самур», Я. Г. Сулеймановым «Опыт объяснения названий нахско-дагестанских аулов» и др. В. К. Котович в докладе «О некоторых топонимах ранне-средневекового Дагестана» показал, что без тщательного изучения широкого круга письменных источников, данных археологических раскопок невозможно дать объяснение топонимов и, в частности, рассмотренных им раннесредневековых топонимов: Варачан, Баланджар и Таргу.

Значительное число основанных на богатом местном топонимическом материале рефераторов, различных по своей тематике, прочитано дагестанскими учеными: М. Исаевым и К. Ш. Микайловым «Кое-что из аварской ономастики», Ш. Ахмедовым и К. Ш. Микайловым «Несколько слов об агульских топонимах», Р. Гайдаровым «Некоторые особенности лезгинских микропонимов», Г. Х. Ибрагимовым «К этимологии гидронима Самур», Я. Г. Сулеймановым «Опыт объяснения названий нахско-дагестанских аулов» и др. В. К. Котович в докладе «О некоторых топонимах ранне-средневекового Дагестана» показал, что без тщательного изучения широкого круга письменных источников, данных археологических раскопок невозможно дать объяснение топонимов и, в частности, рассмотренных им раннесредневековых топонимов: Варачан, Баланджар и Таргу.

С интересным сообщением «О новом в советском законодательстве о личных именах, отчествах и фамилиях» выступил Н. А. Бельяк (Москва), М. М. Гусейнов рассказал о том, как изменились личные имена в Азербайджане в 1970 г.

На семинаре развернулась дискуссия по актуальным для многоязычного Кавказа проблемам транскрипции личных имен и фамилий. Во время обсуждения докладов по антропонимии в центре внимания ученых были вопросы имяобразования у народов Кавказа и народов других регионов.

К. Т. Рамазанов (Баку) прочел реферат «Мужские и женские имена в Азербайджане», З. А. Садыхов (с. Хачмас Азербайджанской ССР) «Об азербайджанской антропонимии», М. Мамедов (Баку) «О личных именах ираноязычных халаджей».

О некоторых новых именах у дагестанцев рассказала У. А. Майланова (Махачкала), о личных именах адыгейцев — З. У. Блягоз (Майкоп). Некоторые особенности аварской антропонимии коснулся в своем выступлении М. С. Саидов (Махачкала). Осетинская антропонимия древнего и средневекового периода стала предметом исследования Т. З. Козыревой (Орджоникидзе).

Ряд рефератов был посвящен изучению прозвищ — теме, не рассматриваемой ранее в таком объеме. С. М. Гасанова (Махачкала) выступила с докладом «Прозвище — как один из источников пополнения дарбинского именника», В. А. Флоровская (Майкоп) сообщила о прозвищах в русских говорах Кубани.

Положительно в работе семинара было то, что на нем прозвучали доклады, посвященные ономастике некавказских народов. К. З. Закирьянов (Уфа) рассказал о составе башкирского именника и о фонетической передаче башкирских личных имен на русский язык, Т. Х. Кусимова (Уфа) — об антропонимах в башкирских шеджере, Дж. Б. Логашова (Москва) — о современном именнике иранцев, А. Н. Зубков (Москва) — о личных именах в Индии.

Другим проблемам ономастики, к сожалению, было посвящено незначительное число рефератов. По этнонимии заслушаны доклады М. Атарова (Махачкала) «К истории этнонима маарулал (аварцы)», К. З. Чокаева (Грозный) «Некоторые древние названия нахских племен», М. М. Ихилова (Махачкала) «Происхождение термина „тат“».

Некоторые вопросы теонимии освещались в рефератах докладчиков из Махачкалы: Я. Г. Сулейманова «Теоним Цабор в индийских языках» и К. Ш. Микайлова «О следах древних теонимов в некоторых кавказских и русском языках». Эти же авторы представили доклад «Агульские зоонимы».

Участники с большим вниманием и интересом прослушали курс лекций В. А. Никонова по антропонимике и топонимике.

На заключительном заседании 13 апреля были подведены итоги работы и принято постановление, в котором говорится, что семинар прошел на высоком научном уровне.

С особым удовлетворением было отмечено, что на семинаре были установлены тесные связи ученых с практическими работниками, а также положено начало работе по созданию общесоюзного справочника личных имен. Ученым было предложено выработать критерий оценки личного имени, разработать для всех языков Кавказа транскрипцию личных имен и фамилий. Одобрив проведение Кавказского ономастического семинара Президиум Дагестанского филиала АН СССР постановил издать сборник трудов семинара «Ономастика Кавказа», а также выразил надежду, что научные контакты, установленные на семинаре, станут еще шире и теснее.

Дж. Б. Логашов

ВТОРАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР»

С 1 по 5 февраля 1971 г. в Ленинградском отделении Института этнографии проходила вторая научная конференция «Этнография и фольклор», посвященная обрядам и связанному с ними фольклору. В работе конференции участвовали ученые Москвы, Ленинграда, Казани, Риги, Таллина, Тбилиси, Еревана, Кишинева и других городов. Всего на конференции было заслушано 52 доклада.

Открывая конференцию, Л. М. Сабурова (Ленинград) подчеркнула важность поставленной проблемы и отметила, что в обрядах связь фольклора с этнографией особенно тесная и изучать их можно только комплексно. Это положение нашло подтверждение во всех докладах. О закономерностях связей фольклора с этнографией говорил Б. А. Акцорин (Йошкар-Ола), считающий, что фольклор и этнография представляют диалектическое единство. Чтобы понять глубокий смысл отдельных фантастических образов фольклора, его символику и другие элементы, сохраняющие порой древнейшие представления, надо изучать его комплексно, учитывая данные этнографии, истории, археологии, психологии, социологии и других наук.

О задачах и методах картографирования фольклора говорил К. В. Чистов (Ленинград). Он рассмотрел возможность применения методики картографирования элементов материальной культуры при картографировании обрядов и обрядового фольклора, а также рассказал об опыте картографирования обрядов в современных зарубежных этнографических и лингво-этнографических атласах. Исходя из некоторых методических соображений и учитывая состояние источников, докладчик считает, что картографирование русских обрядов целесообразнее начать со свадьбы. Картографирование должно охватывать как элементы материальной культуры (свадебную одежду, пищу и пр.), так и все разнообразие фольклорные элементы (сюжеты свадебных песен, напевы, особенности причитаний и пр.).

Э. В. Померанцева (Москва) сообщила об огромном и весьма ценном материале по обрядовому фольклору, собранному в 90-х годах XIX в. Этнографическим бюро В. Н. Тенишева, который хранится в архиве Государственного музея этнографии. Особенно широко представлены в собрании календарные обряды, зафиксированные в 16 губерниях, причем в двух из них народный календарь записан полностью. Данные Тенишевского бюро — уже готовый материал для классификации и картографирования обрядов.

А. А. Одабашян (Ереван) в докладе «К картографированию календарного фольклора армян» охарактеризовал различные жанры армянского обрядового фольклора и показал, как в нем отражаются многие стороны материальной и духовной жизни человека. Ш. А. Салакая (Сухуми) говорил о специфических особенностях обрядового фольклора абхазов, связанного с древней формой хозяйственной деятельности — охотой.

Несколько докладов было посвящено новогодним обрядам. Г. И. Спатару (Кишинев) рассмотрел исторически сложившийся комплекс новогодней обрядности молдаван, включающий игры, ряжение, колядование и представление народных драм. М. Н. Бэешу (Кишинев) остановился на особых новогодних песнях «орациях» и традиционном обряде «плугушор» («плуг») — символической инсценировке пахоты перед окнами дома, сопровождаемой песней, рассказывающей историю хлеба.

З. И. Власова и В. В. Коргузалов (Ленинград) рассказали об обнаруженном ими в ряде деревень Новгородской области интересном обряде «Похороны дударя» и связанной с ним песне, исполнявшейся на святках. М. Б. Руденко (Ленинград) проанализировала обряды курдов, сопровождающие новогодний праздник «ноуруз» (2 марта), символизирующий возрождение солнца и обновление природы. В этих обрядах отразились доисламские верования и культы, сходные с обрядами календарных турналей и др. Ю. В. Попович (Кишинев) в докладе «О существовании древнего праздника солнца на территории восточно-романских народов» остановился на обрядах

связанных, по его мнению, с культом солнца: 1) разжигание костров; 2) сжигание обрядового полена («бюодника»); 3) магическое размешивание огня в очаге специальной палкой — «колиндой».

О весенне-летних обрядах сделали доклады А. С. Лис (Минск), Н. М. Бачинская (Москва) и Г. Г. Шаповалова (Ленинград). А. С. Лис старался выяснить генезис белорусской купальской обрядности, в которой он видит пережитки солнечного культа. Первоначальные мифологические представления позже воплотились в антропоморфном образе Купады, имя которого этимолога, очевидно, правильно производят от общего корня слов «гореть» и «купать», что соответствует представлениям купальских обрядов.

Н. М. Бачинская проанализировала «вьюношные» песни (песни с припевом «вьюнец-молодец» и «вьюница-молодица»), записанные ею в 1961 г. в Горьковской и Ярославской областях. Это ритуальные оклики молодых с пожеланием им всяческого благополучия, исполнявшиеся на Красную горку. По напеву вьюношные песни сходны с колядками.

Г. Г. Шаповалова говорила об Егорьевском цикле. По ее мнению, Егорьев день, сохранившийся в XX в. у русских лишь как день ритуального выгона скота, некогда был у славян главным весенним праздником, что подтверждается южно- и западнославянскими материалами. Праздник этот продолжался с 23 апреля по 1 мая (день св. Макария), который в древности был праздником почитания матери Веселной. Обряды Егорьевского цикла и сопровождающий их фольклор могут рассматриваться как земледельческие, скотоводческие и как семейные, что и составляет их специфику.

Осенним календарным обрядам был посвящен только доклад Ю. Тедре (Таллин), охарактеризовавшего обряды Мартынова дня (10 ноября). В цикле песен, посвященных этому обряду, докладчик видит зачатки народной драмы.

В докладе Л. Н. Виноградовой (Москва) и Я. Дарбиниеце (Рига) календарный обрядовый фольклор рассматривался в сравнительном плане. Л. Н. Виноградова в докладе «Славянские фольклорно-обрядовые традиции в системе польской колядной песенности» попыталась раскрыть генезис специфических для польского фольклора колядок для девушек (*ubiranie dziewczyny*). Сопоставление их с восточнославянскими колядками и частично со свадебными песнями показало их тесную генетическую связь с общеславянскими песнями типа «предпочтение милого». Я. Дарбиниеце в докладе «Проблема жанра латышской календарной обрядовой песни в свете сравнительного анализа» показала значение сравнительного анализа для изучения специфики жанра. В латышском фольклоре иное соотношение календарной обрядовой песни с лирической по сравнению с русским, поэтому сопоставлять с русскими можно только заклинательные и величальные обрядовые песни.

По характеру и функциям к календарно-обрядовому фольклору близок обрядовый фольклор, связанный с промыслами. Общие проблемы, встающие при изучении этого вида фольклора, были поставлены в докладе В. И. Цинциус (Ленинград) «Обрядовый фольклор негидальцев, связанный с промыслами». Подчеркивая роль слова, докладчица считает признаком архаичности краткость словесных обрядовых обращений к духам-хозяевам с просьбой об удаче в охоте и в ловле рыбы, а также при ритуальном убиении медведя и при «кормлении» духа — хозяина огня.

Своеобразному малоизученному виду фольклора был посвящен доклад И. Г. Крашномедской (Ленинград) «Песенный фольклор сигналов в сельскохозяйственных обрядах». Докладчица рассмотрела цейлонские обрядовые песни, связанные с культивированием риса. Разделив их на две группы, нарративные и заклинательные, докладчица высказала мнение, что песенный фольклор является очень ценным источником при изучении древних народных верований.

Е. А. Алексеев (Ленинград) говорила об обряде и фольклоре у кетов, о том, какое большое значение при изучении обрядов и мифологии имеют различные фольклорные жанры. Вследствие специфических экономических условий у кетов не развились крупные обрядовые циклы (кроме медвежьего праздника), но вплоть до недавнего времени исполнение сказок и преданий имело у них обрядовое значение. Фольклор кетов, в котором шаманские верования и представления сложно переплелись с промысловым культом, дает очень много и для изучения шаманизма.

Наибольшее количество докладов было посвящено свадебным обрядам и песням разных народов. Т. Я. Бернштам (Ленинград) на основе собранных ею в 1969—1970 гг. на Летнем и Поморском берегах Белого моря материалов охарактеризовала русскую свадебную обрядность, выделив в ней как общерусские, так и специфические для этого региона черты. А. В. Торопова (Кострома) остановилась на жанровой классификации свадебного фольклора, а Т. М. Акимов (Саратов) — на поэтике русских свадебных песен и специфике их лиризма, художественная природа, по мнению автора, определяется обрядовой традицией и условностью, но сквозь толщу ритуальных требований и заставших форм в свадебных песнях пробивается живое, личное чувство. При сличении разновременных вариантов можно заметить, как непосредственное переживание стремится к более свободному, открытому выражению, однако никогда традиционная условность поэтики не может разрушиться полностью. В. М. Щуров (Москва) в докладе «Музыкально-поэтические особенности южнорусского свадебного обряда» отметил, что при множестве местных разновидностей южнорусский свадебный обряд стойко сохраняет общие признаки. Это объясняется особенностями местной истории, и прежде всего влиянием культуры ратных людей, жителей сторожевой полосы.

Н. А. Сихарулидзе (Тбилиси) прочитала доклад «О свадебной грузинской поэзии», в котором говорилось об основных моментах грузинского свадебного обряда и связанных с ним песнях.

Ю. Сурхаско (Петрозаводск), говоря об историко-этнической типологии карельской свадьбы, показал своеобразие свадебных обрядов различных этнических групп карел. Группируя наиболее близкие между собой локальные варианты, он выделил два основных типа карельской свадебной обрядности: северный и южный. У. С. Конкка (Петрозаводск) охарактеризовала большую и своеобразную роль причитальницы в карельском свадебном обряде. Основываясь на близких мотивах свадебных и похоронных причитаний, докладчица видит генезис ритуального плача невесты в верованиях, связанных с культом умерших предков. А. С. Степанова (Петрозаводск) рассмотрела метафорические замены термина «жених» в свадебных причитаниях карел. В этих заменах, по мнению автора, выражается отношение к жениху и его родне. Метафорический, инсказательный язык является характерной особенностью поэтики плачей.

Л. В. Хомич (Ленинград) в докладе «Элементы свадебного обряда у ненцев по материалам фольклора» охарактеризовала традиционный свадебный обряд ненцев, содержащий, по ее мнению, пережитки умыкания невесты, и показала, как элементы этого обряда отразились в эпическом фольклоре.

О роли музыки в старинном свадебном фольклоре мари говорила Г. И. Чугунцова (Казань). Она отметила назначение каждого жанра, систематизировала песни по их местоположению в обряде, выявила характерные признаки каждой группы, а также проанализировала инструментальные свадебные наигрыши. Ж. С. Мусаян (Ленинград) рассказал о найденном им в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина сборнике курдских хороводных свадебных песен, записанных в Эрзеруме русским консулом А. Жаба.

И. И. Земцовский (Ленинград) в докладе «О взаимосвязи календарной и свадебной обрядности славян (по музыкальным данным)» показал, что календарные и свадебные обряды славян и входящие в них фольклор генетически связаны.

Несколько докладов было посвящено похоронным обрядам. А. З. Розенфельд (Ленинград) в докладе «„Говораи-наз“ — древний погребальный обряд на Вандже и траурные рубон» описала обряд похорон девушек в Дарвазе и в бывшей Кулябской области в Таджикистане. И. М. Стеблин-Каменский (Ленинград) охарактеризовал фольклор в похоронном обряде памирских таджиков. Он отметил также, что похоронный обряд всех памирских народностей, принадлежащих к исмаилитской секте ислама, сходен и исключительно консервативен. Фольклор, связанный с похоронными обрядами, бытует здесь как на таджикском, так и на памирском языке. Тексты песен в большинстве не специфически похоронные; это песни о разлуке. Связь между смертью и разлукой в обряде и фольклоре памирских таджиков восходит, возможно, к древним верованиям.

В. П. Дьяконова (Ленинград), прочитавшая доклад «Отражение погребального обряда в фольклоре тувинцев», отметила большое значение фольклорных и этнографических материалов для воссоздания истории и различных сторон жизни ранних бесписьменных народов. В тувинском фольклоре (в основном это малые жанры) нет описания всего погребального цикла, но в нем много ценных сведений для характеристики отдельных сторон и деталей похоронного обряда. С. Б. Чернецов (Ленинград) говорил о роли фольклора в создании эфюпского заупокойного сборника «Свиток оправдания». Л. С. Кавтаськин (Саранск) остановился на почти неизвестном древнем мордовском обычае — имитации свадьбы при похоронах девушки. Детальное изучение этого обряда показывает, по мнению докладчика, что он был вызван не столько религиозными, сколько эстетическими потребностями.

Художественным особенностям обрядового фольклора были посвящены доклады Т. И. Орнатской (Ленинград) «Поэтический строй обрядовых песен» и Г. И. Яхонтовой (Саратов) «Обрядовая песенная поэзия и обрядовая речь».

Значительное внимание на конференции было уделено взаимосвязи жанров, особенностям использования обрядового фольклора в жанрах, не связанных с обрядами, изменениям обрядового фольклора в связи с утратой им первоначальной магической религиозной функции.

Е. М. Мелетинский (Москва) в докладе «Миф и обряд» высказал соображения о связи мифа и обряда и, в частности, остановился на популярной на Западе ритуально-мифологической теории, которая сводит обряд почти полностью к мифу.

П. М. Кожин (Москва) рассмотрел один из так называемых солнечных мифов Средиземноморья — миф о Фазтоне и Икаре, а В. Я. Волчок (Ленинград) выступил с докладом «О времени создания мифа о Сканде».

Б. Н. Путилов (Ленинград), посвятивший свое выступление эпосу и обрядам, показал, что в героическом эпосе народная обрядность может играть роль сюжетобразующую; при этом структура обряда переосмысливается и художественно трансформируется в соответствии с особенностями эпической эстетики и сюжетными задачами. Ю. В. Иванова (Москва) говорила об отображении свадебного обряда в албанских эпических сказаниях.

К. Т. Самородов (Саранск) рассмотрел мордовские календарно-обрядовые песни-мольбы («озномат», «пазморот») и отметил, что по функции, композиции и стилю они очень близки к заговорам и различаются лишь характером исполнения. В художе-

ственном отношении заговоры более развиты, нежели песни-озномы, являющиеся древним пластом календарной поэзии.

С. В. Арутюнян (Ереван) выступил с докладом «Тосты-пожелания как реликты благословений при общественном жертвопоедании».

А. Д. Шуляев (Саранск) в докладе «О взаимосвязи мордовской обрядовой и необрядовой лирики» рассмотрел случаи перехода обрядовых песен в необрядовые и необрядовых в обрядовые и выявил причины, способствующие этому.

Е. А. Тудоровская (Ленинград), говорившая о внепесенных связях народной обрядовой и необрядовой лирики, отметила, что иногда некоторые части текста обрядовых песен нельзя понять без действий, которые они сопровождают. Без учета связей с обрядом нельзя понять и происхождения песенной символики и параллелизма.

В. Н. Кругляшова (Свердловск) на основе преданий и воспоминаний уральских рабочих познакомила слушателей со своеобразным обрядом, связанным со сплавом барок по Чусовой и отправкой «железного каравана», а также с распространением среди углежогов обряда «ловля соболя». Н. И. Криничная (Петрозаводск) говорила «Об элементах обрядности в преданиях о заселении края». На основании материалов, собранных в Поморье, она выделила два типа преданий, связанных с выбором места для поселения, для постройки церкви. В основе этих преданий, по мнению докладчицы, лежит древний обряд, связанный со священным деревом.

В. Е. Гусев (Ленинград) в докладе «От обряда к народному театру» проследил, как похоронные игры, связанные с культом предков, переходят в святочные игры «в покойника» (что особенно наглядно показывает украинский материал), а затем — в антиклерикальный фарс. Комические сцены похорон органически вошли и в народные драмы «Маврух», «Царь Ирод», «Петрушка», исполнявшиеся также во время святок. Но сцена отпевания покойника имеет, по мнению докладчика, в народной драме иную функцию, нежели святочная игра «в покойника», — эстетическую.

На конференции выступили два народных хора: Этнографический коллектив Дома культуры Гучковского сельсовета, Сокольского района Вологодской области и Брянский народный хор дер. Дубровка Суражского района, которые продемонстрировали ряд календарно-обрядовых и свадебных песен и отдельные элементы обрядов.

Г. Г. Шаповалова

О РАБОТЕ ПРОБЛЕМНОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В мае 1968 г. при Томском государственном университете им. В. В. Куйбышева была создана проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири.

В составе лаборатории имеются две группы: историческая и археолого-этнографическая. Археолого-этнографическая группа (7 сотрудников) работает над общей плановой темой «Проблемы этногенеза народов Среднего Приобья». Этнографы лаборатории разрабатывают две темы: «Вахо-васюганская группа хантов» (Н. В. Лукина, В. М. Кулемзин) и «Современные этнические процессы среди сибирских татар» (Н. А. Томилов). Научной базой служат фонды музея археологии и этнографии Сибири Томского университета и полевые материалы экспедиций, проводимых сотрудниками лаборатории и кафедры истории СССР досоветского периода.

Для сбора полевых материалов среди вахо-васюганских хантов экспедиция в составе четырех человек работала в июне — августе 1969 г. в Каргасокском и Александровском районах Томской области и в Нижневартовском районе Тюменской области. Начатые работы были продолжены Н. В. Лукиной и В. М. Кулемзиным в октябре 1969 г. — мае 1970 г. в Корлики, самом отдаленном поселке ваховских хантов, и близлежащих стойбищах. Летом 1970 г. была организована повторная экспедиция также в составе четырех человек к хантам р. Васюган. Во время этих поездок собран интересный материал по традиционной материальной и духовной культуре вахо-васюганских хантов.

Сбор полевых материалов среди сибирских татар осуществлялся в Новосибирской и Томской областях в июне — июле 1969 г. экспедицией, состоящей из шести человек. В сентябре 1969 г. — январе 1970 г. работу продолжал в стационарных условиях Н. А. Томилов в деревнях томских татар. В июле — августе 1970 г. была проведена экспедиция к татарам Кемеровской и Томской областей. Кроме того, на протяжении 1969—1970 гг. осуществлен сбор материалов среди татар г. Томска. В результате проведенной работы собран материал, характеризующий современные этнокультурные процессы среди томских татар, а также традиционную культуру и быт этой группы, почти совсем не изученной в этнографическом плане.

Археологи — сотрудники лаборатории работают под руководством В. И. Матющенко. Их работы направлены на изучение неолита и бронзы (В. И. Матющенко, В. А. Посредников) и изучение памятников эпохи железа (Л. А. Чиндина, Л. М. Плетнева). Основной район работ — Среднее Приобье в пределах Томской области. В частности, в 1970 г. в связи со строительством нефтепровода Александровское — Анжеро-Судженск были проведены археологические разведки на его трассе. Ежегодные работы проводятся также в Прииртышье в Омской области. Начаты исследования на р. Вах (Тюменская область).

В мае 1970 г. археологи Томского университета стали инициаторами проведения западносибирского археологического совещания «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». На совещании создана координационная комиссия и принято решение регулярно проводить в Томске подобные совещания. Намечено выпускать «Западносибирский археологический ежегодник» с участием археологов других городов Западной Сибири и Института археологии АН СССР.

В состав лаборатории вошел кабинет антропологии, открытый в Томском университете в 1958 г. Заведует кабинетом Н. С. Розов. В кабинете хранятся и обрабатываются краинологические коллекции из древних могильников и поздних кладбищ, а также новые коллекции, поступающие ежегодно из Томской, Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края. В августе 1970 г. была проведена антропологическая экспедиция в составе 5 человек на Средний Чулым для раскопок поздних могильников. Сотрудник лаборатории антрополог В. А. Дрёмов заканчивает работу «Палеоантропология верхнего Приобья и вопросы этногенеза народов Западной Сибири».

С открытием проблемной лаборатории в нее был включен и музей археологии и этнографии Сибири Томского университета. Значительные этнографические коллекции поступили в музей в предреволюционный период. Наиболее крупные из них: коллекции предметов культуры и быта североамериканских индейцев И. П. Кузнецова, этнографические коллекции по культуре и быту русского и коренного населения Сибири В. М. Флоринского, сойотская коллекция Г. П. Сафьянова, хакасская коллекция А. В. Адрианова, буддийская коллекция из Монголии А. Д. Васенева, коллекция музея б. Барнаульского реального училища (предметы хозяйства и быта отдельных народов Сибири), «остяцкая» коллекция из Нарыма, этнографические коллекции по Китаю и Монголии, поступившие от разных лиц, и др. С 1924 г. сбор материалов для музея стал организованно проводиться во время экспедиций под руководством А. К. Иванова, при активном участии членов местного краеведческого кружка. В результате этих экспедиций в музее появились коллекции предметов культуры и быта шорцев и алтайцев.

В составе нынешних собраний музея имеются промысловые орудия, одежда и украшения, домашняя утварь и музыкальные инструменты, образцы народного творчества, предметы культов многих народов Сибири и сопредельных стран. Имеется фототека (более 2000 фотографий) и этнографические рисунки и этюды художников.

К сожалению, на протяжении многих лет музей не располагал достаточным помещением, в эти годы нарушались правила хранения предметов, не существовало полной научной документации этнографических фондов. По существу лишь с образованием проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири были начаты работы по восстановлению нормального режима работы музея. Силами сотрудников лаборатории в конце 1968 г. была оформлена новая экспозиция музея, в которой выставлены материалы, раскрывающие занятия, быт и идеологию в дореволюционный период селькупов, хантов, шорцев, нивхов и эвенков. Кроме того, были организованы выставки по североамериканским индейцам и по чулымским тюркам. За два года работы музея экспозицию посетило около 6000 человек. Сотрудники музея и лаборатории и студенты — члены археологического и этнографического кружков — провели 270 экскурсий.

Одновременно с открытием экспозиции сотрудники проблемной лаборатории начали работы по упорядочению этнографических фондов музея. За два года проведен разбор коллекций, организовано их размещение для хранения, завершается научная паспортизация коллекций. Одновременно проводятся меры по улучшению условий для их хранения, предусматривается (и частично проводится) работа по реставрации предметов. Все это позволит уже в этом году создать возможность для использования этнографических фондов в научных целях.

С 1969 г. возобновилась плановая собирательская работа по пополнению фондов музея (также силами сотрудников лаборатории): от Н. В. Лукиной и В. М. Кулемзина поступила коллекция по вахо-васюганским хантам (183 предмета), от Э. Л. Львовой — по чулымским тюркам (около 40 предметов), от Н. А. Томилава — несколько предметов материальной культуры томских татар. В ближайшее время планируется осуществить сбор вещественных материалов среди некоторых групп сибирских татар.

Первый каталог музея был опубликован В. М. Флоринским в 1888 г., затем последовали два дополнения к нему. В настоящее время намечено подготовить к публикации каталог этнографических коллекций музея.

Материалы музея представляют большую ценность для научно-исследовательской работы этнографов. К сожалению, его этнографические собрания в научной литературе почти не упоминаются. Частично материалы музея использовали советские этнографы С. В. Иванов, Г. И. Пелих и венгерский ученый В. Диосеги.

В лаборатории систематически работает археолого-этнографический семинар. Участники его обсуждают статьи, доклады и сообщения сотрудников лаборатории по темам их работ, а также планы и отчеты об экспедициях. В тематику семинара входят также вопросы общетеоретического характера, реферативные сообщения и др.

Работа археолого-этнографической группы лаборатории проходит в тесном контакте с кафедрой истории СССР досоветского периода историко-филологического факультета университета. Организуются совместные экспедиции кафедры и лаборатории. Археологи, этнографы и антропологи лаборатории поддерживают связи с центральными научными учреждениями — Институтом этнографии и Институтом археологии АН СССР. Сотрудники лаборатории ежегодно принимают участие в работе различных научных конференций историков, археологов и этнографов.

За время существования лаборатории археолого-этнографическая группа подготовила к печати ряд статей, среди них работы по археологии Западной Сибири, по палеоантропологии Приобья и по этнографии вахо-васюганских хантов и томских татар.

Лаборатория выпустила свой первый археолого-этнографический сборник «Полевые работы 1969 года»¹ и сборник с материалами совещания «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири»². Готовится к выходу сборник «Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири».

В ближайшее время археологи лаборатории будут проводить раскопки памятников по трассе нефтепровода Александровское — Анжеро-Судженск. В 1971—1975 гг. будет осуществлять работу по сбору полевых материалов комплексная (археолого-антрополого-этнографическая) экспедиция в районе Васюганья. Намечены работы по обследованию этнографическими экспедициями лаборатории отдельных групп западносибирских татар.

Н. В. Лукина, Н. А. Томилов

¹ «Полевые работы 1969 года» («Из истории Сибири», вып. II), Томск, 1969.

² «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Материалы совещания 25—31 мая 1970 года», Томск, 1970.

СЕМИНАР СЛОВАЦКИХ ФОЛЬКЛОРИСТОВ

В начале июня 1971 г. в Мораванах, под Братиславой, состоялся научно-методологический семинар словацких фольклористов на тему «Отражение борьбы против фашизма в устном народном творчестве». Семинар, организованный Институтом этнографии Словацкой Академии наук, кафедрой этнографии и фольклористики философского факультета университета им. Коменского и Словацким этнографическим обществом, был посвящен 50-летию образования Коммунистической партии Чехословакии.

Приуроченность семинара к юбилею КПЧ, присутствие на семинаре ветеранов Словацкого восстания и сама тема обусловили естественную потребность говорить об историческом значении антифашистской освободительной борьбы, о боевой дружбе между словацкими партизанами и советскими воинами, об освободительной миссии Советской Армии, о революционных традициях в народном творчестве, о значении словацкого восстания для судеб народной культуры. Вместе с тем наряду с публицистической направленностью работа семинара носила характер научного симпозиума.

Основным материалом, послужившим предметом конкретного анализа участников семинара, были произведения фольклора, собранные на территории Словакии в 1957—1967 гг. Однако в докладах и в дискуссии делались широкие сопоставления с антифашистским фольклором других народов и обсуждались важные общие проблемы историко-фольклорного и научно-методологического характера: отношение фольклора к исторической действительности, специфика отражения освободительной борьбы в устном народном творчестве, эстетическая ценность антифашистского фольклора, жанровая природа новых фольклорных произведений, соотношение коллективного и индивидуального начал в современном народном творчестве и др.

Семинар открыла директор Института этнографии Б. Филова, отметившая в своем вступительном слове необходимость более углубленного использования марксистско-ленинской методологии в фольклористике.

Заведующий кафедрой этнографии и фольклористики Братиславского университета Я. Михалек обстоятельно рассказал об итогах изучения антифашистского фольклора в Словакии. Он напомнил о привлечении в свое время внимание научной общественности работам А. Мелихерчика, обратившегося к фольклору словацких партизан сразу же после окончания войны и возглавлявшего исследовательскую работу в этой области вплоть до своей смерти в 1966 г. Я. Михалек сообщил, что за 10 лет записано свыше 3500 произведений народного творчества, преимущественно устной прозы, связанных так или иначе с антифашистской борьбой словацкого народа (все они хранятся в архиве Словацкого этнографического общества). Материал этот ана-

лизировался в статьях А. Мелихерчика (1946, 1961) и во многих статьях, составивших содержание специального выпуска журнала «Словацкая этнография» (1964, № 3)¹, а также опубликованных в сборнике «Словацко» (1967). Я. Михалеk особенно остановился на проблематике и характере устных повествований о Словацком восстании, отметил широту их тематики, разнообразие жанровых форм, подчеркнул, что в своей совокупности они дают возможность проследить процесс эволюции устной прозы. Отбор эпизодов и событий, привнесение в рассказ художественного вымысла и новых оценок, стилизация повествования — все это приводит к тому, что в устной прозе проявляется тенденция перехода от первоначальной фактографичности к созданию обобщенных образов народных героев (этот вывод относится в первую очередь к рассказам и преданиям о боевых действиях партизан). В заключение Я. Михалеk отметил большое значение рассматриваемого материала для изучения современного состояния устного творчества в целом и для решения связанных с этим теоретических проблем.

Сотрудник Института истории Й. Яблонички охарактеризовал устные рассказы о Словацком восстании как исторический источник. Он подчеркнул, что историк использует этот материал иначе, чем фольклорист. Поскольку устное предание подчас не совпадает с иными источниками, освещающими те же события, историк обязан определить, что в устной прозе является вымыслом, а что — исторической правдой; он должен различать действительные факты и их реконструкцию по воспоминаниям или субъективным впечатлениям участников событий. Если фольклорист интересуется конечный результат отражения действительности, то историк реставрирует фактическую основу устного рассказа. Однако многие события и особенности повседневной жизни участников словацкого восстания можно познать во всей их полноте, лишь опираясь на устное предание. Особую ценность устная проза представляет как непосредственное выражение сознания и психологии участников восстания, их идеалов, мыслей и чувств.

Сотрудник Института этнографии и фольклористики в Брно О. Сироватка посвятил свой доклад теоретической проблеме — роли фольклорных закономерностей в процессе отражения исторических событий в устной прозе. Он попытался определить специфику народной исторической традиции и охарактеризовал основные ее признаки в разных жанрах фольклора: в героическом эпосе, в исторической балладе, в устной прозе, в лирической песне и т. п. О. Сироватка высказал мнение, что принципы отражения истории в этих жанрах существенно различаются. Что касается устного предания, то его докладчик определил как «исторический символ, как особый коррелят исторической действительности». Исходя из этой теоретической предпосылки, О. Сироватка рассмотрел устную прозу, посвященную антифашистской борьбе. Он выделил мемораты как основную форму устного повествования, в которой эстетическая функция является вторичной. Несмотря на субъективное стремление рассказчиков точно передать факты, мемораты имеют характер «исторического символа» и повествуют прежде всего о том, как народ видит, воспринимает, понимает и оценивает тот или иной исторический эпизод.

Сотрудник Института этнографии Словацкой Академии наук С. Швелаk прочитал доклад о партизанских песнях. Он сделал подробный обзор собирания и изучения партизанских песен славянских народов (при этом часто ссылался на работы советских и югославских фольклористов) и подробно охарактеризовал словацкий песенный антифашистский фольклор. Партизанские песни, по определению докладчика, представляют собой смежную область индивидуального и коллективного музыкально-поэтического творчества; они восходят к национальным традициям песенного фольклора, к традициям рабочей и революционной поэзии, а также к песенным традициям других народов. Все эти различные источники в партизанских песнях творчески осваиваются и перерабатываются. Докладчик обратил внимание на интересное обстоятельство: партизанские песни возникали не только в годы восстания, но и позже, как отклик на события антифашистской борьбы. На основе фольклорных традиций возникают и новые песни ветеранов восстания, имеющие, однако, характер индивидуального творчества. С. Швелаk высказал предположение о возможной фольклоризации этих произведений и призвал ученых исследовать этот процесс.

Сотрудник Института этнографии Словацкой Академии наук С. Бурлясова охарактеризовала партизанские песни как новое явление словацкого фольклора, однако она считает их не современным народным творчеством, а явлением определенной исторической эпохи. В отличие от устной прозы партизанские песни не бытуют как живое, развивающееся творчество. С. Бурлясова различает собственно фольклорные партизанские песни и массовые песни, которые не менее важны для фольклористики, поскольку они подвергались процессу фольклоризации. В массовых песнях преобладают интернациональные взаимосвязи, в то время как в собственно фольклорных — национальные традиции. Наибольшая связь с фольклорными традициями ощущается в лирических песнях. Эпические песни-хроники представляют собой наименее развитую форму партизанского песенного фольклора. Наиболее интересны в художественном

¹ См. В. Е. Гусев, Словацкое восстание и народная культура, «Сов. этнография», 1965, № 6.

отношении лирико-эпические песни типа традиционных баллад или исторических песен. В заключение С. Бурлясова рассмотрела разные типы соотношения и связи в партизанских песнях между текстом и мелодией. Несмотря на некоторое несовершенство, партизанские песни в целом представляют определенную эстетическую ценность, их характеризует историческая конкретность и идейная определенность.

Доклад доцента Братиславского университета Л. Дропповой был посвящен творчеству анонимных партизанских поэтов — явлению, находящемуся на грани между фольклором и литературой. Антифашистское, боевое содержание своих стихов они облекали в форму подражаний, стилизаций или пародий, используя в качестве образов народные и популярные песни.

Сотрудница Института этнографии Словацкой Академии наук В. Гашпарикова рассмотрела развернутые, сложные по композиции индивидуальные устные повествования о событиях словацкого восстания, своего рода устные романы-хроники. Они не могут быть отнесены к известным традиционным формам народной прозы, хотя и не являются литературными произведениями.

Кроме докладов чехословацких фольклористов был заслушан доклад В. Е. Гусева «Опыт изучения антифашистского фольклора в СССР».

В дискуссии по докладам приняло участие свыше 10 человек, в том числе директор Военно-исторического института Я. Шольц, зав. сектором фольклора Института этнографии М. Лешак, сотрудник кабинета фольклора Братиславского университета Я. Коморовски, зав. архивом Института этнографии С. Ковачевичева, ветеран Словацкого восстания А. Косткова и др.

Симпозиум словацких фольклористов явился событием большого научного и общественного значения. Содержательные доклады и обсуждение научных проблем, не прекращавшееся в перерывах между заседаниями, свидетельствовали о живом интересе словацких коллег к ценностям, созданным в условиях антифашистской борьбы, к актуальной научной проблематике, способствующей утверждению марксистско-ленинской методологии в словацкой фольклористике, а также об уважении и внимании к опыту советской науки. Обращало на себя внимание, что на семинаре было много молодежи, в частности студентов Братиславского университета. Думаю, что на них этот семинар оказал благотворное воспитательное воздействие. Инициатива и усилия организаторов семинара заслуживают высокой оценки и благодарности.

В. Е. Гусев

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник. Т. 1. М., 1971, 363 стр.

Первый том нового серийного издания Института этнографии АН СССР — ежегодник «Расы и народы» — вышел в 1971 г., объявленном Организацией Объединенных Наций «Годом борьбы против расизма». Ежегодник ставит своей целью продолжить большую и систематическую многолетнюю работу коллектива советских этнографов над проблемой «Расизм в странах „свободного мира“ и новый этап борьбы против него»¹.

Расизм, расовая и национальная дискриминация, национальный гнет как отличительные черты империализма, колониализма и неоколониализма — такова основная проблематика нового ежегодника. Эти проблемы определяют острополемический, гражданственно-публицистический стиль статей и материалов.

Следует отметить, однако, что, сохраняя главную направленность прежних изданий, рецензируемый ежегодник значительно расширяет круг исследовательской проблематики, о чем свидетельствует уже сама его структура. В нем имеются такие традиционные разделы, как раздел 3 — «Против расизма и национального угнетения» и раздел 5 — «Документы и материалы», где публикуются отрывки из книги адвоката Верховного суда Кейптауна А. Закса «Южная Африка: насилие апартхеида» (Лондон, 1969) и книги «Родезия: почему меньшинство продолжает править» (Лондон, 1969), а также документы ООН по расизму и хроника борьбы против расизма и национального угнетения за июнь 1969 — июль 1970 г. Вместе с тем редколлегия ежегодника открывает три новых больших и в высшей мере актуальных в научном отношении раздела: «Вопросы теории» (раздел 1), «Наука о расах» (раздел 2) и «Этнические процессы в современном мире» (раздел 4). Структура рецензируемого ежегодника, на наш взгляд, не просто редакционно удачна, но, думается, вполне обоснована научно, так как способствует комплексному и всестороннему изучению таких научных проблем современности, как расизм и расовая дискриминация, национальный вопрос, национальные противоречия, национально-освободительная борьба и национальное угнетение, прежде всего в странах так называемого третьего мира. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить разделы 3 и 4. Если в разделе 3 сделана попытка нарисовать картину борьбы советской общественности против политики расизма и неоколониализма в Африке (статья А. С. Дзасохова «Советская общественность против расистско-колониального блока в Африке»), характеризуются международно-правовые основы борьбы против расовой дискриминации (статья А. Ф. Шебанова «Правовые аспекты борьбы за ликвидацию расовой дискриминации»), наконец, анализируется роль ООН на современном этапе борьбы против колониализма, неоколониализма и расизма (статья В. А. Мазова «ООН и борьба против колониализма и расизма. По материалам XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН»), то в разделе 4 содержатся очень интересные исследования, посвященные анализу внутренней национально-этнической и социальной ситуации в странах, освобождающихся от колониального гнета, ситуации сложной и противоречивой, ослабляющей часто способность молодых государств к сопротивлению и облегчающей происки сил империализма и неоколониализма. Эти работы основаны не только на литературных источниках, но и на личных на-

¹ По этой проблеме институтом в 1966—1970 гг. было опубликовано пять сборников статей и материалов: «Против расизма» (М., 1966); «Документы обличают расизм» (М., 1968); «Нет! — расизму» (М., 1969); «Народы против расизма» (М., 1970); «Есть у меня мечта...» (М., 1970).

блюдениях авторов. Достаточно сложную и динамическую картину национально-этнических противоречий и столкновений рисует уже первая статья этого раздела: Л. Н. Фурсова «Этнический состав и расселение послевоенных иммигрантов Канады». Особенно сложна и насыщена резкими контрастными сопоставлениями картина этнических отношений в странах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Африки. Здесь национально-этнические конфликты и противоречия не только обостряются наличием сложных расовых проблем, но и приобретают порой взрывной характер за счет большого накала переплетающихся с ними социальных, классовых противоречий. Взрывной ситуацией, естественно, стремятся воспользоваться в своих интересах внутренние реакции и силы международного империализма и неокolonialизма, подрывая изнутри государственную самостоятельность бывших колоний и полукolonий. Очень интересный материал по всему этому кругу вопросов содержат статьи Н. С. Леонова «Этнические аспекты салвадорско-гондурасского конфликта», В. Н. Софинского «Национальный вопрос в Гайане», Л. М. Демина «Национальный вопрос в современной Малайзии (в связи с майскими выборами 1969 г.)». Особого внимания заслуживает статья Р. Н. Исмагиловой «Этнический фактор в современной Африке». Подчеркивая, что «не следует преувеличивать роль этнического фактора, но и не следует игнорировать его» (стр. 272), автор подробно останавливается на сложности национального вопроса в освободившихся африканских государствах, констатирует недостаточное теоретическое осмысление его во многих программных документах правящих партий и высказываниях руководящих деятелей, отмечает, что процессы этнической интеграции и усиления национально-этнических различий развиваются параллельно, анализирует внутренние причины этих процессов и их важную роль как фактора, определяющего относительную силу или слабость освободившихся от колониальной зависимости стран.

Аналогичные проблемы рассматриваются и в статье известного шведского исследователя Л. Мёрнера (Стокгольм) «Мисцегенация и взаимовлияние культур в Латинской Америке как историческая проблема». Автор совершенно правомерно усматривает за расовыми противоречиями прежде всего противоречия социальные (стр. 189). Нужно сказать, однако, что работа М. Мёрнера ставит и более широкую, в сущности говоря, теоретическую проблему о соотношении процессов физического смещения народов и взаимовлияния их культур, т. е. о связи и соотношении процессов биологических и социальных, о социальной обусловленности сложного переплетения мисцегенации и аккультурации, о роли культурных традиций в этих процессах. Может быть поэтому, пусть и в порядке дискуссионном, статью шведского ученого следовало бы поместить в первом, теоретическом разделе ежегодника.

В целом раздел 4 свидетельствует о практической актуальности глубокой теоретической разработки этнических и национальных проблем, проблемы происхождения рас разных порядков, а также вопросов национальной и народной культуры в нашей этнографической науке. Читателя поэтому особенно заинтересуют разделы 1 и 2 рецензируемого ежегодника. Начнем со второго, чтобы затем более подробно остановиться на первом. Особенностью раздела ежегодника является то обстоятельство, что он имеет преимущественно историографический и методический характер. Здесь публикуются статьи: Я. Я. Рогинского «Н. Н. Миклухо-Маклай — борец против расизма (к 125-летию со дня рождения)», В. В. Бунака «Антропология Западной Европы в современной зарубежной литературе» (автор подробно рассматривает наиболее употребительные методы расового анализа, оценивая их эффективность) и С. Я. Серова «Расовая проблема в работах Александрo Липшуща». Историографические и методические работы имеют большое практическое значение как для борьбы против расизма в современном мире, так и для прогресса собственно антропологических исследований, поэтому было бы целесообразно сохранить такой характер материала для второго раздела и в дальнейшем. Правда, при этом не вполне бесспорно помещение в этом разделе очень интересной статьи В. П. Алексеева «Генетические аспекты антропологии». Дело не в том, что в ней отсутствует методический материал. Он как раз есть и подан достаточно убедительно. Вместе с тем в этой работе поднимаются и более широкие проблемы, связанные с союзом двух, имеющих разные предметы исследования, наук. Этот союз позволяет в известной мере соотносить роль биологического и социального в современном обществе, не только понять механизм антропогенеза, но и, быть может, теоретически предсказать будущее развитие физического типа современного человека и даже, как поясняет автор, «взвесить реальную вероятность существования внесемных цивилизаций» (стр. 74). Кажется, что место такого рода постановочных статей в первом, теоретическом разделе ежегодника.

В первом разделе рецензируемого ежегодника, который носит название «Вопросы теории», публикуются два исследования: статьи Ю. В. Бромлея «К характеристике понятия "этнос"» и Ю. П. Аверкиевой «Неоэволюционизм, релятивизм и расизм».

Если работа Ю. П. Аверкиевой раскрывает, и вполне убедительно, политические и отчасти философские основы современных западноевропейских и американских концепций в области этнографии, то статью Ю. В. Бромлея можно считать итоговой, суммирующей результаты длительной и оживленной дискуссии в марксистской печати на разных уровнях (включая дискуссию на страницах журнала «Природа») о характере и содержании понятия «этнос» и «этнические общности». О практической важности такого рода теоретических исследований для изучения современных этнических процессов говорилось уже выше. Конкретные разработки, публикуемые в четвертом

разделе ежегодника, очень хорошо подтверждают эту мысль. Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что без соответствующих теоретических исследований трудно ожидать существенного прогресса и в изучении таких кардинальных исторических проблем, как этногенез народов, возникновение народности в раннеклассовых обществах, ее развитие, складывание нации, формирование народной и национальной культуры.

В качестве примера достаточно, пожалуй, напомнить продолжающийся уже много десятилетий спор о соотношении этноса и археологической культуры². Спор этот, без сомнения, не закончится до тех пор, пока не будет точно определено понятие этноса, пока этнографам не удастся дать строго обоснованные модели основных этнических процессов и их типов.

Статья Ю. В. Бромлея представляется очень важным и серьезным шагом на этом пути. Автор, по-видимому, совершенно прав, когда такие характеризующие этнос устойчивые явления, как язык, территорию, этническое самосознание и культуру или культурную традицию, устойчивость психического склада или особенности психических стереотипов, обязательных поведенческих комплексов рассматривает не как признаки этноса, а как его свойства, его элементы, ибо признаками этноса может быть только то специфическое, особенное, что присутствует в этих элементах и что позволяет одному этносу выделять себя из других. При этом следует иметь в виду, что ни один из указанных элементов не является обязательным, дифференцирующим для этноса, ибо «этнос — не простая сумма „признаков“ и „общностей“, а целостная система, к тому же сознающая эту свою целостность» (стр. 26 — 27). Определение этноса как целостной системы или структуры, осознающей свою целостность, тем более важно, что оно позволяет установить определенную иерархию характеризующих этнос элементов. Во главе этой иерархии естественно оказывается этническое самосознание, включающее в себя в качестве важнейшего компонента представление об общности происхождения. В своем развитии этнос может лишиться тех или иных своих свойств — элементов (языка, территории, специфики материальной культуры и т. д.), но он немыслим без этнического самосознания, так как «практически этнос существует до тех пор, пока его члены сохраняют представление о своей принадлежности к нему» (стр. 25). Не с определяющим ли характером этнического самосознания следует связывать проявляющееся в истории этнических общностей на разных ступенях развития и в разных формах стремление к политическому самоутверждению, конституированию? Думается, что на этот вопрос можно ответить утвердительно.

В отличие от многих других исследователей, писавших об этносе, Ю. В. Бромлей подчеркивает в качестве одного из важнейших характеризующих его свойств эндогамию. И с этим нельзя не согласиться, особенно тогда, когда автор усматривает в ней своеобразный «стабилизатор» этноса, инструмент передачи наследственной культурной информации, культурной традиции (стр. 25, 26). Впрочем, известные оговорки в этом пункте рассуждений автора все же нужны. Эндогамия, будучи инструментом воспроизводства этноса, является условием его сохранения. Именно поэтому она оказывается особенно строгой в этнических изолятах (ср. статью В. П. Алексеева «Генетические аспекты антропологии» в рецензируемом ежегоднике, стр. 58—61). Однако ведь не только к самосохранению и воспроизводству стремится этнос. Ему свойственно и стремление к расширению за счет других этносов. Недаром историкам, археологам и этнографам практически неизвестны первичные, расово однородные этносы (ср. стр. 17). Все изучаемые ими этнические образования прошли очень сложный и длительный путь развития, в ходе которого явления физического смещения (даже если и допустить гораздо большую значимость для этногенетических явлений глоттогенетических процессов) сыграли весьма существенную роль. Следовательно, свойство эндогамии необходимо в характеристике этноса соотносить с его свойством поглощения, ассимиляции других этносов. В разных условиях и при разном соотношении сил этносов по-разному проявляются и эти их свойства. Строгая, абсолютная эндогамия характерна, быть может, только для очень примитивных и слабых этносов, а также для этносов, находящихся в неблагоприятных условиях и потому ущербных, этнически и социально угнетенных.

Предлагаемые Ю. В. Бромлеем терминологические уточнения — термины «этникос» для понятия «этнос» в узком смысле слова и «этносоциальный организм» (ЭСО) для широкого понятия этноса, включающего как этнические, так и социально-экономические факторы, как кажется, не вызывают возражений.

² Из последних работ на эту тему см.: М. Н. Артамонов, *Археологическая культура и этнос, «Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию В. В. Мавродина», Л., 1971.* Здесь приведена библиография вопроса. Автор стоит на позициях совпадения археологических культур и этнических образований. Иной точки зрения придерживается польский археолог В. Генсель, подробно рассмотревший историю этого спора в археологии. См.: W. Hensel, *Archeologia i prahistoria. Studia i szkice, Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1971, str. 465—492* и др. Применительно к славянскому этногенезу незавершенность этого спора и неясность, неточность употребляемых в этногенетических исследованиях понятий приводит даже отдельных историков к отказу от таких категорий, как «прародина», «пранарод» — «праславяне», а следовательно, и «праязык» — «праславянский язык» (см. L. Havlík, *Právlast a jednota slovanů. Představy a historie, «Slovanský přehled», Praha, 1971, № 3).*

Заканчивая этот по необходимости очень беглый обзор первого тома ежегодника «Расы и народы» (в сущности говоря, каждая статья, опубликованная в нем, заслуживает особой рецензии), хочется от всей души поздравить его редколлегия (отв. редактор И. Р. Григулевич, зам. отв. ред. П. И. Пучков, члены редколлегии — В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей, С. И. Брук, А. В. Ефимов, Э. Л. Нитобург, Э. А. Рикман, Н. Н. Чебоксаров, отв. секретарь С. Я. Козлов) с очень удачным началом. Нет сомнения, что ежегодник будет с большим интересом встречен советской общественностью и привлечет к себе внимание за рубежом. В нем, конечно, с удовольствием примут участие ученые социалистических государств и прогрессивные исследователи других стран. Статью М. Мёрнера поэтому можно считать только первой ласточкой.

Может быть, стоило бы посоветовать редколлегии создать небольшой раздел полемики и читательских писем для публикации материалов небольшого объема, в которых ставятся интересные и научно актуальные темы, пусть даже порой и по частным вопросам исследования.

В. Д. Корольюк

П. Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, 544 стр.

В издательстве «Искусство» вышел сборник избранных работ известного советского ученого профессора Петра Григорьевича Богатырева «Вопросы теории народного искусства».

П. Г. Богатырев принадлежит к поколению, заявившему о себе в науке в 1916—1918 гг. Еще студентом он печатает статьи и рецензии в журналах «Русский филологический вестник», «Живая Старина» и «Этнографическое обозрение». Список работ П. Г. Богатырева, опубликованный в 1968 году в Чехословакии в связи с избранием его почетным доктором Карлова Университета и воспроизведенный затем в журнале «Cesky lid» и в приложении к рецензируемому изданию, содержит более 300 номеров (книжки, статьи в сборниках, журналах и газетах, публикации, рецензии, переводы, информации и т. д., вышедшие в свет до 1969 года). Тематика этих работ весьма обширна — фольклор западных, восточных и южных славян, теория и история народного театра, проблемы этнографии (особенно этнографии Закарпатья и Моравской Словакии), поэтика фольклора, фольклор и литература, русская литература в ее связях с другими славянскими литературами, сравнительное изучение различных видов народного искусства, народные верования и обряды. Естественно, что сборник избранных работ не мог охватить всех сторон долголетней, интенсивной и плодотворной деятельности ученого. И все же он составлен весьма удачно. Дело в том, что в 1922—1940 гг. работы П. Г. Богатырева публиковались, главным образом, в зарубежных изданиях на самых различных языках (чешском, словацком, немецком, французском, английском и т. д.). Они были известны до сих пор сравнительно узкому кругу читателей в нашей стране, их весьма трудно разыскать в библиотеках. Желание автора опубликовать наиболее значительные из них на русском языке понятно. Этим и определяется выбор основной части исследований П. Г. Богатырева, а составивших данный сборник. Он включает в себя три книги — «Народный театр чехов и словаков» (впервые публиковалась на чешском языке в 1940 г. в Праге — «Lidové divadlo české a slovenské»), «Магические действия, обряды и верования Закарпатья» (впервые вышла на французском языке в 1929 году в Праге — «Actes magiques, rites et croyances en Russie Subcarpatique») и «Функции народного костюма в Моравской Словакии» (впервые издан на словацком языке в 1937 г. в Мартине — «Funkcie kroja na Moravskom Slovensku»).

К этим трем книгам примыкают наиболее важные теоретические статьи, опубликованные в зарубежных изданиях: «Фольклор как особая форма творчества» (первое издание — на немецком языке в 1929 г. в сборнике «Donum Natalicium Schrijnen»), «Niemegen — Utrecht» (впервые вышла на немецком языке, написана в соавторстве с Р. О. Якобсоном) и «Рождественская елка в Восточной Словакии. К вопросу о структурном изучении трансформации функций этнографических данных» (впервые напечатана в 1932—1933 году в Праге в сборнике «Germanoslavica», на немецком языке). Перечисленные выше работы составляют около 400 страниц рецензируемой книги.

В сборнике напечатаны и четыре статьи, написанные сравнительно недавно (в 1958—1968 гг.): «Импровизация и нормы художественных приемов на материале повестей XVIII века, надписей на лубочных картинках, сказок и песен о Ереме и Фоме», «К вопросу о сравнительном изучении народного словесного, изобразительного и хореографического искусства у славян», «Функции лейтмотивов в русской былине» и «Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре». Последние статьи были избраны автором таким образом, чтобы показать связь его научной деятельности последних десятилетий с основным направлением его исследований 20—30 гг. Эти известные работы последних лет читаются в составе сборника в значительной мере по-

новому; их целенаправленность, методика и результаты стали яснее, определеннее. Таким образом достигается и цельность рецензируемой книги — она приобрела четкую теоретическую форму и представляет совершенно определенное научное направление.

Хорошо известно, что в языкознании, фольклористике, в изучении народных верований и обрядов, в известной мере в литературоведении и, особенно, в социологии в последние годы у нас и за рубежом все большую популярность приобретают структурные и структурно-семиотические исследования. История этого направления сложна и противоречива. Мы не можем входить во все его детали. Напомним только, что весьма своеобразной была и история структурализма в советском языкознании, фольклористике, эстетике. Ряд блестящих работ 20-х годов (В. Я. Проппа, Р. О. Якобсона, П. Г. Богатырева, Ю. Н. Тынянова, С. М. Эйзенштейна, Л. С. Выготского и представителей так называемой «формальной школы в литературоведении»), сыграл важную роль в развитии этого направления в мировой науке. Затем структурные исследования надолго были оставлены советскими учеными. Только в послевоенные годы и особенно в 50—60 гг. методика системных исследований как одна из наиболее перспективных (в том числе и структурно-семиотические методы в гуманитарных дисциплинах) стала находить все большее и большее распространение в науках самого различного профиля.

Этот подход прочно утвердился в современной фольклористике и в значительно меньшей степени в этнографии. В связи с этим хочется отметить, что работы П. Г. Богатырева во второй половине 40-х гг. подвергались весьма односторонней и несправедливой критике. Их необоснованно сближали с так называемой «Функциональной школой» Б. Малиновского — Ф. Смэтса, имевшей иные корни и основывавшейся на ином мировоззрении¹.

Характерно, что в последние годы заметно возрос интерес к трудам ученых, разрабатывавших методику структурного изучения в 20-е и 30-е годы. Так на наших глазах пережила свое второе рождение замечательная книга В. Я. Проппа «Морфология сказки». Она переведена на многие языки и получила мировое признание. Заметим кстати, что В. Я. Пропп уже в 20-е годы рассматривал свою «Морфологию» как вводную часть к опубликованной позднее книге «Исторические корни волшебной сказки». В последние годы были переизданы также работы Ю. Н. Тынянова, С. М. Эйзенштейна, Л. С. Выготского и др. В этом же ряду стоит и книга П. Г. Богатырева «Вопросы теории народного искусства». В общем процессе выработки приемов анализа структур социальных, бытовых и художественных явлений автору этой книги принадлежит своя особая роль и свой круг проблем.

Прежде всего — это народный театр. Именно поэтому соорник открывается названным выше исследованием чешского и словацкого народного театра, примыкающим к написанной в 1923 г. книге «Чешский кукольный и русский народный театр» и серии статей (см. например, «Le théâtre russe de marionnettes». «Loutkař», 1930 — 1931), посвященных близким проблемам и имеющих заслуженную популярность у специалистов по фольклорному театру народов Европы.

Книга «Народный театр чехов и словаков» была издана более тридцати лет тому назад. Однако современный читатель найдет в ней не только ценную фактическую информацию, но и целый ряд весьма современных методических и теоретических идей.

Так же как и в других своих работах, П. Г. Богатырев постоянно имеет в виду и применяет к фольклорным и этнографическим явлениям основные представления лингвистического структурализма — различные речи («parole») и языка («langue»), функции и формы, структуры как функционального соотношения элементов, «внешней» и «внутренней» структуры, иерархии функций и их динамики, «организующей» роли доминантной функции и т. д. Эти понятия оказываются целесообразными и применимыми еще и потому, что материал, которым пользуется П. Г. Богатырев в этой своей работе, сложен. Народный театр лежит на пересечении эстетического (театр), магического (обряд), бытового (обычай) и словесного (фольклор). И народный театр, и народный обряд по своей природе полифункциональны; на разных этапах их развития соотношение функций различно. Анализ народного театра и народного обряда дает многое для понимания закономерностей их бытования, изменений при переходе в иную этническую или социальную среду и, следовательно, шире — для понимания закономерностей, определяющих их историю.

Чрезвычайно интересны не только для фольклористов, но и для театроведов результаты изучения народного театра чехов и словаков, которые излагаются в главах «Сценическая площадка и зрительный зал», «Коллективное творчество актеров», «Театральные костюм и маска», «Театральное движение», «Театральная речь». Особенно хочется подчеркнуть ценность идей автора, связанных с пониманием природы театральной условности — «мерцающим» чередованием иллюзий и нарочитой условности, перевоплощения и намеренного «обыгрывания» ее, дифференциации зрителей и исполнителей и де-

¹ См.: «Сов. этнография», 1948, № 3, стр. 141—146; стр. 147—163. См. также: О. Nahodil, J. Krumářík; J. V. Stalin a narodopisná věda. Príspevky k diskusi o dile «Markismus a otárky jazykovědy», Praha, 1952.

монстративного «разрушения» рамп, импровизации и стабильности, хронологического и пространственного совмещения действия, «обоснованного» обряда и игры и т. д. Неожиданно выясняется, как много общего в традициях народного театра и творческом поиске театралов XX века, как много может дать современной культуре изучение, казалось бы, примитивной и архаической традиции старинного народного театра.

Не менее интересны и две другие «старые» работы П. Г. Богатырева. Провозглашая синхронный метод изучения народных верований и обрядов, П. Г. Богатырев тем не менее замечает: «Синхроническое изучение народных обычаев, обрядов и магических действий показало, что мы имеем дело с постоянным изменением и формы, и функции этих этнографических фактов» (стр. 169). Этот вывод приводит далее к идее необходимости сочетания синхронного и диахронного (т. е. исторического) методов (стр. 170). П. Г. Богатырев напоминает, что еще А. Н. Веселовский писал: «В нашем культурно-историческом и этнографическом языке пошло в ход слово «переживание» (survivals) и даже «пережиток». В сущности переживания нет, потому что все отвечает какой-нибудь потребности жизни, какому-нибудь переходному оттенку мысли, ничто не живет на-силъно». (Поэтика. — Собр. соч., т. I, СПб., 1913, стр. 94). Одним словом, П. Г. Богатырев еще в 20-е гг. призывал заняться тщательным изучением бытующих обрядов. При этом он был убежден в том, что этнография — наука, в которой изучение современности всегда «работает» на историю.

В исследовании «Функции костюма в Моравской Словакии» анализируются не только отдельные функции в их отвлеченном виде, но и структура функций, которой обладает отдельный костюм. Интересно, что при этом исследователь приходит к выводу о необходимости изучения не только праздничной, обрядовой, «костельной» и т. д., но и будничной одежды. Этнографы найдут здесь также весьма содержательные наблюдения этнопсихологического характера (например, соотношение представления «наш костюм» и этнического сознания в различных этнических и социальных ситуациях) и важные для современной этнографии соображения о предмете этой науки в свете структурных изучений народного быта. П. Г. Богатырев пишет: «Функции народного костюма (т. е. костюма, функционирующего в народном быту.—К. Ч.) даже если в нем не сохранилось ни одной детали прежнего (т. е. традиционного.—К. Ч.) костюма, даже если деревенская одежда полностью слилась с городской одеждой, всегда доступны наблюдению. Перед этнографом возникает задача установить, какие функции приобретает деревенская одежда после того, как изменилась ее форма и материал и она сблизилась или полностью слилась с городской одеждой» (стр. 362). Затем, приведя несколько выразительных примеров, автор заключает: «Этнограф, использующий функциональный метод, дает богатый материал социологу, изучающему современную городскую одежду. С другой стороны, необходимо, конечно, следить за результатами, достигнутыми социологами» (там же). Кажется, что последние фразы написаны не в конце 30-х годов, а в начале 70-х или, по меньшей мере, во второй половине 60-х гг. нашего столетия.

В заключительной главе книги о функциях народного костюма П. Г. Богатырев высказывает некоторые предположения о возможностях и перспективах структурного изучения других элементов материальной и духовной культуры — деревенских построек, домашней утвари, орудий труда, фольклора. К этому разделу примыкает опубликованная в сборнике статья «Рождественская елка в Словакии». Заключительный отдел завершается знаменательной фразой: «Перед этнографами лежит целина, ждущая своего пахаря» (стр. 366).

Разумеется, в 1937 году этнографы-слависты много сделали для изучения народного быта и традиционных форм народной культуры. Однако структурный метод применялся лишь sporadически и поэтому можно без преувеличения сказать, что последний тезис П. Г. Богатырева в известной мере еще сохранил свою силу.

Статья «Фольклор как особая форма творчества», написанная в 1929 году, воспринимается в свете современных споров о коллективном и индивидуальном в фольклоре и литературе (см. дискуссии на страницах журнала «Вопросы литературы», ежегодника «Русский фольклор», соответствующие разделы в книгах В. Е. Гусева «Эстетика фольклора», К. С. Давлетова «Фольклор как вид искусства» и др.). П. Г. Богатырев вносит в эту дискуссию существенную поправку — он предлагает видеть коллективность фольклора не просто в накоплении в тексте элементов, созданных или привносимых последовательным рядом исполнителей, а прежде всего в том, что любое фольклорное произведение (вне зависимости от его происхождения) функционирует в быту определенного социального коллектива, обладающего традиционной и свойственной именно этому коллективу системой представлений и потребностей. При этом мы снова встречаемся с целым рядом идей, весьма важных в теоретическом отношении: например, в различии фольклорной и литературной традиции. Одновременно рассматриваются концепции коллективности фольклора, популярные в европейских странах в романтический период. Эти концепции в известной мере перекликаются с некоторыми идеями, высказывавшимися в последние годы.

Мы не будем подробно останавливаться на статьях, публиковавшихся сравнительно недавно. Отметим только, что в них читатель найдет развитие проблем, которые интересовали П. Г. Богатырева уже в 20—30-е гг. (импровизация и традиция, сравнительное изучение различных видов народного искусства, соотношение театра и обряда, поэтическая структура фольклорных текстов и т. д.).

В заключение еще раз подчеркнем научную ценность двух библиографических приложений — в первом из них перечисляются источники исследований автора, во втором подводятся итоги его собственных публикаций.

Итак, перед нами сборник, который с большим интересом будет прочитан и филологами, и этнографами, и социологами, и театроведами, и искусствоведами более широкого профиля. Несмотря на то, что большинство работ, в него включенных, написаны в 20 и 30-е гг., они имеют, как мы стремились показать, далеко не только историко-графическую ценность.

К. В. Чис

Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры. Ереван, 1969, 228 стр.

Книга Э. С. Маркаряна — первый в советской литературе обобщающий труд, поднимающий исходные, фундаментальные проблемы теории культуры, т. е. проблемы, имеющие большое значение для любых гуманитарных дисциплин. Но пожалуй, наиболее близки эти проблемы именно специалистам в области этнографии, в том широком понимании предмета этой науки, который свойствен советской школе и объединяет распроданные за рубежом понятия этнологии, культурологии или социальной и культурной антропологии (этими терминами пользуется в своем труде и Э. С. Маркарян).

По мнению Э. С. Маркаряна, понимание проблемы культуры, «базирующееся на определении культуры как „совокупности материальных и духовных ценностей, созданных человечеством“, возникло не как итог продуманного и углубленного исследования проблемы теории культуры, а как результат не критического принятия случайно утвердившейся в 40-х годах формулы» (стр. 7). Сам же автор считает, что культура есть «не что иное, как специфически характерный для людей способ деятельности и объективированный в различных продуктах результат этой деятельности» (стр. 11). Нетрудно заметить, что вторая часть определения (результат) и есть не что иное, как «совокупность ценностей», и заслуга автора состоит именно в разделении понятия на «результат» и «способ». В дальнейшем автор оперирует именно пониманием культуры как «способа» — определенных институционализационных нормативных форм для разных видов человеческой деятельности.

Суть воплощенных в культуре принципов организации коллективной жизни Э. С. Маркарян усматривает в способности вырабатывать внебиологические по своему источнику (т. е. потенциально не заданные биологическим типом организации) средства и механизмы, благодаря которым постоянно контролируется общая биологическая природа существ, составляющих общество, программируется и направляется их поведение в требуемом для поддержания социальной жизни русле и обеспечивается специфический обмен веществ между социальной системой и природной средой путем материального производства (стр. 217). Подобное понимание феномена культуры позволяет автору предложить теоретическую модель для его расширительной ноологической трактовки. Кроме того, эта модель позволяет достаточно четко расчленил познавательные функции понятий «человеческая деятельность» и «культура», очень часто отождествляемые в литературе. Человеческая деятельность, согласно точке зрения Э. С. Маркаряна, это социально направленная активность людей, культура же — способ ее осуществления (стр. 210).

На наш взгляд, основная ценность концепции Э. С. Маркаряна состоит во введении им трех параметров рассмотрения социального организма (социальной системы) людей — этого совокупного объекта исследования для всего комплекса гуманитарных наук. Эти три параметра суть: 1 — социальная структура (система взаимоотношений между индивидами и группами), 2 — структура культуры (отношения между различными специфически человеческими механизмами осуществления деятельности людей), 3 — структура деятельности (отношения между участками приложения координированных усилий, направленных на решение различных задач).

Однако, к сожалению, Э. С. Маркарян, введя эти параметры, не оценивает их как различные иерархические уровни, хотя это также явно необходимо. Более того, в самом перечислении их он не следует тому порядку, который напрашивается при подобной иерархии. И это не случайно. Автор прямо возражает Мериллу, считающему, что вначале возникает общество, а затем культура. Э. С. Маркарян заявляет, что им «общество» и «культура» рассматриваются не как соотношение части и целого, а как выражение двух различных сторон, планов органически единого и генетически одновременно возникающего целого» (стр. 57). И далее Э. С. Маркарян, в целом справедливо, рассуждает о неспособности человеческого общества и обезьяньего стада, о необходимости отграничения особенностей именно человеческого коллектива от более общего понятия коллективной организации жизни, свойственной и животным.

Однако сам же автор не оспаривает всеобщего, всеобъемлющего характера этой коллективной организации жизни, в рамках которой может быть выделено много уровней

ней и типов — начиная от растительного сообщества, к таким типам, как стая саранчи, коллективный организм пчел или муравьев, функционирующие лишь в рамках жестко доминирующей наследственной программы поведения, затем стадо копытных, стая хищников и даже уже весьма сложно и иерархично организованное обезьянье стадо, где играет значительную роль научение и индивидуальный опыт, и наконец, собственно человеческое общество, которое способно закреплять типы поведения в традициях благодаря созданию знаковых, символических систем, и прежде всего речи. Все это — различные сообщества, среди которых человеческое общество занимает особое определенное место, ибо только оно институционализируется через культуру. Итак, вводимые Э. С. Маркаряном параметры следует расположить в таком порядке: 1) *деятельность*, которая присуща любым организмам, даже изолированным и не входящим ни в какие сообщества (очевидно, именно так жили примитивные тупайеподобные предки приматов), затем 2) *общество* (точнее сообщество) как самое широкое понятие коллективных форм жизни и 3) *культура*, т. е. институционализация общественного способа деятельности (поведения), вместе с которой возникает и собственно человеческая форма общества (палеонтологически, очевидно, этот рубеж совпадает с рубежом между подсемействами австралопитецин и гоминин в семействе гоминид). Очевидно, можно было бы выделить еще четвертый уровень, а именно, личность. Э. С. Маркарян отмечает вскользь в своем труде (стр. 30), что лишь благодаря появлению культуры смог образоваться такой специфический человеческий феномен, как личность, но нам представляется, что он возник не одновременно с культурой, а как результат определенного уровня развития последней.

Здесь нужно отметить еще два обстоятельства: хотя общество (социальная структура) есть система взаимоотношений не только групп, но и индивидов, все же индивиды в этой системе выступают не как личности, а как носители определенных типовых социальных функций; и далее, что эти четыре параметра соответствуют разным уровням зрительного приближения к объекту: на уровне *деятельности* мы рассматриваем социальный организм с высоты птичьего полета, на уровне же *личностей* — как бы в лупу.

Очевидно, что введение этих трех (или четырех) параметров имеет важное значение для теории познания всех гуманитарных наук, для разграничения в самых общих чертах их сфер. Так, представляется, что экономикс связана с *деятельностью*, социология с *обществом*, этнография («культурная антропология» по терминологии Э. Маркаряна) с *культурой*. Далее, пользуясь этой схемой, мы понимаем, что земледелие или охота как общие категории относятся к сфере деятельности, землевладение или право на охотничью территорию — к сфере общества, а конкретные приемы земледелия или охоты — к сфере культуры. Подобное разграничение для наших наук имеет важное методологическое значение, позволяет создавать более четкие схемы анализа исследуемых объектов.

Эти моменты — основные, которые хочется выделить при рассмотрении первой части книги «Феномен культуры». Вообще же содержание этой части значительно шире. Большой интерес представляет, например, разбор и критика Э. С. Маркаряном взглядов Редклифф-Брауна, Макайвера, Боаса, Лесли Уайта. Но пересказ их вряд ли возможен и целесообразен в рамках краткой рецензии.

Вторая, большая по объему часть книги, посвящена проблеме культурно-исторической типологии. И в ней позитивное рассмотрение вопросов сочетается с критическим анализом наиболее влиятельных современных концепций, в которых эти вопросы нашли свое отражение. Следует как заслугу автора подчеркнуть строго научный, аргументированный характер полемики, которую он ведет с представителями немарксистской социологической и культурологической мысли. Э. С. Маркарян не декларирует свою точку зрения, а постоянно пытается ее обосновать путем тщательного и многостороннего анализа рассматриваемых проблем. Очень убедителен, в частности, его критический анализ влиятельных в западной культурологии XX в. теорий О. Шпенглера, А. Тойнби, М. Херсковица, Р. Бенедикт и др., которые он именует «концепцией эквивалентных культур»¹. Не менее интересен раздел книги, посвященный соотношению неозволюционизма в американской культурной антропологии и учения об общественно-экономических формациях.

Центральной идеей второй части работы следует считать выделение автором двух качественно различных способов обобщения исторических систем, которым соответствуют два вида историко-типологических понятий — общих и локальных (для обозначения последних автором вводится также термин «локальная культура»). Э. С. Маркарян совершенно справедливо отмечает, что исторически данная культура (цивилизация) представляет собой сложное образование, не определяемое однозначно. Это обычно игнорируется в литературе, где нередко понятие «культура» и «цивилизация» используются без должной дифференциации двух качественно различных планов, в которых может и должна быть рассмотрена каждая конкретная культурно-историческая система. Понятие исторически данной культуры, отмечает Э. Маркарян, приобретает различный смысл в зависимости от того, имеются ли в виду общие типы культур или же локальные типы культур. Одно дело, например, когда мы говорим о различиях капиталистической и

¹ Ранее это направление мысли Э. С. Маркаряном было названо более широко, а именно концепцией «локальных цивилизаций». См.: Э. С. Маркарян, О концепции локальных цивилизаций, Ереван, 1962.

феодалной культур, совершенно другое, когда говорят о различии индийской и китайской культуры. В первом случае имеются в виду различия общих типов культур, выделяющих различные этапы, уровни культурно-исторического развития; во втором же внимание акцентируется на различии между локальными типами культур, воспроизводящими индивидуальное своеобразие исторически выработанных народами образов жизни (стр. 129).

Смешение этих двух качественно различных планов рассмотрения исторически данных культур Э. Маркаряна считает одним из фундаментальных пороков идеалистической философии истории XX в.

Особый раздел второй части книги посвящен проблеме сравнительного изучения исторических систем (глава четвертая), где автором поставлен ряд интересных проблем. Следует в этой связи отметить и другие работы данного автора, впервые в нашей литературе специально посвященные обобщенной постановке проблемы сравнительного метода под углом зрения познавательных задач исторической науки в целом².

Книга Э. Маркаряна не только последовательно материалистична, но и лишена догматизма. Объектом критики автора выступают не только немарксистские концепции, но и точки зрения, вульгаризирующие и упрощающие историко-материалистическую теорию. Большой интерес в этом плане имеют те места книги, которые посвящены обоснованию историко-материалистического монизма и учения об общественно-экономических формациях (стр. 42—51, 139—181).

С сожалением приходится констатировать, что эта весьма информативная и стимулирующая творческое мышление книга выпущена в свет в недостаточно отредактированном виде. Нет спора, сюжет, избранный автором, труден, и законно требовать от читателя известного труда для его постижения. Но иногда язык изложения усложнен больше, чем этого требует предмет. Читатель стремится вчитываться в формулировки автора, ответственность предмета требует от них недвусмысленности на уровне юридического текста, а между тем в ряде предложений нарушены требования синтаксической согласованности, которую с трудом приходится постигать догадкой.

Недостатком книги является и отсутствие библиографии. Постраничные ссылки не вполне восполняют этот пробел. В них нельзя найти, например, ни одного труда Р. Махайвера, хотя взгляды его подробно разбираются. Совершенно недостаточно использован в работе конкретный исторический и этнографический материал. Однако, несомненно, эти отдельные погрешности никак не умаляют ценности содержания книги Э. С. Маркаряна, которую с пользой прочтет каждый специалист, занимающийся проблемами материальной и духовной культуры первобытности и классовых формаций, общественной организации и поведения человека.

С. А. Арутюнов

² См. Э. С. Маркарян, О значении сравнительного метода в культурно-историческом познании, «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 4; его же, Об основных принципах сравнительного изучения истории, «Вопросы истории», 1966, № 7.

НАРОДЫ СССР

В. К. Соколова. Русские исторические предания. М., «Наука», 1970.

Народные предания — один из самых популярных видов фольклора. Со времен древнейшей русской летописи ими пользовались историки, поэты и писатели, воссоздававшие картины национального прошлого; они неизменно привлекали внимание этнографов, краеведов, путешественников. Но, как ни странно на первый взгляд, широкая известность преданий мало помогала их подлинно научному исследованию. Они обычно привлекались как вспомогательный материал и рассматривались лишь в аспекте основной задачи историка, публициста или художника; в то же время в качестве источника, то для выявления особенностей местного репертуара, то как штрихи к портрету героя литературного произведения.

Монография В. К. Соколовой — по существу первое большое исследование, посвященное русским преданиям как особому, богатому и многообразному виду народного творчества, который сам по себе представляет определенную познавательную и художественную ценность, имеет общенациональное распространение и занимает самостоятельное место в системе фольклорных жанров. В исследовании всесторонне учтены и тщательно обобщены все накопленные как в дореволюционной, так и в советской науке факты, наблюдения и выводы. Уже объем справочно-библиографического аппарата книги наглядно показывает, какой огромный материал был накоплен в этой области. Однако ссылки убедительно свидетельствуют и о том, какими разрозненными, часто случай-

ными, мало доступными были публикации текстов преданий и насколько в их изучении преобладал чисто краеведческий подход.

Большой опыт исследовательницы, известной своими прежними работами о русском историко-песенном фольклоре, позволил ей подойти к народным преданиям во вооружении современных методов фольклористического анализа. Несомненными достоинствами книги являются критическое отношение к тексту, умение выделить и показать элементы индивидуального сказительского творчества (предание о Петре Первом, записанное от И. А. Касьянова) или литературного редактирования (легенда о Кудеяре у Н. А. Костомарова), а также не менее трудное и важное умение учитывать сложнейшие связи преданий с другими жанрами. Анализируя влияние мифа, эпоса, сказки, анекдота, бывальщины, исторической песни, религиозной легенды и средневековой письменности на сюжеты и образы преданий, В. К. Соколова не допускает размывания границ самого жанра, настойчиво стремится раскрыть, в чем заключаются его особые черты, его идейно-художественное своеобразие.

Особенности жанра совершенно правильно и обоснованно выявляются прежде всего через специфическое отношение произведений этого жанра к действительности. «В преданиях обязательно рассказывается о прошлом, порою очень далеком,—пишет В. К. Соколова. — События, о которых в них идет речь, закончены и неповторимы. Предания — передаваемая из поколения в поколение устная народная летопись; основное назначение их — сохранить память о важных событиях и деталях истории; дать им оценку. Действительность в преданиях изображается в основном реально и берется в определенном общественно-политическом плане. Это определяет отбор материала... Конкретность, детальность, внимание к частностям большого события отличает предания от историко-песенного фольклора» (стр. 252, 253).

В этой связи особый интерес представляет глава, в которой рассматриваются предания о кладах. В. К. Соколова весьма убедительно, на мой взгляд, доказывает их принадлежность к жанру бывальщины и возможность прикращения какой-то их части к историческим лицам, а следовательно, превращения подобных устных рассказов в один из типов преданий («Клады Разина»). Внимательно рассматривается и возможность «историзации» некоторых чисто сказочных сюжетов («Иван Грозный и ловкий вор», «Петр Первый и солдат»).

Столь же несомненным достоинством работы является применение историко-сравнительного метода, прочно утвердившегося за последние годы в исследованиях эпоса и сказки (работы Е. М. Мелетинского, Б. Н. Путилова, Э. В. Померанцевой). В. К. Соколова опирается на материалы и наблюдения не только русских, но и чешских, польских, югославских ученых. Она привлекает словацкие сказания о короле Матьяше, польские предания об основании Кракова, славянские фольклорные циклы о благородных разбойниках — Яношике, Олексе Довбуше, Кармалюке и др. Это помогает ей установить общие типологические закономерности и важнейшие исторические этапы эволюции всей славянской народной несказочной прозы.

Вместе с тем тщательно отмечают особенности путей развития, тематики, образов, бытования, свойственные южнославянским, западнославянским, восточнославянским преданиям. Так, устанавливая, что «формирование преданий о „благородных разбойниках“ и их дальнейшее развитие у всех славянских народов шли одним путем» (стр. 185), В. К. Соколова одновременно доказывает специфичность мотива «уходит с водой» именно для русских преданий (стр. 165) и отсутствие в них эпизодов чудесного рождения и необычного детства будущего «збойника» или «опришка» (стр. 175).

Широкий охват материала позволяет В. К. Соколову установить примерный состав русских преданий и выделить основные их типы. Результатом всего исследования стала предложенная автором схема классификации русских преданий, опубликованная как приложение, но безусловно представляющая собой одну из наиболее ценных глав всей книги. Убедительно полемизируя с чисто тематическим принципом классификации преданий, предлагавшимся другими советскими учеными (В. Е. Гусевым, Л. Б. Элиасовым), В. К. Соколова исходит в своей схеме из типологических соответствий русского и общеславянского материала, а также из степени близости разных видов преданий к смежным жанрам фольклора — религиозной легенде, бытовой сказке и т. д. Такая классификация действительно позволяет представить себе состав и характер рассматриваемого жанра, его место в русском фольклоре.

Однако и в содержании книги, и в предложенной классификационной схеме имеется, на наш взгляд, один весьма существенный пробел. Совершенно не упомянуты и не привлечены предания о полководцах, весьма характерные для русского фольклора XVIII—XIX вв., довольно часто встречающиеся и в записях советского времени. Целый ряд преданий, возникавших в солдатской среде, связан с личностью и деятельностью Суворова¹. Многие из них впоследствии были приурочены к Отечественной войне 1812 г. и к личности Кутузова. Так, очень оригинальное предание о Кутузове-провидце, заранее знавшем, кому из солдат суждена смерть в бою, записал от знаменитой северной сказительницы Аграфены Крюковой А. М. Марков (см. известный сборник «Беломорские былины»). Не только в казачьем, но и в крестьянском репертуаре были распрост-

¹ См. А. В. Елисеев, Народные предания о Суворове, «Древняя и новая Россия», 1879, т. 1, № 8; В. П. Бирюков, Фольклор Урала, вып. 1, Челябинск, 1949.

ранены предания о Платове: его происхождении, подвигах, пребывании за границей. Во второй половине XIX в., очевидно, существовали совершенно до сих пор не собранные и не изученные предания о «белом генерале» — Скобелеве, связанные прежде всего с тайной его внезапной смерти.

Таким образом, предания о полководцах следует рассматривать как один из наиболее поздних специфических типов данного жанра. Генетически они связаны как более ранними преданиями о борьбе против внешних врагов, так и с преданиями о походах Ермака, о Петре Первом — создателе армии и покровителе солдат, а отчасти — циклами о разбойниках. Иногда все эти мотивы переплетаются, получают новое значение. Например, в предании, записанном В. И. Чернышевым, Платов оказывается удальным разбойником, сосланным в Сибирь, на каторгу накануне нашествия французов, вызванным оттуда самим царем, когда началась война. Мотив прощения вины, появившийся в преданиях о Ермаке, выступает здесь в новом переосмыслении. К тому же Платову относились древнейшие бродячие сюжеты о мудрых судах Соломона (записи А. Иванова). О соотношении предания с исторической песней можно судить по белорусскому тексту, в котором песня о поезде Платова к французу пересказана и переосмыслена в духе прославления партизанской борьбы с отрядами Наполеона².

Отсутствие всего этого материала в книге обедняет состав русских преданий и смену их классификации, недостаточно прослеживается и картина исторической эволюции преданий на русской почве.

Несколько односторонним выглядит анализ преданий о Петре Первом. Предания, в которых дается отрицательная оценка личности и деятельности Петра, В. К. Соколова считает мало значительными, возникшими в результате церковной пропаганды, им уделено всего две-три страницы (83—85). Более глубокой и обоснованной представляется здесь точка зрения К. В. Чистова, писавшего: «Исторически противоречивой была прежде всего деятельность Петра, а не только народное сознание, отразившее ее в специфических фольклорных формах»³.

В концепции К. В. Чистова привлекает строго исторический подход к народному творчеству, в процессе длительного развития которого могут решительно переосмысливаться образы, мотивировки, оценки. «Осознание исторических заслуг Петра развивалось, видимо, медленнее, чем непосредственная реакция на петровские «утеснения». В позднейшей традиции активнее живут воспоминания о простоте его общения с народом... возникают песни и предания, идеализирующие Петра... все больше забываются легенды о «подменном царе» и другие произведения, рисующие Петра с отрицательной стороны...»⁴.

К сожалению, в соответствующей главе монографии В. К. Соколовой нет ни опровержения этой концепции, ни ее дальнейшего развития, и разнородность преданий о Петре освещена в духе сложившейся в науке традиции, явно смягчающей их противоречивость.

В своей работе В. К. Соколова избегает преждевременных или произвольных обобщений и все выводы убедительно аргументирует. Подобная осторожность — прекрасное качество для исследователя, но порой он имеет право и на гипотезу. Так, очень хотелось бы видеть в первой обобщающей монографии о русских преданиях не только констатацию того факта, что «богатырских преданий, связанных с историческими событиями, у русских сохранилось немного» (стр. 39), но и объяснение его, хотя бы предварительное. Оно тем более желательно, что приведенные автором примеры говорят о бытовании богатырских преданий именно в тех местностях, где в живом бытовании не сохранился сам эпос.

Высказанные выше пожелания несколько не умаляют ценности и значения книги. Они возникли как раз потому, что В. К. Соколова поставила перед собой и в основном разрешила большую и трудную задачу создания первой монографии об одном из мало изученных жанров русского фольклора. Только на фоне проделанной ею огромной работы по сбору, систематизации и обобщению материала могли выступить отдельные проблемы и спорные положения, требующие дальнейшей разработки. Как и появившаяся несколько лет назад книга К. В. Чистова о социально-утопических легендах, монография В. К. Соколовой о преданиях свидетельствует о том, что русская советская фольклористика успешно осваивает сравнительно мало изданную до сих пор область народной исторической прозы.

Э. С. Литвин

² См. А. Иванов, Верования крестьян Орловской губернии, «Этнографическое обозрение», 1900, № 4; В. И. Чернышев, Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда, сб. «ОРЯС», т. XX, СПб., 1901, № 39; В. Г. Головачев и Б. С. Лашин, Донские сказки и сказы, Сталинград, 1947.

³ См. А. Сержпутоўскі, Казкі і апавяданні беларусаў з Слуцкаго павету, Л., 1926.

⁴ К. В. Чистов, Русские народные социально-утопические легенды XVIII—XIX вв. М., 1967, стр. 94.

⁵ Там же.

Пятитомное издание Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР «Литовский фольклор» (общий объем 4292 стр.) отмечено Республиканской премией 1970 года.¹ Это издание стоит в одном ряду с такими капитальными трудами по литуанистике, как академический «Словарь литовского языка» и пятитомная «История литовской литературы». Лауреатами Республиканской премии стали трое литовских фольклористов — кандидаты филологических наук К. Григас, А. Ионинас и Л. Саука, которые подготовили к печати значительную часть публикуемых фольклорных текстов, написали вступительные статьи к отдельным томам. Большой вклад в определение профиля пятитомника, в решение важнейших научных проблем, связанных с публикацией и комментированием текстов внес главный редактор издания академик К. Корсакас.

Рецензируемое издание — первая в истории литовской науки антология, охватывающая все виды и жанры литовского фольклора. В публикации ряда жанров авторы пятитомника продолжают и развивают богатые традиции; некоторые жанры представлены впервые. Для сбора материала использовались различные печатные источники, а также богатые фонды рукописей литовского фольклора, хранящиеся в Институте литовского языка и литературы. Опубликованы фольклорные тексты, записанные начиная с XVII в. до наших дней. В издании представлены образцы народно-поэтических произведений всех этнографических районов Литвы.

Тексты публикуются на литературном языке. Однако редактирование записей коснулось лишь диалектных фонетических форм; морфологические и лексические отклонения от литературной нормы сохранены; в конце каждого тома имеются специальные словари диалектных слов и архаизмов. К каждому тому приложены также комментарии, где сообщается, кем, когда и от кого записан публикуемый вариант, а также приводятся некоторые существенные соображения певцов, рассказчиков и собирателей. Для сказок и других произведений повествовательного фольклора указывается номер сюжета по каталогу А. Аарне — С. Томпсона (The Types of the Folktale. — «FF Communications», № 184, Helsinki, 1961), по «Каталогу мотивов литовского повествовательного фольклора» (J. Balys. Lietuvių pasakojamosios, tautosakos motyvų Katalogas, Kaunas, 1936), а иногда по каталогам Р. Христиансена. (The Migratory Legends. — «FF Communications», № 175, Helsinki, 1958) и Л. Симонсури (Typen und Motivverzeichnis der finischen mythischen Sagen. — «FF Communications» № 182, Helsinki, 1961).

Во вступительных статьях к каждому тому характеризуется публикуемый материал, показаны общественные функции конкретных жанров, их место в народной поэтической традиции, выявляется взаимоотношение между родственными жанрами. Делается попытка вскрыть древние пласты и новые наслоения в тематических группах произведений, сравнить литовский материал со сходными произведениями соседних народов.

Первые два тома, вышедшие в свет в 1962 и 1964 гг., посвящены песням и причитаниям. В отличие от предшествующих публикаций песенного фольклора здесь охвачены все важнейшие жанры. Например, значительно более полно представлены календарные песни, некоторые разновидности трудовых песен, плачей. Найдена удачная система расположения материала. В прежних антологических сборниках литовских песен тексты располагались то по этнографическим районам, то по тематике произведений или по их основным мотивам, а иногда и в алфавитном порядке. В сборнике песен, подготовленном Я. Чюрлионите (1957 г.), сделана попытка сгруппировать песни по их обрядовой функции и тематике. В настоящем издании функционально-тематический принцип группировки материала получил дальнейшую разработку; он применен к более многочисленному и разнообразному материалу. Разделы песен соответствуют расположению материала в «Систематическом каталоге литовских народных песен», составленном в Институте литовского языка и литературы. В частности, расположение обрядовых песен по их функции и по месту в конкретном обряде оказалось весьма плодотворным: так яснее выступает назначение песни, смысл ее символики и поэтических образов. Тем самым поэтическое произведение связывается со спецификой его бытования. Внутри разделов и подразделов песни группируются по их тематике.

Однако применение функционально-тематического принципа к трудовым песням привело к известной непоследовательности. Ведь наряду с собственно трудовыми песнями, которые связаны с определенными сельскими работами, бытуют и чисто лирические песни, изображающие и поэтизирующие какой-либо труд. Иногда, особенно в последнее время, и эти песни называют трудовыми (пахотными, ткацкими и т. п.). В рецензируемом издании обе группы песен составляют один раздел, что по нашему мнению, не вполне правомерно.

Во II-ом томе собраны главным образом любовные и военно-исторические песни. Составители пытаются соотнести военно-исторические песни с конкретными историче-

¹ В работе над отдельными томами участвовали: I т. — В. Бараускене, Б. Казлаускене, Б. Угинчюс; вступительная статья А. Ионинаса; II т. — В. Бараускене, Б. Казлаускене, Б. Угинчюс; вступительная статья Ионинаса; III т. — Л. Саука, А. Сесельските; вступительная статья Л. Сауки; IV т. — Л. Саука, А. Сесельските, Н. Велюс, К. Вишнис; вступительная статья А. Ионинаса; V т. — К. Григас; вступительная статья К. Григаса, Л. Сауки.

скими событиями. Между тем литовские песни этого жанра чрезвычайно слабо отражают историю; в них преобладает лирическое начало, исторические реалии и реминисценции весьма туманны, зачастую их можно истолковать по-разному. А бывает и так, что одна и та же песня, долго бытующая в фольклоре, в народном сознании ассоциируется с различными событиями, недавние войны «оживляют» старую песню и видоизменяют ее. Поэтому задача, которую поставили перед собой составители, чрезвычайно трудна.

В I и II томах «Литовского фольклора» представлена лишь небольшая часть записей литовского песенного творчества — 350 000 единиц. Однако Б. Казлаускас и В. Бараускас, подготовившие к печати материал этих томов, при отборе материала руководствовались составленным ими систематическим каталогом литовских народных песен, поэтому им удалось представить самые характерные для литовского репертуара и ценные в художественном отношении произведения. Причем, предпочтение отдавалось таким песенным произведениям, которые записаны вместе с мелодией. В издании воспроизводятся мелодии большинства публикуемых песен.

В III и IV томах отражен повествовательный фольклор. Материал здесь группируется по жанровым признакам, а внутри жанровых групп — по тематике. В третьем томе вошли сказки о животных, кумулятивные и волшебные сказки. В четвертом томе опубликованы новеллистические и бытовые сказки, легендарные сказки, небыллицы, народные анекдоты. Почти половину этого тома занимает народная проза несказочного характера — этиологические и мифологические сказания, предания, народные рассказы. Здесь же собраны так называемые «рацен», исполнявшиеся во время свадебных обрядов и календарных праздников. Литовские сказки и частично былички довольно широко представлены в более ранних изданиях, но в этих публикациях охвачены не все этнографические районы. Особенно мало опубликовано дзукских сказок (юго-восток Литвы). В рецензируемом пятитомнике представлены сказки всех этнографических районов, хотя жемайтских сказок в нем сравнительно немного: здесь не так широко проводилась запись фольклорных материалов, кроме того репертуар жемайтских сказок несколько уже, чем в других районах. В III и IV тома включены самые значительные типы литовских сказок — от произведений, записанных по 50—60 раз, до известных в единственной записи. Представляется, что было бы полезно в комментариях отметить количество учтенных вариантов сказки, хотя бы на основании имеющихся печатного и картотечного каталогов повествовательного фольклора.

Большинство сказок являются самыми характерными. Из самобытных вариантов в III томе (№ 154) опубликована сказка о Золушке, рассказанная замечательной сказочницей Э. Гончере: она сильно отличается от других вариантов того же типа, даже записанных на родине сказочницы. Весь репертуар Э. Гончере резко отличается от распространенных сюжетов, отмечен индивидуальностью сказительницы. Это, вероятно, следовало бы указать в комментарии. Изредка, представляя двумя вариантами излюбленный сказочный сюжет, составители не отмечают, что этот сюжет имеет разные версии. Так, два варианта сказки о муже — уже (А — Th., 425 М) очень похожи друг на друга, хотя эта литовская сказка бытует по крайней мере в трех версиях.

В разделах повествовательного фольклора обращено внимание не только на полноту и типичность сюжета произведения, но и на качество записи. Ценность опубликованных текстов повышается еще и тем, что в издании воспроизведены мелодии многих песенных вставок в сказках.

Предания, народные анекдоты и былички впервые представлены так широко. Опубликованы различные по тематике произведения этих жанров, отражающие их специфику. Многие народные анекдоты имеют социальную направленность.

V-ый том охватывает мелкие жанры литовского фольклора. Это крупнейшая по объему публикация большинства мелких жанров. В V-й том вошло большое количество записей пословиц (5349 единиц) и загадок (2432 единицы). Впервые публикуется довольно большое количество заговоров, различных пародий, звукоподражаний, заклинаний, скороговорок, восхваленный товаров на ярмарках и т. д. Материал также расположен по жанровым и тематическим группам.

Ученые признали преимущества тематической группировки пословиц и поговорок, так как она показывает круг жизненных вопросов, которых коснулся народ, дает возможность сравнить разные народные изречения об одном явлении и т. п. Однако применять этот принцип группировки чрезвычайно трудно, поэтому мало кто решается публиковать большое количество пословиц. Ведь прежде чем распределить народные изречения по тематике, нужно установить их смысл. Пословицы, как правило, полисемантичны. Работу К. Григаса по тематической классификации пословиц и по разработке четкой системы отсылок для полисемантичных пословиц, в целом следует признать удачной. Можно спорить о правильности толкования отдельных изречений и правомерности отнесения их к той или иной тематической группе, можно найти случаи, когда пословица употребляется и в таком смысле, который не указывается в издании. Однако стремление посредством расположения материала осветить социальные и этические взгляды народа, его жизненную философию не может не вызвать одобрения.

Обычно говорят, что при тематическом расположении материала трудно найти нужную приблизительно известную пословицу. Чтобы избежать этой трудности, в V томе есть вспомогательный указатель смысловых слов, встречающихся в пословицах; он помогает найти конкретное изречение, сопоставить его с напечатанными рядом вариан-

тами, а по его месту в определенном тематическом разделе — лучше понять его смысл.

Загадки тоже группируются по их тематике (по отгадкам). Сходные загадки, имеющие различные отгадки и поэтому оказавшиеся в разных тематических группах, соотносены при помощи отсылок. Рядом с пословицами и загадками указано место записи, а в комментариях имеются замечания информаторов или собирателей, поясняющие смысл пословиц или помещен контекст, из которого взято изречение.

В V том вошли также народные танцы и игры, имеющие поэтический текст. Учтена синкретичность таких произведений. Воспроизводятся описания игр и танцев и их мелодии. Даже такая выборочная публикация дает представление о богатстве литовской народной хореографии, о народных развлечениях.

Пятитомное издание «Литовский фольклор» сделало доступными для изучения и для практического использования много фольклорных произведений. Среди них многие смело можно причислить к классическому фольклорному наследию.

Б. Кербелите

Сказки Терского берега Белого моря. Издание подготовил Д. М. Балашов. Отв. редактор Э. В. Померанцева, Л., 1970, 447 стр.

Д. М. Балашов с 1957 г. ведет полевую работу на Терском берегу. Цель ее, как формулирует сам автор, — представить по возможности полно и целно народную культуру этого региона. Уже вышли сборник нотированных свадебных песен¹, рецензируемый сборник; планируется издать также сборник лирических песен.

Рецензируемая работа — самый крупный сборник русской народной прозы за последние десять лет, — включает предисловие составителя и его вступительную статью «Сказочники и сказочная традиция на Терском берегу», тексты (161 номер), опись всей коллекции (248 номеров), указатель сюжетов по системе Аарне-Андреева, словарь местных слов и выражений.

Вступительная статья, к сожалению, очень краткая, знакомит читателя с историей народов, населяющих Терский берег. Автор описывает свои встречи со сказочниками, определяет истоки формирования их репертуара, сопоставляет репертуар терских сказочников с репертуаром сказочников других русских областей, с прозой соседних карел и саамов. Автор удачно использует языковые материалы. Он умеет видеть и слышать, умеет бережно и чутко передать увиденное и услышанное читателю. Картины недавнего прошлого и современного быта, портреты людей (каждый «на особинку») у Д. М. Балашова получились живыми, «производительными». Ему удалось подметить и передать тем, кто еще не бывал на Русском Севере, величавую простоту и естественную ласковость, добродушную самопроницательность, точность и силу слова, почивать все это не как экзотику, а как норму и родной культуры.

Сведения Д. М. Балашова о соотношении разных групп прозы в терском репертуаре и об их отношении к общерусскому репертуару представляются объективными, так как они подтверждаются аналогичными результатами фольклорных экспедиций МГУ в районы восточной Карелии, от Белого моря до Вологодчины, и западную часть Архангельской области. Так, на Терском берегу зарегистрировано 20 сюжетов сказок о животных и 100 сюжетов волшебных сказок (собираемыми МГУ почти в тот же период отмечено 40 сюжетов о животных и 140 сюжетов волшебных сказок).

И Балашов, и другие исследователи отмечают, что былички неизмеримо популярнее легендарных сказок с христианской тематикой, а бытовые сказки и анекдоты рассказываются чаще, нежели сказки новеллистические.

В целом волшебные сказки и былички доминируют над другими сюжетами. А это значит, что сбор материала проводился, главным образом, среди людей, в быту которых были живы традиции народной культуры. Однако на основании ремарок в текстах мы можем говорить об отходе от некоторых народных традиций и об изменении в сознании рассказчиков. Об этом же говорят и внутрижанровые изменения, сказывающиеся в стремлении к реалистичности, что сближает их с бытовыми сказками.

Тексты, изданные Д. М. Балашовым, несомненно войдут в широкий научный оборот, ибо, не говоря уже о достоинствах текстов, рецензируемым сборником, по существу, открыт новый район бытования русской народной прозы.

Вполне правомерно включение в сборник, наряду со сказками, быличек, среди которых имеются очень интересные образцы. Например, быличка «Проклятая жена» (№ 12) по своим качествам является ступенькой эволюционного развития восточнославянских быличек о змее-любовнике и перекликается с болгарскими мифическими песнями на ту же тему.

Сборник «Сказки Терского берега» издан в соответствии с критериями, предложенными В. Я. Проппом и реализованными им при публикации северорусских записей

¹ Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Составители Д. М. Балашов и Ю. К. Красовская, Л., 1969.

А. И. Никифорова². Сами по себе эти критерии не новы (за исключением представления описи всей коллекции), они широко и постоянно использовались при издании сказок в 30-х и отчасти в 40-х годах. К сожалению, в последние десятилетия этими научными критериями должным образом не пользуются.

Народная культура в виде отдельных ее элементов и проявлений тогда и только тогда становится неотъемлемой частью современной, социалистической культуры, когда образцы с помощью современных средств (книги, радио, телевидение, кино, театр, граммпластинки) получают новую, «культурную» форму бытования, когда знания в ней становятся обязательной частью культурного багажа каждого человека. Д. М. Балашов выступает на этом трудном поприще и как ученый, и как пропагандист. Мы искренне желаем ему новых успехов.

Ю. И. Смирнов.

² «Северорусские сказки в записях А. И. Никифорова. Издание подготовил В. Я. Пропп», М.—Л., 1961.

Великий певец «Джангара» Ээлян Овла и джангароведение, «Материалы научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ээляна Овлы», Элиста, 1969, 117 стр.

В последние годы калмыцкие ученые расширили работу по изучению искусства народных певцов — джангарчи¹. В 1967 г. в Элисте, столице Калмыкии, состоялась научная конференция, посвященная калмыцкому эпосу «Джангар» и его талантливому исполнителю Ээлян Овлы. Материалы конференции и вошли в рецензируемый сборник. Книга открывается вступительным словом И. К. Илишкина «За глубокое освоение бесценного наследия». В нем отмечается, что цель конференции заключалась не только в том, чтобы осветить творческий путь и роль выдающегося джангарчи Ээляна Овлы в культурной жизни калмыцкого народа, но и в том, чтобы обсудить ряд вопросов вытекающих из самого эпоса в области литературоведения, языкознания, искусства, истории и этнографии.

В сборнике опубликованы следующие доклады ученых, занимающихся калмыцким фольклором: А. Ш. Кичикова — «Великий певец „Джангара“»; Г. И. Михайлова — «Джангарнада и Гэсэрнада»; Ц. К. Корсункиева — «Джангаровы богатыри и их войска»; И. М. Мацакова — «Жанһрин материалар патриотическ сурһмж өгһлһнэ тускар»; А. И. Сусеева — «К слову о „Джангаре“»; М. Л. Кичикова — «Героический эпос „Джангар“ как исторический источник»; У. Э. Эрдниева — «К вопросу о времени возникновения эпоса „Джангар“»; И. И. Орехова — «К вопросу о развитии общественно-политической мысли в Калмыкии. Джангар как философский источник»; И. Г. Ковалева — «„Джангар“ в творчестве художников»; Г. Д. Санжеева — «Место „Джангара“ в ряду эпических творений монгольских народов».

Кроме того, в сборник вошли также выступления ученых из других автономных республик и областей: А. И. Уланова (Бурятская АССР), М. И. Мижгаева (Карачаево-Черкесская автономная область), С. С. Суразакова (Горно-Алтайская автономная область) Д. С. Куулар (Тувинская АССР).

Как видно из материалов сборника, деятельность сказителя и записанное с его слов произведение рассматриваются действительно в широком плане: фольклористическом, историческом, философском, искусствоведческом, лингвистическом.

Калмыцкий эпос «Джангар» стоит в одном ряду с такими памятниками словесности, как, например, «Калевала», русские былины, «Манас», «Гэсэр», и занимает достойное место в истории мировой культуры. Отсюда понятен тот интерес, который проявляется к человеку, сумевшему сохранить в наиболее полной форме этот эпос, знаменитому сказителю Ээлян Овлы (1857—1920). Джангарчи был «открыт» Н. О. Очировым и В. Л. Котовичем².

¹ А. Ш. Кичиков, Великий джангарчи Ээлян Овла, «Уч. зап. Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории», вып. 5, серия филологическая, Элиста, 1967, стр. 73—84; Н. О. Очиров, О записи оригинала «Джангара», там же, стр. 52—54; Н. Н. Мусова, Сказки С. И. Манжикова, там же, стр. 149—150; Н. Б. Сангаджиева, Джангарчи, Элиста, 1967; Б. Б. Оконов, Фольклорная экспедиция 1967 года, «Уч. зап. Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории», вып. 7, серия филологическая, Элиста, 1969, стр. 225—229.

² В. Л. Котович, Джангарнада и джангарчи, Сб. «Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова», М., 1958, стр. 196—199. Перепечатана в «Уч. зап. Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории», вып. 5, Элиста, 1967, стр. 188—192; см. также: Н. О. Очиров, Указ. раб.

А. Ш. Кичиков в своем докладе обстоятельно характеризует личность певца «Джангара», родившегося в улусе Малодербетовском аймака Ики-Бухус бывшей Астраханской губернии.

Докладчик тщательно собрал и изучил материалы о деятельности сказителя. Он проанализировал имеющуюся по калмыцкому эпосу литературу, уточнил и разобрал ряд спорных и неясных вопросов из жизни Овлы, раскрыл его образ. В становлении сказителей монгольских народов, как и многих других, есть нечто общее и закономерное — это творческая среда, которая окружает их и оказывает решающее влияние на освоение ими и репертуара, и манеры, и мастерства своих учителей — народных певцов-поэтов.

Благодаря старанию и упорству, Ээлян успешно овладел мелодией «Джангара» и стал его певцом-исполнителем. Он не раз выступал в состязаниях сказителей, и не было в калмыцких степях равного ему — он непременно одерживал победу. Как отмечает А. Ш. Кичиков, Ээлян Овла был «потомственным джангарчи, выходящем из гнезда певцов, и „Джангар“ перенял он в более или менее готовом виде от своих предшественников»³.

Шестидесятилетний Ээлян Овла радостно приветствовал победу Великой Октябрьской социалистической революции. В годы гражданской войны он пел «Джангар» перед бойцами Красной Армии, вдохновляя их на борьбу за победу Советской власти в Калмыкии⁴.

Г. И. Михайлов сопоставляет эпосы «Джангар» и «Гэсэр» — эти памятники культуры монгольских народов. Работа, несомненно, потребовала углубленного изучения эпоса и потому имеет значительную научную ценность. Автор приходит к выводу, что «связь двух этих крупных произведений не ограничивается отдельными моментами, сходством ряда деталей и т. д... Речь идет в данном случае об основных сюжетных линиях, о характерных ситуациях» (стр. 29).

Много общего в эпосах «Джангар» и «Гэсэр» в обрисовке героев, в их характеристике. Автор приводит ряд эпизодов, сцен, деталей, убедительно показывающих сходство этих произведений.

Г. Д. Санжеев обращает внимание на необходимость исследования общего и специфического в культуре монгольских народов, указывая, что в этом плане особенно большой интерес представляет сравнительно-типологическое изучение героического эпоса этих народов.

А. И. Уланов подчеркнул, что ученые Бурятии изучают эпос «Джангар» не только потому, что это прекрасный памятник народного искусства, но и потому, что он дает возможность понять многие стороны исполнения, содержания бурятского эпоса, помогает в его исследовании, тем более, что бурятский унгинский эпос близок к калмыцкому эпосу «Джангар» (стр. 105).

М. И. Мижаяев отметил, что проблемы изучения «Джангара» и творчества джангарчи в какой-то степени перекликаются с проблемами нартоведения, особенно с вопросами изучения адыгейских народных песен. «В частности, много интересного даст, на мой взгляд, сравнительное изучение творчества джангарчи и наших народных певцов и сказителей — джегулко, которые имели огромный общественный вес в жизни адыгов», — заключает М. И. Мижаяев.

На проблемах сравнительного изучения «Джангара» и алтайского эпоса остановился С. С. Суразаков. Он сообщил, что наименование «Джангар» известно и в алтайском эпосе, что с эпосом «Джангар» впервые познакомил ученых сказитель Улагашев. Вместе с тем, несмотря на многие общие моменты в образах, отдельных мотивах, постоянных поэтических формулах, изобразительно-выразительных речевых средствах и т. д., калмыцкий «Джангар» полностью оригинален и самостоятелен. В нем отражается история именно калмыцкого народа.

Д. Куулар считает, что опыт работы калмыцких ученых по выявлению знатоков фольклора и по пропаганде их творчества в известной степени поможет и деятельности тувинских ученых.

В устной поэзии монгольских и соседних с ними народов много общего — следовательно, изучение фольклора этих народов требует совместных усилий, консультаций, связи ученых между собой; опыт и исследование одних обогащают работу других, помогают в конечном счете фольклористам в решении крупных научных проблем.

Книга «Великий певец „Джангара“ Ээлян Овла и джангароведение» — несомненный вклад в многонациональную советскую фольклористику. Она будет с пользой прочитана не только специалистами-исследователями устной народной поэзии, но и литераторами, языковедами, этнографами.

Р. А. Шерхунаев

³ А. Ш. Кичиков, Указ. раб., стр. 19.

⁴ О. И. Городовиков, Богатырская поэма калмыцкого народа. Вступительная статья в кн. «„Джангар“. Калмыцкий народный эпос», пер. С. Липкина, М., 1958, стр. 7.

Ю. П. Аверкиева. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв., М., 1970. 176 стр.

Книга известного этнографа-американиста Ю. П. Аверкиевой является первым и пока единственным в советской литературе трудом, специально посвященным хозяйству, социально-экономическим отношениям, политической организации, материальной и духовной культуре индейцев степной зоны североамериканского материка.

Овеянные романтической славой, степные племена воинственных кочевников-конево-дов и охотников на бизонов издавна привлекали внимание не только авторов приключенческих романов, но и специалистов-этнографов. Хотя в книге и нет отдельного историографического раздела, читатель получает ясное представление о концепциях американских исследователей по рассматриваемому кругу проблем, так как критический анализ основной литературы имеется почти во всех разделах рецензируемого труда. Следует сказать, что автор, высоко оценивая вклад ряда американских ученых в изучение индейцев прерий и равнин, и прежде всего работы Б. Мишкина и Дж. Юерса, отмечает вместе с тем слабые стороны американской историографии данной проблематики.

Книгу открывает раздел «Этногенез степных племен», в котором дан краткий, но весьма содержательный обзор процесса формирования населения степной зоны Северной Америки.

В одной из основных частей рецензируемого труда выявляется роль коневодства в обществе индейцев степей. Освоение лошади индейцами привело к коренным изменениям не только в хозяйстве и быте, но и во всем общественном строе степных племен. Автор достаточно убедительно показывает ошибочность точки зрения ряда американских этнографов о том, что появление лошади привело лишь к количественным изменениям в примитивном охотничьем хозяйстве индейцев, не затронув его основных качеств. По мнению Ю. П. Аверкиевой, освоение лошади привело к формированию у населения степей нового хозяйственно-культурного типа кочевого коневодства и верховой охоты на бизонов. Основываясь на марксистской методологии, автор обращает особое внимание на социально-экономические изменения общественного строя племен коневодов-охотников, отмечая, что определяющим фактором здесь послужила частная собственность на лошадей, с которой была неизбежно связана имущественная и, следовательно, социальная дифференциация.

Интереснейшие разделы работы посвящены детальному анализу отношений зависимости, зачатков эксплуатации и классовой дифференциации. Вскрывается ошибочность трактовки кочевого общества коневодов как первобытнообщинного, эгалитарного. Ю. П. Аверкиева на конкретных примерах убедительно показывает, что за внешней оболочкой отношений родовой взаимопомощи нередко скрываются отношения эксплуатации. Большое внимание уделяется структуре общин, роду и семье у индейцев. Основной хозяйственной единицей, по мнению автора, были большесемейные общины, которые объединялись в кочевые соседские общины. Очень важен для данной темы аргументированный вывод о том, что у племен, которые большинство американских этнографов считают безродовыми (дакота, черноногие, команчи и др.), в прошлом существовала родовая организация.

Значительное место в книге уделено войнам, военной системе, политической организации кочевников и полукочевников равнин и прерий. Подробно рассматриваются военные союзы и их роль в жизни степных племен североамериканских индейцев.

Живо написан небольшой интересный раздел, посвященный народной культуре этих племен. Приводится любопытный материал о зарождении пиктографического письма и о начальных процессах превращения его в идеографическое; весьма интересны данные о народных занятиях. Однако вряд ли правомерно утверждение автора о том, что у индейских степных племен в рассматриваемое время возникли зачатки исторических и естественных наук (стр. 144).

Рецензируемый труд завершается большим разделом о религиозных верованиях. Для автора характерен глубоко исторический подход к религиозным верованиям. Религиозные воззрения индейцев рассматриваются в тесной связи с этногенезом, в них выявляются различные исторические напластования. Анализируются такие формы религиозных верований, как тотемизм, фетишизм, культ личных духов — покровителей, культы животных (лошади, бизона и др.), культ солнца, шаманство и др.

Хотя работа Ю. П. Аверкиевой посвящена определенному региону Нового Света, поднятые в ней вопросы далеко выходят за пределы американистики. Автор широко привлекает параллели по кочевникам степной зоны Евразии и затрагивает многие важные общенациональные проблемы, связанные с кочевничеством. Это тем более ценно, что материалы об американских племенах степных коневодов-кочевников в сущности никем ранее не использовались для разработки «кочевнической» проблематики. Книга Ю. П. Аверкиевой свидетельствует, что изучение истории формирования степных племен кочевников-конево-дов, развитие их хозяйственно-культурного типа помогает вы-

яснить некоторые общие закономерности создания кочевого хозяйства, в том числе и у народов Старого Света.

Поскольку охота на бизонов играла важнейшую роль в хозяйстве степных племен индейцев, этнографы нередко делают вывод, что эти племена следует рассматривать только как охотничьи. При этом кочевое коневодство (скотоводство), характерное для этих племен, считается второстепенным занятием, не имеющим определяющего значения для их хозяйственно-культурного типа. При этом, видимо, подразумевается, что для кочевых скотоводов евразийских степей охота почти никакой роли не играла. В книге показана ошибочность подобного подхода. Приводится ряд фактов, свидетельствующих, что охота была достаточно развита и играла важную роль и у степных кочевников Старого Света (скифов в древности, у монголов в средние века, у бурят и ряда других народов степей Евразии в недавнем прошлом). Причем даже в организации охоты у индейцев и степных племен Евразии найден ряд интересных параллелей (стр. 29 — 31). Это позволяет автору сопоставлять в ряде отношений быт и хозяйство индейцев степей и кочевных скотоводов степной зоны Евразии.

Вместе с тем, может быть, следовало бы более четко показать существенные различия между хозяйственно-культурными типами индейцев-кочевников и верховых охотников, с одной стороны, и степных скотоводов Евразии — с другой. Эти различия особенно четко прослеживаются в хозяйстве: у степных скотоводов Евразии скот давал помалу все основные продукты, чего не было у кочевых индейцев, так как индейцы имели возможность получать в достаточном количестве важнейшие продукты (мясо, шкуры и др.) в результате верховой охоты на бизонов. Однако по мере истребления бизонов указанные различия неизбежно бы исчезли. Несомненно, права Ю. П. Аверкиева, указывая: «Если бы не колонизация, индейцы могли бы продолжать свое развитие после исчезновения бизонов, как чистые скотоводы, подобно кочевникам степей Центральной Азии» (стр. 17).

Приведенные в книге материалы о процессе формирования хозяйственно-культурного типа кочевых коневодов-охотников американских степей могут способствовать решению важной проблемы происхождения кочевничества вообще. Известно, что по вопросу о том, с каким исходным хозяйственно-культурным типом связано возникновение кочевого скотоводства у степных племен Евразии, существуют две основные точки зрения. Приверженцы одной (в прошлом эта точка зрения была господствующей) считают, что кочевое скотоводство возникло в результате перехода бродячих охотников, приручивших домашних животных, к кочеванию. Другая, получившая распространение в последнее время, основывается на том, что к кочеванию перешли ранее оседлые скотоводы и земледельцы в связи с ростом стад или по каким-либо другим причинам. Сторонники последней концепции, как правило, исключают возможность непосредственного перехода охотников к кочевому скотоводству. Однако американские материалы показывают, что бродячие охотники могли перейти к скотоводству (коневодству), осваивая животных, уже одомашненных другими народами. Таким образом, можно предположить, что отдельные группы бродячих охотников за крупными копытными в некоторых районах Центральной и Средней Азии в эпоху бронзы заимствовали у своих оседлых соседей домашних животных и перешли к кочеванию, тем более что традиции бродячей охоты, переносное жилище и другие особенности материальной культуры не требовали ломки сложившихся условий жизни. Это, конечно, не означает, что только таким путем шло формирование кочевого хозяйства в степях Евразии. Многочисленные археологические материалы не оставляют сомнений в том, что в ряде районов Средней Азии и Казахстана кочевое животноводство развилось на базе существовавшего ранее комплексного оседлого и полуседлого хозяйства. Однако ряд фактов исторической этнографии степных кочевников Старого Света, а также ценные сведения, приведенные в труде Ю. П. Аверкиевой, указывают и на возможность формирования кочевого скотоводства в степной зоне Евразии на базе хозяйственно-культурного типа бродячих охотников¹.

Представляет интерес ряд приводимых в рецензируемой работе фактов, относящихся к индейцам степей, которые, по мнению Ю. П. Аверкиевой, отражают общесторонний процесс развития у кочевников некоторых явлений материальной и духовной культуры, а также социальных институтов. Соглашаясь в целом с обоснованными заключениями автора, хотелось бы все же отметить спорность некоторых ее положений. Так, например, Ю. П. Аверкиева считает, что появление у индейцев в качестве стремени ременной петли отражает процесс развития стремени также у народов Евразии, поскольку здесь древнейшим стремнем была кожаная петля, известная уже скифам (стр. 24). Но это не совсем верно: скифы вообще не знали стремени, ни кожаного, ни какого-либо другого. Впрочем, в этой неточности нельзя винить автора, так как подобную точку зрения разделяет и часть археологов². У индейцев использование ременной петли

¹ Подробнее см.: С. И. Вайнштейн, Проблема формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии, в кн.: «Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г. Тезисы докладов. Секция этнографии, фольклора и антропологии», Тбилиси, 1971, стр. 47 — 50.

² Подробнее см.: С. И. Вайнштейн, Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, «Сов. этнография», 1966, № 3.

в качестве стремени отражало процесс приспособления к условиям их жизни ряда культурных достижений, привнесенных извне (металлические стремена были в то время недоступны индейцам).

Отметим также, что в рецензируемой книге материалы по истории степных племен Северной Америки в XVII—XIX вв. используются не только для конкретизации многих сторон раннего этапа в развитии кочевого скотоводства, но и для выявления и уточнения закономерностей сложного процесса перехода от доклассового общества к классовому. Проблема становления частной собственности, возникновения имущественной и социальной дифференциации, классов и государства всегда находилась в центре внимания Ю. П. Аверкиевой. Достаточно назвать такие ее работы, как «Рабство у индейцев Северной Америки» (М., 1941), «К истории общественного строя у индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки» («Труды Института этнографии», т. 58, 1960), «Разложение родового общества и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки» («Труды Института этнографии», т. 70, 1961). Новая ее книга, так же как и предшествующие труды, содержит ценнейший материал, который не может не привлечь внимания всех тех, кто интересуется проблемой становления классового общества.

Вполне понятно, что материалы по истории кочевых племен Северной Америки будут способствовать выявлению общих закономерностей становления классов и государства лишь при учете тех конкретно-исторических условий, в которых происходил у них процесс формирования частной собственности и социального неравенства. В книге специально подчеркивается, что толчком к появлению культуры индейцев-кочевников и охотников послужила европейская колонизация (стр. 3), что социально-экономическое развитие кочевников Северной Америки шло параллельно с капиталистическим освоением материка и под его воздействием, сначала косвенным, а позднее непосредственным (стр. 169). В частности, огромное влияние на социально-экономическую структуру индейского кочевого общества оказала торговля европейскими товарами (стр. 39—40, 45). В результате индейцы прерий и равнин за два с небольшим века прошли путь, на преодоление которого кочевникам Старого Света потребовались тысячелетия.

Необходимо отделить те стороны общественного развития североамериканских кочевников, которые присущи только им, от тех, которые характерны для всех народов в эпоху перехода к раннеклассовому обществу. Единственный путь, ведущий к цели, — привлечение материалов по другим регионам. Ю. П. Аверкиева сопоставляет формы эксплуатации у степных народов Северной Америки с теми, которые существовали у ненцев, эвенков, якутов и других народов. Это позволяет раскрыть единую природу форм эксплуатации у этих народов. Автор указывает в первую очередь на сдачу богачами скота в аренду беднякам за определенную плату, во-вторых, на работу бедняков в хозяйствах богачей за кров и пищу (стр. 48—52). Кроме того, у североамериканских степняков существовали также отношения данничества (стр. 43—44, 168) и домашнее рабство (стр. 34). «Формой эксплуатации женского труда в кочевом обществе» было, по мнению автора, многоженство (стр. 100).

Автор характеризует первые три формы эксплуатации как «полуфеодальные» (стр. 96), «прафеодальные» (стр. 168). Нам представляется, что такой взгляд вряд ли можно считать в достаточной степени оправданным. В настоящее время становится все более очевидным, что все многообразие форм эксплуатации не может быть сведено к трем основным классическим антагонистическим способам производства (рабство, феодализм, капитализм)³. Причем если все антагонистические способы производства всегда являются и способами эксплуатации, то не все способы эксплуатации обязательно представляют собой особые способы производства (например, данничество). Конечно, данничество, возникнув как определенный способ эксплуатации, может в дальнейшем развитии в конкретных условиях перерасти в определенный способ производства, например в феодализм. Однако это еще не дает основания считать его феодализмом или полуфеодализмом. К числу форм эксплуатации, не являющихся способами производства, в определенных исторических условиях может быть отнесена война с целью грабежа. Как в высшей степени убедительно показано в работе, набеги с целью грабежа представляли в кочевом индейском обществе XIX в. «разновидность промыслового труда», «по существу относились к экономическим условиям существования этого общества» (стр. 109). Именно это обстоятельство дает полное основание говорить о существовании у степняков не просто аристократии, а *военной* аристократии.

В рецензируемой работе говорится о борьбе за власть между наследственной родовой знатью, с одной стороны, и военной аристократией — с другой (стр. 125—128 и др.). Взгляд на родовую знать и военную аристократию как на более или менее отличные друг от друга группы оправдан, когда речь идет о полукочевых племенах, социальная организация которых уходит корнями в их далекое земледельческое прошлое, связанное с развитием ранней государственности на средней Миссисипи. Однако в отношении кочевых племен вопрос может быть решен и несколько иначе. Как указывается в книге, процесс классового образования у индейских кочевников в XVIII—XIX вв. был еще очень далек от завершения. Высший слой их общества непрерывно пополнялся за

³ См. по этому вопросу: Ю. И. Семенов, Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации, в сб.: «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1968.

счет энергичных людей из среднего, а нередко и низшего слоев (стр. 53). Добыв, главным образом путем успешных грабительских набегов, богатство, они стремились приобрести влияние и власть. В результате начиналась борьба между «старыми» богачами, уже успевшими закрепить за собой ведущее положение в обществе, и «новыми», стремившимися утвердить свое господство. «Старые» богачи в отличие от «новых» несомненно были меньше заинтересованы в войнах (стр. 138). Но это еще не дает оснований считать их родовой знатью, противостоящей военной аристократии.

В высшей степени интересны приведенные в книге материалы о политической организации степных племен, которую автор расценивает как «начальную стадию зарождения государственности, несшей все характерные черты военной демократии» (стр. 137). Это положение в достаточной степени убедительно аргументировано в рецензируемом труде. Однако имеющиеся в настоящее время в распоряжении этнографической науки факты не позволяют еще, на наш взгляд, с полной уверенностью утверждать, что военная демократия представляет собой универсальное явление. Нельзя исключать возможность того, что в определенных конкретных условиях становление государства может происходить и в иных формах.

В книге Ю. П. Аверкиевой имеются и другие вопросы, по которым можно спорить с автором, но это не только не умаляет ее достоинство, но, наоборот, делает ее еще более интересной и ценной. Отличающаяся богатством материала, глубиной постановки и решения важнейших проблем этнографии, эта работа несомненно представляет собой крупный вклад в советскую историческую науку.

В заключение хотелось бы упрекнуть издательство за то, что в рецензируемом труде, как и во многих других, отсутствуют именной и предметный указатели.

С. И. Вайнштейн, Ю. И. Семенов

ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ БОГАТЫРЕВ

Нашу науку постигло тяжелое горе — 18-го августа 1971 г. ушел из жизни замечательный ученый — этнограф, фольклорист, литературовед, лингвист, — учитель советских и зарубежных исследователей разных поколений, необыкновенный по своим душевным качествам человек — Петр Григорьевич Богатырев.

П. Г. Богатырев родился в Саратове 29 января 1893 г. В 1918 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета, профессором которого он был и в последние годы своей жизни.

Научную работу П. Г. Богатырев начал вести еще в студенческие годы — уже в 1915 г. он по поручению Общества любителей естествознания, археологии, этнографии собирает диалектологический и фольклорный материал в Шенкурском уезде Архангельской губернии, а в 1916 г. в Московской губернии. Его первые статьи и рецензии появляются в научной периодике, начиная с 1916 г. Особого внимания заслуживает интересная работа «Верования великоруссов Шенкурского уезда», опубликованная в «Этнографическом обозрении».

По окончании университета П. Г. Богатырев работал в Библиотечном отделе Наркомпроса, затем в ПУР'е. Демобилизовавшись в 1920 г., он преподавал на рабфаке и в студии «Сатира», был сотрудником Государственного Исторического музея.

С 1922 по 1927 г. П. Г. Богатырев — переводчик и референт в Советском полпредстве в Чехословакии. В 1928 — 1939 гг. он в качестве сотрудника Центрального Государственного литературного музея по поручению В. Д. Бонч-Бруевича, собирал литературный и исторический материал в архивах Чехословакии, Австрии, Германии и Дании. Одновременно он был доцентом Братиславского университета и неуклонно вел большую, очень широкую по своим масштабам, исследовательскую работу.

Еще в 1915 — 1916 гг. П. Г. Богатырев вместе с Р. О. Якобсоном организовал при Московском университете лингвистический кружок, на основе которого выросло знаменитое Общество постического языка (ОПОЯЗ). Его участниками были В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. В. Томашевский, В. В. Шкловский и другие в дальнейшем видные русские филологи. В 1926 г. возник Пражский лингвистический кружок, в котором П. Г. Богатырев активно работал вместе с Р. О. Якобсоном и такими известными исследователями, как Гавранек, Карцевский, Копецкий, Мукаржевский, Трубешкой, Чижевский и другие. В Чехословакии П. Г. Богатырев постоянно общался с крупнейшими чешскими исследователями: Зиббертом, Гораком, Вольманом, Хотekom и, в первую очередь, с профессором Поливкой, которому он посвятил свой труд «Магические действия, обряды и верования Закарпатья». Поливку он считал своим учителем и чтит его до конца своей жизни. Тесно связан был Богатырев с талантливым режиссером Бурианом и другими видными представителями передовой чешской культуры. Петр Григорьевич оказал ощутимое влияние на чехословацкую этнографию и фольклористику не только своими исследованиями, но и тем, что он воспитал целую плеяду ученых, среди которых нельзя не упомянуть его любимого ученика, покойного профессора Братиславского университета Мелихерчика.

В 1940 г. П. Г. Богатырев стал профессором, а затем заведующим кафедрой фольклора Московского Института философии, литературы и истории, а затем Московского университета. В 1941 г. он защитил докторскую диссертацию на тему: «Народный театр чехов и словаков». Во время Великой Отечественной войны он продолжал работать в университете и вместе с тем активно сотрудничал в ВОКС'е, ТАСС'е и на радио. В 1943—1948 гг. он совмещал работу в МГУ с заведованием сектором фольклора Института этнографии Академии наук СССР и преподавал в Дипломатической школе Министерства Иностранных дел.

В 1952—1959 гг. П. Г. Богатырев — профессор Воронежского университета, в 1958—1963 гг. — старший научный сотрудник Института мировой литературы Академии наук СССР.

С 1964 г. и до последних дней своей жизни П. Г. Богатырев снова преподавал на филологическом факультете Московского университета. За эти годы он подготовил немало молодых советских исследователей-славистов. С 1956 г. П. Г. Богатырев — член Союза советских писателей. В 1968 г. он был избран почетным доктором Карлова университета в Праге, а в 1969 г. — Братиславского университета имени Амоса Коменского.

Наиболее ярко отразили особенности исследовательского метода П. Г. Богатырева следующие его труды: «Магические действия, обряды и верования Закарпатья» (1929 г.), «Функции национального костюма в Моравской Словакии» (1937 г.) и «Народный театр чехов и словаков» (1940 г.).

Исследуя материальную и духовную культуру, ученый последовательно применял функционально-структурный метод. В трудах Петра Григорьевича сказалась его огромная научная эрудиция; он постоянно привлекал обширный полевой, архивный и литературный материал. Изучая структуру обрядов, верований, костюма, он рассматривал их в развитии и сопоставлял с широким кругом явлений в этнографии других народов Европы.

Народный театр всегда находился в центре интересов Петра Григорьевича. Рассматривая народный театр, прежде всего как явление искусства, он вместе с тем раскрывает его этнографические особенности. Формы и функции народного театра изучались П. Г. Богатыревым как художественная структура. При этом он вышел за национальные рамки, показал богатство и разнообразие художественных приемов народного театра как такового, и раскрыл его связь с народными обрядами и обычаями. В книге о чешском и словацком народном театре убедительно и ярко показана многофункциональность народного драматического представления и вместе с тем структурная взаимосвязанность его отдельных элементов.

Концепция П. Г. Богатырева наиболее отчетливо выражена в статье «Фольклор как особая форма творчества», написанной совместно с Р. О. Якобсоном и впервые опубликованной в 1929 г. на немецком языке. В этой работе, вызвавшей в свое время многочисленные отклики в международной фольклористике и до сих пор не потерявшей своей актуальности, раскрывается специфика фольклора как коллективного творчества. В статье есть слова, раскрывающие пафос и основную направленность всего научного пути П. Г. Богатырева: «Основной задачей фольклористики является характеристика системы художественных форм, составляющих актуальный репертуар определенного коллектива — деревни, округа, этнической группы. При этом должны учитываться взаимоотношения форм в системе, их иерархия, различия между продуктивными формами и такими, которые утратили свою продуктивность»¹. Этих принципов Петр Григорьевич придерживался при исследовании словесного искусства, а также при изучении народного театра, народных верований и обычаев и народной материальной культуры.

Большое внимание Петр Григорьевич уделял изучению соотношения индивидуального и коллективного начала, импровизации и традиции в народном творчестве и быте. В этом плане принципиально важен его доклад «Традиция и импровизация в народном творчестве», прочитанный в 1964 г. на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук².

Во всех своих работах П. Г. Богатырев рассматривает структуру фольклорного произведения или этнографического явления, его форму в тесной связи с его содержанием, художественной и бытовой функцией. Это редкостное свое умение Петр Григорьевич сумел передать и лучшим из своих учеников.

Недавно вышла большая книга П. Г. Богатырева «Вопросы теории народного искусства»³, в которую вошли его основные труды и ряд статей, написанных в последние годы. Эту книгу можно рассматривать как итог творческой работы крупнейшего исследователя. Она стимулирует дальнейшее изучение поднятых им проблем, дальнейшее развитие высказанных им мыслей. Огромное методологическое значение этой книги заключается в том, что автор ставит вопрос о закономерностях и специфике народного искусства.

Петр Григорьевич отдавал широкой исследовательской и большой педагогической работе много сил, времени, душевного тепла и увлечения. Он был также прекрасным собирателем, уделял много внимания полевой работе не только в молодости, но и в то

¹ П. Г. Богатырев, Вопросы теории народного искусства, М., 1971, стр. 381.

² Там же, стр. 393—401.

³ См. рецензию К. В. Чистова на эту книгу в настоящем номере журнала, стр. 175.

время, когда был профессором Московского университета, руководителем сектора Фольклора Института этнографии. Только сочетание исследовательской работы с полевой дает, по его убеждению, возможность достаточно глубоко проникнуть в процессы народного творчества, в глубины народной материальной и духовной культуры.

Книга «Вопросы теории народного искусства» завершается библиографией трудов П. Г. Богатырева, в которой перечислено более 300 названий научных исследований. Библиография напоминает также, что он — автор блистательного перевода «Похождения бравого солдата Швейка», сделавшего это произведение настольной книгой широкого круга советских читателей. Необходимо переиздать еще многие работы П. Г. Богатырева, особенно публиковавшиеся в зарубежных журналах и потому неизвестные советскому читателю⁴.

Трудно переоценить значение трудов П. Г. Богатырева для мировой славистики, для изучения славянской этнографии, русского фольклора, для подготовки молодых исследовательских кадров, и трудно найти слова, которые могли бы раскрыть все обаяние этого мудрого, доброго, жизнелюбивого человека, щедро дарившего свои знания ученикам и товарищам по работе, всю свою жизнь отдавшего науке, которой он служил честно и самоотверженно.

Н. Н. Грацианская, Э. В. Померанцева

⁴ Библиография научных работ и переводов П. Г. Богатырева опубликована в кн.: П. Г. Богатырев, Вопросы теории народного искусства, стр. 523 — 543. Библиография доведена до 1969 года. В 1970 г. было переиздано несколько статей Богатырева и вышла его работа «Семантика и функция сельского этикета» в книге «Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам», Тарту, 1970, стр. 67 — 71. В 1971 г. опубликована глава «Загадки» в учебнике «Русское народное поэтическое творчество», М., 1971, стр. 91 — 97.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» В 1971 ГОДУ

Статьи	№	стр.
Аверкнева Ю. П. Этнография и культурная/социальная антропология на Западе	5	9
Алексеев В. П. Теоретическое наследство Энгельса и антропологическая наука	2	3
Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии	2	48
Андреев И. Л. О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу	2	13
Ашилова Д. О. Антропологическая характеристика современных калмыков	5	61
Берзина С. Я. Материалы к этнической истории фульбе	4	43
Борьба с расистской идеологией и этнографическая наука	5	3
Брук С. И. Этнодемографические процессы в СССР (по материалам переписи 1970 г.)	4	8
Бутинов Н. А. Н. Н. Миклухо-Маклай и проблемы этнографии Берега Маклая на Новой Гвинее	2	69
Бутинова М. С. Материалы Н. Н. Миклухо-Маклая о религии народов Океании и их значение для современного религиоведения	6	54
Вайнштейн С. И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии (II. Роль Саянского очага в распространении оленеводства в Евразии)	5	37
Василевич Г. М. Дошаманские и шаманские верования эвенков	5	53
Вишневский С. Н. «Южная стратегия» Вашингтона	6	3
Волкова Н. Г. Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII—XX вв.	2	38
XXIV съезд КПСС и актуальные проблемы советской этнографической науки	4	3
Дебеч Г. Ф., Дурново Ю. А. Физическое развитие людей эпохи энеолита в Южной Туркмении	1	26
Денисов П. В. Этнографическое изучение чувашского народа за годы Советской власти	6	28
Дробижева Л. М. Социально-культурные особенности личности и национальные установки (по материалам исследований в Татарской АССР)	3	3
Жданко Т. А. Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана (принципы и методы составления)	4	31
Жуков А. А. К изучению этнолингвистической ситуации в Восточной Африке (о роли языка суахили)	1	46
Золотарева И. М. О некоторых проблемах этнической антропологии Северной Азии (в связи с работами Г. Ф. Дебеча)	1	36
Карлов В. В. Социальная и этническая структура енисейских эвенков в XVII—XVIII веках	1	14
Клементьев Е. И. Языковые процессы в Карелии (по материалам конкретно-социологического исследования карельского сельского населения)	6	38
Кнорозов Ю. В. Заметки о календаре мая. Общий обзор. I	2	77
Кнорозов Ю. В. Заметки о календаре мая. Общий обзор. II	3	33
Колева Т. А. Зимний цикл обычаев южных славян (к вопросу о структурно-типологическом анализе обрядности)	3	40
Ляпунова Р. Г. Этнографическое значение экспедиций капитанов П. К. Креницына и М. Д. Левашова на Алеутские острова (1764—1769 гг.)	6	67
Ляшкевич Ф. Д. Термин «тат» как этноним в Средней Азии, Иране и Закавказье	3	25
Мелик-Пашаян К. В. Основные направления этнографических исследований в Армянской ССР	3	16
Никонов В. А. Этнография и ономастика (на материале Украины)	5	25

Равевский Д. С. Позднекифская семья по археологическим данным . . .	2	60
Савоскул С. С. Социально-этнические аспекты духовной культуры сельского населения Татарской АССР . . .	1	3
Сванидзе И. А. Влияние социальной психологии африканского крестьянства на сельское хозяйство . . .	5	75
Смешко Т. Н. Характер животноводческого хозяйства у туркмен Хорезма (по материалам колхоза «Коммуна» Тахтинского района Туркменской ССР) . . .	6	45
Толстова Л. С. Древнейшие юго-западные связи в этногенезе каракалпаков . . .	2	25
Хазанов А. М. Первобытная периферия античного мира (на примере Европы) . . .	6	17
Хартвиг В. Некоторые вопросы общественной структуры нага конца XIX — начала XX столетия . . .	1	54
Чистов К. В. О взаимоотношении фольклористики и этнографии . . .	5	17

Дискуссии и обсуждения

Барабаш И. Пространство и время в историко-этнографическом исследовании . . .	6	81
Бежкович А. С. Еще раз об агроэтнографических исследованиях . . .	5	87
Горленко В. Ф. К вопросу унификации номенклатуры пахотных орудий (украинский плуг и соха) . . .	1	67
Козлов В. И. Этнос и территория . . .	6	89
Кызласов Л. Р. Еще раз о терминах «хакас» и «кыргызы» . . .	4	59
Семенов Ю. И. Проблема исторического соотношения материнской и отцовской филиации у аборигенов Австралии (по поводу статьи М. А. Членова «Можно ли считать „австралийскую контроверзу“ разрешенной?») . . .	6	101
Сердобов Н. А. О некоторых вопросах этнической истории народов Южной Сибири . . .	4	53
Суринов В. М. К определению этнических традиций в земледелии . . .	3	51
Членов М. А. Можно ли считать «австралийскую контроверзу» разрешенной? (по поводу статьи Ю. И. Семенова «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому. Опыт теоретического анализа») . . .	4	68
Ямпольский З. И. О безрелигиозности первобытной магии . . .	1	72

Народы мира

Информационные материалы

Решетов А. М. Население Сингапура . . .	2	87
---	---	----

Сообщения

Абрамзон С. М., Кисляков Н. А. Добыча золота — один из древних промыслов горных таджиков . . .	2	114
Александренков Э. Г. Этнические группы индейцев Больших Антильских и Багамских островов на рубеже XV—XVI вв. . .	3	103
Анохин Г. И. О научном наследии Е. А. Рыдзевской (1890—1941 гг.) . . .	5	132
Баскаков Н. А. Жилища приилийских казахов . . .	4	104
Блюм А. В. Фольклорно-этнографические материалы «Губернских ведомостей» в оценке царской цензуры (по документам «Комитета 2-го апреля 1848 г.») . . .	1	111
Герасимова М. М. К вопросу об этническом составе населения древнего Танаиса (III в. до н. э.—IV в. н. э.) . . .	4	131
Джаббаров И. М. Некоторые этнографические материалы в узбекской версии эпоса «Алпамыш» . . .	2	128
Долгих Т. Б. Традиционное жилище лесных ненцев бассейна реки Пур . . .	4	93
Евстигнеев Ю. А. Национально-смешанные браки в Махачкале . . .	4	80
Жирнова Г. В. О современном городском свадебном обряде (по материалам экспедиции в малые и средние города центральной полосы РСФСР) . . .	3	68
Иванов В. Ф. «Описание якутов» Я. И. Линденау . . .	3	89
Кармышева Дж. Х. Казахстанский историк-краевед и этнограф Курбангали Халиди . . .	1	100
Козенко А. В., Моногарова Л. Ф. Статистическое изучение показателей однонациональной и смешанной брачности в Душанбе . . .	6	112
Козинцев А. Г. Демография тагарских могильников . . .	6	148
Королюк В. Д. К вопросу об изучении русского народного изобразительного искусства (крестьянские образы «примитивы») . . .	3	79
Кочиев Р. С. Редукция зубной системы в этнических группах Кавказа в связи с вопросами их происхождения . . .	3	96
Кычанов Е. И. Тангутские изречения . . .	3	113
Лебедева Ж. К. Некоторые черты материальной и духовной культуры аркинских эвенов . . .	5	103
Меновицков Г. А. Эскимосский субстрат в топонимике Чукотского побережья . . .	4	116

Миненко Н. А. Русская семья на Обском Севере в XVIII — первой половине XIX века	6	119
Мункуев Н. Ц., Таскин В. С. Об общности института побратимства и термина <i>jad</i> у киданей и монголов	4	149
Мухиддинов И. Сельскохозяйственные орудия таджиков Ишкашимского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР (Горон, Ишкашим, Вахан)	1	90
Мухиддинов И. Жатва и связанные с нею обряды в Вахане и Ишкашиме (XIX — начало XX века)	5	118
Некрылова А. Ф., Арапова Е. Г. Первая комплексная экспедиция Ленинградского семинара молодых фольклористов	1	115
Остапенко Л. В. Влияние новой производственной роли женщины на ее положение в семье (по материалам обследования в Вышневолоцком районе Калининской области)	5	95
Пармон Ф. М. Народная одежда из овчины у славян и их соседей и возможности использования некоторых ее элементов в современной одежде	2	99
Померанцева Э. В. Фольклорные материалы «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева	6	137
Помишин С. Б. О транспортном использовании оленя тофаларами	5	128
Рассудова Р. Я. К истории сельской общины в Средней Азии во второй половине XIX — начале XX века	1	78
Санаров В. И. Проблемы историко-этнографического изучения цыган	3	59
Сергеева Г. А., Смирнова Я. С. К вопросу о национальном самосознании городской молодежи (по данным паспортных столов отделений милиций городов Махачкалы, Орджоникидзе, Черкесска)	4	86
Стужина Э. П. Восточные коллекции Иркутского и Кяхтинского краеведческих музеев	4	121
Урушадзе Н. Е. Опыт семантического анализа бронзового пояса из Мхета — Самтавро	6	128
Цулая Г. В. Два комментария к хронике Леонти Мровели	2	123
Шаманов И. М. Народный календарь карачаевцев	5	108
Шифельбейн-Соколевич З. О применимости функционально-структурного метода в толковании изменений культуры	4	72
Яндаров А. Первый ингушский этнограф Чах Ахриев (к 120-летию со дня рождения)	4	127
Янкелович Л. Ю. Гердер о народных песнях Прибалтики	4	141

Поиски, факты, гипотезы

Джарылгасинова Р. Ш. Танцы Окинавы и... происхождение рюкюсцев	5	136
Басилов В. Н., Кобычев В. П. Галгай — страна башен	1	120
Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии)	2	134
Рихтер Е. В. «... Лучше чая ничего нет»	6	153
Садохер Р. Л. Загадочные глиняные музыканты	3	120
Снесарев Г. П. По следам Анахиты	4	153

Хроника

Кашуба М. С. Работа Института этнографии АН СССР в 1970 году	5	150
--	---	-----

Научная жизнь

Богина Ш. А. Международные исторические конгрессы 1970 года	2	146
Бугогло М. Н. VII Международный конгресс социологов	3	135
Гусев В. Е. На XVII конгрессе фольклористов Югославии	3	146
Гусев В. Е. Семинар словацких фольклористов	6	169
Жуковская Н. Л. Второй Международный конгресс монголоведов	1	138
Золотарева И. М., Зубов А. А. Советско-финская генетико-антропологическая экспедиция в Марийскую АССР в 1970 году	1	136
Кондратьев В. С. Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 года	5	158
Логашова Д. Б. Кавказский ономастический семинар	6	162
Лукина Н. В., Томилов Н. А. О работе проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета	6	167
Пучков П. И. Научная конференция, посвященная 125-летию со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая	5	164
Решетов А. М. Четвертая ежегодная научная сессия в ленинградском отделении Института этнографии Академии наук СССР	3	132
Розина Л. Г. Мемориальная выставка, посвященная Н. Н. Миклухо-Маклаю	6	159

Соколова З. П. III Международный конгресс финноугроведов	3	142
Станюкович Т. В., Шафрановская Т. К. Сессия, посвященная 125-летию со дня основания Географического общества	4	166
Фараджев С. Б. Всесоюзная конференция «Проблемы хранения художественных ценностей в музеях»	5	168
Шамшуров В. Н. Совещание по социологическим проблемам сельского расселения	6	156
Шоповадова Г. Г. Вторая научная конференция «Этнография и фольклор»	6	164

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Каменецкая Р. В. Критико-библиографический отдел в журнале «Советская этнография»	1	149
Маретин Ю. В. Библиография трудов Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая за 1900—1962 гг. и дальнейшие задачи библиографической работы по этнографии и антропологии	1	141
Путилов Б. Н. Новые труды по эпосу народов Сибири и Крайнего Севера (1965—1969 гг.)	2	154

Общая этнография

Арутюнов С. А. Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры	6	178
Гаген-Торн Н. И. Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Этнография	1	154
Королюк В. Д. Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы	6	172
Марков Г. Е. <i>Viehwirtschaft und Hirtenkultur, Ethnographische Studien</i>	2	161
Семенов Ю. И. Общественный строй у народов Северной Сибири	4	169
Хазанов А. М. Каменный век на территории СССР	5	170
Чистов К. В. П. Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства	6	175
Эрдели И. I. Kiszeli. Surok, csontok, emberek	3	148

Народы СССР

Абрамзон С. М. Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк	5	173
Ахметов З. А. История казахской литературы, т. I — <i>Казахский фольклор</i>	5	176
Бусыгин Е. П. Этнография русского населения Сибири и Средней Азии	3	149
Винников Я. Р. Э. Г. Гафферберг. Белуджи Туркменской ССР	3	151
Гурвич И. С. И. А. Худяков. Краткое описание Верхоянского округа	1	157
Гурвич И. С., Долгих Б. О., Туголуков В. А., Смоляк А. В., Соколова З. П. Г. М. Василевич. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII—начало XX в.)	1	163
Жданко Т. А., Шалекенов У. Х. А. А. Аргынбаев. Қазақтын мал шаруашылығы жайында этнографиялық очерк	2	169
Б. Кербелите. <i>Lietuvių tautosaka, t. I—V</i>	6	183
Круглов Ю. Г. И. Зырянов. Чардынская свадьба	3	155
Э. С. Литвин. В. К. Соколова. Русские исторические предания	6	180
Лукьянченко Т. В. Пименов В., Эпштейн Е. Карелия глазами путешественников и исследователей XVIII и XIX вв.	3	154
Мизнев И. М. Кавказский этнографический сборник, т. IV	2	165
Мошинская В. И. С. В. Иванов. Скульптура народов Севера Сибири XIX—первой половины XX века	1	161
Окладников А. П., Таксами Ч. М. К. В. Вяткина. Очерки культуры и быта бурят	1	160
Померанцева Э. В. Л. Г. Бараг. Беларуская казка	2	172
Пименов В. В. М. Зайцева, М. Муллонен. Образцы вепсской речи	4	173
Смирнов Ю. И. Сказки Терского берега Белого моря	6	185
Сухарева О. А. Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1 и 2	2	166
Шерхунаев Р. А. Великий певец «Джангара» Ээлян Овла и джангароведение	6	186

Народы зарубежной Европы

Зеленчук В. С. F. B. Florescu, P. P. Petrescu, P. H. Stahl. Arta populară de pe valea Bistriței	1	169
Покшишевский В. В. Edward Rosset. Przemiany Demograficzne w Polsce	3	156

Санникова А. П., Токарев С. А., <i>Matti Sarmela</i> . Reciprocity systems of the rural society in the Finnish — Karelian culture area. With special reference to social intercourse of the youth	5	178
Токарев С. А. <i>Ш. Кулишић, П. Ж. Петровић, Н. Пантелић</i> . Српски митолошки речник	2	174

Народы зарубежной Азии

Гохман В. И; <i>Е. В. Иванова</i> . Тайские народы Таиланда	2	175
Иванова Е. В. <i>Michael Moerman</i> . Agricultural change and peasant choice in a Thai-Village	5	181
Комаровский Г. Е. <i>Н. Byron Earhart</i> . Japanese religion; unity and diversity. The new religions of Japan. A Bibliography of Western language materials. A religious study of the Mount Haguro, sect of Shugendo	1	171
Курьлев В. П. <i>Древнетюркский словарь</i>	4	174

Народы Америки

Вайнштейн С. И., Семенов Ю. И. <i>Ю. П. Аверкиева</i> . Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв.	6	188
Кузьмин А. Н. <i>Мартин Лютер Кинг</i> . Есть у меня мечта	4	176
Разумовская Р. С. <i>Erna Siebert, Werner Forman</i> . Indianerkunst der Amerikanischen Nordwest — Küste	1	174

Народы Африки

Гиренко Н. М. <i>Hasani bin Ismail</i> . The Medicine Man. Swifa ya Nguvumali. Edited and translated by Peter Lienhardt	3	158
Гиренко Н. М. <i>A history of Tanzania</i>	4	178
Кирьянов В. И. <i>Wilfred Whiteley Swahili</i> . The rise of a national language	1	175
Чернецов С. Б. <i>M. Powne</i> . Ethiopian music. An introduction. A survey of ecclesiastical and secular Ethiopian music and instruments	2	177

Народы Австралии и Океании

Бутинов Н. А. <i>P. Christiansen</i> . The Melanesian Cargo Cult. Millenarianism as a factor in cultural change	4	179
---	---	-----

Письма в редакцию

Гумилев Л. Н. Некоторые разъяснения	1	176
Хомич Л. В. Ответ на письмо Л. Н. Гумилева	1	176

Некрологи

<u>Астахова Анна Михайловна</u>	5	187
<u>Бардавелидзе Вера Варденовна</u>	2	179
<u>Богатырев Петр Григорьевич</u>	6	192
<u>Василевич Глафира Макарьевна</u>	5	184
<u>Жирмунский Виктор Максимович</u>	3	160
<u>Пропп Владимир Яковлевич</u>	1	178

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» В 1966—1970 гг.**

1. Абрамзон С. М. Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ. [Резюме на английском яз.]. 1970, 6, с. 61—73.
2. Абрамзон С. М., Потапов Л. П. Значение идейно-теоретического наследия В. И. Ленина для советской этнографии. [Резюме на английском яз.]. 1970, 2, с. 3—21.
3. Авдеев А. Д. Индонезийский театр «ваянг кулит». [Резюме на английском яз.]. 1966, 5, с. 43—57.
4. Аверкиева Ю. П. Изменения в экономике и социальной жизни индейцев Северной Америки под воздействием колонизации. [Резюме на английском яз.]. 1968, 1, с. 56—70.
5. Аверкиева Ю. П. Индейский павильон на ЭКСПО-67 [в Монреале]. 1968, 2, с. 154—156.
6. Аверкиева Ю. П. На XVIII Международном конгрессе психологов и VI Международном конгрессе социологов (Впечатления этнографа). [Конгресс психологов проходил 4—11 августа 1966 г. в Москве, конгресс социологов — 4—11 сентября 1966 г. в Эвиане (Франция)]. 1967, 1, с. 139—148.
7. Аверкиева Ю. П. О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки. [Резюме на английском яз.]. 1970, 5, с. 33—45.
8. Аверкиева Ю. П. [Рец.]: А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. История первобытного общества. М., 1968. 1968, 6, с. 152—155.
9. Аверкиева Ю. П. [Рец.]: James Van-Stone. The Changing Culture of the Snowdrift Chipewyan «National Museum of Canada», Bulletin, N 209, Ottawa, 1965, 133 стр. 1967, 2, с. 189—192.
10. Аверкиева Ю. П. [Рец.]: Robert A. McKennan. The Chandalar — Kutchin. «Arctic Institute of North America Technical Papers», N 17, 1965, 156 стр. 1966, 6, с. 142—145.
11. Аверкиева Ю. П., Арутюнов С. А., Бромлей Ю. В. VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук [3—10 сентября 1968 г. в Токио и Киото. Резюме на английском яз.]. 1969, 1, с. 3—11.
12. Агаширинова С. С., Сергеева Г. А. К вопросу о формировании новых праздников и обрядов у народов Дагестана. 1966, 4, с. 117—126.
13. Айплатов Г. Н. Марийские «знамена» XVII века как историко-этнографический источник. 1966, 4, с. 130—139.
14. Александренков Э. Г. История изучения кубинскими учеными коренного населения Кубы. 1968, 5, с. 153—160.
15. Александренков Э. Г. [Рец.]: Manuel Rivero de la Calle. Las culturas aborígenes de Cuba. Editorial Universitaria, La Habana, 1967, 194 стр. 1969, 4, с. 180—182.
16. Александров В. А. В. И. Ленин о сельской общине в крепостнической России. [Резюме на английском яз.]. 1970, 1, с. 59—71.
17. Александров В. А. Международная конференция этнографов-славистов [30 мая—5 июня 1970 г. в ЧССР в Словакии (регион Орава)]. 1970, 5, с. 146—148.
18. Алексеев В. П. Изучение антропологического состава населения СССР за 50 лет. [Резюме на английском яз.]. 1967, 5, с. 25—43.
19. Алексеев В. П. Краниологические материалы к проблеме происхождения западных латышей. [Резюме на английском яз.]. 1966, 2, с. 34—49.
20. Алексеев В. П. Модусы расообразования и географическое распространение генов расовых признаков. [Резюме на английском яз.]. 1967, 1, с. 3—26.
21. Алексеев В. П. О первичной дифференциации человечества на расы. Вторичные очаги расообразования. [Резюме на английском яз.]. 1969, 6, с. 21—29.
22. Алексеев В. П. О первичной дифференциации человечества на расы. Первичные очаги расообразования. [Приложена карта: Географическое распространение нижнепалеолитических культур и первичных очагов расообразования. Резюме на английском яз.]. 1969, 1, с. 12—24.
23. Алексеев В. П. [Рец.]: В. П. Эфронсон. Введение в медицинскую генетику. М., 1964, 490 стр. 1966, 1, с. 175—177.
24. Алексеев В. П. [Рец.]: В. Р. Кабо. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969, 408 стр. 1970, 2, с. 195—197.
25. Алексеев В. П. [Рец.]: Г. П. Зиневич. Очерки палеоантропологии Украины. Киев, 1967, 224 стр., 14 фототаблиц. 1968, 4, с. 165—167.
26. Алексеев В. П. [Рец.]: К. Штерн. Основы генетики человека. М., 1965, 686 стр., 1966, 6, с. 129—131.
27. Алексеев В. П. [Рец.]: М. Г. Абдулешвили. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966, 133 стр. 1967, 2, с. 181—183.

28. Алексеев В. П., Беневоленская Ю. Д., Гохман И. И., Давыдова Г. М., Жомова В. К. Антропологические исследования на Лене. [Резюме на английском яз.], 1968, 5, с. 40—52.
29. Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. [Резюме на английском яз.], 1968, 2, с. 35—45.
30. Алексеев В. П., Гохман И. И., Трофимова Т. А. Вульф Вениаминович Гинзбург. [Некролог. Приложен список основных печатных работ В. В. Гинзбурга]. 1969, 4, с. 188—194.
31. Алексеев В. П., Стратанович Г. Г. Н. Н. Чебоксаров (к 60-летию со дня рождения). 1967, 3, с. 125—126.
32. Алексеев Н. А. Материалы о религиозных верованиях якутов как историко-этнографический источник. [Резюме на английском яз.], 1966, 2, с. 22—33.
33. Алексеев Н. А. [Рец.]: М. Я. Жорнищкая. Народные танцы Якутии. М., 1966, 168 стр. 1968, 2, с. 165—167.
34. Алексеева Т. И. [Рец.]: И. И. Гохман. Население Украины в эпоху мезолита и неолита (Антропологический очерк). М., 1966, 196 стр., 26 табл. 1968, 1, с. 178—180.
35. Алексеев Е. А. [Рец.]: А. П. Дульзон. Кетские сказки. Томск, 1966. 1967, 4, с. 170—171.
36. Алсуле А., Думпе Л., Мугуревиц Э., Крастыня А., Слава М., Строд Х. [Рец.]: К. Pietkiewicz. Etnografia Lotwy (Kultura materialna). «Polskie Towarzystwo Ludoznawcze. Prace etnologiczne», t. 8, Wroclaw, 1967, 226 стр. 1970, 2, с. 182—186.
37. Алсуле А. П., Келембетова В. Е. Юбилейный съезд польских этнографов [в октябре 1969 г. в Торуне (ПНР)]. 1970, 6, с. 148—150.
38. Андрианов Б. В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс. [Резюме на английском яз.], 1968, 2, с. 22—34.
39. Андрианов Б. В., Куббель Л. Е. На всесоюзной конференции африканистов [20—24 октября 1969 г. в Москве]. 1970, 4, с. 152—158.
40. Андрианов Б. В., Моногарова Л. Ф. Ленинское учение об общественно-экономических укладах и его значение для этнографии. [Резюме на английском яз.], 1970, 1, с. 35—47.
41. Андроникова И. М. Эволюция жилища русских цыган. [Резюме на английском яз.], 1970, 4, с. 31—45.
42. Аникин В. [П.] [Рец.]: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. III. «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия», [Отв. редактор Р. С. Липец.] т. 91, М., 1965, 222 стр. 1966, 5, с. 170—172.
43. Аникин В. П., Савушкина Н. И. Научная конференция по итогам фольклорной экспедиции Московского университета в Архангельскую область [в марте 1968 г.]. 1969, 3, с. 152—156.
44. Анохин Г. И. Бенгт Даниельссон в Институте этнографии Академии наук СССР. 1966, 2, с. 145—147.
45. Анохин Г. И. Вторая и третья советские научные конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии [с 27 сентября по 1 октября 1965 г. в Ленинграде и с 18 по 24 октября 1966 г. в Кяэрику]. 1967, 4, с. 157—159.
46. Анохин Г. И. Общинные традиции у современного норвежского крестьянства. [Резюме на английском яз.], 1966, 2, с. 73—84.
47. Анохин Г. И. Почему у исландцев нет фамилий? 1969, 4, с. 133—138.
48. Анохин Г. И. Судьба гренландских норманнов. [Приложены карта поселений норманнов в северо-западной Исландии и в Гренландии, а также список литературы и источников]. 1967, 3, с. 113—124.
49. Анохин Г. И. Четвертая всесоюзная конференция по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии [28 мая—1 июня 1968 г. в Петрозаводске]. 1969, 1, с. 162—163.
50. Анохин Г. И. Шведский этнографический музей. (К 90-летию существования). 1970, 5, с. 150—151.
51. Анохина Л. А., Крупянская В. Ю., Шмелева М. Н., Ответ Ст. П. и Э. Даннам. [Ответ авторов на письмо в редакцию Ст. П. Данн, Э. Данн, «Нерешенные проблемы в изучении великорусского крестьянства (ответ критикам)», опубликованное в «Советской этнографии» (1970, № 4)]. 1970, 4, с. 188—191.
52. Анохина Л. Н., Крупянская В. Ю., Шмелева М. Н. Русское крестьянство в освещении американских этнографов. [Рецензия на книгу: S. P. Dunn and E. Dunn. The peasants of Central Russia. New York, Chicago, San Francisco, Toronto, London. 1967.] 1969, 1, с. 164—172.
53. Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Задачи и методы этнографического изучения культуры и быта русского городского населения. (Опыт изучения народов средней полосы РСФСР). 1966, 6, с. 57—67.
54. Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Использование анкетно-статистических данных при изучении города. [Резюме на английском яз.], 1968, 3, с. 16—26.
55. Анохина Л. А., Шмелева М. Н. К вопросу о классификации городского населения при этнографическом изучении города. 1970, 2, с. 121—129.
56. Антонова К. [Рец.]: Народы Южной Азии. Индия, Пакистан, Непал, Сикким, Бутан, Цейлон и Мальдивские острова. [Редколлегия: Н. Р. Гусева, А. М. Дьяков, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров]. 1966, 5, с. 187—189.
57. Аргынбаев Х., Басин В. Я. [Рец.]: Э. А. Масанов. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966, 320 стр. 1967, 5, с. 186—188.

58. Аргынбаев Х., Дильмухамедов Е. [Рец.]: У. Х. Шалекенов. Казахские низовья Аму-Дарьи. (К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII—XX вв.). Ташкент, 1966, 335 стр. 1968, 3, с. 147—149.
59. Аристова Т. Ф. [Ф.]: Аннотированный список литературы по этнографии Закавказья, опубликованной в 1964 году. [86 названий]. 1966, 2, с. 168—177.
60. Аристова Т. Ф. Опыт сравнительного изучения материальной культуры курдов. [Резюме на английском яз.]. 1970, 4, с. 46—57.
61. Аристова Т. Ф. [Рец.]: Д. Е. Еремеев. Юрюки (турецкие кочевники и полукочевники). М., 1969, 104 стр. 1970, 2, с. 191—193.
62. Арутюнов С. А. Древние транстихокеанские связи: миф или реальность? 1967, 4, с. 143—150.
63. Арутюнов С. А. [Рец.]: Joseph M. Kitagawa. Religion in Japanese history. New York, 1966, 1967, 6, с. 150—151.
64. Арутюнов С. А. [Рец.]: Völkerkunde für jedermann. Leipzig, 1967, 436 стр. 1968, 3, с. 143—145.
65. Арутюнов С. А., Джарылгасинова Р. Ш. Выставки «Современное декоративное искусство Японии» и «Древняя и средневековая скульптура в Японии». [Выставки состоялись в мае 1969 г. в Москве: первая — в Государственном музее искусства народов Востока, вторая — в Государственном музее изобразительных искусств.]. 1969, 6, с. 136—144.
66. Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Раскопки древних захоронений и жилищ на Чукотке в 1965 году. 1966, 6, с. 68—78.
Арутюнов С. А.—см. Аверкиева Ю. П., Арутюнов С. А., Бромлей Ю. В.
67. Арутюнян Ю. В. Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР). [Резюме на английском яз.]. 1968, 4, с. 3—13.
68. Арш Г. Л. Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII—начале XIX в. [Резюме на английском яз.]. 1969, 3, с. 85—95.
69. Астахова А. [М.]. [Рец.]: Б. Н. Путилов. Славянская историческая баллада. М.—Л., 1965, 176 стр. 1966, 2, с. 177—179.
70. Астахова А. [М.]. [Рец.]: М. Я. Сироткин. Чувашский фольклор. Очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары, 1965, 132 стр.; И. И. Одиюков. Чувашские народные песни социального протеста и революционной борьбы. Чебоксары, 1965, 200 стр. 1966, 4, с. 194—196.
71. Афанасьев В. Л. [Рец.]: Культура и быт народов Америки. Сборник музея антропологии и этнографии, вып. XXIV. [Посвящен памяти И. Г. Вознесенского. Редколлегия: Л. Н. Потапов, С. В. Иванов, Н. А. Кисляков, А. А. Ольдерогге, Р. В. Кинжалов]. Л., 1967, 308 стр. 1969, 1, с. 181—183.
72. Афанасьев В. Л. [Рец.]: Р. Уокон.
- Затонувшие материки и тайны исчезающих племен. Под редакцией и с предисловием д-ра исторических наук Ю. В. Кнорозова. М., 1966, 152 стр. 1968, 6, с. 160—162.
73. Ахраров И., Темиргалиев Г. З. Клад серебряных украшений из Сиджака. 1966, 3, с. 119—121.
74. Ашрафян К. З., Дьяков А. М. [Рец.]: Н. Р. Гусева. Джайнизм. М., «Наука», 1968, 124 стр. 1970, 2, с. 188—191.
Балашов В. А.—см. Белицер В. И., Балашов В. А.
75. Банерджи П. Некоторые эволюционные аспекты одонтологии бенгалцев. [Перевод А. А. Зубова]. 1967, 3, с. 103—108.
76. Бараг Л. Г. Сказочная фантастика и народные верования (По материалам белорусского фольклора). [Резюме на английском яз.]. 1966, 5, с. 15—27.
77. Бараг Л. Г. [Рец.]: Gerhardt Heilfurf unter Mitarbeit von Ina-Maria Geverus. Bergbau und Bergmann in deutschsprachigen Sagenüberlieferung Mitteleuropas, Band 1—Quellen. Marburg, 1967, 1291 стр. 1969, 1, с. 177—179.
Барадудин В. А.—см. Каплан Н. И., Барадудин В. А.
78. Баряктарович М. О новейших движениях населения в Сербии. 1966, 3, с. 129—132.
79. Баряктарович М. Травестизм у черногорцев и албанцев. 1968, 6, с. 128—132.
80. Баряктарович М. Традиционные социальные коллективы и этническое самосознание в Косово и Метохии (Южная Сербия). [Резюме на английском яз.]. 1969, 3, с. 96—105.
81. Баряктарович М. Цыгане в современной Югославии. 1970, 3, с. 149—152.
82. Басилов В. Н. Некоторые пережитки культа предков у туркмен. [Резюме на английском яз.]. 1968, 5, с. 53—64.
83. Басин В. Я., Бекмаханова Н. Е. [Рец.]: В. В. Востров, М. С. Муканов. Родо-племенной состав и расселение казахов (конец XIX—XX в.). Алма-Ата, 1968, 255 стр. 1969, 5, с. 159—161.
- Басин В. Я.—см. Аргынбаев Х., Басин В. Я.
84. Баскаков Н. А. XII сессия постоянной Интернациональной Алтаистической конференции [29 августа—2 сентября 1969 г. в Берлине (ГДР)]. 1970, 3, с. 168—169.
85. Баскаков Н. А. Русские фамилии турецкого происхождения. [Резюме на английском яз.]. 1969, 4, с. 14—27.
86. Баскаков Н. А. Три рунические надписи из с. Мендур-Соккон Горно-Алтайской автономной области. 1966, 6, с. 79—83.
87. Башилов В. Некоторые вопросы этнической истории Боливийского Альтиплано. [Резюме на английском яз.]. 1966, 5, с. 81—90.
Башлай А. Г.—см. Золотарева И. М., Башлай А. Г.

- Бекмаханова Н. Е.— см. Басин В. Я., Бекмаханова Н. Е.
88. Бекмуратова А. Т. Изменения в быту и семейных взаимоотношениях каракалпачков за годы Советской власти. 1966, 3, с. 101—108.
 89. Белицер В. Н. Многолетнее сотрудничество [Института этнографии с этнографами и археологами Коми АССР]. 1970, 2, с. 174—175.
 90. Белицер В. Н., Балашов В. А. Некоторые особенности современного этнического развития мордовского народа. 1968, 1, с. 122—125.
 91. Бельк Н. А. Антропонимия и новое законодательство о браке и семье. 1970, 6, с. 99—104.
 - Беневоленская Ю. Д.— см. Алексеев В. П., Беневоленская Ю. Д., Гохман И. И., Давыдова Г. М., Жомова В. К.
 92. Берзина М. Я. Этнический состав населения Канады. (Этностатистическое исследование). [Резюме на английском яз.]. 1968, 1, с. 71—84.
 93. Бернова А. А. Современные этнические процессы на Малых Зондских островах. [Приложены карты: 1. Расселение народов Малых Зондских островов; 2. Хозяйственно-культурные типы на Малых Зондских островах. Резюме на английском яз.]. 1969, 2, с. 48—59.
 94. Бернштам Т. А. Ледокольная зверобойная артель помороз Зимнего берега Белого моря. 1968, 5, с. 105—110.
 95. Бестужев-Лада И. В. Имя человеческое: прошлое, настоящее, будущее. (Исторические тенденции развития людских имен собственных и формирование современных антропонимических зон). 1968, 2, с. 132—143.
 96. Бестужев-Лада И. В. Развитие представлений о будущем: первые шаги. (Презентизм первобытного мышления). 1968, 5, с. 123—133.
 97. Бикбулатов Н. В., Илимбетов Ф. Ф. Научная сессия по этногенезу башкир [13—15 мая 1969 г. в Уфе]. 1970, 3, с. 162—167.
 98. Блиев М. М. [Рец.]: Б. А. Калоев. Осетины (Историко-этнографическое исследование). М., 1967, 242 стр., илл. 1968, 4, с. 167—170.
 99. Богина Ш. А. Национальные отношения в США в освещении новой американской литературы [Критический обзор книг: Milton M. Gordon. Assimilation in American Life. The Role of Race, Religion and National Origin. New York, 1964; Robin M. Williams Jr. Strangers Next Door. Ethnic Relations in American Communities. Englewood Cliffs, 1964; Seymour Martin Lipset. The First New Nation. The United States in Historical and Comparative Perspective. New York, 1963; Peter J. Rose. They and We. Racial and Ethnic Relations in the United States. New York, 1964. 1967, 1, с. 166—177.
 100. Богина Ш. А. Некоторые вопросы развития американской нации. [Резюме на английском яз.]. 1968, 4, с. 52—64.
 101. Богина Ш. А. [Рец.]: А. В. Ефимов. США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М., 1969, 696 стр. 1970, 6, с. 163—165.
 102. Богина Ш. А. [Рец.]: А. Н. Шлепачов. Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма. М., 1966, 501 стр. 1968, 1, с. 192—195.
 103. Богина Ш. А. [Рец.]: J. A. Fishman, V. C. Nahirni, J. E. Hofman, R. G. Hayden e. a. Language loyalty in the United States. The maintenance and perpetuation of non-English mother tongues by American ethnic and religious groups. London—the Hague—Paris, 1966, 478 стр. 1969, 2, с. 152—155.
 104. Богина Ш. [А.] [Рец.]: N Glazer and D. P. Moynihan. Beyond the Melting Pot. The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians and Irish of New York City. Cambridge, Massachusetts, 1963. 1966, 1, с. 184—187.
 105. Бойко В. Г. К итогам десятилетнего пути. (О современной тематике в журнале «Народна творчѣсть та етнографія»). 1968, 1, с. 174—178.
 106. Борзых Н. П. Распространенность межнациональных браков в республиках Средней Азии и Казахстана в 1930-х годах. 1970, 4, с. 87—96.
 107. Борозна Н. Г. Некоторые черты традиционной свадебной обрядности узбеков-дурменов южных районов Таджикистана и Узбекистана. 1969, 2, с. 80—86.
 108. Брагинский И. С. К спорам о генезисе героического эпоса. [По поводу дискуссионной статьи У. Б. Далгат, Н. В. Кидайш-Покровской, И. В. Пухова «В плену предвзятой схемы» (о книге Е. М. Мелетинского «Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники». М., 1963), опубликованной в «Советской этнографии», (1965, № 5, с. 94—113). Резюме на английском яз.]. 1966, 1, с. 89—98.
 109. Брегадзе Н. А. Рациональные основы некоторых обычаев грузинских земледельцев. 1967, 2, с. 140—144.
 - Бродянский Д. Л.— см. Окладников А. П., Бродянский Д. Л.
 110. Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия. [Резюме на английском яз.]. 1969, 6, с. 84—91.
 111. Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Некоторые аспекты современных этнических процессов в Югославии. [Резюме на английском яз.]. 1969, 1, с. 59—67.
 112. Бромлей Ю. В., Козлов В. И. Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР. [Резюме на английском яз.]. 1970, 1, с. 3—14.
 113. Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И. О соотношении истории, этнографии и социологии. [Резюме на английском яз.]. 1969, 3, с. 3—19.
 - Бромлей Ю. В.— см. Аверкиева Ю. П., Арутюнов С. А., Бромлей Ю. В.
 - Бромлей Ю. В.— см. Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.
 114. Брук С. И. Атлас населения мира (Основные проблемы демографо-этно-

- графического картографирования). [Резюме на английском яз.]. 1970, 1, с. 111—122.
115. Брук С. И. Общеввропейский историко-этнографический атлас. (По материалам конференции в Хельсинки). [Третья Международная конференция по историко-этнографическому атласу Европы и сопредельных стран 10—16 мая 1970 г. в Хельсинки]. 1970, 6, с. 90—98.
 116. Брук С. И., Козлов В. И. Этнографическая наука и перепись населения 1970 года. [В приложении даны вопросы переписного листа (проект) и список народов СССР. Резюме на английском яз.]. 1967, 6, с. 3—20.
 117. Брук С. И., Маслова Г. С. Проблемы историко-этнографического картографирования в Болгарии. 1969, 4, с. 152—155.
 118. Брук С. И., Стратанович Г. Г. К VIII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук [3—10 сентября 1968 г. в Токио]. 1968, 3, с. 124—128.
 119. Брук С. И., Токарев С. А. Международная конференция по этнографическому атласу Европы и сопредельных стран. [12—15 марта 1968 г. в Бонне (ФРГ)]. 1968, 5, с. 149—152.
 120. Брук С. И., Токарев С. А. Проблемы составления Европейского историко-этнографического атласа (по материалам Международной конференции по этнологическому картографированию в Загребе 7—10 февраля 1966 года). 1966, 5, с. 91—101.
 121. Буриан Я., Моухова Б. Взгляд в этрусский микромир. [Глава из книги: I. Bugian, B. Mouchová. *Zagadki Etruskové*. Praha, 1966. Введение к статье написано Н. А. Красновской; ею же подготовлен и список литературы. Перевод П. Н. Антонова]. 1969, 5, с. 106—118.
 122. Бусыгин Е. П. [Рец.]: Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967, 356 стр. [Авторы: Л. Н. Чижикова, Е. Ф. Тарасенкова, Е. П. Шейнина, Н. А. Дворникова, М. С. Кашуба, С. И. Дмитриева]. 1968, 4, стр. 161—165.
 123. Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Терентьева Л. Н. Николай Иосифович Воробьев. [Некролог. Приложен список основных работ Н. И. Воробьева по этнографии]. 1968, 1, с. 203—205.
 124. Бусыгин Е. П., Халиков А. Х. [Рец.]: Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967, 537 стр. 1969, 3, с. 175—178.
 125. Бутинов Н. А. Община, семья, род. [По поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации». Резюме на английском яз.]. 1968, 2, с. 91—95.
 126. Бутинов Н. А. [Рец.]: П. И. Пучков. Формирование населения Меланезии. М., 1968, 226 стр. 1969, 3, с. 189—191.
 127. Бутинов Н. А. [Рец.]: *Ethnographic Atlas. «Ethnology»*, vol. I—VI, 1962—1967. 1967, 6, с. 127—134.
 128. Бутинов Н. А. [Рец.]: Herbert Wotte. Kaagam Tamo-Mann vom Mond. Leben und Reisen Michucho-Maklais. Leipzig, 1969, 334 стр. 1970, 5, с. 169—170.
 129. Бутинов Н. А. [Рец.]: Lidio Cipriani. The Andaman Islanders. Edited and translated by D. Tayler. Cov. assisted by Linda Cole, London, 1966, XII+199 стр. 1969, 1, с. 179—180.
 130. Буткявичус И. П., Терентьева Л. Н., Шлыгина Н. В. Крестьянские поселения Прибалтики (История формирования, современное состояние, перспективы развития). [В основу статьи положен доклад, подготовленный к VII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук. Приложены карты: типы крестьянских поселений в Прибалтике в середине XIX в.; типы деревень в Эстонии в середине XIX в. и в 1930-е годы и др. Резюме на английском яз.]. 1966, 1, с. 30—51.
 131. Бутовски И. Праздник «живого огня» в Азанае. 1969, 4, с. 139—140.
 132. Вайнберг Б. И. Международная конференция ЮНЕСКО по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху [27 сентября—5 октября 1968 г. в г. Душанбе]. 1969, 2, с. 133—135.
 133. Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве). [Резюме на английском яз.]. 1966, 3, с. 60—81.
 134. Вайнштейн С. И. Орнамент в народном искусстве тувинцев. [Резюме на английском яз.]. 1967, 2, с. 45—61.
 135. Вайнштейн С. И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии. (1. Саянский очаг одомашнивания оленя). [Резюме на английском яз.]. 1970, 6, с. 3—14.
 136. Вайнштейн С. И. Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов (до начала XX века). [По поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации». Приложена карта расселения тофаларских родов во второй половине XIX в. Резюме на английском яз.]. 1968, 3, с. 60—67.
 137. Вайнштейн С. И. Сергей Васильевич Иванов (40 лет научной деятельности). 1966, 5, с. 158—159.
 138. Вайнштейн С. И. [Рец.]: И. С. Гурвич. Этническая история северо-востока Сибири. «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», новая серия, т. 89, М., 1966, 306 стр. 1967, 1, с. 171—174.
 139. Вайнштейн С. И. [Рец.]: С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX—начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока. «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», новая серия, т. 81, М.—Л., 1963, 500 стр. 318 рис., 1966, 2, с. 162—165.

140. Вайнштейн С. И., Остроухов Г. А. Дневник путешествия А. М. Остроухова к прикосогольским тувинцам в 1903 году. 1969, 6, с. 102—104.
141. Валентей Д. И., Сысенко В. А. [Рец.]: В. И. Козлов. Динамика численности народов. М., 1969, 408 стр. 1970, 3, с. 183—185.
142. Васильев В. И. Работа института этнографии АН СССР в 1969 г. 1970, 5, с. 138—144.
143. Васильев В. И. Сииртя — легенда или реальность? 1970, 1, с. 151—158.
144. Васильев В. И. [Рец.]: Л. В. Хомич. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1966, 322 стр. 1967, 5, с. 192—195.
145. Васильев В. И., Симченко Ю. Б., Соколова З. П. Валерий Николаевич Чернецов. [Некролог. Приложение список основных работ В. Н. Чернецова.]. 1970, 4, с. 194—197.
146. Васильев В. И., Симченко Ю. Б., Соколова З. П. Проблемы реконструкции быта малых народов Крайнего Севера. [Резюме на английском яз.]. 1966, 3, с. 9—22.
147. Васильева Г. П. Современные этнические процессы в Северном Туркменистане. [Резюме на английском яз.]. 1968, 1, с. 3—17.
148. Васильева Э. К. Этнодемографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 году. (По материалам социологического исследования). [Резюме на английском яз.]. 1968, 5, с. 13—24.
149. Васильева Э. К., Пименов В. В., Христюкова Л. С. Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (Программа и методика обследования). [Приложена карта: «Этнический состав населения Удмуртии и населенные пункты, обследованные в 1968 г.». Резюме на английском яз.]. 1970, 2, с. 57—68.
150. Васильевский Р. С., Стракач Ю. Б. Две конференции по проблемам этногенеза и этнической истории Северной Азии [май 1969 г. в Томске и Новосибирске]. 1969, 6, с. 129—131.
151. Вдовин И. С. К проблеме этногенеза ительменов. [Резюме на английском яз.]. 1970, 3, с. 28—36.
152. Вдовин И. С. Малые народности Севера на социалистическом пути развития за 50 лет Советской власти. [Резюме на английском яз.]. 1967, 5, с. 78—91.
153. Велева М. Этнографический музей в Софии. 1967, 6, с. 100—102.
154. Великанова М. С. Население Прутско-Днестровского Междуречья в эпоху бронзы по антропологическим данным. [Резюме на английском яз.]. 1970, 2, с. 79—90.
155. Вейрес А., Шлыгина Н. В. Первый Прибалтийский коллоквиум этнографов [11—17 сентября 1966 г. в Берлине]. 1967, 4, с. 160—162.
156. Вилкуна К. Народная культура Финляндии (хозяйство, постройки, средства передвижения). [Резюме на английском яз.]. 1968, 3, с. 27—36.
157. Винников Я. Р. Новое в семейном быту колхозников Туркменистана. [Резюме на английском яз.]. 1967, 6, с. 32—41.
158. Винников Я. Р. [Рец.]: Г. Саурова. Современный туркменский ковер и его традиции. Ашхабад, 1968, 164 стр. 1970, 3, с. 187—189.
159. Винцелер А. Е. Свадебный обряд у липован. 1968, 1, с. 139—147.
160. Вирсаладзе Е. Б. Плодотворна ли такая критика? [По поводу статьи У. Б. Далгат, Н. В. Кидайш-Покровской и И. В. Пухова «В плену предвзятой схемы» (о книге Е. М. Мелетинского «Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники» М., 1963), опубликованной в «Советской этнографии», 1965, № 5. Резюме на английском яз.]. 1966, 2, с. 85—92.
161. Вишняускайте А. И., Терентьева Л. Н. Историко-этнографический музей Литовской ССР. 1969, 4, с. 142—152.
162. Владыкин В. Е. К вопросу об этнических группах удмуртов. [Приложена схема расположения этнических групп удмуртов на территории Удмуртской АССР. Резюме на английском яз.]. 1970, 3, с. 37—47.
163. Волкова Н. Г. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе. [Резюме на английском яз.]. 1967, 1, с. 27—40.
164. Волкова Н. Г. Изменения в городском населении Закавказья в конце XIX—XX веке. [Резюме на английском яз.]. 1968, 6, с. 39—51.
165. Волкова Н. Г. Изменения в этническом составе сельского населения Северного Кавказа за годы Советской власти. [Резюме на английском яз.]. 1966, 1, с. 14—29.
166. Волкова Н. Г., Трофимова А. Г. Сессия, посвященная итогам полевых этнографических и археологических исследований 1965 года [15—21 апреля 1966 г. в Москве]. 1966, 5, с. 159—163.
167. Волкова Н. Г., Трофимова А. Г. [Рец.]: Сергеева Г. А. Арчинцы. М., 1967, 190 стр. с илл. 1968, 1, с. 184—186.
168. Ворожейкина З. Н. [Рец.]: Б. Тилавов. Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок. Душанбе, 1967, 122 стр. 1969, 5, с. 161—163.
169. Воронов А. А. Этногеография основных типов гаптоглобина — сывороточного белка крови. [Резюме на английском яз.]. 1968, 2, с. 69—86.
170. Вяткина К. В. Культ коня у монгольских народов. 1968, 6, с. 117—122.
171. Вяткина К. В. [Рец.]: Д. Б. Улымжиев. Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Монгольской Народной Республике. Улан-Удэ, 1968, 266 стр. 1970, 2, с. 187—188.
172. Гаврилова А. Ф. Свообразие процессов урбанизации в Нигерии. [Резюме на английском яз.]. 1969, 3, с. 74—84.

173. Гандев Х. Болгарская этнография и фольклористика в этнографическом институте и музее БАН (1889—1969). [Резюме на английском яз.]. 1970, 1, с. 123—134.
174. Гандцкая О. А., Дебеч Г. Ф. О графическом изображении результатов статистического обследования межнациональных браков. 1966, 3, с. 109—118.
175. Гарданов В. К. Марк Осипович Косвен. [Некролог. Приложен список основных трудов М. О. Косвена]. 1967, 6, с. 156—160.
176. Георгий Францевич Дебеч. [Некролог. Приложен список основных трудов Г. Ф. Дебеча]. 1969, 1, с. 184—189.
177. Гинзбург В. В. Некоторые проблемы изучения взаимосвязи расогенеза и этногенеза. [В основу статьи положен доклад, прочитанный на Международном антропологическом симпозиуме, посвященном вопросам развития древнего и современного человечества (Будапешт, 10—12 августа 1967 г.). Резюме на английском яз.]. 1968, 4, с. 43—51.
178. Гиренко Н. М. [Рец.]: Ф. Н. В. Нквера. Хоронящий отца с благословением. Найроби-Дар-эс-Салам-Кампала, 1967, 119 стр. (на языке суахили). 1970, 6, с. 165—166.
179. Гловацкий Г. А. Новая экспозиция «Культура и быт населения Японии» в МАЭ. 1970, 3, с. 175—182.
180. Гомес-Табанери Хосе Мануэль. Происхождение и формирование народов Испании. [Перевод Н. Н. Садовой. Резюме на английском яз.]. 1966, 5, с. 58—74.
181. Гонионский С. А. Великий Октябрь и народы Латинской Америки. [Резюме на английском яз.]. 1967, 5, с. 105—117.
Горленко В. Ф.—см. Гуслистый К. Г., Горленко В. Ф., Прилипко Я. П.
182. Гохман И. И. Георгий Францевич Дебеч. (К шестидесятилетию со дня рождения). 1966, 2, с. 136—139.
183. Гохман И. И. К вопросу об антропологических особенностях древних скотоводов Забайкалья. 1967, 6, с. 95—99.
Гохман И. И.—см. Алексеев В. П., Беневоленская Ю. Д., Гохман И. И., Давыдова Г. М., Жомова В. К.
Гохман И. И.—см. Алексеев В. П., Гохман И. И., Трофимова Т. А.
184. Грацианская Н. Н. Конференция по изучению культуры и быта населения Карпат [11—13 сентября 1967 г. в г. Смоленице (ЧССР)]. 1968, 3, с. 128—130.
185. Грацианская Н. Н., Файнберг Л. А. Новые научно-популярные книги чешских этнографов об индейцах Америки. [Рецензия на книги:] M. Singl. Indiáni bez tomahavků. Praha, 1966; V. Solc. Indiáni na jezeře Titikaka. Praha, 1966. 1968, 2, с. 177—179.
186. Грач А. Д. Открытие погребения С. П. Крашенинникова в Ленинграде. 1966, 4, с. 108—116.
187. Грибова Л. С. Традиционная резба на сельских постройках коми-пермяков. 1968, 6, с. 107—116.
188. Григорьева Р. А. XI научная конференция Государственного этнографического музея Эстонской ССР. [14—16 апреля 1969 г. в г. Тарту. Конференция была посвящена обсуждению подготовки региональных историко-этнографических атласов.] 1969, 6, с. 135—136.
189. Григулевич И. Р. И. А. Крывелев. (К 60-летию со дня рождения). 1967, 4, с. 153—154.
190. Гринблат М. Я. К происхождению белорусской народности. (По поводу теории субстрата). [По поводу статьи В. В. Седова «К происхождению белорусов». (Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов), опубликованной в «Советской этнографии», 1967, № 2. Резюме на английском яз.]. 1968, 5, с. 79—92.
191. Гринблат М. [Я.] [Рец.]: В. Ф. Горленко. Нариси з історії української етнографії та російсько-українських етнографічних зв'язків. Київ, 1964, 248 стр. 1966, 6, с. 139—140.
192. Гроздова И. Н. Венгеро-советский симпозиум [14—16 октября 1969 г. в Москве]. 1970, 2, с. 166—171.
193. Гроздова И. Н., Филимонова Т. Д. Венгры и немцы советского Закарпатья (По материалам полевых исследований 1968—1969 гг.). 1970, 1, с. 135—143.
194. Громов В. А. Фольклорно-этнографические источники рассказа И. С. Тургенева «Бежин луг». 1969, 6, с. 105—112.
195. Громов Г. Г., Новиков Ю. Ф. Некоторые вопросы агроэтнографических исследований. [Резюме на английском яз.]. 1967, 1, с. 80—93.
196. Громов Ю. А. ЮНЕСКО и борьба против расизма. 1968, 2, с. 144—148.
197. Губогло М. Н. Всесоюзная научная конференция, посвященная проблеме двуязычия и многоязычия [20—23 октября 1969 г. в Ашхабаде]. 1970, 4, с. 150—152.
198. Губогло М. [Н.] К вопросу о происхождении каракачан. [Краткий обзор работ о каракачанах]. 1966, 4, с. 164—176.
199. Губогло М. Н. О влиянии расселения на языковые процессы. [Резюме на английском яз.]. 1969, 5, с. 16—30.
200. Губогло М. Н. Этническая принадлежность гагаузов (историография проблемы). 1967, 3, с. 159—167.
201. Гулиев Ш., Трофимова А. [Г.] [Рец.]: Т. А. Бунятов. К истории развития земледелия в Азербайджане. Баку, 1964, 152 стр., 30 рис. (на азербайджанском яз.). 1966, 4, с. 181—183.
202. Гулиева Л. Г. К изучению топонимии Кубани. 1968, 3, с. 93—96.
203. Гуляев В. И. Некоторые вопросы становления раннеклассового общества у древних майя. [Резюме на английском яз.]. 1969, 4, с. 86—98.

204. Гуляев В. И. Новые данные о происхождении земледельческих культур Мезоамерики. 1966, 1, с. 146—151.
205. Гуляев В. И. [Рец.]: Р. В. Кинжалов. Искусство древних майя. Л., 1968, 198 стр., 181 илл. 1970, 1, с. 195—197.
206. Гупта С. П. Обзор современного состояния первобытной археологии Индии в свете новых открытий в Средней Азии. [Перевод с английской и подготовка к печати В. А. Ранова]. 1968, 4, с. 110—114.
207. Гурвич И. С. Алеуты Командорских островов. 1970, 5, с. 112—123.
208. Гурвич И. С. Была ли известна юкагирам экзотамия? 1969, 2, с. 87—92.
209. Гурвич И. С. К 60-летию Алексея Павловича Окладникова. 1969, 2, с. 131—132.
210. Гурвич И. С. Некоторые проблемы этнического развития народов СССР. [Резюме на английском яз.]. 1967, 5, с. 62—77.
211. Гурвич И. С. Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера СССР. [Резюме на английском яз.]. 1970, 1, с. 15—34.
212. Гурвич И. С., Файнберг Л. А. К 70-летию со дня рождения А. В. Ефимова. 1966, 3, с. 145—146.
213. Гурвич И. С., Хомич Л. В. Симпозиум по циркумполярным проблемам [в сентябре 1969 г. в гг. Лулео и Кируна (Швеция) и в Тромсё (Норвегия)]. 1970, 5, с. 148—150.
214. Гуоров Н. В., Катенина Т. Е. Новый этап в изучении протоиндийских надписей. [Рец. на книгу]: Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов. Всесоюзный Институт научной и технической информации АН СССР, Институт этнографии АН СССР. М., 1965, 74 стр. (Сборник статей). [Авторы: Г. В. Алексеев, М. А. Пробст, А. М. Кондратов, Ю. В. Кнорозов, И. К. Федорова, Б. Я. Волчек]. 1967, 2, с. 171—178.
215. Гуоров Н. В., Кнорозов Ю. В. [Рец.]: A. Parpola, S. Koskeniemi, S. Parpola and P. Aalto. Decipherment of the Proto — Dravidian inscriptions of the Indus civilization. A first announcement, Copenhagen, 1969. 1969, 6, с. 151—158. Гурский А. В. — см. Ранов В. А. Гурский А. В.
216. Гусев В. Е. Поездка в Югославию [для участия в XIII Конгрессе югославских фольклористов, происходившем в Македонии, в Старом Дойране]. 1967, 2, с. 167—170.
217. Гусев В. Е. Труды славистической конференции фольклористов [Обзор материалов конференции, состоявшейся в Варшаве в мае 1966 г., опубликованных в журнале «Literatura Ludowa», 1966, №№ 4—6; 1967, №№ 1—3]. 1968, 3, с. 145—147.
218. Гусев В. Е. Фольклор (История термина и его современные значения). [Резюме на английском яз.]. 1966, 2, с. 3—21.
219. Гусев В. Е. Что дает такая полемика? [По поводу статьи У. Б. Далгат, Н. В. Кидайш-Покровской и И. В. Пухова «В плену предвзятой схемы» (о книге Е. М. Мелетинского «Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники», М., 1963), опубликованной в «Советской этнографии», 1965, № 5. Резюме на английском яз.]. 1966, 3, с. 92—100.
220. Гусева Н. Р. Течет Джамна (Очерк народного индуизма). 1969, 1, с. 147—157.
221. Гусева Н. Р. [Рец.]: Д. Д. Kosambi. The culture and civilization of ancient India in historical outline. London, 1965, 243 стр., 16 рис. в тексте, 98 фототаблиц и 6 карт. 1967, 4, с. 177—178.
222. Гусева Н. Р. [Рец.]: Structure and change in Indian society. Chicago, 1968, 507 стр. 1969, 6, с. 168—170.
223. Гуслистый К. Г. Ленин и вопросы этнической истории украинского народа. [Резюме на английском яз.]. 1970, 5, с. 3—10.
224. Гуслистый К. Г., Горленко В. Ф., Прилипко Я. П. Работа над историко-этнографическим атласом на Украине. 1967, 1, с. 94—98.
225. Давид Ефимович Хайтун (1899—1965). [Некролог. Приложен список научных работ Д. Е. Хайтуна]. 1966, 4, с. 159—161.
226. Давыдов А. С. Традиционное жилище таджиков Верхнего Зеравшана. 1969, 6, с. 92—101. Давыдова Г. М. — см. Алексеев В. П., Беневоленская Ю. Д., Гохман И. И., Давыдова Г. М., Жомова В. К.
227. Дамбаев Г. Э. Музей в Баргузинской долине. 1966, 3, с. 157—158.
228. Данилюскас А. [Рец.]: Višniauskaite, Lietuvių seimos tradicijos. Vilnius, 1967, 184 стр. 1970, 4, с. 165—167.
229. Данн Ст. П., Данн Э. Нерешенные проблемы в изучении великорусского крестьянства (ответ критикам) [Ответ авторов на статью Л. А. Анохиной, В. Ю. Крупанской, М. Н. Шмелевой «Русское крестьянство в освещении американских этнографов», опубликованную в «Советской этнографии», 1969, № 1]. 1970, 4, с. 178—188.
230. Дахштейгер Г. Ф. Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства). [Резюме на английском яз.]. 1966, 4, с. 3—23.
231. XXIII съезд КПСС и современная советская этнография. 1966, 3, с. 3—8.
232. Дворникова Н. А. Русские и украинские традиции в одежде населения северо-восточных районов Украины. (По материалам экспедиции в Сумскую и Харьковскую области). 1968, 1, с. 114—121.
233. Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Афганистане. [Приведена карта: «Пункты антропологических исследований в Афганистане в 1964—

- 1966 г.г.]. Резюме на английском яз.]. 1967, 4, с. 75—93.
- Дебеч Г. Ф. — см. Ганцкая О. А., Дебеч Г. Ф.
234. Декларация о расе и расовых пред-
рассудках (ЮНЕСКО, Париж, 26 сен-
тября 1967 г.). 1968, 2, с. 149—151.
235. Деметьева-Лескинен А. Н. Хо-
зяйство и материальная культура ман
Вьетнама. [Резюме на английском яз.].
1966, 4, с. 38—51.
236. Денисова Р. Я. Новые данные об
антропологическом типе населения фатъ-
яновской культуры. [Резюме на англий-
ском яз.]. 1966, 4, с. 24—37.
237. Деопик Д. В., Членов М. А. То-
понимия и язык. (К проблеме выявления
субстратных топонимических ареалов).
[Резюме на английском яз.]. 1970, 3,
с. 62—74.
238. Джарылгасинова Р. Ш. К во-
просу о культурном сближении корей-
цев Узбекской ССР с соседними наро-
дами. (Традиционное и новое в хозяй-
стве и материальной культуре). [Резю-
ме на английском яз.]. 1966, 5, с. 3—14.
239. Джарылгасинова Р. Ш. Меж-
республиканский семинар по ономастике
[20—26 января 1969 г. в г. Самарканде].
1969, 4, с. 141—142.
240. Джарылгасинова Р. Ш. [Рец.]:
М. В. Крюков. Формы социальной орга-
низации древних китайцев. М., 1967,
201 стр. 1970, 5, с. 166—169.
241. Джарылгасинова Р. Ш., Крю-
ков М. В. Всесоюзное совещание «Лич-
ное имя». [23—26 апреля 1968 г. в Моск-
ве]. 1969, 1, с. 158—160.
242. Джарылгасинова Р. Ш., Крю-
ков М. В., Суперанская А. В.,
Членов М. А. Новые исследования
по ономастике. [Работа групп онома-
стики Института этнографии АН СССР
и Института языкознания; Первая По-
вожская конференция по ономастике,
проведенная группами ономастики со-
вместно с Ульяновским педагогическим
институтом 18—22 сентября 1967 г.
в г. Ульяновске.]. 1968, 1, с. 164—168.
243. Джарылгасинова Р. Ш., Се-
машко И. М. [Рец.]: Культура и быт
народов стран Тихого и Индийского
океанов. «Сборник МАЭ», т. 23, М.—Л.,
1966, 268 стр., илл. [Редколлегия:
Л. П. Потапов, С. В. Иванов, Н. А. Ки-
сляков, Д. Д. Ольдерогге, Р. Ф. Итс].
1967, 3, с. 179—181.
- Джарылгасинова Р. Ш., — см.
Арутюнов С. А., Джарылгаси-
нова Р. Ш.
244. Диков Н. Н. Историко-этнографи-
ческие и археологические исследования на
Северо-Востоке СССР (1955—1969 гг.)
[в Магадане, Анадыре, Петропавловске-
Камчатском]. 1970, 1, с. 169—174.
- Дильмухамедов Е. — см. Аргын-
баев Х., Дильмухамедов Е.
245. Дмитриева С. И. Географическое
распространение русских былин. (По
материалам конца XIX — начала XX в.)
[Приложена карта: «Распространение
героических былин в Европейской ча-
- сти России в конце XIX — начале XX в.». Резюме на английском яз.]. 1969, 4, с. 28—39.
246. Дмитриев К. Д. [Рец.]: Г. Ташев.
Село Петково. София, 1966, 375 стр.
1968, 4, с. 170—172.
247. Добродомов И. Г. Из древне-
русской этноимики. Древнерусское Со-
рочиниѣ и греческое Σαραηνόζ. 1966,
3, с. 122—128.
248. Долгих Б. О. Образование совре-
менных народностей Севера СССР. [Ре-
зюме на английском яз.]. 1967, 3, с. 3—
15.
249. Долгих Б. О., Першиц А. И.
[Рец.]: Основы этнографии. Учебное по-
сobie. Под редакций С. А. Токарева.
М., 1968, 359 стр. 1968, 5, с. 160—163.
250. Долгих Т. Б. [Рец.]: В. Е. Носов.
Социально-экономическое развитие на-
родов Енисейского Крайнего Севера.
М., 1967, 184 стр. 1968, 5, с. 165—168.
251. Донина Н. И. О некоторых эпо-
хальных изменениях в строении зубной
системы человека. (На примере средне-
вековых восточнославянских и русских
краниологических серий). [Резюме на
английском яз.]. 1969, 2, с. 35—47.
252. Драчук В. С. [Рец.]: Ernő Tárány
Szűcs. Eingebrennte Eigentumsmarken
des Viehs in Ungarn. «Acta Ethnographi-
ca Academiae Scientiarum Hungari-
cae», t. XVII, Fasciculi 3—4, Budapest,
1968, 1970, 5, с. 164—166.
253. Дрёмов В. А. Древнее население
лесостепного Приобья в эпоху бронзы
и железа по данным палеоантропологи-
и. [Резюме на английском яз.]. 1967,
6, с. 53—66.
- Дрёмов В. А. — см. Розов Н. С.,
Дрёмов В. А.
254. Дридзо А. Д. Барбадос и его на-
селение. [Приложена карта]. 1967, 4,
с. 119—128.
255. Дридзо А. Д. К вопросу о числен-
ности индейцев Ямайки перед началом
колонизации. 1966, 3, с. 139—144.
256. Дридзо А. Д. [Рец.]: В. П. Гриц-
кевич. Путешествия наших земляков. Из
истории страноведения Белорус-
сии. Минск, 1968, 232 стр. 1970, с. 178—
179.
257. Дридзо А. Д. [Рец.]: Л. А. Шур.
Россия и Латинская Америка. Очерки
политических, экономических и культур-
ных отношений. М., 1964, 158 стр. 1966,
1, с. 187—189.
258. Дридзо А. Д. [Рец.]: Против рас-
изма. Расизм в странах «свободного ми-
ра» и новый этап борьбы против него.
[Под редакций А. В. Ефимова,
И. Р. Григулевича, В. В. Иванова,
Э. Л. Нитобурга]. М., 1966, 348 стр.
1966, 5, с. 165—168.
- Думпе Л. — см. Алсупе А., Думпе
Л., Мугуревич Э., Крастыня А.,
Слава М., Строд Х.
259. Дэвлет М. А. О брахикранном ко-
мпоненте в составе населения тагарской
культуры. 1969, 5, с. 94—97.
- Дьяков А. М. см. Ашрафян К. З.,
Дьяков А. М.

260. Еремеев Д. Е. Особенности образования турецкой нации. [Резюме на английском яз.]. 1969, 5, с. 57—67.
261. Еремеев Д. Е. Язык как этногенетический источник. (Из опыта лексического анализа турецкого языка). [Резюме на английском яз.]. 1967, 4, с. 62—74.
262. Ершов Н. Н. К истории развития этнографической науки в Таджикистане. 1968, 4, с. 87—92.
263. Ефимов А. В. В. И. Ленин о развитии капитализма и некоторых проблемах в США. [Резюме на английском яз.]. 1970, 5, с. 11—19.
264. Жданко Т. А. Международное значение исторического опыта перехода кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане (в связи с работой в СССР семинара МОТ по проблеме оседания кочевников). [Резюме на английском яз.]. 1967, 4, с. 3—24.
265. Жданко Т. А., Рапопорт Ю. А., Чебоксаров Н. Н. Сергей Павлович Толстов (К 60-летию со дня рождения). 1967, 1, с. 130—138.
266. Жигулев А. М. Пословицы и поговорки в большевистских листовках. 1970, 5, с. 124—131.
267. Жилина А. Н. Традиционные черты в современном жилище Хорезма. [Резюме на английском яз.]. 1969, 3, с. 31—43.
268. Жирнова Г. В. Русский городской свадебный обряд конца XIX—начала XX в. [Резюме на английском яз.]. 1969, 1, с. 48—58.
Жомова В. К.—см. Алексеев В. П., Беневоленская Ю. Д., Гохман И. И., Давыдова Г. М., Жомова В. К.
269. Жуковская Н. Л. К вопросу о типологически сходных явлениях в шаманстве и буддизме. [Резюме на английском яз.]. 1970, 6, с. 36—46.
270. Жуковская Н. Л. Отражение социальной структуры общества в монгольских этнонимах. 1969, 4, с. 123—127.
271. Жуковская Н. Л., Членов М. А. Вторая Поволжская конференция по ономастике [23—26 апреля 1969 г. в г. Горьком]. 1970, 3, с. 169—171.
272. Жучкевич В. А. К вопросу о балтийском субстрате в этногенезе белорусов [по поводу дискуссионной статьи В. В. Седова «К происхождению белорусов». Приложена карта: «Названия балтийского происхождения на территории Белоруссии». Резюме на английском яз.]. 1968, 1, с. 107—113.
273. Заседателева Л. Б. Эволюция общины у терских казаков в XVI—XIX вв. (От «вольной заимки» к частной собственности). [Резюме на английском яз.]. 1969, 1, с. 25—36.
Зенина Л. В.—см. Каяма Е., Зенина Л. В.
274. Зиновьев В. М. Юбилейная сессия украинских этнографов и фольклористов [23—25 ноября 1966 г. в г. Ужгороде]. 1967, 4, с. 155—157.
275. Златковская Т. Д. К вопросу об общинном землевладении в период становления классового общества (по фракийским материалам). [Резюме на английском яз.]. 1970, 5, с. 46—56.
276. Златковская Т. Д. О происхождении некоторых элементов кукурского обряда у болгар. (К вопросу о фракийских традициях у народов Юго-Восточной Европы). [Резюме на английском яз.]. 1967, 3, с. 31—46.
277. Златковская Т. Д., Иванова Ю. В., Маркова Л. В. Вопросы этнографии на первом Международном конгрессе балканских исследований в Софии [с 26 августа по 1 сентября 1966 г.]. 1967, 1, с. 149—154.
278. Золотарева И. М., Башлай А. Г. Серологические исследования в Якутии. [Приложена карта локализации исследованных в серологическом отношении групп якутов и долган. Резюме на английском яз.]. 1968, 1, с. 46—55.
279. Золотаревская И. А., Моногарова Л. Ф. О работе сессии, посвященной итогам полевых этнографических и археологических исследований за 1964 год [8—14 апреля 1965 г. в Баку]. 1966, 1, с. 155—159.
Зорин Н. В.—см. Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Терентьева Л. Н.
280. Зубов А. А. К выделению новой области в системе антропологии (Принципы этнической одонтологии). [Резюме на английском яз.]. 1966, 1, с. 3—13.
281. Зубов А. А. О расово-диагностическом значении некоторых одонтологических признаков. [Резюме на английском яз.]. 1968, 3, с. 49—59.
282. Зубов А. А. О физическом типе древнейшего населения Америки. [Приложены карты распределения ширины грушевидного отверстия у разных групп населения в Америке и Азии]. 1968, 4, с. 118—122.
283. Зубов А. А., Шлыгина Н. В. Антропологическая экспедиция в Финляндию. 1970, 2, с. 171—173.
284. Зув Ю. А. Киргизы-буруты. (К вопросу о тотемизме и принципах этнонимобразования). 1970, 4, с. 74—86.
285. Зухба С. [Рец.]: Ш. Х. Салака, Абхазский народный героический эпос, Тбилиси, 1966, 184 стр. 1966, 5, с. 176—178.
286. Иванов М. С. Поездка в Иран. 1968, 4, с. 144—154.
287. Иванов М. С. Современные национальные процессы в Иране. [Резюме на английском яз.]. 1967, 5, с. 118—132.
288. Иванов М. С. Формирование рабочего класса в Иране. [Резюме на английском яз.]. 1966, 2, с. 59—72.
289. Иванова Е. В. [Рец.]: Н. Р. Phillips. Thai peasant personality. The patterning of interpersonal behavior in the village of Bang Chan. Berkeley and Los Angeles, 1966, 231 стр. 1969, 5, с. 168—172.
290. Иванова Е. В., Решетов А. М. Сессия, посвященная итогам полевых

- археологических и этнографических исследований 1968 года [18—25 апреля 1969 г. в Ленинграде]. 1969, 5, с. 119—126.
291. Иванова Л. А. О происхождении брахикранного компонента в составе населения афанасьевской культуры. [Резюме на английском яз.]. 1966, 3, с. 82—91.
292. Иванова Ю. В. [Рец.]: А. В. Десницкая. Албанский язык и его диалекты. Л., 1968, 380 стр. 1969, 4, с. 176—180.
- Иванова Ю. В.—см. Златковская Т. Д., Иванова Ю. В., Маркова Л. В.
293. Игонин Н. И. Использование материалов аэрофотосъемки в этнографических исследованиях. 1967, 5, с. 143—153.
- Илимбетов Ф. Ф.—см. Бикбулатов Н. В., Илимбетов Ф. Ф.
294. Итина М. А. О месте тазабагьябской культуры среди культур степной бронзы. [Резюме на английском яз.]. 1967, 2, с. 62—79.
295. К итогам дискуссии по книге Е. М. Мелетинского «Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники» [развернувшейся после опубликования в «Советской этнографии» (1965, № 5) статьи У. Б. Далгат, Н. В. Кидайш-Покровской и И. В. Пухова «В плену предвзятой схемы»]. 1966, с. 43—46.
296. К 60-летию Леонида Павловича Потапова. 1966, 1, с. 152—155.
297. Кабо В. Р. [Рец.]: Friedly mission. The Tasmanian journals and papers of George Augustus Robinson, 1829—1834. Ed. by N. I. B. Plomley. Tasmanian Historical Research Association, 1966, 1074, стр. 1970, 6, с. 166—169.
298. Кабо В. Р., Семенов Ю. И. [Рец.]: Н. А. Бутинов. Папуасы Новой Гвинеи (Хозяйство, общественный строй). М., 1968, 255 стр. [две рецензии на дискуссионную книгу Н. А. Бутинова]. 1969, 3, с. 159—170.
299. Кабузан В. М. Заселение Северного Причерноморья (Новороссии) в XVIII в. (1719—1795 гг.). [Резюме на английском яз.]. 1969, 6, с. 30—41.
300. Кабузан В. М., Троицкий С. М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. [Резюме на английском яз.]. 1966, 3, с. 23—47.
301. Кавтаськин Л., Мокшин Н. [Рец.]: А. И. Маскаев. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964, 436 стр. 1966, 2, с. 167—168.
302. Кайгородов А. М. Дерсу Узала из дебрей Трехречья. (Воспоминания о старом эвенке). 1970, 6, с. 128—133.
303. Кайгородов А. М. Русские в Трехречье (По личным воспоминаниям). 1970, 2, с. 140—149.
304. Кайгородов А. М. Свадьба в тайге [у эвенков Маньчжурии.]. 1970, 3, с. 153—161.
305. Кайгородов А. М. Эвенки в Трехречье. (По личным наблюдениям). 1968, 4, с. 123—131.
306. Калантаров Я. И. [Рец.]. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими, Душанбе, 1965. 1967, 4, с. 166—170.
307. Калиновская К. П. К характеристике системы возрастных групп у галла Эфиопии. 1969, 4, с. 128—132.
308. Калиновская К. [П.]. [Рец.]. Периодическое издание Эфиопии «Journal of ethiopian Studies», т. 1, № 1, 2, 1963 г.; т. II, № 1, 1964 г. 1966, 2, с. 179—181.
309. Калоев Б. А. В. К. Гарданов. (К 60-летию со дня рождения). 1968, 5, с. 134—136.
310. Калоев Б. А. М. М. Ковалевский. (К пятидесятилетию со дня смерти). [Резюме на английском яз.]. 1966, 6, с. 30—42.
311. Калоев Б. А. Научная сессия, посвященная проблеме происхождения осетинского народа [с 6 по 9 октября 1966 г. в г. Орджоникидзе]. 1967, 2, с. 163—166.
312. Калоев Б. А. [Рец.]: Этнографические очерки узбекского сельского населения, [Авторы: Б. Х. Кармышева, Р. Я. Рассудова, Л. Ф. Моногарова, Г. П. Снесарев]. М., 1969, 298 стр., илл. 1970, 6, с. 155—157.
313. Калоев Б. А., Сергеева Г. А., Трофимова А. Г. К 60-летию Леонида Ивановича Лаврова. 1969, 5, с. 141—142.
314. Каменецкая Р. В. [составитель]. Новая литература по народам Европейской части РСФСР (1966). [Библиографический список]. 1968, 1, с. 197—202.
315. Каменецкая Р. В. [составитель]. Новая литература по народам Европейской части РСФСР. [Библиографический список]. 1969, 3, с. 192—197.
316. Каменецкая Р. В. [составитель]. Новая литература по народам Кавказа [Библиографический список]. 1967, 3, с. 183—188.
317. Каменецкая Р. В. [составитель]. Новая литература по народам Кавказа. [Библиографический список]. 1968, 4, с. 176—183.
318. Каменецкая Р. В. [составитель]. Новая литература по народам Кавказа. [Библиографический список]. 1969, 6, с. 173—180.
319. Каменецкая Р. В. [составитель]. Новая литература по народам Прибалтики. [Библиографический список]. 1967, 6, с. 154—155.
320. Каменецкая Р. В. [составитель]. Новая литература по народам Прибалтики. [Библиографический список]. 1968, 6, с. 166—168.
321. Каменецкая Р. В. [составитель]. Новая литература по народам Сибири и Севера. [Библиографический список]. 1967, 4, с. 180—186.
322. Каменецкая Р. В. [составитель]. Новая литература по народам Сибири и Севера. [Библиографический список]. 1968, 5, с. 176—189.

323. Каменецкая Р. В. [составитель]. Новая литература по народам Средней Азии и Казахстана. [Библиографический список]. 1967, 2, с. 195—202.
324. Каменецкая Р. В. [составитель]. Новая литература по народам Средней Азии и Казахстана. [Библиографический список]. 1968, 3, с. 165—177.
325. Каменецкая Р. В. [составитель]. Новая литература по народам Средней Азии и Казахстана. [Библиографический список]. 1969, 5, с. 178—184.
326. Каменецкая Р. В. [составитель]. Новая литература по народам Украины, Белоруссии и Молдавии. [Библиографический список]. 1968, 2, с. 184—189.
327. Каменецкая Р. В. [составитель]. Новая литература по народам Украины, Белоруссии и Молдавии. [Библиографический список]. 1969, 4, с. 183—187.
328. Каплан Н. И., Барадулин В. А. Якутские народные художественные промыслы. (По материалам экспедиции в Якутскую АССР в 1967 году). 1969, 1, с. 129—134.
329. Караев О. К вопросу о передвижении киргизов на Тянь-Шань и ассимиляцию ими местных племен в XIII—XV вв. [Критический разбор книги К. И. Петрова «К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XIV вв. Фрунзе, 1961. Резюме на английском яз.]. 1966, 4, с. 100—107.
330. Карахан И. Л., Митлянская Т. Б. Проблемы современного чукотско-эскимосского искусства резьбы по кости. 1970, 1, с. 144—150.
331. Караханов М. К. Всесоюзная научная конференция по проблемам народонаселения Средней Азии [в сентябре 1965 г. в Ташкенте]. 1966, 1, с. 161—166.
332. Кармышева Б. Х. Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX—начало XX в.). [Основные положения статьи были доложены автором на Региональном совещании по вопросам подготовки историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана в Ашхабаде в декабре 1967 г. Приложена карта: «Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана в конце XIX—начале XX в.». Резюме на английском яз.]. 1969, 3, с. 44—50.
333. Карнейро Р. Л. Переход от охоты к земледелию. [Резюме на английском яз.]. 1969, 5, с. 68—78.
334. Касимова Р. М. О соотношении морфологического типа населения и распространения бешки в Азербайджане. [Приложены карты: 1. Распределение головного указателя у изученных групп; 2. Распространение бешки на исследованной территории]. 1969, 2, с. 112—114.
- Катенина Т. Е.—см. Гуров Н. В., Катенина Т. Е.
335. Кашуба М. С. Работа Института этнографии АН СССР в 1966 г. 1967, 3, с. 127—134.
336. Кашуба М. С. Работа Института этнографии АН СССР в 1967 г. 1968, 4, с. 132—140.
337. Кашуба М. С. Работа Института этнографии АН СССР в 1968 г. 1969, 5, с. 130—139.
- Кашуба М. С.—см. Бромлей Ю. В., Кашуба М. С.
338. Каяма Е., Зенина Л. В. [Рец.]: С. А. Арутюнов. Современный быт японцев. М., 1968, 232 стр. с илл. 1970, 1, с. 190—194.
- Келембетова В. Е.—см. Алсупе А. П., Келембетова В. Е.
339. Кинжалов Р. В. День в древнем городе майя [Приложен список литературы и источников]. 1967, 2, с. 145—155.
340. Кинжалов Р. В. День в столице древних мочика. [Приложен список литературы и источников]. 1967, 6, с. 103—117.
341. Кинжалов Р. В. [Рец.]: Michael D. Coe. The Maya. Ancient peoples and places, vol. 52. London, 1966, 252 стр., 7 карт, 127 илл. 1968, 1, с. 195—197.
342. Кисляков Н. А. Некоторые материалы по сельскохозяйственной терминологии у таджиков. 1969, 3, с. 118—126.
343. Кисляков Н. А. По поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации». [Резюме на английском яз.]. 1968, 2, с. 87—90.
344. Кисляков Н. А. Проблемы семьи и брака в работах советских этнографов (по материалам Средней Азии и Казахстана). [Резюме на английском яз.]. 1967, 5, с. 92—104.
345. Кисляков Н. А. [Рец.]: Культура и быт казахского колхозного аула. Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН Каз. ССР, Алма-Ата, 1967, 304 стр. [Авторы: Х. А. Аргынбаев, В. В. Востров, И. В. Захарова, Б. Х. Кармышева, А. Х. Маргулан, Э. А. Масанов, М. С. Муканов, Р. Б. Сулейменов, Р. Д. Ходжаева]. 1968, 1, с. 181—184.
346. Кисляков Н. А. [Рец.]: Л. М. Сабурова. Культура и быт населения Приангарья. Конек XIX—XX в. 1967, 280 стр. 1968, 6, с. 155—158.
347. Кисляков Н. А. [Рец.]: Л. П. Потапов. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, 401 стр. 1970, 5, с. 158—160.
348. Клавдия Леонтьевна Задыкина. [Некролог]. 1970, 4, с. 192—193.
349. Клейн Л. С. Фридрих Энгельс как исследователь раннегерманского общества. [Резюме на английском яз.]. 1970, 5, с. 20—32.
- Кнорозов Ю. В.—см. Гуров Н. В., Кнорозов Ю. В.
350. Кобычев В. П. [Рец.]: Г. Х. Мамбетов. Куба в прошлом и настоящем (Историко-этнографические очерки). Нальчик, 1968, 252 стр. 1970, 6, с. 151—152.
351. Кобычев В. П., Робакидзе А. И. Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа. (Материалы к Кавказскому историко-этнографическому атласу). [В приложении публикуется для обсуждения примерный

- вопросник для сбора материала по поселениям и жилищам к «Кавказскому историко-этнографическому атласу». Резюме на английском яз.]. 1967, 2, с. 26—44.
352. Коган Д. М. Связи городского и сельского населения как одна из проблем этнографии города. [Резюме на английском яз.]. 1967, 4, с. 40—50.
353. Коган Д. М. Связи современной городской семьи с сельской (по материалам анкетного обследования в г. Калуге). 1970, 6, с. 105—110.
354. Коган М. А. [Рец.]: От Аляски до Огненной земли. История и этнография стран Америки. (Сборник статей). [Редколлегия: И. Р. Григулевич, И. А. Золотаревская, Р. Ф. Иванов, Э. Л. Нитобург], М., 1967, 372 стр. 1968, 2, с. 174—177.
355. Коган М. А. [Рец.]: Сборник «Бартоломе де Лас-Касас. К истории завоевания Америки» [Редколлегия: И. Р. Григулевич, Р. В. Кинжалов, И. Ф. Хорошаева]. М., 1966, 227 стр. 1967, 3, с. 181—183.
356. Козлов В. И. О некоторых аспектах национальной проблематики в трудах В. И. Ленина. [Резюме на английском яз.]. 1969, 6, с. 10—20.
357. Козлов В. И. О понятии этнической общности. [Статья открывает дискуссию как о понятии этнической общности, так и о типах этнических общностей. Резюме на английском яз.]. 1967, 2, с. 100—111.
358. Козлов В. И. Обсуждение проблем народонаселения. [Первая республиканская научная конференция по демографии, состоявшаяся в октябре 1966 г. в Киеве, и Всесоюзный симпозиум по вопросам марксистско-ленинской теории народонаселения, организованный в ноябре 1966 г. в Москве]. 1967, 3, с. 135—138.
359. Козлов В. И. Современные этнические процессы в СССР (К методологии исследования). [Резюме на английском яз.]. 1969, 2, с. 60—72.
360. Козлов В. И. Этнос и экономика. Этническая и экологическая общности. [Резюме на английском яз.]. 1970, 6, с. 47—60.
361. Козлов В. И. [Рец.]: М. С. Авербух. Законы народонаселения докапиталистических формаций. М., 1967, 208 стр. 1968, 4, с. 155—158.
362. Козлов В. И.—см. Бромлей Ю. В., Козлов В. И.
362. Козлов С. Я. Загадка происхождения народа фульбе. 1967, 1, с. 117—129.
363. Козлов С. Я. К характеристике некоторых социальных структур родового общества (Заметки в связи с дискуссией) [по поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовых и патронимической (клановой) организации», опубликованной в «Советской этнографии» (1967, № 6). Резюме на английском яз.]. 1970, 5, с. 84—92.
364. Козлова К. И. Специфика этнической общности марийцев в период присоединения к России. [Резюме на английском яз.]. 1968, 6, с. 25—38.
365. Колева Т. А. О некоторых вопросах развития быта. (На болгарском материале). [Резюме на английском яз.]. 1969, 1, с. 68—78.
366. Колесническая И. М. [Рец.]: Русские народные сказки. (Сказки, рассказанные воронежской сказочницей А. Н. Корольковой). Составитель и ответственный редактор Э. В. Померанцева. М., 1969, 406 стр. 1970, 3, с. 190.
367. Колесническая И. [М.] [Рец.]: Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. Академия наук СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1965. 1966, 3, с. 166—168.
368. Колосов Е. Н. Об использовании этнографических материалов в крупномасштабной картографии. 1966, 4, с. 151—152.
369. Колосова Ю. А. Особенности урбанизации негритянского населения США. [Приложены карты: 1. «Негритянское население в городах США. 1960 г.» (составлена автором). 2. «Изменения в размещении негритянского населения в г. Вашингтоне в 1950—1960 гг.», 3. «Изменения в размещении негритянского населения в г. Филадельфия в 1950—1960 гг.», 4. «Изменения в размещении негритянского населения в г. Детройт в 1950—1960 гг.», карты 2, 3, 4 взяты из книги К. Е. и А. Ф. Тауберг «Negroes in cities» (Chicago, 1965). Резюме на английском яз.]. 1968, 2, с. 46—55.
370. Колпакова Н. П. Некоторые вопросы сравнительной поэтики (Причет и песня). [Резюме на английском яз.]. 1967, 1, с. 41—53.
371. Комаровский Г. Е. [Рец.]: Народы Юго-Восточной Азии. Под редакцией А. А. Губера, Ю. В. Маретина, Д. Д. Тумаркина, Н. Н. Чебоксарова. М., 1966, 762 стр. 1967, 5, с. 198—201.
372. Комаровский Г. Е. [Рец.]: Ichiro Hori. Folk religion in Japan. Tokyo, 1968. 1969, 5, с. 172—175.
373. Комаровский Г. Е., Стратанович Г. Г. Рисоводческая обрядность и ее место в культе природы. 1966, 2, с. 131—135.
374. Кондратьев В. С. Научная сессия «Торжество ленинской национальной политики» [20—23 мая 1970 г. в г. Чебоксарах]. 1970, 6, с. 137—138.
375. Кондратьев В. С. Эксперимент «Ex post facto» в этносоциологическом исследовании. 1970, 2, с. 130—132.
376. Коробкова Г. Ф. Результаты бинокулярного исследования мергеля из верхнепалеолитической стоянки Костенки I. (Материалы раскопок П. П. Ефименко 1931—1936 гг.). 1969, 1, с. 142—143.
377. Королев С. Некоторые вопросы этнопсихологических исследований за рубежом. [Критический обзор]. 1966, 1, с. 169—175.
378. Королева А. П. [Рец.]: «Нет!» — расизму. Расизм в странах «свободного» мира и новый этап борьбы против него. [Редколлегия: А. В. Ефимов, И. Р. Григулевич, Э. Л. Нитобург]. М., 1969, 254

- стр. 1970, 3, с. 185—187.
379. Косиков И. Г. Два года в Камбодже. 1970, 4, с. 126—135.
380. Косиков И. Г., Ревуненкова Е. В. Конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии [23—26 декабря 1969 г. в Ленинграде]. 1970, 6, с. 143—145.
381. Котляр Е. С. Мифы бантуязычных народов Тропической и Южной Африки. [Резюме на английском яз.]. 1967, 3, с. 47—58.
382. Котляр Е. С. О «культурном герое» африканской мифологии. (К дискуссии по книге Е. М. Мелетинского «Происхождение героического эпоса»). [По поводу статьи У. Б. Далгат, Н. В. Кидайш-Покровской и И. В. Пухова «В плену предвзятой схемы» (о книге Е. М. Мелетинского «Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники», М., 1963). Резюме на английском яз.]. 1966, 2, с. 93—100.
383. Кочешков Н. В. Искусство резьбы по дереву в современной Монголии. 1969, 2, с. 103—111.
384. Кочешков Н. В. Коллекции по этнографии и народному искусству монголов в собрании У. Ядамеурэна (МНР). 1966, 4, с. 140—150.
385. Кочнев В. [И.]. [Рец.]: Angelika Sievers. Ceylon. Gesellschaft und Lebensraum in den orientalischen Tropen. Eine sozialgeographische Landeskunde. Wiesbaden, 1964, 398 стр. 1966, 3, с. 184—186.
386. Кощевская Н. Н. Некоторые ранее открытые памятники и новейшие находки в Ифе [Западная Нигерия]. 1970, 3, с. 132—136.
387. Кощевская Н. Н. [Рец.]: W. Forman and B. Brentjes. Alte afrikanische Plastik. Leipzig, 1967, 1969, 3, с. 187—188.
388. Красновская Н. А. Основные этапы раннего периода этнической истории фриулов. [Резюме на английском яз.]. 1969, 6, с. 54—65.
389. Красновская Н. [А.] Три новые книги о фриулах. [Рец. на книги]: Giorgio Valussi. Friuli Venezia Giulia, Torino, 1961, 422 стр.; Gaetano Perusini. Vita di popolo in Friuli. Patti agrari e consuetudini tradizionali. Firenze, 1961, 280 стр.; Giuseppina Perusini Antonini. Mangiar friulano. Venezia, 1963, 90 стр. 1966, 1, с. 180—184.
390. Красновская Н. А. [Рец.]: Il folklore. Tradizioni vita e arti popolari. Testo a cura di Paolo Toschi. Milano, 1967, 1969, 2, с. 146—149.
391. Краснодербская Н. Г. [Рец.]: Страны и народы Востока. Выпуск V — Индия — страна и народ. Под общей редакцией акад. В. В. Струве и члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге. М., 1967, 270 стр. 1969, 2, с. 149—151. Крастья А.—см. Алсупе А., Думпе Л., Мугуревич Э., Крастья А., Слава М., Строд Х.
392. Кристенсен А. Э. Изучение истории судостроения в Дании, Швеции и Норвегии. [Перевод С. А. Арутюнова. Резюме на английском яз.]. 1966, 6, с. 17—29.
393. Крупянская В. Ю., Маслова Г. С. [Рец.]: Г. Г. Громов. Методика этнографических экспедиций, М., 1966, 119 стр. 1967, 6, с. 140—143.
394. Крупянская В. Ю., Рабинович М. Г., Соколова В. К., Токарев С. А. Павел Иванович Кушнер (Кнышев). 1889—1968. [Некролог. Приложен список основных трудов П. И. Кушнера (Кнышева)]. 1968, 3, с. 178—181.
- Крупянская В. Ю.—см. Анохина Л. А., Крупянская В. Ю., Шмелева М. Н.
395. Крюков М. В. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации (к постановке вопроса). [Публикуется в дискуссионном порядке. Резюме на английском яз.]. 1967, 6, с. 83—94.
396. Крюков М. В. [Рец.]: В. С. Стариков. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М., 1967, 255 стр. 1970, 3, с. 191—193.
397. Крюков М. В. [Рец.]: Наоэ Хироэ. Тюгоку-но миндзо-кугаку. (Этнография Китая). Токио, 1967, 309 стр. (на японском яз.). 1968, 3, с. 155—157.
398. Крюков М. [В.] Ценное исследование по истории систем родства. [Рец.]: Го Мин-кунь. Исследование семейной организации и языка китайцев (на японском яз.). Токио, 1964, 564 стр. 1966, 4, с. 196—198.
- Крюков М. В.—см. Джарылгасинов Р. Ш., Крюков М. В.
- Крюков М. В.—см. Джарылгасинов Р. Ш., Крюков М. В., Суперанская А. В., Членов М. А.
399. Крывелев И. А. В. И. Ленин о социальных корнях религии. [Резюме на английском яз.]. 1970, 1, с. 72—82.
400. Крывелев И. А. К характеристике сущности и значения религиозного поведения. [Резюме на английском яз.]. 1967, 6, с. 21—31.
401. Крывелев И. А. Маркс и некоторые проблемы этнографии (К 150-летию со дня рождения К. Маркса). [Резюме на английском яз.]. 1968, 2, с. 3—21.
402. Куббель Л. Е. Вопросы развития современной культуры стран Африки в свете ленинского учения о культурной преемственности. [Резюме на английском яз.]. 1970, 2, с. 47—56.
403. Куббель Л. Е. Доколониальная Африка в трудах Ш. А. Диопа. 1969, 4, с. 156—164.
404. Куббель Л. Е. Материалы по социально-экономическим отношениям у народов Эфиопии в трудах А. К. Булатовича (Экспедиции 1896—1899 гг.). 1967, 3, с. 109—112.
- Куббель Л. Е.—см. Андрианов Б. В., Куббель Л. Е.
405. Кудрявцев М. К. О некоторых особенностях деревенских общин в Северной Индии. [Резюме на английском яз.]. 1970, 4, с. 62—73.
406. Кудрявцев М. К. [Рец.]: М. С.

- Pradhan. The political system of the Jats of Northern India. Bombay, 1966, 275 стр. 1968, 5, с. 172—174.
407. Курйлов Г. Н. О терминах родства и свойства тундрных юкагигов. 1969, 2, с. 92—96.
Курсков Ю. [В]. — см. Маслова Г. [С.], Санникова Н. [П.], Курсков Ю. [В.]
408. Курьлев В. П. Об общинных отношениях в деревнях современной Турции. [Резюме на английском яз.]. 1969, 4, с. 79—85.
409. Кутшеба-Пойнарова А. Польская этнография в системе мировой науки. Предмет и методы исследований. [Резюме на английском яз.]. 1969, 6, с. 42—53.
410. Кушева Е. Н. [Рец.]: В. К. Гарданов. Общественный строй адыгских народов (XVIII—первая половина XIX в.). Издательство «Наука», М., 1967, 331 стр. 1969, 2, с. 143—145.
411. Лавров Л. И. К попытке чтения майкопской надписи [По поводу статей Г. Ф. Турченинова «Древнейший письменный памятник Кавказа», опубликованной в «Вестнике древней истории», 1965, № 3 и 1966, № 2 и «Les révélations de la pierre inserite de Maikop» («Archeologia», Paris, 1966, N 12.)]. 1967, 2, с. 203—205.
412. Лавров Л. И. Об интерпретации Ш. Б. Ногмовым кабардинского фольклора [в его труде «История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев»]. 1969, 2, с. 136—141.
413. Лавров Л. И. [Рец.]: П. М. Дебиров. Резьба по камню в Дагестане. Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. М., 1966, 208 стр. 1968, 2, с. 164—165.
414. Лазарашвили Г. Р. О времени переселения осетин в Грузию. 1966, 2, с. 101—109.
415. Лазарев А. И. [Рец.]: В. Е. Гусев. Эстетика фольклора. Л., 1967, 319 стр. 1969, 1, с. 172—174.
416. Лазарев М. С. [Рец.]: Т. Ф. Аристова. Курды Закавказья. (Историко-этнографический очерк). М., 1966, 210 стр. 1967, 2, с. 183—185.
417. Лазутин С. Г. [Рец.]: Современный русский фольклор. Сб. статей. М., 1966, 256 стр. [Ответственный редактор Э. В. Померанцева]. 1967, 5, с. 195—198.
418. Лашук Л. П. В. И. Ленин о земляческих и национальных связях. [Резюме на английском яз.]. 1970, 1, с. 48—58.
419. Лашук Л. П. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников. [Резюме на английском яз.]. 1967, 4, с. 25—39.
420. Лашук Л. П. О некоторых аспектах трактовки первичной формации. [Резюме на английском яз.]. 1970, 5, с. 72—88.
421. Лашук Л. П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов. [В связи с опубликованной («Советская этнография», 1967, № 2) дискуссионной статьей В. И. Козлова «О понятии этнической общности». Резюме на английском яз.]. 1968, 1, с. 95—106.
422. Лебедев К. А. [Рец.]: Афганский русский словарь. Составил М. Г. Асламов. М., 1966. 1967, 5, с. 202—203.
423. Лебедева А. А. Анкета как этнографический источник. (По материалам сплошного подводного обследования 1897 г. в Забайкалье). 1967, 1, с. 99—103.
424. Лебедева А. А. Научная конференция «Памятники культуры русского Севера» [7—12 июля 1966 г. в Архангельске]. 1966, 6, с. 117—122.
425. Лебедева А. А. Научная конференция по вопросам изучения и охраны памятников Сибири и Дальнего Востока [17—22 июня 1969 г. в Тобольске]. 1970, 4, с. 158—163.
426. Лебедева А. А. [Рец.]: Е. П. Бусыгин. Русское сельское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры XIX—начала XX в. Казань, 1966, 400 стр. с илл. 1969, 1, с. 174—176.
427. Лебедева А. А. [Рец.]: Сокровища русского народного искусства. Резьба и роспись по дереву. [Авторы: С. К. Просвирина, С. К. Жегалова, З. П. Попова, Ю. С. Черняховская, С. Г. Жижина.]. 1967, 262 стр., илл. 1969, 6, с. 158—159.
428. Лебедева А. А., Рождественская С. Б. Новая экспозиция Загорского Государственного историко-художественного музея-заповедника. 1968, 1, с. 168—173.
429. Лебедева А. А., Смоляк А. В. Сессия Ученого совета научно-исследовательского Института художественной промышленности по итогам научной экспедиционной работы 1964—1965 гг. [в Москве]. 1966, 2, с. 139—145.
430. Левин Ю. И. Об описании систем терминов родства. [Резюме на английском яз.]. 1970, 4, с. 18—30.
431. Лейнасаре И. К вопросу о видах поселений в Латвии в XIII—XIV вв. [Резюме на английском яз.]. 1966, 1, с. 52—58.
432. Линтур П. В. Современное состояние фольклорной традиции в Закарпатье. 1968, 2, с. 121—127.
433. Липец Р. С. К вопросу о генезисе былин (город в русском эпосе). [Резюме на английском яз.]. 1967, 6, с. 42—52.
434. Липец Р. С. [Рец.]: И. М. Линдер. Шахматы на Руси. М., 1964, 162 стр. 1966, 5, с. 178—180.
435. Липинская В. А. Некоторые черты современной материальной культуры русского населения Алтайского края. 1968, 2, с. 96—105.
436. Липский А. Н. К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов [По поводу книги Л. Р. Кызласова «Таштыкская эпоха в истории хакасско-минусинской котловины». М., 1960]. 1966, 1, с. 105—118.
437. Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Буддийский сюжет в живописи Средней Азии (К интерпретации сцен

- дароносцев из Аджина-Тепе). 1968, 3, с. 106—112.
438. Лобачева Н. П. О формировании новой свадебной обрядности у народов Узбекистана. [Резюме на английском яз.]. 1967, 2, с. 15—25.
439. Лозе И. Глиняные фигурки из неолитических стоянок Восточной Прибалтики. [Резюме на английском яз.]. 1970, 3, с. 48—61.
440. Лопес-Вальдес Р. Индейцы на Кубе. [Резюме на английском яз.]. 1968, 2, с. 56—68.
441. Лукин Б. В. Неизвестное собрание акварелей Панчо Фиерро в Советском Союзе (Новые материалы для изучения этнографии и искусства Перу). 1967, 1, с. 104—115.
442. Лукин Б. В. [Рец.]: M. Barnet. Biografía de un cimarrón. La Habana, 1966, 229 стр. 1967, 5, с. 203—205.
443. Лукшайте И. К. Об обычае двойного выкупа за женщину по литовскому праву. 1968, 2, с. 114—120.
444. Лукьянченко Т. В. Жилище саамов (лопарей) Кольского полуострова конца XIX—начала XX века. [Резюме на английском яз.]. 1966, 6, с. 3—16.
445. Мак Дыонг. Основные этапы развития этнографических знаний во Вьетнаме. [Резюме на английском яз.]. 1970, 2, с. 91—99.
446. Мак Дыонг, Стратанович Г. Г. Чан-Хой-Лнеу. [Некролог]. 1969, 6, с. 181—182.
447. Макаренко В. А. [Рец.]: Apolinar B. Parale. Facts and issues on the Pilipino language. Malabon, 1969; XIII, 294 стр. 1970, 4, с. 171—174.
448. Макашина Т. И. Сессия, посвященная итогам полевых этнографических и археологических исследований 1969 года [11—17 марта 1970 г. во Львове]. 1970, 6, с. 139—143.
449. Малиновский Л. В. Жилище немцев-колонистов в Сибири. 1968, 3, с. 97—105.
450. Мамбетов Г. Х. [Рец.]: Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967 гг.). М., 1968, 348 стр. 1970, 1, с. 182—186.
451. Маретина С. А. Изучение общественного строя у малых народов северо-восточной Индии. 1968, 6, с. 144—152.
452. Марков Г. Е. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии. [Резюме на английском яз.]. 1970, 6, с. 74—89.
453. Марков Г. Е. [Рец.]: Я. Р. Винников. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969. 1969, 4, с. 171—174.
Маркова Л. В.—см. Златковская Т. Д., Иванова Ю. В., Маркова Л. В.
454. Марковин В. И. Памятники искусства и культуры древнего Кавказа. 1970, 3, с. 125—131.
455. Маслова Г. С. Бытовые сюжеты в русской народной вышивке. 1970, 6, с. 119—127.
456. Маслова Г. С. Изменение традиционного рязанского народного костюма за годы Советской власти. (По материалам Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР). 1966, 5, с. 102—117.
457. Маслова Г. [С.], Санников А. [П.], Курсков Ю. [В.]. [Рец.]: Р. Ф. Тароева. Материальная культура карел (Карельская АССР). Этнографический очерк. М.—Л., 1965. 223 стр. Приложение (I—XVII таблиц иллюстраций). 1966, 4, с. 176—181.
458. Маслова Г. С., Терентьева Л. Н. Исследование о латышской народной одежде. [Рец. на книгу]: M. K. Slave. Latviesu tautas teēpi «Archeologija un etnografija». Rakstu krajums, VII. Rīga, 1966, 167 стр., 38 табл. 1967, 6, с. 147—150.
Маслова Г. С.—см. Брук С. И., Маслова Г. С.
Маслова Г. С.—см. Крупянская В. Ю., Маслова Г. С.
Матвеев В. В.—см. Ольдерогге Д. А., Матвеев В. В.
459. Матвеев К. П. Из истории несторианства в Индии. [Приложена карта: Крупнейшие христианские центры на Малабарском побережье]. 1968, 6, с. 123—127.
460. Международное совещание коммунистических и рабочих партий и советская этнографическая наука. 1969, 6, с. 3—9.
461. Мелетинский Е. М. [Рец.]: N. K. Chadwick and V. Zhirmunsky. Oral epics of Central Asia. Cambridge University Press, 1969, 366 стр. 1970, 2, с. 176—178.
462. Мелетинский Е. М. [Рец.]: The Anthropologist Looks at Myth. Compiled by Mellville Jacobs. Edited by John Grewenway. Published for the American Folklore Society by the University of Texas Press, Austin—London, 1966 (статьи: W. A. Lessa, D. R. Sceels, D. V. Hart и H. C. Hart, J. L. Fischer, W. La Barre, G. R. Horner, K. Luomala, R. M. Berndt, C. H. Berndt, R. F. Spencer). 1967, 2, с. 178—181.
463. Мелетинский Е. М., Померанцева Э. В. V конгресс по изучению устной прозы [26—31 августа 1969 г. в Бухаресте]. 1970, 4, с. 163—164.
464. Мельц М. Я. Неосуществленный фольклорно-библиографический замысел П. К. Симони. 1969, 2, с. 97—102.
465. Мельц М. Я. «Указатель этнографической литературы» А. Н. Пыпина. 1966, 5, с. 149—155.
Митлянская Т. Б.—см. Карахан И. Л., Митлянская Т. Б.
466. Михаил Владимирович Витов. (1923—1968). [Некролог. Приложен список основных работ М. В. Витова]. 1969, 2, с. 156—157.
467. Михаил Михайлович Герасимов. [Некролог. Приложен список основных трудов М. М. Герасимова]. 1970, 5, с. 171—173.
468. Михайлов Т. [Рец.]: А. И. Уланов. Бурятский героический эпос. Улан-Удэ, 1963, 320 стр. 1966, 3, с. 172—174.

469. Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства и быт населения в армянской деревне второй половины XIX века. [Резюме на английском яз.]. 1968, 4, с. 14—29.
470. Мкртумян Ю., Сехбосян К. [Рец.]: Д. Вардумян, Э. Карапетян. Семья и семейный быт колхозников Армении. Ереван, 1963, 126 стр. (на армянском яз.). 1966, 4, с. 187—190.
471. Мовчан Г. Я. Камень и дерево в старинном жилище Аварии. [Резюме на английском яз.]. 1969, 3, с. 51—64.
472. Можейко З. Я. Коляда в белорусском полесском селе. [Приложены нотные примеры]. 1969, 3, с. 127—135. Мокшин Н.—см. Кавтаськин Л., Мокшин Н.
473. Молотова Л. Н. Головные уборы русского Севера. (Обзор фондов ГМЭ). 1970, 3, с. 120—124.
474. Молчанов В. В. Симпозиум, посвященный комплексному методу изучения народного искусства [21 апреля 1969 г. в Ленинграде]. 1970, 2, с. 174.
475. Молчанова Л. А. Орудия уборки зерновых и производственные постройки белорусов в конце XIX—начале XX в. (Материалы к Историко-этнографическому атласу). [Приложены карты: 1. Распространение типов сушилок для зерновых культур в конце XIX в. 2. Складывание снопов в стоги (конец XIX—начало XX в.)]. 1968, 3, с. 77—92. Моногарова Л. Ф.—см. Андрианов Б. В., Моногарова Л. Ф. Моногарова Л. Ф.—см. Золотарева И. А., Моногарова Л. Ф.
476. Москаленко А. П. История и современный состав населения Чили. [Резюме на английском яз.]. 1966, 1, с. 59—67. Моухова Б.—см. Буриан Я., Моухова Б.
477. Мочанов Ю. А. Древнейшие культуры Америки. [Резюме на английском яз.]. 1966, 4, с. 83—99.
478. Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения Северо-Восточной Азии и Аляски. (К вопросу о первоначальных миграциях человека в Америку). [Резюме на английском яз.]. 1969, 1, с. 79—86. Мугуревич Э.—см. Алсупе А., Думпе Л., Мугуревич Э., Крастыня А., Слава М., Строд Х.
479. Мурзаев Э. М. [Рец.]: «Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования». М., 1969, 168 стр. [Редакторы С. П. Толстов, Б. В. Андрианов]. 1970, 6, с. 157—160.
480. Мухлинов А. [Рец.]: Вьонг-хоанг-Туйен. Народы южноазиатского происхождения в Северном Вьетнаме. Ханой, 1963, 208 стр., 12 л. илл., табл., рис. (на вьетнамском яз.). 1966, 5, с. 183—186.
481. Наталия Федоровна Прыткова (1904—1966). [Приложен список опубликованных работ Н. Ф. Прытковой]. 1966, 4, с. 162—163.
482. Неменова Р. Л. Сложение таджикского населения Варзоба. [Приложение на карта: Варзоб и его население. Резюме на английском яз.]. 1969, 5, с. 31—44.
483. Никонов В. А. Личное имя — социальный знак. 1967, 5, с. 154—168.
484. Никулина Л. В. [Рец.]: L. W. Jones. The Population of Borneo. A study of the people of Sarawak, Sabah and Brunei. University of London, 1966, 213 стр. 1968, 2, с. 169—171.
485. Нитобург Э. Л. Ленин о негритянском вопросе в США. [Резюме на английском яз.]. 1970, 2, с. 33—46.
486. Нитобург Э. Л. О сдвигах в размещении и структуре населения Венесуэлы. [Резюме на английском яз.]. 1967, 1, с. 54—67.
487. Нитобург Э. Л. Субурбанизация и негритянские гетто в США. [Приложена карто-схема территории черных гетто. Чикаго в 1940 и 1960 гг. Резюме на английском яз.]. 1968, 5, с. 65—78.
488. Нитобург Э. Л. Страна идет к расколу... [Рец. на книгу]: «Report of the National Advisory Commission on Civil Disorders». New York. 1968, 609 стр. 1969, 6, с. 147—151.
489. Новиков Н. В. Научная конференция «Фольклор и этнография» [26—29 марта 1968 г. при Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР]. 1968, 5, с. 143—149. Новиков Ю. Ф.—см. Громов Г. Г., Новиков Ю. Ф.
490. Новикова В. А. Современное изучение бенгальского фольклора в Индии и Пакистане. 1969, 5, с. 98—105.
491. Носова Г. А. Картографирование русской масленичной обрядности (На материалах XIX—начала XX века). [Приложены карты: 1. Распространение вариантов масленичной обрядности; 2. Распространение элементов масленичной обрядности. Резюме на английском яз.]. 1969, 5, с. 45—56.
492. Обсуждение статьи, Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия». [Обсуждение статьи, опубликованной в «Советской этнографии» (1969, № 6), состоялось 5 февраля 1970 г. в Институте этнографии АН СССР на совместном заседании двух теоретических семинаров (методологическом и по национальным проблемам)]. 1970, 3, с. 86—103.
493. Овсянников О. В. Заметки о северных костерезах. 1969, 4, с. 114—122.
494. Окладников А. П. К истории культурно-этнических связей населения Евразии в III—II тысячелетии до н. э. («Утожик» и «човники» — атлатль?). 1966, 1, с. 119—126.
495. Окладников А. П. [Рец.]: П. И. Борисковский. Первобытное прошлое Вьетнама. М.—Л., 1966, 1967, 2, с. 185—189.
496. Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Дальневосточный очаг древнего земледелия. [Резюме на английском яз.]. 1969, 2, с. 3—14.
497. Оли Р. Африканистика в народной Польше. 1966, 1, с. 142—145.

498. Ольга Антоновна Корбе. (1895--1966). 1966, 4, с. 157—158.
499. Ольдерогге Д. А. Первый Всемирный фестиваль негрских искусств [в Дакаре с 30 марта по 20 апреля 1966 г.]. 1967, 3, с. 145—154.
500. Ольдерогге Д. А. [Рец.]: Z. Ligers, Les Sorko (Bozo) Maitres du Niger. Etude ethnographique. Ouvrage publié avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. Paris, 1964, т. I—XVI+199 стр., 16 стр. илл.; 1966, т. II—XVI+205 стр., 16 стр. илл. 1967, I, с. 176—179.
501. Ольдерогге Д. А., Матвеев В. В. Василий Васильевич Струве. (1889—1965). 1966, 2, с. 148—150.
502. Омаров А. [Рец.]: Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х.—М. Хашаева. М., 1965, 280 стр. 1967, I, с. 174—176.
503. Онохов А. А. Вовлечение общинной знати Берега Слоновой Кости в товарное производство. [Резюме на английском яз.]. 1968, 3, с. 37—48.
504. Оранский И. М. Научная командировка в долины Гиссара и Сурхандарьи. 1966, 4, с. 127—129.
505. Ортутан Д. Традиционное и новое в народной культуре. [Резюме на английском яз.]. 1970, 4, с. 58—61. Освальт У. Х.—см. Стоун Ван Дж. У., Освальт У. Х.
506. Остапенко Л. В. Деревня Гадыхи сегодня. 1970, 5, с. 102—111. Остроухов Г. А.—см. Вайнштейн С. И., Остроухов Г. А.
507. Охрименко Г. И. Русская домовая роспись Забайкалья. 1966, 1, с. 127—141.
508. Охрименко П. П. [Рец.]: Беларуская народная вуснапаэтычная творчасць, Гісторыка-тэарэтычнае даследаванне. [Редакторы: П. Ф. Глебка, И. В. Гуторов, М. Я. Гринблат]. Мінск, 1967, 390 стр. 1969, 6, с. 161—162.
509. Пакраси Канти. О некоторых социально-исторических факторах, влияющих на соматические особенности бенгальских брахманов. [Резюме на английском яз.]. 1968, 6, с. 84—98.
510. Панян А. Е. Изменения в структуре и численности сельской семьи у армян за годы Советской власти. 1968, 4, с. 93—103.
511. Панян А. Е. Новый быт колхозников села Мргаван Арташатского района Армянской ССР. 1967, 2, с. 130—139.
512. Пачулиа В. П. Туризм и национальные традиции. 1969, 5, с. 91—93.
513. Пеертхум С. Маврикий—новое независимое африканское государство. [Приложена карта]. 1969, 1, с. 122—128.
514. Пелих Г. И. О методе научной классификации сибирских петроглифов. [Резюме на английском яз.]. 1968, 3, с. 68—76.
515. Першиц А. И. К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности. [Резюме на английском яз.]. 1970, 2, с. 106—109.
516. Першиц А. И. [Рец.]: И. А. Крывелев. Происхождение религии. М., 1968. 1969, 3, с. 171—172.
517. Першиц А. И., Чебоксаров Н. Н. Полвека советской этнографии. [Резюме на английском яз.]. 1967, 5, с. 3—24. Першиц А. И.—см. Долгих Б. О., Першиц А. И.
518. Першиц Ю. И. О методике сопоставления показателей однонациональной и смешанной брачности. 1967, 4, с. 129—136.
519. Петр Васильевич Линтур. [Некролог. Приложен список основных трудов П. В. Линтура]. 1969, 4, с. 195—197.
520. Петрова Т. В. [Рец.]: Lilly de Jongh Osborne. Indian crafts of Guatemala and El Salvador. Norman, Oklahoma, 1965, 280 стр., илл. 1968, 3, с. 157—159.
521. Пименов В. В. О некоторых закономерностях в развитии народной культуры. [Резюме на английском яз.]. 1967, 2, с. 3—14.
522. Пименов В. В. Чудские предания как источник по этнокультурной истории Европейского Севера СССР. [Резюме на английском яз.]. 1968, 4, с. 30—42.
523. Пименов В. В. [Рец.]: Ю. А. Сазватеев. Рисунки на скалах. Петрозаводск, 1967, 156 стр., библиография. 1968, 3, с. 150. Пименов В. В.—см. Васильева Э. К., Пименов В. В., Христоробова Л. С.
524. Плисецкий М. М. [Рец.]: Р. С. Липец. Эпос и Древняя Русь. М., «Наука», 1969, 302 стр. 1970, 2, с. 179—182.
525. Плужникова С. Н. [Рец.]: Belorussische Volksmärchen. Herausgegeben von L. G. Barag. Academie—Verlag, Berlin, 1966, 648 стр., 1968, 5, с. 170—171.
526. Позднеев А. В. Народные лирические песни XVIII века. 1968, 5, с. 117—122.
527. Покшишевский В. В. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения. [Резюме на английском яз.]. 1969, 5, с. 3—15.
528. Покшишевский В. В. [Рец.]: Изучение воспроизводства населения (Сборник статей). «Ученые записки по статистике», т. XIV, Центральный экономико-математический институт АН СССР, М., 1968, 334 стр. [Редколлегия: Т. В. Рябушкин, А. Г. Волков и др.], 1969, 4, с. 165—168.
529. Покшишевский В. В. [Рец.]: Ю. Л. Пивоваров. Население социалистических стран зарубежной Европы. Структурно-географические сдвиги. М., 1970, 176 стр. 1970, 4, с. 169—170.
530. Полищук Н. С. Сессия, посвященная итогам полевых этнографических исследований 1967 года. [15—20 апреля 1968 г. в Москве]. 1968, 5, с. 137—143.

531. Померанцева Э. В. Международная конференция по изучению устной прозы [в сентябре 1966 г. в Либлице под Прагой]. 1967, 4, с. 162—165.
532. Померанцева Э. В. [Рец.]: E. Hexelschneider. Die Russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. Berlin, 1967, 265 стр. 1968, 2, с. 167—169.
533. Померанцева Э. В. [Рец.]: P. Nedo. Grundriss der Sorbischen Volksdichtung. Bautzen, 1966, 284 стр. 1968, 3, с. 154—155.
534. Померанцева Э. В., Смирнов Ю. М., Цветана Романска. [Некролог. Приложен список основных работ Цв. Романской]. 1969, 5, с. 185—186.
535. Померанцева Э. В., Соколова В. К., Чистов К. В. О статье У. Далгат, Н. Кидайш-Покровской и И. Пухова «В плену предвзятой схемы» [о книге Е. М. Мелетинского «Пронхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники» (М., 1963), опубликованной в «Советской этнографии» (1965, № 5). Резюме на английском яз.]. 1966, 1, с. 99—104.
536. Померанцева Э. В., Терентьева Л. Н. Вольфганг Штейниц. (1905—1967). 1967, 4, с. 187—189.
537. Померанцева Э. В., Труфанов И. П., Филимонова Т. Д. [Рец.]: «Arbeit und Volksleben». Veröffentlichungen des Instituts für mitteleuropäische Volksforschung an der Philipps-Universität Marburg/Lahn, Bd. 4, Göttingen, 1967, 442 стр. 1969, 3, с. 178—183.
- Померанцева Э. В.—см. Мелетинский Е. М., Померанцева Э. В.
538. Поршнева Б. Ф. Проблема реликтовых палеоантропов. 1969, 2, с. 115—130.
539. Постникова Н. М. Антропологическая характеристика средневекового населения Болгарии (IV—XV и XIX—XX вв.) (Предварительное сообщение). 1966, 6, с. 90—97.
540. Потапов Л. П. [Рец.]: Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. XII. Кызыл, 1967, 277 стр.; вып. XIII, Кызыл, 1968, 353 стр. [Авторы: Н. А. Сердобов, Л. В. Гребнев и др.]. 1970, 6, с. 161—163.
- Потапов Л. П.—см. Абрамзон С. М., Потапов Л. П.
541. Похвалин В. Н. [Рец.]: G. G. Manizer. A expedição do académico Langsdorff no Brasil (1821—1828). Tradução de russo por Oswaldo Peralva São Paulo, 1967, 244 стр. 1968, 3, с. 159—160.
542. Празиускас А. А. [Рец.]: Nepali Gopal Singh. The Newars. An ethno-sociological study of a Himalayan community. Bombay, 1965, XI, 476 стр., 61 илл. 1968, 1, с. 189—192.
543. Пранда А. К некоторым вопросам теории изучения народной культуры. [Резюме на английском яз.]. 1969, 4, с. 66—78.
- Прилипка Я. П.—см. Гуслицкий К. Г., Горленко В. Ф., Прилипка Я. П.
544. Проодедь М. Э. О работе местных корреспондентов фольклорного отдела Литературного музея АН Эстонской ССР. [Приложена карта: Сеть местных корреспондентов литературного музея АН Эстонской ССР (1964—1967)]. 1968, 1, с. 126—129.
545. Пропп В. Я. [Рец.]: К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды. XVII—XIX вв. Издательство «Наука», М., 1967, 340 стр. 1969, 2, с. 141—143.
546. Пропп В. Я. [Рец.]: Русский фольклор. Библиографический указатель, 1917—1944. Л., 1966, 683 стр.; Русский фольклор. Библиографический указатель, 1960—1965. Л., 1967, 539 стр. Составила М. Я. Мельц. Под редакцией А. М. Астаховой и С. П. Луппова. Изд. Института русской литературы (Пушкинский Дом) и Библиотеки АН СССР. 1968, 3, с. 153—154.
547. Прусаков А. П. Фольклор московских рабочих в предоктябрьское десятилетие. 1970, 4, с. 107—114.
548. Путилов Б. Н. Аниа Михайловна Астахова. (К 80-летию со дня рождения). 1966, 5, с. 156—157.
549. Путилов Б. Н. XII конгресс Союза фольклористов Югославии. [6—10 сентября 1965 г. в Целе (Словения)]. 1966, 1, с. 166—168.
550. Путилов Б. [Н.]. Новейшие труды югославских ученых об эпосе [Критический обзор работ: «Narodne epske pjesme», 1 (Priredio O. Delorko), 11 (Priredila M. Bošković-Stulli), Zagreb, 1964; Matih C. Наш народni ep i naš stih. Матица Српска, 1964; Крстић Б. Постанак и развој народних песама о Косовском боју «Трећи Конгрес фолклориста Југославије», Цетинје, 1958; Меденица Р. Бановић Страхинја у кругу варијаната и тема о невери жене у народној епизи. «Српска академија наука и уметности. Посебна издања. Одељење литературе и језика», књ. 14. Београд, 1965; Nazečić S., Jz naše narodne epike. I dio. Hajdučke borbe oko Dubrovnika i naša narodna pjesma (prilog proučavanju postanka i razvoja naše narodne epike), Sarajevo, 1959; Kumer Z. Balada o nevisti detomorkilki, «Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede», Dela 17, Institut za slovenske narodopisje, 6, Ljubljana, 1963; Bošković-Stulli M. Hrvatskosrpska narodna književnost u svjetlu nekih komparativnih proučavanja. «Narodna umjetnost», knj. 2, Zagreb, 1963 и др.]. 1966, 3, с. 159—166.
551. Путилов Б. Н. Современное состояние славистической фольклористики. [Резюме на английском яз.]. 1968, 3, с. 3—15.
552. Путилов Б. Н. Три недели в Болгарии [в июле 1969 г.]. 1970, 1, с. 163—168.
553. Путилов Б. Н. XIV Конгресс

- фольклористов Югославии [в Призрене]. 1968, 2, с. 152—153.
554. Пучков П. И. Науру — новое независимое государство Океании. [Приложена карта: Остров Науру и его географическое положение]. 1969, 2, с. 73—80.
555. Пушкарёв Л. Н. [Рец.]: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. IV, 1968, 234 стр. («Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», новая серия, т. 94). [Ответственный редактор Р. С. Липец]. 1969, 4, с. 168—171.
556. Рабинович М. Г. Древний ландшафт и жилище. (О двух типах древнерусского жилища в Волго-Окском междуречье). [Приложена схематическая карта распространения типов древнерусского жилища в геоботанических районах. Резюме на английском яз.]. 1969, 2, с. 15—23.
557. Рабинович М. [Г.], Формозов А. [А.]. [Рец.]: С. А. Токарев. История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966, 456 стр. 1966, 6, с. 131—139.
- Рабинович М. Г.—см. Крупнянская В. Ю., Рабинович М. Г., Соколова В. К., Токарев С. А.
558. Раковский С. Н. Внутренние миграции населения и сдвиги в этнической географии зарубежных социалистических стран Европы. [Резюме на английском яз.]. 1969, 4, с. 54—65.
559. Ранов В. А. Несколько замечаний по статье С. П. Гупты «Обзор современного состояния первобытной археологии Индии в свете новых открытий в Средней Азии». 1968, 4, с. 114—117.
560. Ранов В. А., Гурский А. В. Краткий обзор наскальных рисунков Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. [Приложена карта-схема находок наскальных рисунков в Горно-Бадахшанской области]. 1966, 2, с. 110—119.
561. Рапов Ю. М. Была ли вервь «Русской правды» патронимизм? [Резюме на английском яз.]. 1969, 3, с. 106—117.
- Рапопорт Ю. А.—см. Жданко Т. А., Рапопорт Ю. А., Чебоксаров Н. Н.
562. Рапопорт П. А. [Рец.]: Историко-этнографический атлас «Русские». [Под редакцией В. А. Александро-ва, В. И. Козлова, П. И. Кушнера (отв. редактор), М. Г. Рабиновича. М., 1967]. 1970, 1, с. 181—182.
563. Рассудова Р. Я. Следы общинно-военной организации у узбеков. 1968, 5, с. 111—116.
- Ревуненкова Е. В.—см. Косиков И. Г., Ревуненкова Е. В.
564. Решетов А. М. Вторая ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР [27—30 мая 1968 г.]. 1968, 6, с. 133—136.
565. Решетов А. М. Симпозиум «История и традиции отечественного востоковедения на Дальнем Востоке» [25—26 марта 1969 г. во Владивостоке]. 1970, 3, с. 172—173.
566. Решетов А. М. III Всесоюзная конференция по истории, культуре и филологии Древнего Востока [3—8 февраля 1966 г. в Москве]. 1967, 2, с. 156—162.
567. Решетов А. М. Третья ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР [10—13 июня 1969 г. Сессия была посвящена 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса]. 1969, 6, с. 131—134.
- Решетов А. М.—см. Иванова Е. В., Решетов А. М.
- Решетов А. М.—см. Чебоксаров Н. Н., Решетов А. М.
568. Рикман Э. А. Некоторые черты общественного строя племен низовьев Днестра и Дуная в первых веках нашей эры. [Резюме на английском яз.]. 1970, 6, с. 27—35.
569. Рикман Э. А. Поздние сарматы Днестровско-Дунайского Междуречья. [Приложена карта распространения позднесарматских памятников Днестровско-Дунайского междуречья. Резюме на английском яз.]. 1966, 1, с. 68—88.
570. Робакидзе А. И. Новые исследования по истории социальной организации у армян. [Рецензия на книги]: Э. Т. Карапетян. Армянская семейная община. Ереван, 1958, стр. 1—141; ее же. Родственная группа «азг» у армян. Ереван, 1966, стр. 1—153 (Резюме на армянском яз.). 1968, 2, с. 157—161.
571. Робакидзе А. И. Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа. (В связи с вопросом о соотношении патронимии, рода и семьи). [Резюме на английском яз.]. 1968, 5, с. 93—104.
- Робакидзе А. И.—см. Кобычев В. П., Робакидзе А. И.
572. Рогинский Я. Я. М. М. Герасимов. (К 60-летию со дня рождения). 1967, 4, с. 151—152.
573. Рогинский Я. Я. О первоначальном заселении Полинезии (По материалам антропологии). [Резюме на английском яз.]. 1966, 5, с. 75—80.
574. Рождественская С. Б. Просечное железо — декоративный элемент жилища рабочих (по материалам Горьковской области). 1970, 3, с. 104—113.
575. Рождественская С. [Б.]. [Рец.]: В. Т. Зинич. Социалистичні перетворення поростки нового комуністичного в культурі та побуті робітників Радянської України. Київ, 1963, 176 стр. 1966, 1, с. 177—179.
576. Рождественская С. Б. [Рец.]: Русские художественные промыслы. Вторая половина XIX—XX в. М., 1965, 266 стр., илл. [Авторы: В. М. Вишневская, Е. Н. Хохлова, Т. М. Разина, Н. И. Каплан, Е. Г. Яковлева, Н. Н. Иванова, О. С. Попова.]. 1967, 6, с. 143—147.
- Рождественская С. Б.—см. Ле-

- бедева А. А., Рождественская С. Б.
577. Розенфельд А. З. Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения Советского Бадахшана. 1970, 3, с. 114—119.
578. Розенфельд А. З. Обзор новых изданий по таджикскому фольклору. [Рецензия на книги]: Афсонаҳои Самарканд, ҷилди, якум, тартибдиҳанда Баҳром Шермухаммадов, ба ҷоп тайёркунандагони материали фольклори Ф. Зеҳниева ва Б. Шермухаммадов. Мухарири масъул Бозор Тилавов, Душанбе, 1954, 271 стр. (Самаркандские сказки, часть первая, составитель Б. Шермухаммадов. К изданию фольклорный материал подготовили Ф. З. Зеҳниева и Б. Шермухаммадов, ответственный редактор Б. Тилавов); Таронаҳои Самарканд, ҷилди дуюм, ба ҷоп тайёркунанда Баҳром Шермухаммадов, дар интихоб ва тартиб додани материали фольклори ширкат намуданд Б. Шермухаммадов, М. Миркамолова ва Ф. Зеҳниева, Мухарири масъул Бозор Тилавов, Душанбе, 1966, 340 стр. (Самаркандские песни. К печати подготовил Б. Шермухаммадов, в подборе и составлении принял участие Б. Шермухаммадов, М. Миркамолова, Ф. Зеҳниева, ответственный редактор Б. Тилавов); Рубоёнӣ ва сурудҳои халқи Бадахшон. Чамъкунанда ва тартибдиҳанда (собираатель и составитель Нисор Шакармухаммадов, редактор Р. Амонов. Душанбе, 1965, 116 стр.); Я. И. Калонтаров, Зарбулмасал ва мақолҳои тоҷики ва аналогияҳои русии онҳо, изд-во «Ирфон», Душанбе, 1965, 584 стр. (Я. И. Калонтаров. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими).] 1967, 4, с. 166—168.
579. Розина Л. Г. [Рец.]: А. Кондратов, Великаны острова Пасхи. М., 1966, 192 стр. с илл. 1967, 6, с. 152—153.
580. Розов Н. С., Дремов В. А. Материалы по палеоантропологии Среднего Приобья (Предварительное сообщение). [Приложена карта местоположения курганов первого и второго тысячелетия н. э. Среднего Приобья, антропологический материал из которых использован в данной работе]. 1966, 5, с. 125—131.
581. Росляков А. А. [Рец.]: Г. П. Васильева. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. [Автор главы «Общественная и культурная жизнь» В. Н. Басилов]. М., 1969. 1970, 5, с. 160—162.
582. Рудин С. Г., Эрман В. Г. [Рец.]: Proto-Indica: 1968 Brief report on the investigation of the Proto-Indian texts Academy of Sciences of USSR. Institute of Ethnography. М., 1968. [Авторы: Ю. В. Кнорозов, Б. Я. Волчек, Н. В. Гуров]. 1970, 1, с. 175—181.
583. Русинов Н. В. [Рец.]: G. Valcarcel. Perú mural de un pueblo. Apuntes marxistas sobre el Perú prehispánico. Lima, 1965, 416 p. 1969, 5, с. 175—177.
584. С. Т. [Рец.]: «Ethnologia Europaea», vol. 1, 1967, № 1, Paris. 1967, 4, с. 172—176.
585. Сабурова Л. М. Литература о новых обрядах и праздниках за 1963—1966 гг. (Основные вопросы и тенденции изучения). 1967, 5, с. 173—181.
586. Сабурова Л. М. По поводу статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агротнографических исследований». [Резюме на английском яз.]. 1967, 6, с. 76—82.
587. Сабурова Л. М. [Рец.]: В. И. Брудный. Обряды вчера и сегодня. М., 1968, 200 стр. 1969, 5, с. 156—159.
588. Сабурова Л. М. [Рец.]: Колхоз — школа коммунизма для крестьянства (Комплексное социальное исследование колхоза «Россия»). М., 1963, 359 стр. 1967, 3, с. 168—170.
589. Сабурова Л. М. [Рец.]: Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964, 354 стр. 1966, 5, с. 173—175.
590. Савватеев Ю. А. Петроглифы Карелии и наскальное искусство лесной полосы Евразии. [По поводу статьи А. А. Формозова «О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее» («Советская этнография», 1967, № 3). Приложена карта: Распространение наскальных изображений каменного века в Северной Европе (по Г. Хальстрему). Резюме на английском яз.]. 1969, 1, с. 87—104. Савушкина Н. И. — см. Аникин В. П., Савушкин Н. И.
591. Сагитов С. И. К вопросу о локализации легендарной местности Жидели-Байсуи по данным ботаники. 1968, 1, с. 130—133.
592. Садоков Р. Л. Путешествие в глубь веков в поисках музыки. 1968, 1, с. 148—163.
593. Садоков Р. Л. Тайна сладкозвучной арфы. (К историческому прошлому исчезнувшего среднеазиатского музыкального инструмента). 1970, 2, с. 150—165.
594. Садомская Н. Н. У порога коридоры. 1969, 6, с. 113—128.
595. Саливон И. И. Краниологическая характеристика населения Белоруссии XVII—XIX вв. в связи с некоторыми вопросами происхождения белорусов. [Приложена карта расселения восточнославянских племенных групп (середина IX — середина XI вв.) на территории Белоруссии, распространение диалектов белорусского языка и локализация белорусских краниологических групп XVIII—XIX вв. Резюме на английском яз.]. 1969, 4, с. 40—53.
596. Салманович М. Я. [Рец.]: Археология, этнография, искусствоведение Молдавии (Материалы и исследования). Кишинев, 1968, 185 стр. илл. [Редакция: В. С. Зеленчук, М. Я. Лившиц и др.]. 1969, 4, с. 174—176.

597. Сальников К. В. Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время. 1966, 5, с. 118—124.
598. Санаров В. И. Элементы древних верований в религии цыган. [Резюме на английском яз.]. 1968, 1, с. 32—45.
599. Санникова А. П. Изменения в структуре и численности семьи у рабочих Карельской АССР. 1970, 4, с. 97—106.
- Санникова А. [П.]—см. Маслова Г. [С.], Санникова А. [П.], Курсков Ю. [В.].
600. Свет Я. М. [Рец.]: Бартоломе де Лас Касас. История Индии, перевод с испанского. Издание, подготовленное В. Л. Афанасьевым, Я. И. Плавским, Д. П. Прицкером и Г. В. Степановым. Серия «Литературные памятники». Издательство «Наука», Л., 1968. 1969, 3, с. 182—186.
601. Свет Я. М. [Рец.]: H. R. Friis (ed.). The Pacific basin. A history of its geographical exploration. New York, 1967 (Special publication of the American Geographical Society, № 38) 457 стр. 1968, 3, с. 160—165.
602. Свет Я. М. [Рец.]: «The Journals of captain James Cook on his voyages of discovery. The voyage of the resolution and discovery, 1776—1780. Edited by J. C. Beaglehole», pt. I—II, Cambridge, 1967 («Hakluyt Society», Extra-Series, XXXVI). 1968, 5, с. 163—165.
603. Седов В. В. Еще раз о происхождении белорусов. [Ответ на опубликованные в журнале «Советская этнография» статьи П. Н. Третьякова «Восточные славяне и балтийский субстрат» (1967, № 4), В. А. Жучкевича «К вопросу о балтийском субстрате в этногенезе белорусов» (1968, № 1) и М. Я. Гринблата «К происхождению белорусской народности» (1968, № 5). Приложены карты: 1. Балты, финно-угры и скифы в эпоху раннего железа. 2. Балты и финно-угры накануне славянского расселения. 3. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах. Резюме на английском яз.]. 1969, 1, с. 105—121.
604. Седов В. В. К происхождению белорусов. (Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов). [Приложены карты: 1. Белорусская этнолингвистическая территория и археологические ареалы восточнославянских племен. 2. Балтские элементы в древнерусских курганах. 3. Древнерусские курганные могильники с восточной ориентировкой погребенных. 4. Антропологические типы восточного славянства в X—XIII вв. 5. Валдайско-верхнеднепровский антропологический тип и белорусская территория. Резюме на английском яз.]. 1967, 2, с. 112—129.
605. Седов В. В. [Рец.]: Песяр А. Петров. Етнографіскі элемент на славяно-балто-германскі агульнасць. София, 1966, 205 стр. 1969, 6, с. 163—166.
606. Седов В. В., Терентьева Л. Н. Ценные исследования о прибалтийско-славянских культурных связях. [Рецензия на книги]: Slaavi-läänemeresoomete suhete ajaloost. Artiklite kogumik. Tallinn, 1965, 265 стр. с илл., резюме на немецком и русском языках; Latviešu kultūrvēsturiskie sukari ar slāvu tautām (pēc archeologijas, etnogrāfijas un antropologijas materiālem). «Archeologija un etnografija», VIII, Riga, 1968, 215 стр. с илл., резюме на русском яз. 1969, 5, с. 143—149.
607. Семашко И. М. Происхождение и этническая история бхиллов. (К постановке проблемы). [Резюме на английском яз.]. 1967, 2, с. 80—93.
- Семашко И. М.—см. Джарылга-синова Р. Ш., Семашко И. М.
608. Семенов Ю. И. Льюис Генри Морган: легенда и действительность. (К 150-летию со дня рождения). [Резюме на английском яз.]. 1968, 6, с. 3—24.
609. Семенов Ю. И. Новые американские издания «Древнего общества». Л. Л. Моргана [Рец.]: Ancient Society by Lewis Henry Morgan, Edited with an introduction and annotation by Eleonor Burke Leacock, Meridian Books, Cleveland and New York, 1963; Ancient Society by Lewis H. Morgan. Edited by Leslie A. White. The John Harward Library Cambridge, Massachusetts, 1964. 1967, 5, с. 182—185.
610. Семенов Ю. И. О некоторых теоретических проблемах истории первобытности (По поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патримониальной (клановой) организации»). [Резюме на английском яз.]. 1968, 4, с. 75—86.
611. Семенов Ю. И. Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (Опыт теоретического анализа). [Резюме на английском яз.]. 1970, 5, с. 57—71.
- Семенов Ю. И.—см. Кабо В. Р., Семенов Ю. И.
- Сергеев Д. А.—см. Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.
- Сергеев Д. А.—см. Степанов Н. Н., Сергеев Д. А.
612. Сергеева Г. [А.]. Аннотированный список литературы по этнографии Северного Кавказа, опубликованной в 1964—1965 гг. [103 названия]. 1966, 3, с. 175—184.
- Сергеева Г. А.—см. Агаширинов С. С., Сергеева Г. А.
- Сергеева Г. А.—см. Калоев Б. А., Сергеева Г. А., Трофимова А. Г.
613. Сергей Александрович Токарев (К 70-летию со дня рождения). 1969, 6, с. 145—146.
614. Сергей Руфович Смирнов. [Некролог. Приложен список основных трудов С. Р. Смирнова]. 1969, 5, с. 187—189.
- Сехбосян К.—см. Мкртумян Ю., Сехбосян К.
615. Сидорова Ю. Н. Образ В. И. Ленина в устном поэтическом творчестве народов СССР. [Резюме на английском яз.]. 1970, 2, с. 22—32.
616. Сидорова Ю. [Н.]. [Рец.]: С. И.

- Минц, Э. В. Померанцева. Русская фольклористика. Хрестоматия для вузов. М., 1965, 470 стр. 1966, 2, с. 165—166.
617. Сидорова Ю. Н. [Рец.]: Т. М. Акимова, В. К. Архангельская. Революционная песня в Саратовском Поволжье. Саратов, 1967, 168 стр. 1970, 1, с. 186—187.
- Симченко Ю. Б.—см. Васильев В. И., Симченко Ю. Б., Соколова З. П.
618. Синицына И. Е. Новое и традиционное в праве Танзании. [Резюме на английском яз.]. 1968, 6, с. 58—69.
- Слава М.—см. Алсупе А., Думпе Л., Мугуревич Э., Крастыня А., Слава М., Строд Х.
619. Следзевский И. В. Община у современных хауса (Северная Нигерия и Нигер). [Резюме на английском яз.]. 1966, 3, с. 48—59.
620. Смирнов Ю. М. [М.]. [Рец.]: Великокурские сказки И. А. Худякова. М.—Л., 1964, 301 стр. В серии «Памятники русского фольклора». 1966, 6, с. 123—129.
- Смирнов Ю. М.—см. Померанцева Э. В., Смирнов Ю. М.
621. Смирнова Н. А. Вторая русская экспедиция в Южную Америку 1914—1915 гг., ее материалы и коллекции. 1966, 6, с. 98—112.
622. Смирнова Я. С. Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкесии. 1967, 4, с. 137—142.
623. Смирнова Я. С. Сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1966 г. [20—26 апреля 1967 г. в Кишиневе]. 1967, 5, с. 169—172.
624. Смоляк А. В. К вопросу об истории Приморья в XVI—начале XVII века. [Резюме на английском яз.]. 1968, 6, с. 52—57.
625. Смоляк А. В. О современном этническом развитии народов Нижнего Амура и Сахалина. 1967, 3, с. 95—102.
626. Смоляк А. [В.]. [Рец.]: В. Г. Ларькин, Орочи, М., 1964, 174 стр. 1966, 3, с. 168—172.
- Смоляк А. В.—см. Лебедева А. А., Смоляк А. В.
627. Соарес Феррейра Л. Индейцы камаюра (По личным впечатлениям). [Приложен список литературы]. 1970, 4, с. 138—149.
628. Соколова В. К. Советская фольклористика к 50-летию Октября. [Резюме на английском яз.]. 1967, 5, с. 44—61.
629. Соколова В. [К.] [Рец.]: В. К. Бандарчук. Гісторыя беларускай этнографіі. XIX ст. Мінск, 1964, 282 стр. 1966, 1, с. 179.
630. Соколова В. К. [Рец.]: В. М. Гацук. Восточнороманский героический эпос. Исследование и тексты. М., 1967, 470 стр. 1969, 6, с. 167.
631. Соколова В. К. [Рец.]: Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим). Составитель, автор статьи и примечаний В. П. Кругляшова. Свердловск, 1967, 303 стр. (Ученые записки Уральского государственного университета им. А. М. Горького, № 60, серия филологическая, вып. 5). 1968, 6, с. 158—160.
- Соколова В. К.—см. Крупянская В. Ю., Рабинович М. Г., Соколова В. К., Токарев С. А.
- Соколова В. К.—см. Померанцева Э. В., Соколова В. К., Чистов К. В.
632. Соколова З. П. Всесибирская научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина [23—26 марта 1970 г. в Новосибирске]. 1970, 6, с. 134—136.
633. Соколова З. П. Преобразования в хозяйстве, культуре и быте обских угров. [Резюме на английском яз.]. 1968, 5, с. 25—39.
634. Соколова З. [П.] [Рец.]: Ю. Б. Симченко. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965. 1966, 4, с. 191—194.
635. Соколова З. [П.] [Рец.]: Ямало-Ненецкий национальный округ (Экономико-географическая характеристика). [Ответственный редактор Б. Ф. Шапалин]. М., 1965, 276 стр., илл. 1966, 6, с. 140—142.
636. Соколова З. П., Шапалин Б. Ф. Население и трудовые ресурсы зоны Севера (Совещание в Магадане). 1966, 3, с. 152—157.
- Соколова З. П.—см. Васильев В. И., Симченко Ю. Б., Соколова З. П.
637. Соловей Л. С. К вопросу о национально-смешанных семьях в Молдавии. 1969, 5, с. 88—90.
638. Станюкович Т. В., Чистов К. В. Экспозиция «Новое и традиционное в современном жилище и одежде народов СССР» в Государственном музее этнографии народов СССР. 1970, 1, с. 159—163.
639. Степанов Н. Н., Сергеев Д. А. [Рец.]: Ч. М. Таксами. Нивхи (современное хозяйство, культура, быт). Л., 1967, 272 стр. 1967, 5, с. 189—191.
640. Стоун Ван Дж. У., Освальт У. Х. Русское наследие на Аляске. (Перспективы этнографического изучения). [Перевод С. Г. Федоровой]. 1968, 2, с. 128—131.
641. Стракач Ю. Б. К методике социолого-лингвистического обследования народов Обь-Енисейского Севера. [Резюме на английском яз.]. 1969, 4, с. 3—13.
642. Стракач Ю. Б. Этнографическая подготовка в Новосибирском государственном университете. 1970, 3, с. 173—175.
643. Стракач Ю. Б., Туголуков В. А. Социолого-лингвистические исследования в Сибири. 1969, 3, с. 156—158.
- Стракач Ю. Б.—см. Васильевский Р. С., Стракач Ю. Б.
644. Стратанович Г. Г. [Рец.]: Атеисты, материалисты и диалектики древнего Китая: Ян Чжу, Лэцзы, Чжуанцзы. Перевод, комментарии и введение Л. Д.

Позднеевой. М., 1967, 403 стр. 1968, 2, с. 171—173.

645. Стратанович Г. Г. [Рец.]: Э. О. Берзин. Католическая церковь в Юго-Восточной Азии. М., 1966, 320 стр. 1968, 4, с. 172—174.

Стратанович Г. Г.—см. Алексеев В. П., Стратанович Г. Г.

Стратанович Г. Г.—см. Брук С. И., Стратанович Г. Г.

Стратанович Г. Г.—см. Комаровский Г. Е., Стратанович Г. Г.

Стратанович Г. Г.—см. Мак Дыонг, Стратанович Г. Г.

Строд Х.—см. Алсупе А., Думпел, Мугуревич Э., Крастыня А., Слава М., Строд Х.

646. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Кавказа. (О собирании материалов для Кавказского историко-этнографического атласа. [Публикуется для обсуждения программа содержания карт и таблиц для Кавказского этнографического атласа по разделу «Одежда». Резюме на английском яз.]. 1967, 3, с. 16—30.

647. Стужина Э. П. Обед на полтора миллиона персон. (Что ели и пили в Китае 800 лет назад). [Приложен список источников и литературы, использованных автором]. 1969, 3, с. 136—151.

648. Сузумов Е. М. 50 лет Тихоокеанской научной ассоциации. 1970, 6, с. 145—146.

Суперанская А. В.—см. Джарылгасинова Р. Ш., Крюков М. В., Суперанская А. В., Членов М. А.

649. Сурхаско Ю. Карелы в современной этнографической литературе Финляндии. [Обзор работ: H. Kirkinen. Karjala idän kulttuurin piirissä. Bysantin ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan, Helsinki — Rauma, 1963; Haltsonen S. Karjalainen kansantutkija Teodor Schwindin elämä, Helsinki, 1947; Virtaranta P., V. R. Petreliuksen matra Valdain karjalaisten luo 1892, «Kalevalaseuran vuosikirja», 1962, № 42; Virtaranta P. Juho Kujola, karjalan ja lyydin tutkija. «Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia», 266, Helsinki, 1960; V. Nissilä. Itä-Karjalan matkanmistä «Kalevala seuran vuosikirja», 1955, № 35; Reima A. Karjalaisista kehtolauluista, «Kalevalaseuran vuosikirja», 1953, № 33; Honko L., Itkuvirsirunous, «Suomen kirjallisuus, I. Kirjoittamaton kirjallisuus», Helsinki — Keuruu, 1963; Kettunen L. Suomen lähiuskuilielten luonteenomaiset piirteet, «Suomalaisugrilaisen seuran toimituksia», № 119, Helsinki, 1960; Vuorela T. Suomensukuiset kansat, «Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia», 264, Turku, 1960; Rantasalo A. V., Näittämiseen ja kosintaan liittyneillä suomalaisia tapoja ja taianomaisia menettelyjä uskomuksiin, «Kalevalaseuran vuosikirja», 1954, № 34; Ojojärvi A., Morsiusauna, «Kalevalaseuran vuosikirja», 1959, № 39; Haavio M., Karjalan jumalat. Uskontotieteellinen tutkimus, Parvoo — Helsinki, 1959; Perkonen E., Karjalan meren äärellä. Perimätiedon valo 1800-luvun ihmisko-

htaloihin idän ja lännen rajamaissa, Helsinki, 1961; Virtanen E. A. Itäkarjalaisten kalastusoikeudesta ja —yhtiöistä. Etnososiologinen tutkimus, (немецкий реферат), «Kansatieteellinen arkisto», VIII, Helsinki, 1950; Virtaranta P., Tverin karjalaisten entistä elämää, Porvoo — Helsinki, 1961 и др.]. 1966, 2, с. 151—160.

650. Сухарева О. А. [Рец.]: Г. П. Снегарева. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, 335 стр. 1970, 1, с. 187—189.

651. Суэнки Бен. [Рец.]: H. Cardinal. The unjust society. Vancouver, 1969. 1970, 4, с. 175—177.

Сысенко В. А.—см. Валентей Д. И., Сысенко В. А.

652. Таксами Ч. М. Изменение социального состава малых народов Дальнего Востока. (К постановке вопроса). [Материалы, изложенные в статье, были доложены автором на ежегодной научной сессии Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР в 1968 г. Резюме на английском яз.]. 1970, 2, с. 69—78.

653. Таксами Ч. М. Научная сессия Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР [с 11 по 13 апреля 1967 г.]. 1967, 6, с. 120—121.

654. Тегако Л. И. Дерматоглифика белорусов. (К проблеме этногенеза белорусского народа). [Приложена карта: Расселение славянских племен и исследований групп, распространение диалектных говоров на территории Белоруссии]. 1970, 3, с. 137—148.

Термигалев Г. З.—см. Ахбаров И., Термигалев Г. З.

655. Темирганов Л. О некоторых спорных вопросах этнической истории хазарейского народа. [Резюме на английском яз.]. 1968, 1, с. 85—94.

656. Терентьева Л. Н. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях. [Резюме на английском яз.]. 1969, 3, с. 20—30.

657. Терентьева Л. Н., Филимонова Т. Д. Заседание объединенной редколлегии Международного реферативного журнала «Демос». 1966, 6, с. 115—117. Терентьева Л. Н.—см. Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Терентьева Л. Н.

Терентьева Л. Н.—см. Бутквичус И. П., Терентьева Л. Н., Шлыгина Н. В.

Терентьева Л. Н.—см. Вишняускайте А. И., Терентьева Л. Н.

Терентьева Л. Н.—см. Маслова Г. С., Терентьева Л. Н.

Терентьева Л. Н.—см. Померанцева Э. В., Терентьева Л. Н.

Терентьева Л. Н.—см. Седов В. В., Терентьева Л. Н.

658. Тодоров Д. Т. Некоторые аспекты этнографических исследований современного быта и культуры в Болгарии. [Резюме на английском яз.]. 1970, 2, с. 100—105.

659. Токарев С. А. К методике этнографического изучения материнальной культуры. [Резюме на английском яз.]. 1970, 4, с. 3—17.
660. Токарев С. А. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран. [Резюме на английском яз.]. 1967, 5, с. 133—142.
661. Токарев С. А. Этнографические наблюдения во Франции. 1968, 3, с. 131—142.
Токарев С. А.—см. Брук С. И., Токарев С. А.
Токарев С. А.—см. Крупянская В. Ю., Рабинович М. Г., Соколова В. К., Токарев С. А.
662. Толмачева М. А. [Рец.]: Karl Schubarth-Engelschal. Arabische Berichte muslimischer Reisender und Geographen des Mittelalters über die Völker der Sahara («Abhandlungen und Berichte des staatlichen Museums für Völkerkunde». Dresden, Bd. 27), Berlin, 1967, 124 стр., карты. 1968, 6, с. 163—166.
663. Третьяков П. Н. Восточные славяне и балтийский субстрат. [По поводу статьи В. В. Седова «К происхождению белорусов», опубликованной в «Советской этнографии», (1967, № 2). Резюме на английском яз.]. 1967, 4, с. 110—118.
664. Трисман В. Г. По этнографическим научным учреждениям и университетам Нидерландов. 1967, 3, с. 138—145.
Троицкий С. М.—см. Кабузан В. М., Троицкий С. М.
665. Трофимова А. Г. [Рец.]: Археолого-этнографический сборник, т. II. «Научные труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы при Совете Министров Чечено-Ингушской АССР», Грозный, 1968, 321 стр. [Редколлегия: В. Б. Виноградов и др.]. 1969, 3, с. 173—174.
666. Трофимова А. Г. [Рец.]: «Кавказский этнографический сборник», вып. II. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси, 1968, 268 стр. [Редактор А. И. Робакидзе]. 1970, 4, с. 167—169.
Трофимова А. Г.—см. Волкова Н. Г., Трофимова А. Г.
Трофимова А. Г.—см. Гулиев Ш., Трофимова А. Г.
Трофимова А. Г.—см. Калоев Б. А., Сергеева Г. А., Трофимова А. Г.
Трофимова Т. А.—см. Алексеев В. П., Гохман И. И., Трофимова Т. А.
667. Трояков П. А. Промысловая и магическая функция сказывания сказок у хакасов. [Резюме на английском яз.]. 1969, 2, с. 24—34.
668. Труфанов И. П. [Рец.]: Margaret Mead. Anthropology. A Human Science, Princeton — New Jersey, Toronto, New York, London, 1964, стр. VIII+260, библиогр. 1966, 5, с. 181—183.
Труфанов И. П.—см. Померанцева Э. В., Труфанов И. П., Филимонова Т. Д.
669. Туголуков В. А. Народ один — названий много. 1970, 5, с. 132—137.
670. Туголуков В. А. [Рец.]: Орошские сказки и мифы (составители — В. А. Азроллин и Е. П. Лебедева). Новосибирск, 1966, 233 стр. 1969, 5, с. 163—165.
671. Туголуков В. А. [Рец.]: Ю. Б. Стракач. Народные традиции и подготовка современных промыслово-сельскохозяйственных кадров. Таяжные и тундровые районы Сибири. Новосибирск, 1966, 147 стр. с илл. 1968, 3, с. 150—153.
Туголуков В. А.—см. Стракач Ю. Б., Туголуков В. А.
672. Тульцева Л. А. Календарные религиозные праздники в быту современного крестьянства (по материалам Рязанской области). 1970, 6, с. 111—118.
673. Тумаркин Д. Д. Вторая всесоюзная конференция океанистов и австраоловедов [19—20 мая 1969 г. в Москве]. 1969, 5, с. 126—129.
674. Тумаркин Д. Д. К вопросу о сущности рода. [Резюме на английском яз.]. 1970, 5, с. 93—101.
675. Тумаркин Д. Д. Первая Всесоюзная конференция океанистов и австраоловедов [10—12 июня 1968 г. в Москве]. 1968, 6, с. 140—143.
676. Тумаркин Д. Д. Просвещение в Папуа-Новой Гвинее. [Резюме на английском яз.]. 1969, 6, с. 66—83.
677. Тумаркин Д. Д. Третья Всесоюзная конференция океанистов и австраоловедов [2—3 июня 1970 г. в Москве]. 1970, 6, с. 146—148.
678. Тумаркин Д. Д. [Рец.]: П. И. Пучков. Население Океании. Этногеографический обзор. М., «Наука», 1967, 286 стр. 1968, 2, с. 179—184.
679. Тумаркин Д. Д. [Рец.]: «Oceania», vol. I — XXXIV (1930 — 1964), «Bibliographies analytiques», I, Paris, 1966. 1968, 4, с. 174—175.
680. Тумаркин Д. Д., Чебоксаров Н. Н. Антропология и этнография на XI Тихоокеанском научном конгрессе [происходившем в Токио 22 августа — 3 сентября 1966 г.]. 1967, 1, с. 155—165.
681. Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1966 году. 1966, 6, с. 148—150.
682. Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1967 году. 1967, 6, с. 161—165.
683. Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1968 году. 1968, 6, с. 169—173.
684. Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1969 году. 1969, 6, с. 183—187.
685. Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1970 году. 1970, 6, с. 169—175.
686. Урманчиев Ф. Собрание и изучение татарского фольклора (Краткий обзор литературы). 1966, 5, с. 142—148.
687. Утида Рүрикю. Обряд Тауэ-баяси и трудовые ритмы японских рисоводов. [Перевод Г. Г. Стратановича. Приложена карта распространения ритмов типа Бинго и Аки и нотные записи трудовых песен]. 1966, 2, с. 120—131.

688. Фадеев Л. А. Население Ботсваны и Лесото. [Приложены карты Ботсваны и Лесото]. 1967, 3, с. 83—94.
689. Фадеев Л. А. [Рец.]: Henri Raulin. La dynamique des techniques agraires en Afrique tropicale du nord. Paris, 1967, 202 стр., XXIV pl. 1969, 1, с. 180—181.
690. Файнберг Л. А. Гренландия и ее население. [Резюме на английском яз.]. 1966, 6, с. 47—56.
691. Файнберг Л. А. [Рец.]: С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М., 1969, 205 стр. 1970, 5, с. 162—164.
692. Файнберг Л. [А.] [Рец.]: Ю. В. Кнышенко. История первобытного общества и основы этнографии. Учебное пособие. Изд-во Ростовского университета, 1965, 439 стр. 1966, 5, с. 168—169.
693. Файнберг Л. А. [Рец.]: Colin Henfrey. Through Indian Eyes. A journey among the tribes of Guiana. New York, 1965, 286 стр. 1967, 1, с. 179—181.
694. Файнберг Л. [А.] [Рец.]: Н. Balduz. Bibliographia critica da etnologia Brasileira, vol. II «Völkerkundliche Abhandlungen». Bd. IV. Hannover, 1968, 864 стр. 1969, 6, с. 171—172.
695. Файнберг Л. [А.] [Рец.]: М. Huxley and C. Sara. Farewell to Eden. New York, 1964, 241 стр. 1966, 2, с. 181—182. Файнберг Л. А.—см. Грацианская Н. Н., Файнберг Л. А. Файнберг Л. А.—см. Гурвич И. С., Файнберг Л. А.
696. Федорова И. К. Ареон на острове Пасхи (по материалам рапануйского фольклора). [Резюме на английском яз.]. 1966, 4, с. 66—82.
697. Федорова И. К. Исследования экспедиции Т. Хейердала в Юго-Восточной Полинезии. [Рецензия на книги]: Archaeology of Easter Island. Reports of the Norwegian archaeological expedition to Easter Island and the East Pacific. Vol. 1, Monographs of the School of American Research and the Museum of New Mexico, № 24, part 1, Chicago, New York, San-Francisco, 1961, 559 стр., 138 илл. в тексте, 96 табл.; Miscellaneous papers. Report of the Norwegian Archaeological Expedition to Easter Island and the East Pacific, Vol. 2. Monographs of the School of American Research and the Kon-Tiki Museum, № 24, part 2, Stockholm, 1965, 512 стр., 195 илл. в тексте, 60 табл. 1967, 6, с. 134—140.
698. Федорова И. К. О десяти числительных рапануйского языка. (Из словаря Агуэры). 1969, 1, с. 144—146.
699. Федорова М. Е. [Рец.]: Русское народное творчество. М., 1966, 358 стр. [Авторы: П. Г. Богатырев, В. Е. Гусев, И. М. Колесническая, Э. В. Померанцева, Н. С. Полищук, И. С. Правдина, Ю. Н. Сидорова, К. В. Чистов]. 1968, 2, с. 162—163.
700. Федянович Т. П. Всесоюзная конференция по финно-угроведению [25—30 июня 1965 г. в Сыктывкаре]. 1966, 1, с. 159—161.
701. Федянович Т. П. Научная сессия по этногенезу марийцев [23—25 декабря 1965 г. в Йошкар-Оле]. 1966, 4, с. 153—156.
702. Федянович Т. П. Первая республиканская краеведческая конференция Мордовской АССР [5—6 марта 1970 г. в Саранске]. 1970, 5, с. 145—146.
703. Феоктистова Л. Х. Десятая научная конференция Государственного этнографического музея Эстонской ССР [24—27 апреля 1968 г. в Тарту]. 1969, 1, с. 160—161.
704. Феоктистова Л. Х. Научная конференция в Государственном этнографическом музее Эстонской ССР [8—10 апреля 1966 г. в Тарту]. 1966, 6, с. 113—115. Филимонова Т. Д.—см. Гроздова И. Н., Филимонова Т. Д. Филимонова Т. Д.—см. Померанцева Э. В., Труфанов И. П., Филимонова Т. Д. Филимонова Т. Д.—см. Терентьева Л. Н., Филимонова Т. Д.
705. Фойтик К. Основные проблемы Чехословацкой этнографии и фольклористики. [Резюме на английском яз.]. 1967, 4, с. 51—61.
706. Формозов А. А. Всемирно-исторический масштаб или анализ конкретных источников? [По поводу статьи автора «О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее». Резюме на английском яз.]. 1969, 4, с. 99—106.
707. Формозов А. А. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее. [Резюме на английском яз.]. 1967, 3, с. 68—82. Формозов А. А.—см. Рабинович М. [Г.], Формозов А. А. [А.].
708. Фрадкин Э. Е. Ползйконическая скульптура из верхнепалеолитической стоянки Костенки I. 1969, 1, с. 135—142.
709. Фрейденберг М. М. Родственные коллективы в Далматинской Хорватии в XI—XVI вв. [Резюме на английском яз.]. 1967, 1, с. 68—79.
710. Фурсова Л. Н. Заседание Ученого совета Института этнографии, посвященное Международному дню борьбы против расизма [21 марта 1967 г.]. 1967, 6, с. 122—126.
711. Фурсова Л. Н. Некоторые исследования о послевоенной иммиграции в Канаду. [Рецензия на работы]: J. Porter. The Verticalmosaic. An Analysis of social class and power. Toronto, 1965; A. H. Richmond. Social mobility of immigrants in Canada, «Population Studies», 1964, vol. XVIII, № 1; он же. Return migration from Canada to Britain, там же, 1968, vol. XII, № 2; I. A. Rees-Powell. Differentials in the integration process of the Dutch and Italian immigrants in Edmonton, Canada. «International Migration», Geneva, 1966, vol. 4, № 2; A. Cave-laars. Integration of a group of Dutch settlers in British Columbia, там же, 1967, vol. 5, № 1; R. Morin. L'immigration au Canada. Montreal, 1966. 1970, 5, с. 152—158.

712. Хазанов А. М. Загадочная кувада. 1968, 3, с. 113—123.
713. Хазанов А. М. [Рец.]: Разложение родового строя и формирование классового общества. Под редакцией А. И. Першина. М., 1968, 355 стр. 1968, 4, с. 158—161.
714. Халидов А. Б. [Рец.]: Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары. т. II. Арабские источники X—XII вв. М.—Л., 1965, 453 стр. [Подготовка текстов и переводы В. В. Матвеева, Л. Е. Куббеля. Ответственные редакторы В. И. Беляев, Д. А. Ольдерогге]. 1967, 2, с. 193—194.
- Халиков А. Х.—см. Бусыгин Е. П., Халиков А. Х.
715. Харри Моора [Некролог. Приложен список основных работ Х. А. Морра]. 1968, 4, с. 184—189.
716. Хашаев Х. М. [Рец.]: А. К. Алиев. Народные традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека. Махачкала, 1968, 290 стр. 1970, 6, с. 152—155.
717. Хашаев Х.-М. О., Шихсаидов А. Р. [Рец.]: Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. I. Надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, введение и приложения Л. И. Лаврова. М., 1966, 1968, 1, с. 186—189.
718. Хидоятов И. О характере сельского хозяйства многонациональных районов Сурхандарьинской области в дореволюционное время. 1970, 2, с. 133—139.
719. Хить Г. Л. Материалы по дерматоглифике русских Сибири. [Резюме на английском яз.]. 1969, 3, с. 65—73.
720. Хить Г. Л. Пальцевые узоры у населения Европейской части СССР. 1968, 1, с. 134—138.
721. Ходжайов Т. К. Краниология узбеков Южного Приаралья (Миздахкан). 1970, 4, с. 122—125.
722. Хомич Л. В. О содержании понятия «этнические процессы». [Резюме на английском яз.]. 1969, 5, с. 79—87.
- Хомич Л. В.—см. Гурвич И. С., Хомич Л. В.
- Христолюбова Л. С.—см. Васильева Э. К., Пименов В. В., Христолюбова Л. С.
723. Цулая Г. В. К истории имени «Абраскил». 1966, 6, с. 84—89.
724. Цулая Г. В. Следы религиозно-мифологических представлений в абхазском нартском эпосе. 1966, 5, с. 132—141.
725. Цулая Г. В. [Рец.]: Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Составление, вводная статья и комментарии Б. А. Калоева. Перевод части текстов И. С. Зевакиной. Орджоникидзе, 1967, 320 стр. 1968, 5, с. 168—170.
726. Цулая Г. В. [Рец.]: С. П. Басария. Избранные сочинения. Сухуми, 1967, 184 стр. 1969, 6, с. 159—160.
727. Чард Честер С. Некоторые проблемы доисторической хронологии на северо-востоке Азии. [Доклад, прочитанный на XI Тихоокеанском научном Конгрессе (Токио, август—сентябрь 1966 г.). Перевод С. А. Арутюнова. Резюме на английском яз.]. 1967, 2, с. 94—99.
728. Чвырь Л. А. Отражение возрастных градаций в таджикских ювелирных украшениях. 1970, 4, с. 115—121.
729. Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. [Резюме на английском яз.]. 1967, 4, с. 94—109.
730. Чебоксаров Н. Н. Фестиваль «Летние дни культуры» в Ювяскюля [Финляндия, 3—16 июля 1966 г.]. 1967, 3, с. 154—158.
731. Чебоксаров Н. Н. Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии [По данным полевых исследований советских антропологов и этнографов]. [Резюме на английском яз.]. 1966, 2, с. 50—58.
732. Чебоксаров Н. Н., Решетов А. М. В. И. Ленин о национальном развитии стран Востока. [Резюме на английском яз.]. 1970, 1, с. 83—98.
733. Чебоксаров Н. Н., Чеснов Я. В. Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии. [По поводу статьи Г. Г. Громова, Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований»] («Советская этнография», 1967, № 1). Резюме на английском яз.]. 1967, 3, с. 59—67.
- Чебоксаров Н. Н.—см. Жданко Т. А., Рапопорт Ю. А., Чебоксаров Н. Н.
- Чебоксаров Н. Н.—см. Першин А. И., Чебоксаров Н. Н.
- Чебоксаров Н. Н.—см. Тумаркин Д. Д., Чебоксаров Н. Н.
734. Чернецов В. Н. О приемах сопоставления наскальных изображений. [Резюме на английском яз.]. 1969, 4, с. 107—113.
735. Чернецов В. Н. [Рец.]: Popular Beliefs and Folklore Traditions in Siberia. Budapest, 1968, 498 стр. [Редактор В. Дносег]. 1969, 5, с. 165—168.
736. Чеснов Я. В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (В связи с работами М. Г. Левина). [Расширенный текст доклада, прочитанного на конференции по этногенезу народов Сибири в Новосибирске 15 мая 1969 г. Резюме на английском яз.]. 1970, 6, с. 15—26.
737. Чеснов Я. В. Традиционные формы хозяйства горных кхмеров Южного Вьетнама. [Резюме на английском яз.]. 1966, 5, с. 28—42.
- Чеснов Я. В.—см. Чебоксаров Н. Н., Чеснов Я. В.
738. Чижикова Л. Н. Об этнических процессах в восточных районах Украины. (По материалам экспедиционного обследования 1966 г.) [Резюме на английском яз.]. 1968, 1, с. 18—31.
739. Чиковани Т. А. А. И. Робакидзе. (К 60-летию со дня рождения). 1967, 6, с. 118—119.
740. Чистов К. В. Фольклор и этногра-

- фия [В основу статья положен доклад, прочитанный на конференции «Фольклор и этнография», состоявшейся 26—29 марта 1968 г. при Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР. Резюме на английском яз.]. 1968, 5, с. 3—12.
- Чистов К. В.—см. Померанцева Э. В., Соколова В. К., Чистов К. В.
- Чистов К. В.—см. Станюкович Т. В., Чистов К. В.
741. Членов М. А. К этнической характеристике современного населения Молуккских островов. [Приложены карты: 1. Этнический состав Молуккских островов. 2. Религиозный состав народов Молуккских островов. 3. Культурно-хозяйственные регионы Молуккских островов. Резюме на английском яз.]. 1968, 6, с. 70—83.
- Членов М. А.—см. Деопик Д. В., Членов М. А.
- Членов М. А.—см. Джарылгасинова Р. Ш., Крюков М. В., Суперанская А. В., Членов М. А.
- Членов М. А.—см. Жуковская Н. Л., Членов М. А.
742. Членова Н. Л. [Рец.]: Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, т. II. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. М.—Л., 1966, 362 стр. [Авторы: Л. П. Потапов, В. П. Дьяконова, А. Д. Грач, Л. Г. Нечаева, С. И. Вайнштейн]. 1967, 3, с. 170—174.
743. Чумаченко Н. И. Образ Ленина в произведениях мастеров и художников народных художественных промыслов. [Резюме на английском яз.]. 1970, 1, с. 99—110.
744. Шагалов Е. Сессия «Актуальные проблемы истории национально-государственного строительства в СССР» [15—17 мая 1968 г. в Душанбе]. 1968, 6, с. 136—140.
- Шапалин Б. Ф.—см. Соколова З. П., Шапалин Б. Ф.
745. Шаповалова Г. Г. 80 лет со дня рождения М. К. Азадовского. 1969, 5, с. 139—141.
746. Шаревская Б. И. [Рец.]: И. Р. Лаврецкий. Боги в тропиках. Религиозные культы Антильских островов. Издательство «Наука». М., 1967, 159 стр. 1968, 5, с. 174—176.
747. Шейнбаум Л. С. Индейцы тайны острова Гаити до испанского завоевания. [Резюме на английском яз.]. 1966, 4, с. 52—65.
748. Шейнбаум Л. С. Расширенное заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященное Международному дню борьбы против расизма [21 марта 1968 г.]. 1968, 4, с. 141—144.
749. Шейнбаум Л. С. [Рец.]: «Гвиана: Гайана, Суринам, Французская Гвиана». Сборник статей. М., 1969, 246 стр. [Редакция: С. А. Гонимский, И. Р. Григулевич, Э. Л. Нитобург, Л. А. Файнберг]. 1970, 2, с. 193—195.
750. Шейнбаум Л. С. [Рец.]: E. Tabio y E. Rey. Prehistoria de Cuba. Habana, 1966, 280 стр. 1967, 4, с. 178—180.
751. Шелепов Г. В. Общность происхождения — признак этнической общности. [По поводу статьи В. И. Козлова «О понятии этнической общности» («Советская этнография», 1967, № 2). Резюме на английском яз.]. 1968, 4, с. 65—74.
752. Шенников А. А. Распространение животноводческих построек у народов Европейской России (К дискуссии об агроэтнографии). [По поводу статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований» («Советская этнография», 1967, № 1) Резюме на английском яз.]. 1968, 6, с. 99—106.
753. Ширяева П. Г. Из истории становления революционных пролетарских традиций (По материалам газеты «Искра» 1900—1903 гг.). [Резюме на английском яз.]. 1970, 3, с. 17—27.
754. Ширяева П. Г. Поэтические особенности и жанровая специфика песенного творчества русских рабочих (Дооктябрьский период). [Резюме на английском яз.]. 1969, 1, с. 37—47.
755. Шихарева М. С. Работа Института этнографии АН СССР в 1965 году. 1966, 3, с. 146—152.
- Шихсаидов А. Р.—см. Хашаев Х.-М. О., Шихсаидов А. Р.
756. Шкаратан О. И. Этно-социальная структура городского населения Татарской АССР. (По материалам социологического обследования). [Резюме на английском яз.]. 1970, 3, с. 3—16.
- Шкаратан О. И.—см. Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И.
757. Шлыгина Н. В. [Рец.]: N. Valonen. Zur Geschichte der finnischen Wohnstuben. Suomalais-ugrilainen seuran toimittuksia 133, Helsinki, 1963. 1967, 3, с. 174—178.
- Шлыгина Н. В.—см. Буткявичюс И. П., Терентьева Л. Н., Шлыгина Н. В.
- Шлыгина Н. В.—см. Вийрес А., Шлыгина Н. В.
- Шлыгина Н. В.—см. Зубов А. А., Шлыгина Н. В.
- Шмелева М. Н.—см. Анохина Л. А., Крупянская В. Ю., Шмелева М. Н.
- Шмелева М. Н.—см. Анохина Л. А., Шмелева М. Н.
758. Штробах Г. Вариативность народных песен, ее закономерности и обусловленность. 1966, 3, с. 133—138.
759. Элашвили В. И. Из истории конного спорта в Грузии (Хевсурские скачки «ухени» в прошлом и настоящем). 1968, 4, с. 104—109.
760. Эрдели И. О работе над венгерским этнографическим атласом. 1970, 4, с. 136—137.
761. Эрдели И. Обзор журнала «Этнография». Венгерского этнографического общества за 1959—1968 гг. 1969, 5, с. 149—156.
762. Эрдели И. [Рец.]: V. Manga. Ünnepek, Szokások az Ipoly mentén. Budapest, 1968, 188 стр. 1970, 2, с. 186—187.

Эрман В. Г.— см. Рудин С. Г., Эрман В. Г.

сева, У. С. Конкка и др.]. 1966, 5, с. 175—176.

763. Юлия Михайловна Лихтенберг. [Некролог. Приложен список основных трудов Ю. М. Лихтенберг]. 1970, 3, с. 194—195.

764. Юсифов Ю. [Рец.]: К. Т. Каракашлы. Материальная культура азербайджанцев Северо-Восточной и Центральной зон Малого Кавказа. Баку, 1964, 280 стр. 1966, 4, с. 183—187.

765. Юсупов Х. К происхождению туркмен-огурджалинцев. 1968, 2, с. 106—113.

766. Юхнева Н. [Рец.]: А. Я. Поріцький. Побут сільськогосподарських робітників України в період капіталізму. Київ, 1964, 138 стр. 1966, 2, с. 160—162.

767. Юхнева Н. [Рец.]: Верхний Олонец — поселок лесорубов. Опыт этнографического описания. АН СССР. Петро-заводский институт языка, литературы и истории. М.—Л., 1964, 195 стр. [Авторы: В. В. Пименов, Р. Ф. Тароева, З. Н. Кель-

768. Ягья В. С. Об этнолингвистической ситуации в современной Эфиопии. (Материалы к проблеме формирования эфиопской нации). [Резюме на английском яз.]. 1970, 3, с. 75—85.

769. Ягья В. С. [Рец.]: М. В. Райт. Народы Эфиопии. М., 1965, 259 стр. 1966, 3, с. 186—190.

770. Ясевич З. Исследования социальной и культурной интеграции на западных и северных польских землях. [Резюме на английском яз.]. 1967, 6, с. 67—75.

771. Яхонтов С. Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз». [Обсуждение этой проблемы см.: К. И. Петров. К этнологии термина «киргиз» («Советская этнография», 1964, № 2); Н. А. Баскаков. К вопросу о происхождении этнонима «киргиз» (Там же). Резюме на английском яз.]. 1970, 2, с. 110—120.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ КЛЮЧ К АЛФАВИТНОМУ УКАЗАТЕЛЮ

(Указаны его порядковые номера)

Общие вопросы; теория и методология

1, 2, 6, 16, 18, 20, 29, 37, 38, 40, 51, 64, 65, 95, 110, 112—114, 116, 118, 121, 125, 135, 160, 174, 177, 181, 192, 195, 196, 199, 210, 211, 218, 219, 229, 231, 257, 258, 261, 263, 264, 269, 281, 293, 295, 333, 343, 344, 356, 359—361, 363, 374, 377, 382, 395, 399—401, 409, 415, 418—421, 423, 430, 460—462, 483, 492, 505, 512, 514, 516, 517, 521, 527, 537, 538, 543, 551, 571, 584—586, 590, 610, 611, 628, 632, 648, 652, 658—660, 674, 705—707, 712, 722, 729, 732—734, 736, 740, 744, 748, 751, 752, 758, 770.

Методика полевых исследований; программы, вопросники, анкеты; разработка материалов

53—55, 67, 148, 149, 351, 375, 393, 430, 518, 641, 646, 656, 659, 760

История этнографии, антропологии и фольклористики; personalia

14, 18, 42, 57, 105, 118, 173, 191, 218, 231, 244, 256, 262, 300, 344, 409, 445, 451, 490, 495, 497, 517, 550, 551, 555, 557, 565, 616, 628, 629, 649, 658, 668, 686, 705, 729

Агуэра — 698

Азадовский М. К. — 745

Анучин Д. Н. — 621

Астахова А. М. — 548

Булатович А. К. — 404

Витов М. В. — 466

Вознесенский И. Г. — 71

Воробьев Н. И. — 123

Гарданов В. К. — 309

Гейман С. В. — 621

Гинзбург В. В. — 30

Герасимов М. М. — 467, 572

Даннелльссон Бенгт — 44

Дебеу Г. Ф. — 176, 182

Диоп Шейх Ант — 403

Ефимов А. В. — 212, 354

Задыхина К. Л. — 348

Иванов С. В. — 137

Ковалевский М. М. — 310

Корбе О. А. — 498

Косвен М. О. — 175

Крашенинников С. П. — 186

Крывелев И. А. — 189

Кук Джемс — 602

Кушнер (Кнышев) П. И. — 394

Лавров Л. И. — 313

Лангсдорф Г. И. — 541

Лас-Касас Бартоломе де — 355, 600

Левин М. Г. — 736

Ленин В. И. — 2, 16, 40, 112, 211, 223, 263, 356, 374, 399, 402, 418, 485, 615, 632, 732, 743

Лецзы — 644

Линтур П. В. — 519

Лихтенберг Ю. М. — 763

Мамин-Сибиряк Д. Н. — 631

Манизер Г. Г. — 621

Маркс К. — 401

Миклухо-Маклай Н. Н. — 128

Монтехо Эстебан — 442

Моора Харри — 715

Морган Л. Г. — 608, 609

Ногмов Ш. Б. — 412

Окладников А. П. — 209

Остроухов А. М. — 140

Потапов Л. П. — 296

Прыткова Н. Ф. — 481

Пыпин А. Н. — 465

Робакидзе А. И. — 739

Робинсон Джордж — 297

Романска Цветана — 534

Рэгули Антала — 735

Симони П. К. — 464

Смирнов С. Р.— 614
Струве В. В.— 501
Токарев С. А.— 613
Толстов С. П.— 265
Тургенев И. С.— 194
Фнелъструп Ф. А.— 621
Фиерро Панчо— 441
Хайтун Д. Е.— 225
Хейердал Т.— 697
Чан-хуй-Лиу— 446
Чебоксаров Н. Н.— 31
Чернецов В. Н.— 145
Чжуанцы— 644
Шренк Л. И.— 441
Штейниц В.— 536
Энгельс Ф.— 349, 567
Ядамсун У.— 384
Ян Чжу— 644

Библиография

30, 48, 59, 121, 123, 145, 175, 176, 215, 244,
314—327, 339, 340, 344, 394, 464—467,
481, 519, 534, 546, 612, 614, 619, 627, 647,
679, 681—685, 694, 715, 763

Периодика, журналы

105, 127, 217, 308, 584, 657, 679, 761

Учебники, учебные пособия

8, 15, 248, 422, 557, 616, 692

Антропология

18—23, 25—31, 35, 66, 154, 176, 177, 180,
182, 183, 186, 233, 236, 253, 258, 259, 283,
291, 334, 362, 467, 509, 538, 539, 555, 572,
573, 580, 595, 597, 604, 606, 607, 621, 680,
697, 721, 731.
Дерматоглифика этническая — 654, 719,
720
Одонтология этническая — 28, 75, 251,
280—282
Серология — 28, 169, 278

Этносоциология

6, 67, 103, 113, 148, 197, 199, 375, 517, 588,
641, 643, 756

Этнопсихология

6, 103, 289, 377

Фольклор

32, 35, 43, 49, 70, 76, 77, 95, 105, 143, 159,
160, 168, 173, 194, 195, 216—219, 228, 245,
266, 274, 285, 295, 301, 366, 367, 370, 381,
383, 412, 415, 417, 432, 433, 461—464, 468,
472, 489, 499, 508, 519, 522, 524—526,
531—537, 544—553, 555, 578, 591, 615—
617, 620, 621, 628—631, 667, 670, 686, 687,
696, 699, 723, 724, 740, 745, 754, 758

Литература

178, 194, 633

Ономастика

239, 242, 271

Топонимия — 202, 237, 247, 272, 603
Антропонимия — 85, 91, 95, 241, 483, 723
Этнонимия — 162, 270, 284, 669, 771

История первобытного общества

1, 7, 8, 95, 96, 127, 208, 343, 349, 363, 395,
420, 451, 515, 517, 608—611, 674, 692, 713

Этническая география и картография; география населения; этническая демография и статистика

68, 78, 92, 93, 102, 111, 114, 116, 126, 141,
147—149, 162, 164, 172, 199, 248, 254, 255,
258, 299, 300, 331, 358, 361, 369, 394, 478,
482, 484, 486, 487, 513, 517, 528, 529, 558,
603, 636, 654, 711, 738, 741

Этнографические атласы; тематическое картографирование (этнографическое, антропологическое и др.)

22, 93, 114, 115, 117, 119, 120, 127, 188, 224,
233, 245, 278, 334, 351, 368, 475, 491, 544,
562, 580, 590, 595, 604, 646, 705, 760

Этногенез; этническая история

19, 21, 22, 24, 29, 34, 87, 97, 133, 138, 150,
151, 162, 180, 183, 190, 198, 200, 223, 236,
248, 253, 260, 261, 272, 276, 282, 291, 294,
311, 329, 362, 388, 414, 421, 477, 480, 517,
522, 539, 560, 573, 579, 580, 595, 597, 603—
605, 607, 654, 655, 663, 688, 690, 701, 732,
751, 765

Теория и типы этнических общностей

29, 110, 357, 360, 364, 421, 492, 729, 751

Современные этнические процессы

в СССР — 80, 81, 90, 106, 112, 116, 122, 147,
199, 210, 359, 527, 581, 622, 625, 637, 656,
722, 738
за рубежом — 92, 93, 99, 103, 111, 287, 661,
731, 741, 768, 769

Национально-освободительная борьба; борьба против расизма

196, 234, 258, 378, 485, 487, 488, 513, 554,
748

Общественный строй

1, 4, 7, 16, 46, 80, 203, 222, 234, 240, 270, 273,
275, 298, 307, 363, 364, 404—406, 408, 410,
419, 451, 452, 503, 515, 561, 563, 568, 570,
571, 619, 627, 688, 709, 747

Семья и брак

12, 88, 90, 91, 106, 107, 148, 157, 159, 174,
208, 222, 268, 344, 398, 407, 430, 438, 470,
510, 511, 518, 528, 570, 599, 619, 622, 625,
637, 656

Родоплеменной состав

83, 136, 147, 162, 208, 248, 419, 625

Обычное право

443, 502, 618, 709

Культура и быт сельского населения

52, 88, 90, 122, 144, 146, 147, 152, 157, 184,
207, 230, 312, 345—347, 352, 353, 423, 426,
450, 453, 469, 470, 506, 511, 575, 588, 589,
633, 639, 672, 738, 766

Культура и быт городского населения

53—55, 148, 164, 268, 352, 353, 527, 656, 705, 756

Культура и быт рабочих

77, 288, 547, 574, 599, 753, 754, 766, 767

Хозяйство

38, 93, 94, 109, 135, 146, 156, 171, 195, 201, 207, 230, 235, 238, 243, 250, 264, 273, 298, 332, 333, 342, 360, 379, 404, 453, 469, 479, 486, 496, 500, 503, 511, 586, 619, 627, 633, 636, 639, 671, 688—690, 718, 733, 737, 741, 747, 752

Орудия производства

195, 235, 243, 475, 537, 586, 689, 733

Пища

207, 235, 238, 379, 389, 435, 627, 647, 659, 690

Поселения и жилище; архитектура

41, 60, 146, 156, 187, 203, 207, 226, 235, 238, 243, 267, 293, 351, 368, 379, 424, 425, 435, 444, 449, 469, 471, 475, 499, 511, 537, 556, 574, 627, 633, 638, 659, 661, 688, 690, 752, 757

Одежда; ткачество

60, 162, 207, 232, 235, 238, 243, 379, 384, 435, 441, 456, 458, 473, 520, 633, 638, 646, 659, 661, 690

Гончарство

73, 291, 294, 379, 482, 747, 765

Транспорт

156, 392

Театр; музыка; танцы; игры

3, 33, 379, 434, 472, 499, 537, 592—594, 633, 687, 759

Изобразительное и прикладное искусство

13, 65, 73, 134, 139, 151, 158, 187, 203, 205, 243, 252, 328, 330, 376, 379, 383, 384, 386, 387, 413, 424, 427, 428, 437, 441, 454, 455, 471, 474, 493, 499, 514, 520, 523, 537, 560, 574, 576, 579, 590, 594, 596, 625, 634, 688, 703, 706—708, 728, 734, 743

**Верования и обряды;
преодоление религиозных пережитков;
формирование новых обрядов и обычаев**

4, 12, 32, 33, 63, 73, 74, 76, 82, 107, 109, 131, 151, 159, 170, 189, 190, 203, 220, 228, 235, 268, 269, 276, 284, 304, 365, 370, 372, 373, 399, 400, 437, 438, 454, 459, 472, 491, 513, 516, 577, 585, 587, 590, 594, 595, 603—605, 621, 627, 633, 645, 650, 661, 667, 672, 687, 688, 696, 712, 716, 724, 735, 741, 746, 747, 753, 762

Язык

32, 80, 85, 86, 103, 116, 151, 163, 180, 190, 199, 214, 215, 237, 247, 248, 261, 292, 342, 362, 364, 380, 398, 407, 411, 413, 419, 422, 430, 482, 497, 504, 536, 537, 554, 566, 582, 595, 603, 604, 606, 607, 621, 625, 641, 643, 661, 690, 696, 698, 700, 717, 723, 738, 741, 747, 768, 769, 771

Древние народы

25, 34, 62, 132, 143, 154, 183, 203, 204, 214, 244, 247, 253, 259, 329, 387, 388, 454, 467, 493, 514, 523, 560, 583, 590, 592, 596, 597, 697, 706, 707, 714, 734
Аланы—569, 723
Балты—190, 272, 603, 604, 606, 663
Буруты—284
Венеды—568
Вестготы—568
Германцы древние—349, 452
Карпо-дакогеты—568
Карпы—569
Китайцы древние—240
Монголы—419, 421, 452
Мочика—340
Нишади—607
Норманны—48
Ойраты—329
Протоиндийцы—214, 215, 582
Роксоланы—569
Сарматы—568, 569, 723
Скифы—603, 723
Славяне восточные—251, 556, 561, 595, 603
Славянские племена—606
Тюрки—419, 421, 597
Тюрки алтайские—133
Финно-угры—604
Фракийцы—275, 276
Хорезмийцы—593
Этрусски—121
Языги—569

Древние культуры

22, 73, 134, 206, 265, 362, 411, 439, 478, 495, 496, 559, 579, 603, 750
Афанасьевская культура—291
Вальдивия культура—62
Гето-дакийская культура—569
Дзёмон культура—62
Ифе—386
Казылганская культура—742
Кокэль могильник—133, 742
Костенки I—376, 708
Мезоамерики земледельческие культуры—204
Миздахкан могильник—721
Мохенджо-Даро—214
Окуневская культура—291
Позднесарматская культура—569
Сандиа культура—477
Тагарская культура—259
Тазабагъябская культура—294
Таштыкская культура—456
Тора-Тал-Арты могильник—742
Уэленский могильник—66, 691
Фатьяновская культура—236

Хараппа—214
Черняховская культура—568,
569
Эквентский могильник—66
Эскимосские культуры—690

Народы СССР

112, 210, 359, 527, 615, 638, 744

Народы Европейской части СССР

Общие работы—115, 119, 120, 314,
315, 584
Общие работы по восточным
славянам—69, 217, 551, 604, 663
Общие работы по народам Ев-
ропейского Севера СССР—522
Общие работы по финно-угор-
ским народам—700, 701
Башкиры—97
Белорусы 76, 190, 256, 272, 326, 327,
472, 475, 491, 508, 525, 595, 603, 604, 629,
637, 654, 663, 767
Болгары—637
Венгры Закарпатья—193
Вепсы—522
Гагаузы—200, 637
Греки СССР—68
Евреи—637
Карелы—457, 649, 767
Коми—89, 187, 641
Латыши—19, 36, 454, 458, 595, 604
Литовцы—161, 190, 228, 443, 454, 595,
604
Лопарисм. Саамы
Марийцы—13, 364, 701
Молдаване—299, 326, 327, 596, 637
Мордва—90, 301, 702
Немцы СССР—193, 449
Русские—16, 28, 51—55, 85, 89, 94, 122,
148, 191, 194, 232, 245, 247, 251, 257, 266,
268, 273, 299, 300, 303, 346, 353, 366, 367,
370, 417, 422—428, 433—435, 454—456,
464, 465, 473, 491, 493, 506, 507, 524, 526,
532, 545—547, 555, 557, 562, 574, 576,
587—589, 616, 617, 620—622, 625, 631,
637, 640, 672, 699, 719, 738, 753, 754, 756,
767
Саамы (лопары)—444
Словаки Закарпатья—193
Татары—67, 123, 124, 148, 199, 375, 686,
756
Удмурты—149, 162
Украинцы—105, 122, 191, 193, 223, 224,
232, 274, 299, 326, 327, 432, 435, 491, 575,
587, 637, 738, 766, 767
Цыгане—41, 598
Чуваши—70, 123
Эстонцы—188, 544, 715

Народы Кавказа

Общие работы—27, 309, 310, 313,
316—318, 351, 454, 571, 646
Общие работы по народам За-
кавказья—59, 164
Общие работы по народам Се-
верного Кавказа—163, 165, 450,
612, 716, 717
Абазинны—см. Абхазы и абазин-
ны

Абхазы и абазинны—285, 622, 723,
724, 726
Адыгейцы и кабардинцы—350,
410, 412
Азербайджанцы—59, 201, 334, 764
Армяне—59, 469, 470, 510, 511, 570
Грузины—59, 109, 414, 512, 592, 739,
759
Дагестанские народы—12, 163,
167, 413, 471
Ингуши—665, 666
Кабардинцы см. Адыгейцы и ка-
бардинцы
Карачаевцы—622
Курды—60, 416
Ногайцы—622
Осетины—98, 311, 414, 725
Черкесы—410, 412, 622
Чеченцы—665

Народы Средней Азии и Казахстана

Общие работы—106, 132, 206, 264,
265, 293, 323—325, 331, 344, 421, 437, 461,
479, 504, 559, 591, 592
Казахи—57, 58, 83, 230, 345, 452
Каракалпаки—88
Киргизы—284, 329
Корейцы—238
Припамирские таджики См.
Таджики
Таджики—169, 226, 262, 332, 342, 482,
577, 718, 728
Туркмены—82, 147, 157, 158, 452, 453,
578, 581, 765
Узбеки—107, 147, 262, 267, 312, 332, 438,
563, 718, 721

Народы Сибири и Дальнего Востока

Общие работы—135, 138, 139, 146,
150, 152, 211, 244, 248, 250, 321, 322, 436,
514, 598, 634, 636, 644, 652, 671, 706, 707,
727, 735
Алеуты—207
Буряты—170, 227, 300, 468
Долганы—278, 641
Ительмены—151
Камчадалы—300
Кеты—35, 641
Коряки—300
Курильцы—300
Ламуты—см. Эвены
Манси—145, 633, 641
Нанайцы—624, 625, 652
Нганасаны—641
Негидальцы—625, 652
Ненцы—143, 144, 635, 641
Нивхи—625, 639, 652
Ороки—625, 652
Орочи—625, 626, 652, 670
Русские Сибири—300, 719
Селькупы—641
Тофалары—136
Тувинцы—133, 134, 140, 347, 540, 742
Тунгусы—300
Удэгейцы—624, 652
Ульчи—625, 652
Хакасы—667
Ханты—633, 641
Чукчи—33, 66, 330
Эвены—33, 300, 302, 304, 305, 625, 641,
652, 669

Эвены — 33, 300, 669
Энцы — 641
Эскимосы — 330, 691
Юкагиры — 33, 208, 300, 407
Якуты — 28, 32, 33, 278, 300, 328, 641

Народы и страны зарубежной Европы

Общие работы — 69, 115, 119, 120, 217, 529, 531
Австрия — 115
Албанцы — 79, 80, 292
Англия — 258
Балканские страны — 277
Баски — 661
Болгария, болгары — 117, 153, 173, 246, 276, 534, 539, 552, 558
Венгрия, венгры — 115, 192, 252, 558, 735, 760, 762
Далмация — 709
Дания — 392, 690
Исландия, исландцы — 47, 48
Испания, испанцы — 180, 594
Италия — 390
Каракачаны — 198
Лужичане (сербы лужицкие, сорбы) — 533
Македония — 216
Немцы — 77, 232, 532, 536, 537, 558, 758
Норвегия, норвежцы — 46, 392
Польша, поляки — 37, 409, 454, 558, 770
Румыния — 558
Сербия, сербы — 78, 80, 131
Сербы лужицкие — см. Лужичане
Скандинавские страны — 45, 49
Словаки — 762
Фриулы — 388, 389
Финляндия, финны — 45, 49, 156, 283, 649, 757
Хорватия — 709
Цыгане — 81
Черногорцы — 79
Чехословакия — 558, 705
Швейцария — 115
Шведы, шведы — 44, 50, 392
Югославия — 81, 111, 115, 216, 549, 550, 553, 558

Народы и страны Передней Азии

Общие работы — 732
Аймаки — 233
Арабы — 233, 452, 662, 714
Афганистан, афганцы — 132, 233, 452
Афшары — 233
Белуджи — 233
Брагуи — 233
Гуджары — 233
Джаты — 233
Зури — 233
Иран — 132, 285, 287, 288
Кафиры см. Нуристанцы
Кизилбашы — 233
Курды — 60
Моголы — 233
Нари — 233
Нуристанцы (кафиры) — 233
Ормури — 233

Памирцы — 233
Пашан — 233
Персы — 233
Пуштуны — 233
Таджик — 233
Таири — 233
Теймури — 233
Тираи — 233
Туркмены — 233
Турция, турки — 61, 260, 261, 408
Узбеки — 233
Хазарейцы (хазара) — 233, 655
Чиласи — 233
Юрюки — 61

Народы и страны Индии, Пакистана, Цейлона и Непала

Общие работы — 56, 732
Апатани — 451
Бенгальцы — 75, 490
Бхилы — 607
Гаро — 451
Джаты — 406
Индия, индийцы — 74, 132, 185, 206, 214, 220—222, 391, 405, 406, 440, 450, 451, 459, 490, 509, 559, 607
Куки-чины — 451
Кхаси — 451
Нага — 451
Невары — 542
Пакистан — 132, 490
Раджпуты — 607
Цейлон — 385

Народы и страны Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии

Общие работы — 31, 371, 373, 380, 461, 645, 731, 732
Андаманцы — 129
Борнео — 484
Бруней — 484
Вьетнам — 235, 243, 445, 446, 480, 495, 737
Зондские Малые острова — 93
Индонезия — 3, 243
Калимантан Северный — 484
Камбоджа — 379
Китай, китайцы — 243, 396—398, 644, 647, 727
Корея — 727
Кхмеры — 379, 737
МНР, монголы — 170, 171, 270, 383, 384, 452
Ман (яо) — 235
Манчжурия — 302—305, 624
Молукские острова — 741
Сабах — 484
Саравак — 484
Таи — 243, 289
Таиланд — 243, 289
Тайвань — 727
Филиппинская Республика — 243, 447
Эвенки — 302, 304
Яо — см. Ман
Япония, японцы — 62, 63, 65, 179, 243, 333, 372, 373, 687, 727

Народы и страны Африки

Общие работы — 39, 387, 402, 403, 485, 497, 499, 614
Африка Тропическая — 381, 689
Африка Южная — 378, 381
Африка южнее Сахары — 714
Амхара — 404, 769
Балози — 688
Басуто — 688
Берег Слоновой Кости — 503
Бечуаны — 688
Ботсвана — 688
Бушмены — 688
Вапангве — 178
Галла — 307, 404, 769
Гураге — 769
Зулусы — 688
Коса — 688
Лесото — 688
Маврикий — 513
Машона — 688
Ндебеле — 688
Нигер — 619
Нигерия — 172
Нигерия Западная — 386
Нигерия Северная — 619
Родезия Южная — 258
Сахара — 662
Судан — 362, 614
Судан Западный — 500
Танзания — 178, 618
Тиграи — 769
Фульбе — 362
Хауса — 619
Эфиопия — 307, 308, 763, 769
ЮАР — 258

Народы и страны Америки

Общие работы — 71, 72, 103, 204, 282, 354, 355, 378, 477, 478, 668
Америка Латинская — 181, 257, 600
Америка Северная — 4, 7
Америка Центральная — 204, 600
Америка Южная — 340, 621
Аймара — 185
Алакалуфы — 476
Аляска — 478, 640
Американцы — 100, 102
Антильские острова — 746
Араваки — см. Таинны
Арауканы (мапуче) — 476
Атапаски — 9, 10
Барбадос — 254
Боливия — 87, 185
Бразилия — 541, 694
Венесуэла — 486
Гаити — 747
Гайяма — 693
Гватемала — 520
Гвиана — 749
Гвиана Британская — см. Гайяма
Гренландия — 48, 690
Евреи США — 104
Индейцы — 4, 5, 7, 9, 10, 15, 255, 333, 355, 441, 476, 486, 520, 583, 621, 627, 651, 694
Инки — 583
Ирландцы США — 104
Испанцы — 476
Итальянцы США — 104

Камаюра — 627
Канада — 5, 92, 258, 651, 711
Куба — 14, 15, 258, 440, 442, 750
Кункуру — 333
Майя — 203, 205, 339, 341
Негры — 104, 254, 355, 369, 442, 476, 485, 487, 488
Перу — 441, 583, 695
Пуэрториканцы США — 104
Сальвадор — 520
США — 99, 101, 104, 258, 263, 369, 485, 487, 488
Таинны (араваки) — 747
Уру — 476
Чили — 476
Эквадор — 62
Эскимосы — 640, 690
Ямайка — 255

Народы и страны Австралии и Океании

Австралия — 24, 673, 675, 677
Океания — 128, 602, 673, 675, 677—679
Австралийцы — 243
Меланезия — 126
Науру — 554
Новая Гвинея — 298, 676
Папуа-Новая Гвинея — см. Новая Гвинея
Папуасы — 298
Пасхи о. — 579, 696—698
Полинезия — 44, 243, 573, 579, 697
Рапа-Нуи — см. Пасхи о.
Тасманийцы — 297

Хроника антропологической и этнографической работы

Экспедиции — 18, 28, 43, 66, 166, 193, 279, 283, 290, 328, 393, 404, 429, 448, 530, 541, 621, 697, 731, 738, 742
Сессии, конференции, совещания, конгрессы и пр. — 6, 11, 17, 37, 39, 43, 45, 84, 97, 115, 118, 120, 132, 150, 155, 166, 177, 184, 188, 190, 192, 197, 213, 216, 217, 239, 241, 242, 258, 271, 274, 277, 279, 290, 311, 331, 380, 424, 429, 463, 474, 489, 530, 531, 549, 553, 564—566, 623, 636, 652, 653, 657, 673, 677, 680, 700—704, 710, 730, 744
Музеи, выставки — 5, 50, 65, 153, 161, 179, 188, 227, 243, 384, 428, 499, 544, 552, 621, 638, 664, 703, 704, 730
Этнографическая и антропологическая работа в СССР (в республиках и городах):
Комм АССР — 89
Таджикская ССР — 262
Архангельск — 424
Анадырь — 244
Ашхабад — 197
Баку — 279
Владивосток — 565
Горький — 271
Душанбе — 132, 744
Йошкар-Ола — 701
Киев — 258
Кишинев — 623
Кяэрику (Эстонская ССР) — 45
Львов — 448
Магадан — 244, 636
Москва, Ленинград — 6, 39, 45, 65, 142, 166, 192, 241, 242, 290, 335—337, 380, 429,

474, 489, 492, 530, 564, 566, 567, 653, 673,
675, 677, 710, 755
Новосибирск — 150, 632, 642, 736
Орджоникидзе — 311
Петрозаводск — 49
Петропавловск-Камчатский — 244
Самарканд — 239
Саранск — 702
Сыктывкар — 700
Тарту — 188, 703, 704
Тобольск — 425
Томск — 150
Ужгород — 274
Ульяновск — 242
Уфа — 97
Чебоксары — 374

**Этнографическая и антропологическая
работа за рубежом
(в странах и городах)**

Болгария — 173, 552
Вьетнам — 445
Голландия — 664
Польша — 497
Словакия — 17
Словения — 549
Франция — 661
Берлин — 84, 155
Бонн — 119
Бухарест — 463
Варшава — 217
Загреб — 120
Дакар — 499
Дрезден — 657
Киото — 11
Кируна (Швеция) — 213
Либлице (Чехословакия) — 531
Лулео (Швеция) — 213
Марбург-на-Лане (ФРГ) — 537
Нидерланды — 664
Призрен (Югославия) — 553
Смоленице (ЧССР) — 184
София — 153, 277
Старый Дойран (Македония) — 216
Токио — 11, 118, 680
Торуна (ПНР) — 37
Тромсё (Норвегия) — 213
Хельсинки — 115
Эвиан (Франция) — 6
Юваскюля (Финляндия) — 730

**Авторы (редакторы, составители,
переводчики, издатели)
рецензированных работ**

Абдушелишвили М. Г. — 27
Авербух М. С. — 361
Аврорин В. А. — 670
Акимова Т. М. — 617
Александров В. А. — 562
Алексеев В. П. — 8
Алексеев Г. В. — 214
Алексеева О. Б. — 620
Алиев А. К. — 716
Амонов Р. — 578
Андрианов Б. В. — 479
Анохина Л. А. — 589
Аргынбаев Х. А. — 345
Аристова Т. Ф. — 416
Арутюнов С. А. — 333, 691
Архангельская В. К. — 617

Асланов М. Г. — 422
Афанасьев В. Л. — 355, 600
Базанов В. Г. — 620
Бандарчук В. К. — 629
Басариа С. П. — 726
Басилов В. Н. — 581
Беляев В. И. — 714
Берзин Э. О. — 645
Богатырев П. Г. — 699
Борисковский П. И. — 495
Брудный В. И. — 587
Бунятов Т. А. — 201
Бутинов Н. А. — 298
Вайнштейн С. И. — 742
Вардумян Д. — 470
Васильева Г. П. — 581
Винников Я. Р. — 453
Виноградов В. В. — 665
Вишневская В. М. — 576
Волчок Б. Я. — 214, 582
Воробьев Н. И. — 124
Востров В. В. — 83, 345
Вьонг-хоанг-Туйен — 480
Вяйзинен Т. И. — 767
Гарданов В. К. — 410, 450
Гацак В. М. — 630
Глебка П. Ф. — 508
Го Мин-Кунь — 398
Гонионский С. А. — 749
Горленко В. Ф. — 191
Гохман И. И. — 34
Грач А. Д. — 742
Гребнев Л. В. — 540
Григулевич И. Р. — 258, 354, 355, 378,
749
Гринблат М. Я. — 508
Грицкевич В. П. — 256
Громов Г. Г. — 393
Губер А. А. — 371
Гурвич И. С. — 138
Гуров Н. В. — 582
Гусев В. Е. — 415, 699
Гусева Н. Р. — 56, 74
Гуторов И. В. — 508
Дворникова Н. А. — 122
Дебилов П. М. — 413
Десницкая А. В. — 292
Диосеги В. — 735
Дмитриева С. И. — 122
Дульзон А. П. — 35
Дьяков А. М. — 56
Дьяконова В. П. — 742
Еремеев Д. Е. — 61
Ефимов А. В. — 101, 258, 378
Жегалова С. К. — 427
Жижина С. Г. — 427
Жорницкая М. Я. — 33
Захарова И. В. — 345
Зеленчук В. С. — 596
Зехниева Ф. — 578
Зиневич Г. П. — 25
Зинич В. Т. — 575
Золотаревская И. А. — 354
Зубрицкий Ю. А. — 355
Иванов В. В. — 258
Иванов К. И. — 329
Иванов Р. Ф. — 354
Иванов С. В. — 71, 139, 243
Иванова Е. В. — 243
Иванова Н. Н. — 576
Ильина В. И. — 767
Ионова Ю. В. — 243

- Итс Р. Ф.—243
 Кабо В. Р.—24, 243
 Калоев Б. А.—98, 725
 Калонтаров Я. И.—578
 Каплан Н. И.—576
 Каракашлы К. Т.—764
 Карапетян Э.—470, 570
 Кармышева Б. Х.—312, 345
 Кашуба М. С.—122
 Кельсеева З. Н.—767
 Кехоз М.—308
 Кинжалов Р. В.—71, 205, 355
 Кисляков Н. А.—71, 243
 Кнорозов Ю. В.—214, 355, 582
 Кнышенко Ю. В.—692
 Козлов В. И.—141, 563
 Колесническая И. М.—699
 Кондратов А. М.—214, 579
 Конкка У. С.—767
 Королькова А. Н.—366
 Кругляшова В. П.—631
 Крюков М. В.—240
 Кривелев И. А.—516
 Ксенофонтос Р. А.—243
 Куббель Л. Е.—714
 Кушнер П. И.—562
 Кызласов Л. Р.—436
 Лаврецкий И. Р.—746
 Лавров Л. И.—717
 Ларькин В. Г.—626
 Лас Касас Бартоломе де—600
 Лебедева Е. П.—670
 Левин М. Г.—56
 Лившиц М. Я.—596
 Линдер И. М.—434
 Липец Р. С.—42, 524, 555
 Литаврина Э. В.—355
 Мамбетов Г. Х.—350
 Маргулан А. Х.—345
 Маретин Ю. В.—243, 371
 Масанов Э. А.—57, 345
 Маскаев А. И.—301
 Матвеев В. В.—714
 Матић С.—550
 Меденица Р.—550
 Мелетинский Е. М.—108, 160, 219,
 295, 382, 535
 Мельц М. Я.—546
 Минц С. И.—616
 Миркамолова М.—578
 Монгайт А. Л.—8
 Моногарова Л. Ф.—312
 Муканов М. С.—83, 345
 Мухлинов А. И.—243
 Наоз Хиродзи—397
 Нечаева Л. Г.—742
 Нитобург Э. Л.—258, 354, 378, 749
 Нквера Ф. Н. В.—178
 Ногмов Ш. Б.—412
 Носов В. Е.—250
 Одюков И. И.—70
 Ольдерогге Д. А.—71, 243, 714
 Панхерст Р.—308
 Першиц А. И.—8, 713
 Петров К. И.—329
 Петров П. А.—605
 Пивоваров Ю. Л.—529
 Пименов В. В.—767
 Плавксин Я. И.—600
 Позднеева Л. Д.—644
 Полищук Н. С.—699
 Померанцева Э. В.—367, 417, 616, 699
 Попова З. П.—427
 Попова О. С.—576
 Поріцький А. Я.—766
 Потапов Л. П.—71, 243, 347, 742
 Правдина И. С.—699
 Прицкер Д. П.—600
 Пробст М. А.—214
 Просвиркина С. К.—427
 Путилов Б. Н.—69
 Пучков П. И.—126, 678
 Рабинович М. Г.—562
 Разина Т. М.—576
 Райт М. В.—769
 Рассудова Р. Я.—312
 Решетов А. М.—243
 Риверенд Ле Хулио—355
 Робакидзе А. И.—666
 Розина Л. Г.—243
 Рябушкин Т. В.—528
 Сабурова Л. М.—346
 Савватеев Ю. А.—523
 Салакая Ш. Х.—285
 Саурова Г.—158
 Сепеда Эраклио—355
 Сергеев Д. А.—691
 Сергеева Г. А.—167
 Сердобов Н. А.—540
 Серов С. Л.—355
 Сидорова Ю. Н.—699
 Симченко Ю. Б.—634
 Сироткин М. Я.—70
 Слезкин Л. Ю.—355
 Снесарев Г. П.—312, 650
 Стариков В. С.—243, 394
 Степанов Г. В.—600
 Стракач Ю. Б.—671
 Струве В. В.—391
 Сулейменов Р. Б.—345
 Таксами Ч. М.—639
 Тарасенкова Е. Ф.—122
 Тароева Р. Ф.—457, 767
 Ташев Г.—246
 Тилавов Б.—168, 578
 Тихонов Д. И.—243
 Токарев С. А.—249, 557
 Толстов С. П.—479
 Трисман В. Г.—423
 Тумаркин Д. Д.—371
 Турчанинов Г. Ф.—411
 Улымжиев Д. Б.—171
 Уланов А. И.—468
 Уокоп Р.—72
 Файнберг Л. А.—749
 Федорова И. К.—214
 Федосеев П. Н.—355
 Хашаев Х. М.—502
 Хисамутдинов Г. М.—124
 Ходжаева Р. Д.—345
 Хойнацки С.—308
 Хомич Л. В.—144
 Хорошаева И. Ф.—355
 Хохлова Е. Н.—576
 Худяков И. А.—620
 Чебоксаров Н. Н.—56, 371
 Черняховская Ю. С.—427
 Чижикова Л. Н.—122
 Чистов К. В.—545, 699
 Шакармухаммадов Н.—578
 Шалекенов У. Х.—58
 Шапалли Б. Ф.—635
 Шейнина Е. П.—122
 Шермухаммадов Б.—578

Шлепаков А. Н.—102
 Шмелева М. Н.—589
 Штерн К.—26
 Шур Л. А.—257
 Эфроймсон В. П.—23
 Яковлева Е. Г.—576
 Aalto P.—215
 Baldus H.—694
 Barag L. G.—525
 Barnett M.—442
 Beaglehol J. C.—602
 Berndt C. H.—462
 Berndt R. M.—462
 Brentjes B.—387
 Bošković-Stulli M.—550
 Capa C.—695
 Cardinal H.—651
 Cavelaars A.—711
 Chadwick N. K.—461
 Cipriani L.—129
 Coe M. D.—341
 Delorko O.—550
 Diop Sh. A.—403
 Dunn E.—52
 Dunn S. P.—52
 Fischer J. L.—462
 Fischman J. A.—103
 Forman W.—387
 Friis H. R.—601
 Geverus I. M.—77
 Glazer N.—104
 Gordon M. M.—99
 Greenway J.—462
 Havio M.—649
 Haltsonen S.—649
 Hart D. V.—462
 Hart H. C.—462
 Hayden R. G.—103
 Heilfurt G.—77
 Hefrey C.—693
 Hexelschneider E.—532
 Hofman J. E.—103
 Honko L.—649
 Hori H.—372
 Horner G. R.—462
 Huxley M.—695
 Jones L. W.—484
 Kasambi D. D.—221
 Kennan Mc. R. A.—10
 Kettunen L.—649
 Kirkinen H.—649
 Kitayawa J. M.—63
 Koskenniemi S.—215
 Kumer Z.—550
 LaBarre W.—462
 Leacock E. B.—609
 Lessa W. A.—462

Ligers Z.—500
 Lipset S. M.—99
 Luomala K.—462
 Manga V.—762
 Manizer G. G.—541
 Mead M.—668
 Morgan L. H.—609
 Morin R.—711
 Moynihan D. P.—104
 Nahirni V. C.—103
 Nazečić S.—550
 Nedop.—533
 Nepali G. S.—542
 Nissilav V.—649
 Ojojarvi A.—649
 Osborne Lilly de Jongh—520
 Purale A. B.—447
 Parpola S.—215
 Pelkonen E.—649
 Perusini A. G.—389
 Perusini G.—389
 Phillips H. P.—289
 Pietkiewicz K.—36
 Plomley N. J. B.—297
 Porter J.—711
 Pradhan M. C.—406
 Rantasalo A. V.—649
 Raulin H.—689
 Rees-Powell I. A.—711
 Reima A.—649
 Rey E.—750
 Richmond A. H.—711
 Rivero Manuel de la Calle—15
 Rose P. J.—99
 Sceels D. R.—462
 Schuburth-Engelschall K.—662
 Sievers A.—385
 Slava M. K.—458
 Sole V.—185
 Spencer R. F.—462
 Stingl M.—185
 Tabio E.—750
 Tarcany Szucs E.—252
 Tourtchaninov G.—411
 Toschi P.—390
 Valkarcel G.—583
 Valonen N.—757
 Valussi G.—389
 Van Stone J.—9
 Virtanen E. A.—649
 Virtaranta P.—649
 Vuorela T.—649
 Vyšniauskaitė A.—228
 White L. A.—609
 Williams R. M.—99
 Wotte H.—128
 Zhirmunsky V.—461

СОДЕРЖАНИЕ

С. Н. Вишневский (Москва). «Южная стратегия» Вашингтона	3
А. М. Хазанов (Москва). Первобытная периферия античного мира (на примере Европы)	17
П. В. Денисов (Чебоксары). Этнографическое изучение чувашского народа за годы Советской власти	28
Е. И. Клементьев (Петрозаводск). Языковые процессы в Карелии (по материалам конкретно-социологического исследования карельского сельского населения)	38
Т. Н. Смешко (Москва). Характер животноводческого хозяйства у туркмен Хорезма (по материалам колхоза «Коммуна» Тахтинского района Туркменской ССР)	45
М. С. Бутинова (Ленинград). Материалы Н. Н. Миклухо-Маклая о религии народов Океании и их значение для современного религиоведения	54
Р. Г. Ляпунова (Ленинград). Этнографическое значение экспедиции капитанов П. К. Креницына и М. Д. Левашова на Алеутские острова (1764—1769 гг.)	67

Дискуссии и обсуждения

И. Барабаш (Будапешт). Пространство и время в историко-этнографическом исследовании	81
В. И. Козлов (Москва). Этнос и территория	89
Ю. И. Семенов (Москва). Проблема исторического соотношения материнской и отцовской филиации у аборигенов Австралии (по поводу статьи М. А. Членова «Можно ли считать, „австралийскую контроверзу“ разрешенной?»)	101

Сообщения

А. В. Козенко, Л. Ф. Моногарова (Москва). Статистическое изучение показателей однонациональной и смешанной брачности в Душанбе	112
Н. А. Миненко (Новосибирск). Русская семья на Обском Севере в XVIII — первой половине XIX века	119
Н. Е. Урушадзе (Тбилиси). Опыт семантического анализа бронзового пояса из Мххета — Самтавро	128
Э. В. Померанцева (Москва). Фольклорные материалы «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева	137
А. Г. Козинцев (Ленинград). Демография тагарских могильников	148

Поиски, факты, гипотезы

Е. В. Рихтер (Таллин). ...Лучше чая ничего нет	153
--	-----

Научная жизнь

В. Н. Шамшуров (Москва). Совещание по социологическим проблемам сельского расселения	156
Л. Г. Розина (Ленинград). Мемориальная выставка, посвященная Н. Н. Миклухо-Маклаю	159
Дж. Б. Логашова (Москва). Кавказский ономастический семинар	162
Г. Г. Шаповалова (Ленинград). Вторая научная конференция «Этнография и фольклор»	164
Н. В. Лукина, Н. А. Томилов (Томск). О работе проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета	167
В. Е. Гусев (Ленинград). Семинар словацких фольклористов	169

Критика и библиография

Общая этнография

В. Д. Корольюк (Москва). <i>Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы</i>	172
К. В. Чистов (Ленинград). П. Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства	175

С. А. Арутюнов (Москва). Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры . . .	178
Народы СССР	
Э. С. Литвин (Ленинград). В. К. Соколова. Русские исторические предания	180
Б. Кербелите (Вильнюс). <i>Lietuviu tautosaka dainos, t. I—V, 1962—1968</i>	183
Ю. И. Смирнов (Москва). <i>Сказки Терского берега Белого моря</i>	185
Р. А. Шерхунаев (Иркутск). <i>Великий певец «Джангара» Ээлян Овла и джангароведение</i>	186

Народы Америки

С. И. Вайнштейн, Ю. И. Семенов (Москва). Ю. П. Аверкиева. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв.	188
--	-----

<u>Петр Григорьевич Богатырев</u>	192
---	-----

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1971 году	195
Алфавитный указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1965—1970 годах	200

На первой странице обложки: Изготовление в наши дни глиняной посуды в деревне Били — Били на Новой Гвинее. Здесь в 1870-х гг. бывал Н. Н. Миклухо-Маклай (фотография получена от внука Н. Н. Миклухо-Маклая — Поля Маклая)

SOMMAIRE

S. N. Vichnievski (Moscou). La stratégie dite «mériidionale» de Washington	3
A. M. Khazanov (Moscou). Périphérie primitive du monde antique (à l'exemple de l'Europe)	17
P. V. Dienissov (Tchéboksary). Etude ethnographique du peuple tchouvache à l'époque soviétique	28
Ye I. Klémientiev (Pétrozavodsk). Processus linguistiques en Karélie (d'après les données d'une étude sociologique de la population rurale karèle)	38
T. N. Smiechko (Moscou). Caractères de l'économie d'élevage chez les Turkmènes du Khwarizm (d'après les matériaux du kolkhoze «Kommouna», district de Takhta, R. S. S. de Turkménie)	45
M. S. Boutinova (Léninegrad). Matériaux de N. N. Mikloukho-Maklaï concernant la religion des peuples de l'Océanie et leur signification pour les études modernes de l'histoire des religions	54
R. G. Liapounova (Léninegrad). Portée ethnographique de l'expédition des capitaines P. K. Krienitsyne et M. D. Lievachov aux îles Aléoutes en 1764—1769	67

Discussions et deliberations

J. Barabas (Budapest). L'espace et le temps dans une étude historique et ethnographique	81
V. I. Kozlov (Moscou). Ethnie et territoire	89
Yu. I. Semionov (Moscou). Le problème de la corrélation historique entre la filiation matrilinéaire et patrilinéaire chez les aborigènes d'Australie (à propos de la note de M. A. Tchlienov intitulée «La „controverse australienne“ peut-elle être considérée comme résolue?»)	101

Communications

A. V. Kozienko, L. F. Monogarova (Moscou). Etude statistique des index des mariages monoethniques et mixtes à Douchanbé	112
N. A. Minienko (Novossibirsk). La famille russe dans la région d'Obi du Nord aux XVIIIe et dans la première moitié du XIXe ss.	119
N. Ye. Ourouchadzé (Tbilissi). Essai d'une analyse sémantique d'une ceinture en bronze provenant de Mtskhéta—Samtavro	128
E. V. Pomierantseva (Moscou). Matériaux folkloriques du «Bureau ethnographique» de V. N. Tienichev	137
A. G. Kozintsev (Léninegrad). La démographie des sépulcres de Tagar	148

Recherches, faits, hypotheses

Ye. V. Richter (Tallinn). Rien de mieux que le thé!	153
---	-----

Vie scientifique

V. N. Chamchourov (Moscou). Conférence pour les problèmes sociologiques des établissements ruraux	156
L. G. Rozina (Léningrad). Exposition commémorative consacrée à N. N. Mikloukho-Maklaï	159
D. B. Logachova (Moscou). Un séminaire pour l'onomastique caucasique	162
G. G. Chapovalova (Léningrad). Deuxième Conférence scientifique dite «Ethnographie et folklore»	164
N. V. Loukina, N. A. Tomilov (Tomsk). Sur les travaux du Laboratoire de recherche scientifique pour l'histoire, l'archéologie et l'ethnographie de la Sibirie à l'Université de Tomsk	167
V. Ye. Goussev (Léningrad). Un séminaire des folklorisants slovaques	169

Critique et bibliographie

Ethnographie générale

V. D. Koroliuk (Moscou). <i>Races et peuples. Problèmes actuels de race et d'ethnie</i>	172
K. V. Tchistov (Léningrad). <i>P. G. Bogatyriov. Problèmes théoriques de l'art populaire</i>	175
S. A. Aroutiounov (Moscou). <i>E. S. Markarian. Essais sur la théorie de la culture</i>	178

Peuples de l'U.R.S.S.

E. S. Litvine (Léningrad). <i>V. K. Sokolova. Tradition historique russe</i>	180
B. Kerbelite (Vilnius). <i>Lietuvu Tautosaka dainos</i> , t. I—V, 1962—1968	183
Yu. I. Smirnov (Moscou). <i>Les contes du rivage Terski de la Mer Blanche</i>	185
R. A. Chèrkhouaïev (Irkoutsk). <i>Eelian Ovla, grand rapsode du «Djanganr», et les études djangariques</i>	186

Peuples de l'Amerique

S. I. Vaïnchtein, Yu. I. Semionov (Moscou). <i>Yu. P. Avierkiéva. La société nomade des Indiens aux XVIIIe—XIXe siècles</i>	188
<u>Piotr Grigoriévitch Bogatyriov</u>	192

Index des articles et informations publiés par la revue en 1971	195
Index alphabétique des articles et informations publiés par la revue dans les années de 1965 à 1970	200

Sur la couverture: fabrication de nos jours de vaiselle en terre cuite dans le village de Bili-Bili (Nouvelle Guinée). Ici aux années mil huit cent soixante dix visité par N. N. Mikloukho-Maklaï (chiché reçu de M. Paul Maklaï, petit-fils de N. N. Mikloukho-Maklaï).